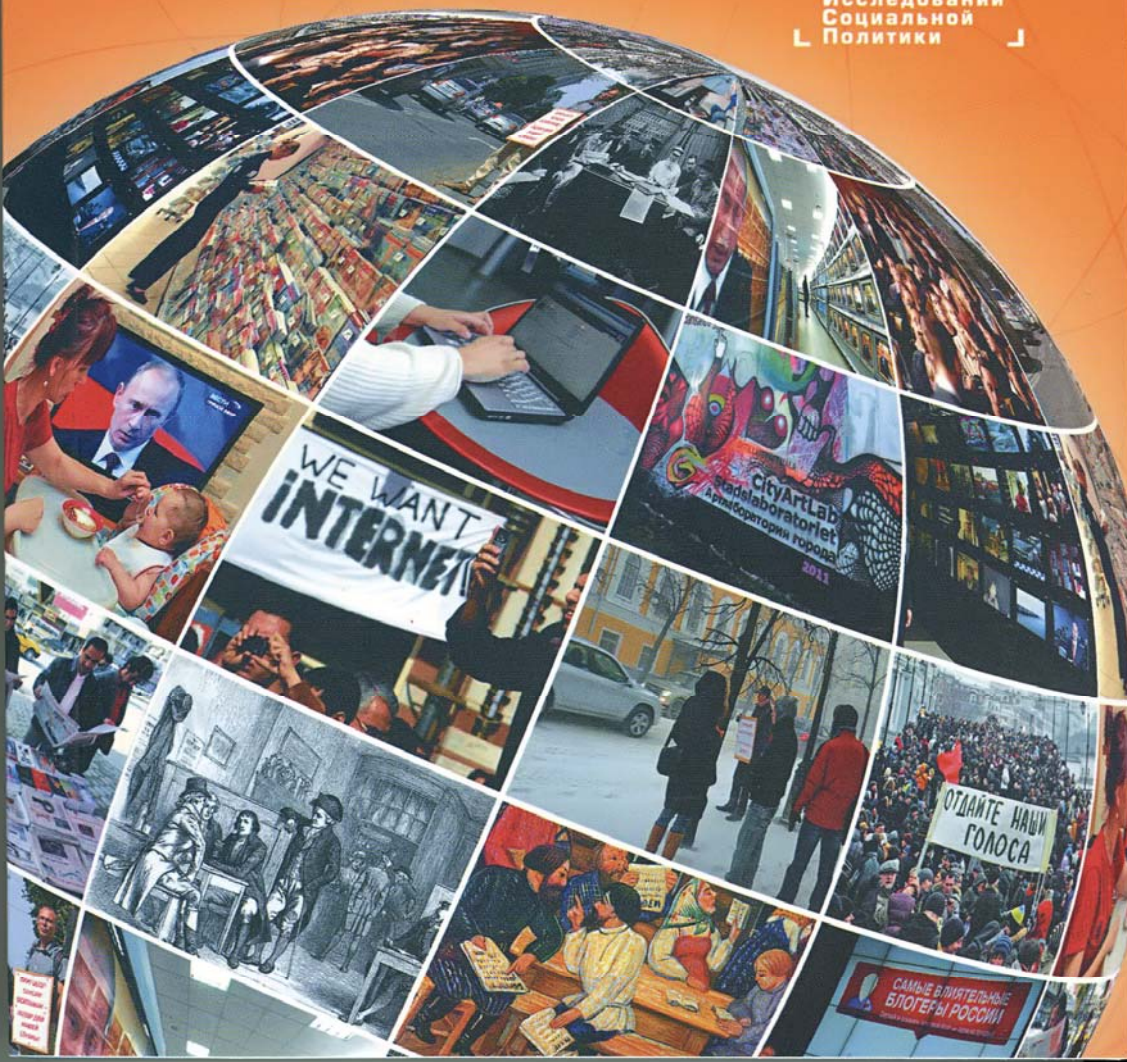

Публичная сфера

теория, методология, кейс стади

библиотека
Г Журнала
Исследований
Социальной
Л Политики]

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
КЕЙС СТАДИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова

Москва
2013

Рецензенты:

д.ф.н. профессор Ю.А. Красин
д.с.н. профессор В.В. Козловский

П 88 Публичная сфера: теория, методология, кейс стади:
коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и
П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социаль-
ной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. 360 с.
ISBN 978-5-903360-77-2

Коллективная монография подготовлена по итогам проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации» членами научно-учебной группы «Социология публичной сферы» при поддержке НИУ ВШЭ (грант №12-05-0012), а также с участием известных ученых, чьи работы формировали фундамент исследовательской программы. В теоретических главах определяются основные понятия исследования, кроме того, представлены работы, демонстрирующие возможности институционального подхода к исследованию политической публичной сферы, который дополняется перспективой, ставящей во главу угла инициативу и действие конкретных субъектов – гражданских журналистов и социологов. Приводятся примеры, которые могут использоваться в учебном процессе и разворачиваться в исследовательской практике, эмпирические исследования, посвященные политике репрезентаций, кейс стади переосмысления инвалидности в цифровой публичной сфере. Книга адресована студентам и преподавателям, а также исследователям, интересующимся социологией публичной сферы, СМИ и социального неравенства.

ISBN 978-5-903360-77-2

© Коллектив авторов, 2013
© ЦСПГИ, 2013
© ООО «Вариант», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Публичная сфера: программа исследования.....7
Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов

I. Публичная сфера: теоретические основания анализа

Публика: краткий очерк понятия..... 25
Елена Трубина

Теория коммуникативного действия:
ключевые категории и познавательный потенциал.....35
Ольга Вербилович

II. Публичная сфера: институты и акторы

Изменение институциональных условий производства
и конкуренции политических идей в России: от 1990-х к 2010-м....55
Ольга Малинова

Изучение публичной сферы
в перспективе социологического институционализма..... 75
Андрей Семенов

Публичная сфера. Заметки о мотивации
гражданских журналистов..... 91
Елена Иванова

«Сдвинуть глыбу»: опыт публичной социологии
в рамках университетского курса..... 105
Искэндэр Ясавеев

III. Процессы публичной коммуникации

От художественного акционизма
к перформативной политике: искусство и публичная сфера
Альмира Усманова..... 125

«Добро пожаловать в Сергеичбург»: воображая пространства различий в российской цифровой публичной сфере..... 150
Кассандра Хартблей

Репрезентации неравенства и социальной политики в публичной сфере: на материалах контент-анализа прессы..... 165
Елена Ярская-Смирнова, Дарья Присяжнюк

Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере.....187
Валерия Маркина

Видимость репрезентаций предметной среды в коммуникативном процессе: аналитические следствия смещения угла зрения.....207
Наталья Иконникова

IV. Классики жанра. Хрестоматия. Реферативные переводы

Предисловие к публикации реферативного перевода Ю. Хабермаса..... 221
Татьяна Тягунова

Социоструктурная трансформация публичной сферы..... 226
Юрген Хабермас (реферативный перевод Татьяны Тягуновой)

Трансформация политической функции публичной сферы.....266
Юрген Хабермас (реферативный перевод Татьяны Тягуновой)

Теория и политика дихотомии публичное/приватное..... 309
Джеф Вайнтрауб (реферативный перевод Ларисы Шпаковской)

V. Приложение

Социология публичной сферы как учебная дисциплина. Пример рабочей программы..... 329

Информация об авторах.....355

PUBLIC SPHERE: THEORY, METHODOLOGY, CASE STUDIES

Edited by Elena Iarskaia-Smirnova and Pavel Romanov
Moscow: Variant: GSPGS, 2013.

TABLE OF CONTENTS

Public sphere: the research programme <i>Elena Iarskaia-Smirnova, Pavel Romanov</i>	7
I. Public sphere: theoretical grounds of analysis	
Public: a short review of a concept..... <i>Elena Trubina</i>	25
Theory of communicative action: key concepts and cognitive potential..... <i>Olga Verbilovich</i>	35
II. Public sphere: institutions and actors	
Changes of institutional conditions of articulation and competition of political ideas in Russia: from 1990s to 2010s..... <i>Olga Malinova</i>	55
A study of public sphere in the sociological institutionalism perspective..... <i>Andrei Semenov</i>	75
Public sphere. Notes on motivation of civic journalists..... <i>Elena Ivanova</i>	91
„Move the boulder“: the experience of public sociology in the university course..... <i>Iskander Yasaveev</i>	105
III. Processes of public communication	
From artistic actionism to performative politics: art and public sphere..... <i>Almira Ousmanova</i>	125

„Welcome to Sergeichburg“: imagining spaces of difference and disability in Russian digital publics.....	150
<i>Cassandra Hartblay</i>	
Representations of inequality and social policy in public sphere: content analysis of press.....	165
<i>Elena Iarskaia-Smirnova, Darja Prisyazhnyuk</i>	
Politics of representation of people with Down syndrome in the contemporary public sphere.....	187
<i>Valeria Markina</i>	
Visibility representations of the corporeal environment in the communicative process: analytical consequences of the shift in research questions.....	207
<i>Natalia Ikonnikova</i>	

IV. Classics of the genre. A reader (abstract translations)

Foreword to the publication of the abstract translation of J. Habermas.....	221
<i>Tatiana Tyagunova</i>	
Socio-structural transformation of the public sphere.....	226
<i>Jürgen Habermas</i>	
Transformation of the political functions of the public sphere.....	266
<i>Jürgen Habermas</i>	
The theory and politics of the public/private distinction.....	309
<i>Jeff Weintraub</i>	

V. Appendix

Sociology of public sphere as a discipline. An example of syllabus.....	329
Information about the authors.....	355

Публичная сфера: программа исследования

Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов

Концепт «публичная сфера» подвергается серьезному пересмотру, когда исследователи изучают практики рационально-критической дискуссии в условиях трансформации экономических, социокультурных и политических отношений постсоциализма, дезинтеграции социальных государств, неолиберальной модернизации. Традиционные механизмы формирования публичной сферы в современных условиях не позволяют ей быть «демократической дамбой против колонизирующего влияния системы на жизненный мир человека» [Habermas, 1992. P. 444]. Могут ли и каким образом современные россияне становиться активными участниками общественно-политических процессов, а значит, влиять на свое будущее, воплощать в жизнь свои идеалы общественно-политического устройства? В условиях роста конsumerизма и ограничения институциональных каналов реализации гражданского участия, когда частное возобладает над публичным, у людей ослабевают потребности и навыки самоорганизации, способность разделять общественный интерес и отстаивать права, затрудняется

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

формирование гражданской субъектности. При этом свободный потребительский и политический выбор симулируется символическими механизмами властной системы, механизмами иллюзорной и манипулятивной публичности. Вместе с тем официальные СМИ могут не только консервировать пассивно потребительское состояние общества, но и провоцировать рост контрпублик, мобилизуя людей на коллективное действие. Следует учесть и то обстоятельство, что далеко не все потоки публичной коммуникации регулируются мейнстримными СМИ. Информация проходит и через различные спонтанно развивающиеся публики, в том числе те, которые стихийно формируются средствами Интернета в рамках социальных медиа. В этой вводной статье мы наметим основные направления исследований и представим план книги.

Дискурсивная природа публичной сферы

Проблемы развития, трансформации и упадка публики и публичности освещались в трудах Дж. Дьюи, У. Липмана, Ч. Райта Миллса, Х. Арендт, Р. Сеннета. Семантика понятия «публичное» раскрывается в двух аспектах: видимое – то, что открыто или явно, видимо или доступно другим, противопоставлено тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует «приватное»), и коллективное – то, что коллективно или влияет на интересы коллектива, в противоположность индивидуальному (приватному, частному) [Weintraub, 1997]. По Хабермасу [Habermas, 1991], (буржуазная) публичная сфера – институт, отвечающий за обсуждение общезначимых вопросов и принятие решений [см. обзор теоретических подходов: Трубина, 2001]. Несмотря на переход к рынку и демократические реформы, проблема публичной сферы как рационально-критической дискурсивной формации стоит в России достаточно остро [Красин, 2009; Малинова, 2010; Семенов, 2009]. Несмотря на то, что переход от «эры толп» к «эре публик» уже давно состоялся, как показал Г. Тард столетие назад [см.: Загребина, 2010], члены этих публик судят о происходящем с позиций частных интересов.

Репрезентации социальных проблем и социального неравенства в публичной сфере – предмет, который напрямую связан с базовой идеей этой книги. Публичная сфера дискурсивна, она создается путем открытого выражения мнения, и ее развитию препятствуют корпоративно-эгоистический характер частной сферы и трудности формирования гражданского общества. Официальными СМИ формируется «деформированная», или «манипулятивная»

публичная сфера [Habermas, 1991; Сеннет, 2000], которая не только сокращает возможности гражданской дискуссии и участия, но нередко вносит вклад в воспроизводство социальной эксклюзии, поскольку служит корпорациям и политическим элитам. Так, политика репрезентации инвалидов от имени большинства – это дискурсивное приписывание символического капитала, кодификация невыгодных статусных позиций с целью зафиксировать статус-кво. Фактически идея «культурного многообразия» оказывается еще одним элементом управленитета [Foucault, 2003], реализуемого в том числе при помощи культурных медиа – искусство, кино, литература и СМИ, которые создают официальную публичную сферу, но могут провоцировать и создание контрпублик.

Плюрализация публичной сферы

В современной России появляются новые гражданские инициативы и развиваются существовавшие ранее общественные движения – их рост заметен в разных регионах России. Некоторые уже приобрели широкий размах и получили легальное организационное оформление. Другие представляют собой распространенные, но нелегальные формы протеста, а иные – пока лишь ростки гражданского общества, небольшие по размеру и фрагментарные по характеру усилий. Как воспроизводится и оправдывается социальная эксклюзия и возможна ли социальная инклюзия в новой публичной сфере? Ведь публичная сфера не гомогенна, она не может составлять единую и недифференцированную аудиторию, но состоит из множества подсфер, которые функционируют самостоятельно, но связаны друг с другом, обусловлены географией либо интересами, дифференцированы по степени спонтанности и формализованности, масштабу, интенсивности.

Различные группы влияния, локальные или международные негосударственные организации, общественные объединения и прочие формы коллективных усилий, направленных на достижение общих для группы целей и осуществление социальных изменений ставят перед собой разные по уровню сложности задачи – от социальных трансформаций и структурных реформ государственной политики до модификаций ценностей и практик людей. Ясно, что не все типы общественной самоорганизации ведут к эффективной модернизации; некоторые из них, напротив, сдерживают развитие демократического общества [Умланд, 2009].

Как формируется в новой публичной сфере субъект высказывания, какие мотивы, механизмы и ресурсы требуются для соци-

ального действия, движимого принципами социальной инклюзии? Каким образом формируется гражданское самосознание, идентичность участника коммуникации, катализируются процессы гражданского участия по вопросам прав людей с инвалидностью, мигрантов и другим социально значимым вопросам?

Многие современные общественные движения напрямую и весьма существенным образом затрагивают академическую сферу, побуждая к пересмотру методологии и эпистемологии науки. При этом сама академическая среда может оказаться как питательной средой, так и каменистой почвой для роста подобных возможностей перехода этого диалога к публичной социологии [Буравой, 2008]. Функция такого профессионала не в легитимации тех или иных властных решений, принимаемых сверху, и не в повышении рейтингов продаж, а скорее, в содействии формированию интересов общественных групп и продвижению «политики снизу».

Цифровая публичная сфера

Деформация, или «рефеодализация», публичной сферы, по Хабермасу, была обусловлена коммерциализацией и коммодификацией прессы и ростом государственной власти. Но в чем состоят особенности сетевой публичной сферы в информационном обществе?

«Сеть» порождает новые формы социального взаимодействия, в результате чего возникают и новые проблемы относительно распределения власти между ее участниками. А это, в свою очередь, приводит к переосмыслению понятий публичной сферы и демократии [Poster, 1995]. По мнению Бенклера, сетевая публичная сфера [Benkler, 2006], фактически перенимая роль, традиционно приписываемую прессе, позволяет людям отслеживать и разрушать власть массмедиа, а также самоорганизовываться для политического действия.

Публичная сфера в Интернете является каналом информационного обмена, возможностью коллективно создавать и распространять информацию, площадкой самовыражения, или, по выражению Бенхабиб, «нарциссистской самопрезентации» [Benhabib, 2002], но при этом оказывается иерархическим пространством. Кастельс указывает, что в эру социального равенства и участия возникают новые основания социальной стратификации и исключения из публики [Кастельс, 2004]. Сетевое общество воспроизводит и оправдывает социальные неравенства. Иными словами, дос-

туп к ресурсам для получения знания и формирования человеческого капитала распределен неравномерно.

Взамен или в дополнение к традиционным СМИ возникает народная, или гражданская, интернет-журналистика [Иванова, 2011]. Исследователи проводят анализ коммуникативных особенностей, функций и правил блогосферы [Горный, 2009; Давыдов, 2008; Подшибякин, 2010; Попов, 2008], рассматривая Интернет как публичную сферу [Кратасюк, 2009], которая развивается, в том числе на основе растущего недоверия к традиционным СМИ [Hewitt, 2005]. По мнению некоторых авторов [см., напр.: Sunstein, 2007], блогосфера не является ни информационным рынком в каком виде, ни ареной публичной дискуссии, ввиду поляризации взглядов участников тех или иных групп интересов и существования статусных иерархий в этой сфере [Трахтенберг, 2006]. Исследователи Рунета разоблачают либеральный миф об Интернете как месте расцвета спонтанной демократии и среды формирования независимых сообществ: в России этот миф не работает, а иногда превращается в свою полную противоположность [Голынкин-Вольфсон, 2009].

И все же влияние Интернета на демократию отмечают многие, рассматривая эту площадку как единственную открытую для свободной политической дискуссии, отделенной от манипулятивной публичной сферы [Этлинг и др., 2010]. Происходит рождение новых самоорганизующихся форм, множественных публичных арен, где дискурс формируется сложными электронными формами сетевого символического обмена [Кастель, 2004; 2000]; при этом обнажается противоречие между резко возросшим доступом к открытым средствам коммуникации и ослаблением качества публичных дебатов. Важная роль здесь принадлежит «социальным инноваторам», способным агрегировать общественный интерес, так называемым «катализаторам» [см.: Oates, 2010] социальных изменений.

Реконтекстуализация публичной сферы

Публичная сфера может возникать в ходе чтения, интерпретации или комментирования, в ходе постоянной работы по оспариванию и согласованию ценностей, действий и идентичностей [Narutyunyan et al., 2009], это сложный процесс, к которому не всегда могут быть применимы понятия инклюзии и эксклюзии, иерархии и гегемонии. Научная дискуссия по проблемам гражданского участия в условиях быстрого роста и распространения информационных технологий в современном обществе распределена

лась между двумя полюсами: один из них склоняется к выводу о политической маргинализации, а другой распознает признаки активизации граждан в публичной сфере. Наряду с общими для современных обществ тенденциями исследователи отмечают особенности формирования публичной сферы в исламском мире [Esposito, Burgat, 2003; Etling et al., 2009] и странах постсоциализма [Harutyunyan et al., 2009], в таких работах была поставлена под сомнение нормативная Хабермасова модель. Так, Майлз [Miles, 2009] говорит о публичной сфере скорее как о процессе самоопределения представителями групп общественности, чем о фиксированном пространстве с четкими границами публичного и частного.

Публичная сфера может быть местом борьбы за коллективную память или способом вычеркнуть из памяти те или иные события и факты [Vodnar, 1993]. В полемике о культурных правах и публичной сфере [см., напр.: Rosaldo, 1997] исследователи обсуждают роль культурного производства в осуществлении политики коллективной памяти [Harutyunyan, 2009; Olick et al., 2010]. В частности, в наших исследованиях было показано, что культурная политика инвалидности связана с производством идеологии и структурируется посредством дискурсивных способов номинации и кодификации в публичной сфере, определяющих гражданско-правовой статус группы и возможности реализации этого статуса при участии как государственных, так и негосударственных акторов [см.: Романов, Ярская-Смирнова, 2005].

Концепция проекта и книги

Новая публичная сфера как инструмент изменений и политической коммуникации часто отождествляется с блогосферой, тогда как другим площадкам свободной общественно-политической дискуссии и формам расширения гражданского участия уделяется меньше внимания. В свою очередь, проблематика социальной инклюзии раскрывается в основном в связи с анализом программ государственной социальной политики и за редким исключением практически не обсуждается в исследованиях публичной сферы. Наконец, в большинстве отечественных и во многих зарубежных работах к публичной сфере подходят в основном как к целостной и устойчивой форме социальности с четкими границами, тогда как ее динамические ракурсы оказываются вне поля зрения исследователей. Между тем в России сегодня складываются новые самостоятельные гражданские субъекты социально-политических отношений, которые осуществляют интервенцию в сложившийся соци-

альный порядок с целью изменить стереотипные и стигматизирующие представления, добиваясь социальной инклюзии. Публичная сфера как арена артикуляции интересов индивидов и групп становится каналом трансляции их требований, ресурсом формирования гражданской идентичности, чувства сопричастности, помощи тем, кто нуждается в поддержке.

Именно такое понимание и было положено в основу проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации»¹. Эта книга задумывалась как результат работы коллектива авторов в рамках указанного проекта. В ходе его реализации проводилась теоретическая работа, выполнены реферативные переводы, проведен ряд эмпирических кейс-стади, результаты которых представлялись на IV Очередном Всероссийском социологическом конгрессе в Уфе в 2012 г. и других конференциях, были опубликованы в Журнале исследований социальной политики [Вербилевич, 2013], в сборнике конгресса [Гаврилова, 2013; Кульчицкая, 2012; Лазебная, 2013; Маркина, 2012] и ряде других изданий. На заседаниях научно-учебной группы выступали известные ученые, которых мы также пригласили принять участие в этом коллективном труде.

В данном проекте публичная сфера понималась не только в пространственных терминах, но и в перформативном аспекте – как сложный процесс интерпретации, критики и согласования мнений и действий, осуществляемый представителями групп общественности. Проблематика публичной сферы концептуализируется в ракурсе идентичности и социальной инклюзии, выявляются ключевые индикаторы инклюзии и обобщаются практики взаимодействия новых социальных акторов в обсуждении общественно-значимых проблем. На материалах кейс-стади новых общественных движений и сообществ (например, велодвижения, протестного искусства, движения инвалидов) были выявлены разнообразные формы и механизмы гражданской активизации и самоопределения сообществ, новых социальных движений и гражданских инициатив (эти вопросы оказались в фокусе внимания Арины Шароновой, Эльвиры Кульчицкой, Ольги Вербилевич, Валерии Маркиной, см. гид кейс-стади ниже). С опорой на биографические интервью и анализ документов переосмысливается новый опыт публичности, который переживается сегодня профессиональными социологами

¹ Проект осуществлялся научно-учебной группой магистрантов, аспирантов и преподавателей НИУ ВШЭ «Социология публичной сферы» в 2012 г. (грант №12-05-0012).

(эту тему разрабатывали Дарья Натушкина и Елена Ярская-Смирнова). Формы публичной сферы современного города изучаются как места производства коллективной памяти и культурных идентичностей сообществ, новых социальных движений, в контексте креативной политизации публичной сферы и культурного потенциала социальных изменений. Вот почему теоретическая рамка проекта включала идеи символизма, доверия, солидарности и эмпатии (исследования Марины Гавриловой, Наталии Иконниковой, Ксении Лазебной, Екатерины Собирай, Рубена Флореса, Романа Чалого).

В ходе выполнения проекта мы постоянно сотрудничали с коллегами научно-учебной группы, исследующими идеологию профессий в социальном государстве¹. Это позволило участникам наших проектов увидеть противоречия в современном развитии профессий в рамках публичных дисплеев социальной политики [см.: Романов, Ярская-Смирнова, 2013]. Публичные представители профессии – специалисты по связям с общественностью – это витрина, в которой выставляются напоказ приглашенные и приукрашенные образы [Warner, 1992. P. 388]. Публичность, когда-то позволившая усилить оппозицию «секретной политике монархов», сейчас стала использоваться для того, чтобы рыночные агенты могли зарабатывать «публичный престиж». Пресса, реклама продвигают интересы конsumerизма, создавая имитацию публичной сферы, которая превратилась в инструмент для производства престижа [Resnik, Curtis, 2011. P. 300]. Казалось бы, пространство публичных дебатов постоянно расширяется, но рационально-критическое обсуждение, организованное в профессиональных дискуссиях с подиума как ток-шоу, обретает товарную форму, становясь одним из приемов повышения популярности теле- или радиозвезд. При этом дискуссия формализуется, ограничивая публичную полемику заранее заданными правилами игры; и публицистическая функция подобной дискуссии подменяется социально-психологической, успокаивая вместо побуждения к действию [Habermas, 1991. P. 164]. И компетентность высокоспециализированных профессионалов уклоняется от публичной сферы, от контроля граждан, ведущих рационально-критическую дискуссию.

Структура книги отражает программу исследования: проработка теоретической базы содержится в главах, подготовленных

¹ Исследовательский проект «Идеологии профессионализма в социальном государстве» выполнялся в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг., грант № 12-05-0007.

Еленой Трубиной и Ольгой Вербилович; кроме того, в разделе «Хрестоматия» представлены реферативные переводы двух глав из классической книги Юргена Хабермаса, выполненные Татьяной Тягуновой, а также реферативный перевод главы Джефа Вайнтрауба, выполненный Ларисой Шпаковской. Второй раздел представляет институциональный подход к исследованию политической публичной сферы (главы Ольги Малиновой и Андрея Семенова), который дополняется перспективой, ставящей на первое место инициативу и действие конкретных субъектов – гражданских журналистов (кейс стади в главе Елены Ивановой) и социологов (кейс стади в главе Искэндэра Ясавеева). В этом разделе разбирается ряд эмпирических примеров, которые могут использоваться в учебном процессе и разворачиваться в исследовательской практике. Третий раздел включает эмпирические исследования, посвященные политике репрезентаций (главы Елены Ярской-Смирновой, Дарьи Присяжнюк и Валерии Маркиной), кейс стади переосмысления инвалидности в цифровой публичной сфере (в главе Кассандры Хартблэй), а замыкает его теоретическая глава Наталии Иконниковой о предметной среде коммуникативного процесса. В приложении помещена программа учебной дисциплины «Социология публичной сферы», которая была доработана и обновлена в ходе выполнения проекта. Полагаем, что эта книга может пригодиться студентам и преподавателям, а также исследователям, интересующимся социологией публичной сферы и близкими темами.

Список источников

Буравой М. За публичную социологию / Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии..* М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

Вербилович О.Е. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // *Журнал исследований социальной политики.* 2013. № 1. С. 257–272.

Гаврилова М.К. Производство коллективной памяти в публичном пространстве // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса /* РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 7917–7923.

Гольнко-Вольфсон Д. Социальные сети в несетевом социуме (О био-политике, историзме и мифологии русских социальных сетей) // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media.* 2009. Vol. 1. № 2. С. 101–113 // <http://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/2009/12/Dmitry-Golynko-DI-2.7.pdf> (дата обращения: 12.11.2013).

Горный Е. Виртуальная идентичность как жанр творчества (на материалах русского Интернета) // Конрадова Н., Тойбинер К., Шмидт Э. (ред.) Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 211–234.

Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.

Загребина А.В. Публика как социальная общность: пионерские исследования Г. Тарда // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 139–145.

Иванова Е.Н. Профессионализация новых медиа и этос публичной сферы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 2. С. 169–194.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. М.: Ин-т социологии РАН, 2009.

Кратасюк Е. Конструирование реальности в российских СМК: новости на телевидении и в Интернете // Конрадова Н., Тойбинер К., Шмидт Э. (ред.) Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 45–69.

Кульчицкая Э.А. Протестное искусство как коммуникативное действие: анализ социальных отношений в сообществе художников-активистов // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 7950–7953.

Лазебная К.П. Интерпретация жизненного пути П.А. Сорокина в поле публичной активности и применение его теории символического в осмыслении механизмов построения социальной солидарности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С.7954–7964.

Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5–28.

Маркина В.М. «Театр Простодушных»: потенциал социальной инклюзии и дестигматизации людей с синдромом Дауна // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С.7965–7974.

Подшибякин А. По живому. 1999–2000: LiveJournal в России. М.: Ко-Либри, 2010.

Попов А.В. Блоги: новая сфера влияния. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности. Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2005.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Профессии социального государства. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013.

Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. 2009. № 4. С. 9–13.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2000.

Трахтенберг А.Д. «Правда, о которой не говорят»: можно ли считать РУНЕТ публичной сферой? // Социум и власть. 2006. № 4. С. 12–15.

Трубина Е.Г. Публика // Грицанов А.А. (ред.) Энциклопедия постмодернизма. Минск: Изд-во «Книжный Дом», 2001.

Умланд А. Концепция «негражданского общества» и постсоветская Россия // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

Этлинг Б., Александян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфрей Дж., Гассер У. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана 2010. № 2010-11, октябрь // http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf. Available at: 20.10.2013.

Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.

Bodnar J. Remaking America: Public Memory, Commemoration and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Benkler Y. The Wealth of Networks. How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven, Conn: Yale University Press, 2006.

Oates S. From Parent to Protestor on the Post-Soviet Internet: Locating and Evaluating Political Web Spaces for Families of Children with Genetic Disabilities in Russia // APSA. 2010. Meeting Paper // <http://ssrn.com/abstract=1664504>. Available at: 20.10.2013.

Eposito J.L., Burgat F. (eds.) Modernizing Islam: Religion in the Public Sphere in Europe and in the Middle East. New Brunswick: Rutgers, 2003.

Etling B., Kelly J., Faris R., Palfrey J. Mapping the Arabic Blogosphere: Politics, Culture, and Dissent // Berkman Center Research Publication. 19.06.2009 // http://cyber.law.harvard.edu/publications/2009/Mapping_the_Arabic_Blogosphere. Available at: 20.10.2013.

Foucault M. Governmentality // The Essential Foucault: Selections from Essential Works of Foucault 1954–1984. London: The New Press, 2003. P. 229–245.

Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass: The MIT Press, 1991.

Harutyunyan A., Hörschelmann K., Miles M. (eds.) *Public Spheres after Socialism*. Bristol, Chicago: Intellect Books: The University of Chicago Press, 2009.

Hewitt H. *Blog: Understanding the Information Reformation. That's Changing Your World*. Nashville, Tennessee: Nelson Books, 2005.

Miles M. Public spheres // *Harutyunyan A., Hörschelmann K., Miles M.* (eds.) *Public Spheres after Socialism*. Bristol, Chicago: Intellect Books: The University of Chicago Press, 2009. P. 133–150.

Olick J.K., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. *The Collective Memory Reader*. New York: Oxford University Press, 2010.

Poster M. *Cyber Democracy: Internet and the Public Sphere*. University of California, Irvine, 1995 // <http://www.hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html> Available at: 23.10.2013.

Resnik J., Curtis D. *Representing Justice: Invention, Controversy, and Rights in City-States and Democratic Courtrooms*. New Haven and London: Yale University Press, 2011.

Rosaldo R. Cultural Citizenship, Inequality, and Multiculturalism // *William V. Flores and Benmayor R.* (eds.) *Latino Cultural Citizenship: Claiming Identity, Space and Rights*. Boston: Beacon, 1997.

Sunstein C.R. *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press, 2007.

Warner M. The Mass Public and the Mass Subject // Calhoun C. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1992. P. 377–401.

Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // *Weintraub J., Kumar K.* (eds.) *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 1–42.

Гид кейс стадии общественного движения, сообщества, группы или организации в рамках исследований по социологии публичной сферы¹

Название сообщества (группы, организации, движения) – далее «сообщество (движение)»

Историческая и географическая справка (по документам, литературе)

Когда и где примерно возникло это сообщество (движение)? Есть ли аналоги в других регионах России? В других странах мира (когда появились первые подобные организации за рубежом – имеется в виду не любое городское сообщество и не любая общественная организация, а именно подобная: например, если речь о движении велосипедистов, то именно движения за права велосипедистов)? Найдите упоминания об этом сообществе (движении) или организации в литературе, СМИ? К какому времени относятся первые упоминания? Есть ли исследования?

Общие средовые характеристики, которые влияют на сообщество (движение), внешние ресурсы мобилизации (по литературе и интервью с экспертами внутри сообщества)

Отношение со стороны государства

Поддержка – признание, финансирование, предоставление площадок, разрешение деятельности (с какими целями, почему?)

Ограничение развития

Подавление (почему? как оппозиционной силы?)

Инструменты/ресурсы де юре и де факто (напр.: права есть, но на практике они ограничены): как распределяются финансы, помещения, оборудование, разрешения деятельности. Другие возможности поддержки.

Масштаб (примерное количество вовлеченных людей, членов, активистов), размах (количество и разнообразие институтов, форм существования). Если таких (подобных) организаций несколько или много – есть ли между ними конкуренция или парт-

¹ Разработан в 2012 г. участниками научно-учебной группы «Социология публичной сферы», обсуждался и редактировался с магистрантами программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций». Применялся в адаптированном виде в ряде исследовательских проектов членов НУГ и студентов программы.

нерство или другие формы отношений? Как они взаимодействуют, как влияют на поведение и развитие друг друга?

Интеллектуальные и профессиональные ресурсы сообщества (движения): напр., публичные социологи и другие интеллектуалы, помогающие артикулировать общественный интерес, участвуя в деятельности сообщества (движения), рефлексирова и продвигая интересы сообщества (движения) в публичном пространстве.

Внутренние ресурсы мобилизации (интервью, участие, доступные пиар-материалы, публикации в СМК). Постоянные ресурсы и те, за которые нужно конкурировать.

Организационная структура (интервью, участвующее наблюдение).

Организационное ядро: лидеры, активисты, их финансовые возможности, территориальные условия, информационные издержки, социальные и личные связи, культурный капитал, уровень образования участников движения.

Стиль лидерства. Центр и периферия, иерархия (степень жесткости), сетевая организация. Границы сообщества, границы и связи сегментов сообщества.

Разделение труда, обязанности (разнообразие или однообразие специализации, жесткость разделения труда).

Ценностная организация сообщества. Коллективная идентичность, когнитивная составляющая.

Устойчивость коллектива, сплоченность сообщества, солидарность. Конкуренция внутри сообщества.

Документы, риторика: солидарность – с кем, за что и против кого и против чего (напр., доступность и контроль информации, политика признания (NB! статус группы vs. статус индивида); автономия и интеграция). Противостояние – кому? Кто выступает (позиционируется) в роли контрагентов, с кем и по поводу чего артикулируется конфликт? Как, откуда формируется знание о своих интересах (просвещение? исследования?) Дискурсивные возможности (представленность в публичном пространстве, стиль презентации себя). Медиа как ресурс мобилизации (внешний и внутренний). Риторические приемы и технологии, используемые для мобилизации.

Наблюдение, интервью: ценности, идеология сообщества: осознание индивидами коллективных интересов и ценностей, существующего конфликта интересов. Осознание значимости своей деятельности. Переживание опыта, субъективные смыслы. Осознание своей «странности», инаковости, оппозиционности, рисков. Роль возрастных, классовых, этнических различий? Публич-

ное/приватное в самоопределении? Борьба за признание, авторитет внутри организации. Воображаемое сообщество. Символические маркеры сообщества, общие ценности, общий язык. Общая история, жизненный мир. Лояльность, приверженность членов.

Репертуар и характер коллективных действий (по документам, представленным в Интернете, буклетах; интервью, участвующее наблюдение)

Группа, сообщество или движение?

Пример: публичная деятельность социологов и других интеллектуалов может не быть коллективной и не продуцировать сообщества, а может иметь потенциал стать общественным интеллектуальным движением (возникновение публичной социологии как «движения» на Западе: изучение зарубежного опыта как кейса по литературе) – выяснить при каких условиях российские социологи, имеющие в своей деятельности элемент публичности, могли бы стать группой, сообществом или общественным движением.

На какой стадии развития находится движение? (возникновение, мобилизация, совершенствование структуры и завершение).

Способы проблематизации условий (как обосновывается проблема, лежащая в основе деятельности). Насколько открыто выражаются интересы.

Возможность и желательность включения широкой общест-венности.

Косвенное и прямое участие членов в протестных акциях.

Способы взаимодействия с общественностью, контрагентами.

Способы коллективных действий: «перформансы» (создание организации, лоббирование через чиновников или журналистов, общественные собрания, конференции, акции, демонстрации, марши, петиции, публикации, сообщения в СМИ, использование знаков отличия и слоганов). Креативные, эмоциональные, интеллектуальные.

Насилие (по отношению к сообществу и от лица сообщества).

Степень легальности деятельности.

Сообщество как публичная сфера (участвующее наблюдение, интервью)

Независимость: в чем, от кого и от чего?

- Интеллектуальная (напр., свобода слова)
- Правовая (напр., самоуправление)
- Финансовая
- От мнений большинства (социокультурная)

Степень автономности по отношению к государству и рынку.

Чьи интересы представляет, каких граждан? (инклюзия?)

Доступность? Кто может участвовать?

Каким образом осуществляется диалог (свободная критическая дискуссия), по каким правилам коммуникации устроено обсуждение проблем? Равенство участия? (возможность меняться ролями или жесткая закреплённость ролей?) Перформативность (постоянное создание, творческое изменение, сообщество как дискуссия).

Законопослушание? Или противозаконность?

Цели мобилизации (*литература, документы, участвующее наблюдение, интервью*)

Масштабы предполагаемых изменений: пересмотр ценностей (идеологии), пересмотр норм (уточнение правил, принципов, законов).

Направленность предполагаемых изменений: создание новых институтов, законов, образа жизни или реконструкция прежних; препятствие идущим изменениям. Есть ли у движения или сообщества симметричная пара (контрдвижение)?

Цели – изменение социальных структур (политика, экономика, социальная структура) или изменение личности (кредо, ценности, символы, нормы людей).

Инструментальная логика (за политическую власть) или экспрессивная логика (за эмансипацию или культурное признание).

«Новое» или «старое» движение?

Социальный эффект деятельности (*по интервью, документам, публикациям в СМИ*)

Значение сообщества (движения) для его членов: безопасность, новый опыт и впечатления, признание в группе, привязанность, поддержка, сила группы (социальный капитал), наделение властью и ответственностью, идентичность, членство, повышение авторитета, репутации лидеров и группы. Значение движения для общества: в чем эффект, достигаются ли поставленные цели, по мнению членов группы?

**I. ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
АНАЛИЗА**

Публика: краткий очерк понятия

Елена Трубина

Публика – регулятивный идеал демократической формы правления, социологический феномен, норма и принцип, во имя которого возможна критика демократических институтов, центральная категория либерально-демократической теории. Сложность работы с понятиями, включающими те или другие варианты «публичного» состоит, с моей точки зрения, в соединении идеалистических представлений об общественном благе, диалоге, убеждении с несовершенной реальностью форм общественного взаимодействия и политического убеждения. Эта сложность еще более усиливается в обстоятельствах культурного разнообразия, когда радикальные культурные отличия людей, объединенных большими городами, подчас исключают достижение консенсуса. Дополнительную сложность представляет то, что большинство «публичных» понятий сложилось в трудах ученых, описывающих демократические общества, так что вопрос об использовании этих понятий в обществах авторитарных должен обсуждаться дополнительно. Одни теоретики реагируют на эти сложности, развивая теории «космополитической» [Beck, Sznaider, 2006] публичной сферы, другие трансформируют понятие публичной сферы так, чтобы его самое сделать более реалистичным. Среди последних Шанталь Муфф [Mouffe, 2000] и другие теоретики «радикальной демократии» понимают публичную сферу как такое образование, где фундаментальные несогласия скорее принимаются как

должное, чем замалчиваются и игнорируются. Но даже их «агонистическая» публичная сфера предполагает существование обстоятельств, где политическая борьба возможна, между тем как в мире есть немало стран, где еще предстоит сложиться каким-то понятным большинству представлениям о публичности. В любом случае публичная сфера, в которой открыто признается право на отличие, в которой у всех людей не только есть право на позицию, но и возможность ее отстоять в соответствии с принятыми в обществе правилами, которая бы предусматривала «множество способов быть демократическим гражданином» [Mouffe, 2000. P. 73] предусматривает такое политическое пространство, где не обсуждаются до бесконечности модели гражданства и публичности, а где разными способами создаются и поощряются практики реального участия в общественной жизни.

Если Муфф и другие теоретики в 1980–2000-е развивают «постхабермасово» понятие публичной сферы, то осмысление публичности в предшествующие десятилетия второй половины XX в. прошло под знаком Юргена Хабермаса [Habermas, 1989]. Разработанное им понятие *die Öffentlichkeit* получило развитие в виде понятий «*публичная сфера*», или «*публичность*», и «*общественное мнение*» (приведены основные варианты перевода на другие языки). Независимо от Хабермаса Ханна Арендт развивала понятие «*публичного пространства*» [Арендт, 2000].

Между этими концепциями есть три ключевых отличия. Во-первых, если Х. Арендт мыслит публику как группу людей, видящих друг друга (как на греческой агоре), то, развивая ее идеи, Ю. Хабермас делает акцент не столько на видимости членов публичности друг для друга, сколько на их слышимости друг другу, возможной благодаря росту книгопечатания и складыванию массовой коммуникации. Для Арендт в описании публики важны пространственные метафоры (такие как «пространство появления», «город и его стены»). Хабермас предпочитает описывать ее как виртуальную общность, идентичность которой формируется с ростом печатных изданий. По его мнению, публика образована общностью тех, кто читает, пишет и интерпретирует. Во-вторых, если Арендт констатирует упадок публичной сферы в условиях модерности, то Хабермас отмечает возникновение в ходе Просвещения новой формы публичности – публики частных индивидов, вместе обсуждающих общественные проблемы, опираясь на текст печатно высказавшего свое мнение автора. В-третьих, для Арендт публичное пространство есть арена действий людей, совершаемых ими перед лицом друг друга. Тем самым публичность для нее связана с прямым взаимо-

действием индивидов, разделяющих ту или иную систему ценностей, что составляет залог того, что они правильно интерпретируют действия друг друга. Напротив, Хабермас мыслит публичную сферу как принципиально внеличностный феномен, в котором не столько осуществляются действия, сколько происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями. В понимании Хабермаса, публичная сфера десубстанциализируется [Benhabib, 1992; 1996]. Публичная сфера, по Хабермасу, не организует людей на коллективное действие: необходим лидер и готовность людей ему подчиняться, чтобы чего-то коллективно добиться, а это предполагает асимметрию и неравенство. Публичная сфера – место обсуждения равными людьми их общих забот, возможно только, если исключены все варианты зависимости и принуждения (будь это зависимость от рынка или традиции). С другой стороны, «Я» человека Хабермасу интересно лишь в той мере, в какой оно способно участвовать в публичном обсуждении, тем самым перфекционистская теория публичной сферы мыслителя включает в себя весьма ограниченное представление о современном субъекте [Waggen, 2006. P. 194–195].

Традиция десубстанциализации публики зародилась в начале XX столетия под влиянием сложностей осуществления принципов представительной демократии в Европе и Северной Америке. Это привело к критическому пересмотру понятия публики, ярким выражением чего явилась работа У. Липмана «Публика-фантом» [Lippman, 1927]. В полемике с этим элитистским и пессимистическим трудом Д. Дьюи в работе «Публика и ее проблемы», также признавая «утрату публики», попытался сформулировать концепцию радикальной демократии, согласно которой индивиды могут быть конституированы в качестве демократических граждан, если будут возрождены ранние американские демократические идеалы [Дьюи, 2002]. Исследователи отмечают в связи с этим сильные ностальгические настроения, свойственные многим работам, посвященным публике и организованным вокруг следующего нарратива: некогда публичная сфера существовала во всем своем цвете, сегодня, когда вкус к коллективному обсуждению и участию утрачен, она искажена и ослаблена. Для Арендт предметом ностальгии был дух античной агоры, для Дьюи – публичные собрания в городах Новой Англии в XVIII–XIX вв., для Хабермаса – европейские кофейни.

Публика (независимые граждане) сама править не может, она может лишь контролировать действие административной власти, правительственных институтов и направлять их. Хабермас выделяет «*сильную*», институциональную, и «*слабую*», неформальную,

публики. Первая – организованная, формальная – наделена прерогативами принятия и достижения решений. Вторая – неорганизованная, неформальная – есть «*публичная сфера*», формирующая общественное мнение, которая распознает новые проблемы, нуждающиеся в широком рассмотрении людьми, свободными от бремени принятия решений. Поэтому основные черты «слабой» публики – открытость, спонтанность, плюрализм. Публичная сфера понимается поздним Хабермасом как открытая сеть перекрывающихся «субкультурных публик», имеющих подвижные временные, социальные, субстанциональные границы. В пределах, гарантированных конституционными правами, структуры такой плюралистической сферы развиваются более или менее спонтанно. Течения публичной коммуникации направляются массмедиа и проходят через различные публики, неформально развивающиеся внутри организаций [Habermas, 1996. P. 307].

Поэтому публичная сфера, с одной стороны, не может быть организована, администрирована, заключена в замкнутые общности, а с другой стороны, не может составлять единую и недифференцированную аудиторию. Это отличает «публичную сферу» от «публики». Говоря о последней, политические философы справедливо противопоставляют два ее смысла: публика в смысле тотальности (народ вообще) и публика в смысле аудитории, где-то собравшейся либо объединенной ТВ-зрелищем [Warner, 2002]. Примеры публики в первом смысле, по Уорнеру, нация, город, государство. Все они становятся публикой, когда к ним обращаются, и это обращение делает все другие политические образования неважными. Публика в смысле аудитории определена своими пределами, видимостью для себя и общим объединившим ее действием. Сходства и отличия «публики» и «аудитории» составляют тему напряженных дебатов о глобальной массовой культуре, ведущихся в исследованиях коммуникации и новых медиа. Если «публика» часто понимается нормативно – усилиями философии, политической теории, философии культуры, то «аудитория» часто понимается коммерчески, либо на нее проецируются прекраснодушные представления теоретиков культурных исследований. К примеру, британский теоретик Стюарт Холл в знаменитом эссе о кодировании и декодировании в телевизионном дискурсе щедро наделил лежащего на диване телезрителя способностью к сопротивлению мейнстриму: уже переключая каналы, утверждал Холл, зритель оспаривает и проблематизирует предлагаемое [Hall, 1973]. Но так или иначе, толкуя о публике, мы имеем в виду ориентацию на коллективное, согласованное и, по возможности, эффективное действие.

Вес упомянутой нормативности приводит к тому, что эта «публика», в теоретических текстах и газетных статьях, осмысляется в терминах активности и критичности, а «аудитория» – дело другое. Это именно к аудитории, по этой логике, относится циничное выражение «пипл хавает», и это с аудиторией ассоциируются такие качества, как «пассивность», «разобщенность», «индивидуализм». Массмедиа в критических обзорах осмысляются как препятствующие консолидации активной публики, откладывающие формирование умной и влиятельной публики, но воспроизводящие невзыскательную толпу и сориентированные на нишевую аудиторию. Но в то же время мы осознаем, что «В мире, пронизанном медиа, аудитории, публики, сообщества и толпы образованы из одних и тех же людей» [Livingstone, 2005. Р. 25]. Поэтому как бы увлеченно иные люди не рисовали образ двух либо четырех России, не проводили границы между нашими гражданами на основе способности к рефлексии или пользования социальными сетями, мы понимаем, что эти множества – публика и аудитория – многократно и противоречиво пересекаются. Однако медийно опосредованная коммуникация упорно противопоставляется коммуникации лицом-к-лицу, и это за последней зарезервированы коннотации надежности, подлинности, доверия, подотчетности. Мне кажется, именно этим объясняется тот факт, что для многих из нас важно, чтобы люди приходили на те события, что мы сами организуем, что создают знакомые или незнакомые нам люди, потому что, возможно, не вполне отдавая себе в этом отчет, мы хотим, чтобы университетские, либо городские, либо даже частные деньги тратились не только на разговоры членов элиты друг с другом, чтобы вокруг интересных художественных объектов либо значимых исторических событий велись интересные разговоры. Огорчаясь, что вот опять так мало было людей на таком интересном, как кажется, событии, мы тем самым от аудиторий ждем проявления качеств публики – сознательности, активности, солидарности, эффективности.

Публичная сфера состоит из множества подсфер, которые функционируют самостоятельно, но связаны друг с другом множеством нитей. Существование некоторых из них обусловлено географическими факторами (национальные, региональные, городские границы). В основе возникновения других может лежать интерес к определенной теме (социальной или образовательной политике, искусству или религии, науке или кинематографу и т.д.). Одни виды публик (дискуссии между собравшимися в кафе) более спонтанны, чем другие (добровольные объединения, читатели периодических изданий, участники общественных движений).

Публики отличаются также и по масштабу: от постоянных взаимодействий лицом-к-лицу до абстрактной *публичной сферы*, порожденной массмедиа. Коммуникативные потоки не подлежат регуляции с помощью четко фиксированных процедур, поэтому публичная сфера не ограничена и гибка и представляет собою существенный ресурс для тематизации новых потребностей. Публичная сфера, согласно Хабермасу, есть неформальная сеть для обмена информацией и точками зрения. Подобно *жизненному миру* в целом, она воспроизводится через коммуникативное действие, для которого достаточно владения родным языком. В основе участия в ней лежит общая постижимость повседневной коммуникативной практики. С жизненным миром – «резервуаром простых взаимодействий», откуда происходит публичная сфера, она связана иначе, нежели составляющие его основные подсистемы, такие как религия, система образования, семья (главные функции которых – жизненный мир воспроизводить).

Повседневное использование языка для коммуникации создает *социальное пространство*. Публичная сфера связана с жизненным миром как отражение социального пространства. Если для традиционных обществ были характерны замкнутые метафоры социального пространства (форум, арена, сцена), то для сложных современных обществ есть смысл говорить о создаваемом электронными массмедиа виртуальном социальном пространстве, расширяющем для каждого потенциального участника возможность вмешательства в процессы коммуникации. Поэтому публичную сферу можно определить как виртуальное пространство, в котором выделяются и обсуждаются общественно значимые темы и формируется общественное мнение. Поскольку публичная сфера не существует ни в формальных, системных контекстах, ни в частных, к примеру, семейных связях, ей необходима организационная поддержка. Публичная сфера поддерживается *гражданским обществом* – сетью ассоциаций, организаций и движений, черпающих свои цели и ценности из публичных дебатов.

Хабермас выделяет три основных типа участников публичной сферы. Участники первого типа приходят в нее «извне»: из организованных и формально структурированных контекстов в поисках главного ресурса, которым располагает публичная сфера, – влияния. В этом случае публичная сфера инструментально используется членами политических партий, разного рода лоббистами, членами парламента или правительства. Участники второго типа пополняют публичную сферу «изнутри», ратуя за те или иные общественные интересы, институциональные реформы, новые права,

отстаивая те или иные коллективные идентичности. Наконец, третий тип – журналисты, деятели массмедиа, которые контролируют отбор тем, текстов и авторов, циркулирующих в публичной сфере.

Публичный разум – понятие, введенное Д. Роулсом в работе «*Политический либерализм*» [Rawls, 1993], близкое понятию дискурсивной сферы, состоящей из так называемого *публичного знания*, т.е. общих оснований, на которых принимаются общие решения, ограничивающие и «территорию», в пределах которой возможно публичное убеждение. Публичный разум не тождествен «перекрывающемуся консенсусу», отличаясь от (единожды) достигнутого совпадения мнений динамичностью, способностью порождать новые консенсусы. Подчинение суждений индивида доводам публичного разума продиктовано уважением к социальным идеалам (в этом смысле публичный разум есть переформулировка темы «общего блага») (см. хороший сравнительный анализ концепций публичной сферы Хабермаса и публичного разума в кн. [Ferrara, 2013]).

Публичный разговор – понятие, с помощью которого ученица Хабермаса американский политический философ и теоретик феминизма Шейла Бенхабиб пытается оттенить существо постиндустриальной «новой публики», не обладающей никаким местом в пространстве, потому что она локализована сразу во множестве мест и в пределе включает в себя бесконечное количество голосов [Benhabib, 1996]. «Членство» в ней означает лишь отправку и получение электронных сообщений. В отличие от тех аналитиков, которые связывают будущее демократии с электронными медиа, Бенхабиб трезво фиксирует следующее противоречие между резко возросшим доступом к публичным средствам коммуникации и ослаблением качества публичных дебатов. Публичная сфера сегодня – сфера нарциссической самопрезентации. Граница между интимностью и публичностью стерта.

Ролан Барт называет эту «*публичность частного*» «новой общественной ценностью», подчеркивая, что «взрыв частного на публице», т.е. публичное потребление частного, есть процесс глубоко амбивалентный [Барт, 2011]. С одной стороны, он отрицает границу между двумя категориями, с другой стороны, он от нее существенно зависит. В итоге граница постоянно переопределяется.

Нарастание анонимности, аморфности публичного пространства, происходящее в эпоху модерности, обусловлено тем, что каждая входящая в него группа (женщины, рабочие, «цветные») привносит свои ценности и своих героев, свои проблемы, подлежащие публичному обсуждению. На публику выносятся темы, от века ос-

тающиеся в тени приватности. Наконец, борьба по поводу того, что включается в публичное освобождение, сама становится борьбой за справедливость и свободу, к примеру, проблемы насилия в семье, к которым привлекли общественное внимание американские феминистки. Борьба за то, чтобы сделать какую-то проблему «публичной», становится формой борьбы за справедливость. Соответственно, сила и насилие разрушают публичное пространство, заставляя замолчать голос вопрошающего или пытающегося действовать с позиции убеждения.

Публичность и интимность, общественное и частное, публичное и приватное взаимозависимы, составляют бинарную оппозицию. С возникновением государственных институтов модерности и становлением капиталистической экономики термин «приватное» стал относиться к широкому кругу феноменов: во-первых, к домашнему хозяйству, во-вторых, к экономическому порядку рыночного производства, обмена, распределения и потребления, в-третьих, к сфере гражданских, культурных, научных, художественных ассоциаций, функционирующих в рамках гражданского общества. Бинарная оппозиция «приватное/публичное» в последние три десятилетия подверглась серьезной критике со стороны феминистских авторов [см.: Weintraub, 1997; Вайнтрауб в этой книге], настаивающих на ее пересмотре. Если в начале этого переосмысления речь по преимуществу шла о расширении участия женщин в жизни публичной сферы, то впоследствии внимание исследователей переключилось на защиту *privacy* в условиях роста государственной и негосударственной бюрократии в современных обществах. Приватное определяется как те аспекты жизни и деятельности, куда личность имеет право не допускать других, т.е. не то, что исключают публичные институты, но то, что сама личность предпочитает держать подальше от публичного внимания [Young, 2000].

Новый этап осмысления связи публичного и приватного начался с волной протестов, прошедших в мире и в России в 2011–2012 гг. Авторы одной из посвященных протестам коллективных монографий призывают «переосмыслить управление, приведшее к приватизации нашей политики, приватизации наших публичных пространств и приватизации нашей образовательной системы» [Shiffman et al., 2012]. Протесты и их подавление выявили масштаб приватизации городского пространства, который только камуфлирует появление множества «псевдопубличных» пространств, т.е. таких, доступ в которые открыт, но владение которыми частное (к примеру, торговые центры). «Публичность» (*publicness*) город-

ских пространств становится пересечением проблем собственности, управления, открытости и ограничений доступа. О многих частях современного города невозможно сказать, частные они или общественные, государственные или гражданские, центральные или периферийные. Сегодня политически, а не коммерчески значимые публичные места и пространства создаются и исчезают, а о создании постоянных новых или возвращении народу прежних речь идет только в некоторых городах. Хорошо, если власти удастся убедить отчитаться за использование имеющихся. Частная и государственная собственность и собственность общая, их сочетание и взаимопределение обсуждаются повсеместно в мире, повсюду это очень болезненный вопрос, и, мне кажется, именно поэтому преобладает временное присвоение городских пространств протестующими. Не будем забывать и о временной, эпизодической значимости публичного самовыражения (и публичных мест) для большинства людей, напряженно работающих в условиях гибкого трудоустройства. Протесты выявили очень широкий спектр людских установок и понимания легитимности происходящего: от отчаяния одних из-за невозможности объединиться под общим лозунгом до трепетной приверженности других совсем, кажется, частным лозунгам, от утверждений, что все должно осуществляться на правовом поле, до противоположных им анархистских призывов. Спектр вариантов понимания формальности и неформальности, важности консенсуса и драгоценности сочетания различий, полутонов и идеологических баррикад показал такую динамичность и пестроту позиций, что очевидна непредсказуемость дальнейшего. Вероятнее всего, в будущем публичные места будут создаваться посредством санкционированной апроприации для организации мобильных спектаклей протеста.

Список источников

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000.

Барт П. Camera Lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2011.

Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Илея-Пресс, 2002.

Beck U., Sznaider N. Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: a Research Agenda // The British Journal of Sociology. 2006. Vol. 57. Issue 1. P. 1–23.

Benhabib S. The Reluctant Modernism of Hannah Arendt. California: Sage, 1996.

Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community and Postmodernity in Contemporary Ethics. New York: Routledge, 1992.

Ferrara A. The Force of the Example. Explorations in the Paradigm of Judgement. NYC: Columbia University Press, 2013.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Calhoun C. (ed.) Habermas and the Public Sphere. Cambridge, MA and London: MIT Press, 1992. P. 109–142.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: Polity, 1996.

Hall S. Encoding and Decoding in the Television Discourse. Birmingham, England: Centre for Cultural Studies: University of Birmingham, 1973. P. 507–517.

Lippman W. The Fantom Public. New Brunswick, Transaction Publishers, 1927.

Mouffe S. The Democratic Paradox. London: Verso, 2000.

Livingstone S. On the Relation between Audiences and Publics // Livingstone S. (ed.) Audiences and Publics: when Cultural Engagement Matters for the Public Sphere. Changing media – changing Europe series (2). Bristol: Intellect Books, 2005. P. 17–41.

Shiffman R., Bell R., Brown L.J. Elizabeth L. (eds.) Beyond Zuccotti Park: Freedom of Assembly and the Occupation of Public Space. Oakland: New Village Press, 2012.

Rawls J. Political Liberalism. NYC: Columbia University Press, 1993.

Young I. Inclusion and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Warren M. The Self in Discursive Democracy // White S. (ed.) The Cambridge Companion to Habermas. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Weintraub J., Kumar K. (eds.) Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago, IL and London: University of Chicago Press, 1997. P. 1–42.

Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал

Ольга Вербилевич

Классический труд Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (1962 г.) является результатом теоретической рефлексии над теми политическими и социальными переменами, которые происходили во многих странах мира, включая Германию, в начале XX в. Как пишет сам автор, стимулом работы над книгой стал своеобразный «веймарский синдром» [Хабермас, 2011. С. 23], осмысление «духовного разоружения» и тех процессов, которые были призваны «перевоспитать» послевоенную Германию. Работая ассистентом у Теодора Адорно во Франкфуртском институте социальных исследований, Хабермас пытался осмыслить процессы модернизации немецкого общества после двух мировых войн, понять, как в немецком обществе исчезла культура демократических переговоров ввиду появления такой патологии как нацизм. Это, в свою очередь, дало импульс к осмыслению значимости и функций публичных пространств, «по которым можно считать структуры общественной интеграции»

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве» и «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

[Хабермас, 2011. С. 24]. Обращение же к проблематике языка и феномену морали во многом было спровоцировано, как признается сам мыслитель, личным опытом «сбоя коммуникации», после операции на нёбе, перенесенной в школьном возрасте, за которой последовало исключение из круга сверстников и «посреднического мира символов, которые невозможно потрогать как предметы» [Хабермас, 2011. С. 19] и трудно проговаривать. Проблематизация ситуации речи и способов достижения взаимопонимания в ходе коммуникации стала поводом для рефлексии.

Теория коммуникативного действия является результатом поиска тех основ, которые способны обеспечить взаимопонимание и интеграцию социальных субъектов. Концепция же *публичной сферы*, являясь закономерным результатом этого поиска, воплощает в себе идеально-типическую модель взаимодействия, в ходе которого устанавливается «мораль равного уважения» [Хабермас, 2011. С. 20], и возможны проблематизация и изменение тех структур социального мира, которые дают сбой. В данной работе мы пробуем проследить логику и последовательность тех шагов, которые предпринял Ю. Хабермас при построении теории коммуникативного действия. Это позволит нам понять основания концепции публичной сферы и то, как ее можно применять в исследовании феномена публичности тех социальных групп и процессов, которые выходят за рамки аналитической схемы Хабермаса.

Теория коммуникативного действия многогранна, она аккумулирует в себе мощные теоретические ресурсы философской и социологической мысли, интегрируя познавательный потенциал теоретических школ, которые традиционно находятся в оппозиции (марксизм, «понимающая» социология и структурный функционализм). Обращаясь к категориям самого Хабермаса, можно сказать, что теория коммуникативного действия стремится удовлетворить запросы всех трех типов «познавательных интересов» [Habermas, 1971. P. 301–317]: технического (прогнозирование и управление), практического (интерпретация и понимание) и эмансипаторного (критика и высвобождение).

Хабермас находит пересечения аналитических схем понимающей социологии и структурного функционализма и, формируя ядро своей теории, «примиряет» социологические традиции в поисках единой логики. Однако при этом он указывает на своеобразные лакуны, которые способен восполнить марксизм и немарксизм. Чтобы установить основания и ключевые аргументы этой логики, обратимся к таким теоретическим понятиям, как социальное действие и рациональность. Мы оттолкнемся от хо-

рошо известной всем социологам типологии социального действия, предложенной Максом Вебером, и покажем, как она была модифицирована Юргеном Хабермасом. Затем попробуем сравнить структуру коммуникативного действия у Хабермаса и «элементарного действия» у Толкотта Парсонса, а также постараемся понять, какие точки роста для развития критической теории Хабермаса находил в учении Карла Маркса.

Вебер, Парсонс, Хабермас: социальное действие

В работе «Основные социологические понятия» М. Вебер определяет *категорию социального действия* («действования») через два ключевых компонента: «*субъективный смысл*» и «*ориентация на Другого(их)*» [Вебер, 1990. С. 455–491]. Иными словами, поведение человека является «осмысленно ориентированным» и подчиняется определенным индивидуальным мотивам. Мы можем считать действие социальным, когда имеет место *процесс соотнесения взаимных ожиданий* («ориентаций на Другого»): целей и средств, осознаваемых как адекватные для достижения целей («целерациональное действие»). Такой процесс, по мнению классика, является базовым («идеальным типом»), так как он наиболее очевиден и «доступен рациональному толкованию» [Вебер, 1996. С. 495]. Отклонения от идеального типа дают *иные типы действия*: традиционное, аффективное, ценностно-рациональное [Вебер, 1990. С. 628–630] (см. табл. 1).

Согласно Веберу, *ценностно-рациональное действие* социально постольку, поскольку в качестве цели здесь выступает субъективное убеждение в правильности поведения, ориентированного на религиозную, эстетическую, моральную или любую другую догму (ценность). Традиционное и аффективное действие располагаются на границе социальности. К примеру, ритуал или созидательный выплеск эмоций (сублимация) могут быть рациональны по отношению к осознанному обычаю и творчеству соответственно. В то время как неосознанное реактивное подражание верованиям, инстинктам, эмоциям иррационально. Согласно Веберу, именно рациональное действие отражает «интерес эпохи» и является адекватным теоретическим конструктом для постижения социальной реальности. Для объяснения общественных отношений на макроуровне (то, что мы сейчас назовем институтами, гражданским обществом), Вебер вводит категорию «*общественно-ориентированное действие*» [Вебер, 1996. С. 507] как субъективно осмысленное соотнесение с поведением других на основе «конвенциональных договоренностей».

**Типология социального действия
у М. Вебера и Ю. Хабермаса¹**

М. Вебер	Ю. Хабермас
<ul style="list-style-type: none"> • традиционное следование ритуалу • аффективное всплеск эмоций 	<ul style="list-style-type: none"> • драматургическое участники публичного взаимодействия выражают и представляют самих себя
<ul style="list-style-type: none"> • ценностно-рациональное следование догме, долгу • традиционное следование ритуалу 	<ul style="list-style-type: none"> • нормативное ориентация на сложившуюся систему норм и ценностей
<ul style="list-style-type: none"> • целерациональное соотнесение взаимных ожиданий: целей и средств 	<ul style="list-style-type: none"> • телеологическое: ориентация на достижение цели: • инструментальное – объекты материального мира • стратегическое – на ожидания, цели и средства «Другого»
<p>коммуникативное – действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия; соотнесение ожиданий происходит на всех трех уровнях общественных интересов (знание, норма, интенция)</p>	

Влияние концепции социального действия М. Вебера прослеживается в логике *структурно-функционального анализа* Т. Парсонса. Парсонс определяет общество как «социальную систему действия» [Парсонс, 1994. С. 38–39], в которой центральное место занимает мотивированное поведение человека. «Элементарное действие» [Парсонс, 2000] включает в себя *действующее лицо, цель, ситуацию* (условия и средства), *нормативную ориентацию* («категории общественно-ориентированного действия») и «конвенциональные договоренности» у М. Вебера) и *принятие решения* (см. табл. 2).

¹ Составлено по источникам: Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 628–630; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. С. 320–325.

Таблица 2

**Структура «элементарного действия» Т. Парсонса
и «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса¹**

«Элементарное действие» (Парсонс)	«Коммуникативное действие» (Хабермас)
Действующее лицо	Действующие субъекты
Цель	Ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий
Ситуация (условия + средства)	Ситуация (действие + речь)
<i>Нормативная ориентация:</i> - ценностная - мотивационная (чувственная, когнитивная и оценочная)	- «Фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания - «Сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств
Принятие решения	Принятие решения на основе взаимного согласия

Нормативная ориентация в последующих работах Парсонса [Парсонс, 1979. С. 169–172; 1994. С. 53–78] связывается с обобщенными символическими системами, прежде всего с языком и культурными кодами. Категория «нормативная ориентация» распадается на ценностную и мотивационную. В последней Парсонс выделяет чувственную, когнитивную и оценочную (цели + средства vs. последствия) ориентации на объекты социальной системы. Парсонс во многом ориентируется на аналитическую схему идеального типа целерационального действия М. Вебера, но разворачивает и углубляет категорию «общественно-ориентированного»

¹ Составлено по источникам: Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 53–78; Парсонс Т. К общей теории действия. Социальная система // История буржуазной социологии первой половины XX века / сост. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1979. С. 169–172; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. С. 324–340.

действия М. Вебера, уделяя внимание системе производства смыслов в целом (системе культуры, проблематике языка, морали). Как видим, конструкт коммуникативного действия Ю. Хабермаса является, скорее, результатом модернизации теории Вебера, попыткой взглянуть на историю развития социального действия под углом разных социологических парадигм: пересмотр теории Парсонса, который, как оказалось, во многом полагался на веберовское понимание социального действия, переход к интеракционизму и драматургической социологии Ирвинга Гоффмана. В то же время был необходим пересмотр этих парадигм непосредственно с позиций марксизма и неомарксизма, казавшихся Хабермасу наиболее мощным инструментом критики и рефлексии.

Ревизия неомарксизма, возвращение к учению Маркса

Критическая теория Ю. Хабермаса стремится преодолеть проблемы, которые были не способны решить теоретики первого поколения Франкфуртской школы. «Диалектика просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно «разоблачает» Просвещение, указывая на возврат к мифологической картине мира: «понятия духа, истины и даже просвещения сами становятся относящимися к сфере анимистического колдовства» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 25]. Стремление установить закономерность, повторяемость действия или события порождает те мифы капиталистического общества, которые в дальнейшем приводят к его упадку и таким болезням, как угнетение, коммерциализация, маргинализация, «тотальный обман масс» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 60] в форме культурной индустрии. Однако Хоркхаймер и Адорно, как отмечает Хабермас, сконцентрированы лишь на критике как таковой и предлагают одностороннее видение прогресса инструментального разума, который породил и воплотил в жизнь такие идеалы буржуазной мысли, как право и мораль, конституционную демократию и авангардное искусство [Habermas, 1996. P. 113]. Иными словами, необходим поиск новой теоретической модели, способной объяснить и предложить пути преодоления патологий рационального действия, о которых говорят франкфуртцы первого поколения. Новое переосмысление Маркса, проделанное Хабермасом, позволяет ему найти необходимые основания для построения такой теории.

К. Маркс и его последователи указали на феномен отчуждения и наделили рабочий класс функцией высвобождения общества от патологических структур капитализма, но, по мнению Хабермаса, главное упущение заключается в том, что Маркс по-прежнему

«редуцирует процесс рефлексии к уровню инструментального действия» [Habermas, 1987a. P. 47], стирает границу между наукой о природе и наукой об обществе.

Хабермас утверждает, что фактически Маркс создает науку об обществе, основанную на критике идеологии, однако не рефлексиирует над дальнейшим развитием этой идеи и в своем учении отдает приоритет инструментализму естествознания [Habermas, 1987a. P. 47–48].

Следуя логике Хабермаса, необходимо распознать те структуры и сферы современного общества, в которых артикулируются и закрепляются нормы производственных отношений [Habermas, 1987a. P. 48–50]. Особое внимание следует уделить смыслам, которые находятся в поле интересубъективного (межличностного) взаимодействия. Традиционная для науки проблематика сознания здесь, по мнению Хабермаса, должна уступить место проблематике языка как универсальной формулы взаимопонимания (в русле общего лингвистического поворота в развитии науки [Rorty, 1967]). При этом герменевтическое толкование не должно отвергать предыдущих аналитических заходов, заимствованных в классических философско-социологических парадигмах. Необходимо комплексное сочетание системного подхода, понимающего «вживания» в структуру действия и понимания тех ресурсов повседневного языка, общения, которые делают возможным процесс взаимного согласия.

Парсонс, Щюц, Хабермас: система и жизненный мир

Хабермас, как и Парсонс, обращается к системе культуры и структурам языка, противопоставляя им государство и властные институты. Возникают категории «система» и «жизненный мир» [Хабермас, 1993b. С. 123–136]: по мнению Хабермаса, «система» как те процессы, которые гарантируют оформленность социально-взаимодействия, стабильность и устойчивость этих форм (статус-кво), стремится подчинить себе мир смыслов и значений, образующийся в интересубъективной повседневной коммуникации («жизненный мир»), подменяя процесс согласования общих целей процессом манипулирования и подчинения.

Хабермас критикует первое поколение теоретиков неомарксизма за стремление оставить в стороне теорию Парсонса [Habermas, 1987a. P. 199], так как ни одно толкование современного общества не может претендовать на значимость без опоры на структурно-функциональный анализ. Однако, по мнению Хабермаса, необходим

переход от теории систем к теории социального действия, которая способна бросить вызов системной интеграции [Murphy, 2013]. Как представляется, ключевое различие структурно-функционального анализа Парсонса и социальной теории Хабермаса заключается в следующем. Если Хабермас отводит социальному действию функцию «перезагрузки» общественных отношений в случае сбоя (патологии) в «системной интеграции», то у Парсонса социальное действие выступает гарантом сохранения системой статус-кво и не обладает эмансипаторным потенциалом.

Поворот к значимости категории «жизненный мир» и герменевтической традиции в целом, по мнению Хабермаса, начинается еще тогда, когда Кант обращается к действующему субъекту и «толкует его контакт с миром больше не рецептивно, исходя из аффекции органов чувств, а трансцендентально» [Хабермас, 2009]. Интерпретируя категорию «жизненный мир» и определяя ее роль в своей теории, Хабермас отталкивается от понятия «Lebenswelt» Э. Гуссерля – жизненный мир как особые процессы фиксации смысла и «смыслообразования» [Гуссерль, 2000. С. 495], мир очевидностей, который задает рамки любого взаимодействия. Однако, в отличие от Гуссерля, Хабермас настаивает на том, что структуры жизненного мира не задаются лишь интенциями трансцендентального эго, а конструируются знаниями и опытом, заложенными в культуре и языке: «это мир привычных перформативных действий, социальных отношений в определенный культурно-исторический момент» [Хабермас, 2009]. В то же время Хабермас пытается понять, как толкует «жизненный мир» феноменология, и приходит к выводу, что аналитическая рамка Шюца тяготеет к культурологическому толкованию, оставляя за пределами своей логики институциональные структуры, а также структуры сознания [Habermas, 1987. P. 126–132]. Познающий субъект отделен от «объективного мира» неким горизонтом повседневности, практического разума, который не позволяет, по представлениям классической номиналистской традиции, постичь знания об этом «объективном мире», не отказавшись от логик практического разума. Однако в повседневном мире можно разглядеть те структуры, которые задают регламент любого действия субъекта. Именно эти структуры (структуры общения, процессы категоризации, регуляторы поведения), формируют некий «слепок» объективного мира [Хабермас, 2009], о котором мы «договариваемся» в силу того, что не можем постичь его целостно и одновременно.

Добившись комплексного понимания процессов оформления смыслов и действий в структуры «жизненного мира», Хабермас

предположил, что с изменением структуры общения и перформативности возможен переход к иному типу рациональности – коммуникативной рациональности, воплощением которой является такой идеальнотипический конструктор, как «публичная сфера».

Хабермас: публичная сфера как воплощение коммуникативной рациональности

Отталкиваясь от категорий «система» и «жизненный мир», Хабермас определяет *публичную сферу* как некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система» и «жизненный мир», приватное становится политическим. Рассуждения Хабермаса о категории публичной сферы в его ранней работе во многом перекликаются с «публичным пространством» Ханны Арендт [Арендт, 2000. С. 211–215], под которым она подразумевает место, где человек становится гражданином, участвует лично в обсуждении общественных дел, публично выражает свое мнение и обменивается им с другими гражданами, где различия признаются без насилия или принуждения. Различия между концепциями «публичного пространства» и «публичной сферы» [Трубина, 2003. С. 819–820] заключаются в том, что в концепции Арендт делается акцент на сопричастности и видимости акторов, на пространственных метафорах, тогда как публика Хабермаса может быть рассеяна в разных местах, но слышима друг другу благодаря СМИ, это прежде всего читающая публика. Реагируя на критику предложенной им модели публичной сферы, в более поздних работах [Habermas, 1992. P. 421–461] Хабермас рассуждает о современной публичной сфере как о множестве различных подсфер, которые не могут быть администрированы и заключены в замкнутые общности, сводимы к некому одному пространству. Современные интернет-площадки упрощают взаимодействие и делают его доступным для разных групп населения, с одной стороны, но по-прежнему утилизуют активность аудитории, размывают основания дискуссии под влиянием интересов государства и рынка, с другой стороны. Эти допущения Хабермаса развивает и его ученица Сейла Бенхабиб, которая характеризует Интернет как сферу «нарциссических репрезентаций», превращающих публичный диалог в «публичный разговор» [Benhabib, 1992. P. 14–15]. Поэтому можем допустить, что уместно говорить о публичной сфере как пространстве и процессе, в котором воспроизводятся и переформатируются культурные коды («конвенциональные договоренности» у М. Вебера).

В капиталистическом обществе, о котором пишет Вебер, основным мотивом социального действия выступает стремление к

выгоде, которая может быть достигнута в ходе «примерки» рамок «мотив – средство – цель – последствия» каждого из действующих субъектов. При определенной комбинации средств, оценке последствий действия и, условно, «примерке» мотивов действующих субъектов друг к другу «конвенции» заключаются исходя из взаимных выгод и издержек (при этом условия конвенции не всегда прозрачны для всех субъектов). Иной же тип рациональности, на которой базирует свою теорию Ю. Хабермас, скорее должен быть основан на стремлении найти «взаимопонимание», создавая единую транспарентную рамку-конвенцию непосредственно в процессе коммуникации. При этом для осуществления традиционного и аффективного действия не является обязательной установка на понимание. Между тем целерациональное и коммуникативное действие невозможно без определенной общей системы координат, по поводу которой действующие субъекты могут соглашаться либо не соглашаться друг с другом («конвенциональные договоренности» у Вебера или «сферы референций» (знание, норма, интенция) у Хабермаса).

Как соотносить понятия «конвенциальные договоренности» Вебера и «сферы референций социального действия» Хабермаса? Именно логика «коммуникативной» рациональности в теории Хабермаса дает индивиду возможность упорядочивать знание в соответствии с социальными нормами и субъективными оценками (практический интерес); моделировать, предсказывать и оценивать социальные процессы (технический интерес); искать в повседневном общении единые смыслы и оценки, оформляя их в законы, нормы и традиции (эмансипаторный интерес) [Монсон, 1992. С. 380]. Таким образом, *коммуникативное действие* – это «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [Хабермас, 2000. С. 12].

Структура коммуникативного действия [Хабермас, 2000. С. 324–340], по мнению Хабермаса, такова:

- 1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»;
- 2) «ситуация действия и ситуация речи»;
- 3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания;
- 4) «сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает достижение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств.

В предложенной Хабермасом структуре действия довольно четко прослеживается влияние теории социального действия Парсонса (см.

табл. 2). Если сопоставить аналитические схемы Парсонса и Хабермаса, получим пересечения следующего порядка: как и Парсонс, Хабермас обращается к категории «нормативные ориентации», выделяя соответствующие сферы референций. Однако точкой отсчета выступает не актер и его мотивы, а ситуация коммуникации (диалог) и взаимное согласие как механизм координации действий. Хабермас противопоставляет *процессуальное понимание рациональности* (согласование взаимных ожиданий и понимание возможны в процессе рационально-критического диалога в публичной сфере) *когнитивно-инструментальному* (целерациональное действие в концепциях Вебера и Парсонса).

Используя методологию М. Вебера, Хабермас описывает трансформацию различных форм рациональности в таких типах социального действия [Хабермас, 2000. С. 320–325], как «нормативное» (ориентация на сложившуюся систему ценностей), «драматургическое» [Гоффман, 2000] (репрезентация в ходе публичного взаимодействия), «телеологическое» (ориентация на материальные объекты и «Другого») и коммуникативное (ориентация на достижение согласия и соотнесение действий со знанием, нормой, интенцией). И если нормативное и телеологическое действия были уже истолкованы в теории Вебера (см. табл. 1), то объяснение драматургического и коммуникативного действия укладываются в теоретическую модель трансформации публичной сферы, представленную Хабермасом.

Представление себя публике: Гоффман и Хабермас

Настаивая на перформативности как базовой характеристике «жизненного мира» и коммуникативного действия [Хабермас, 2009], Хабермас обращается к понятию драматургического действия И. Гоффмана [Гоффман, 2000. С. 54–63], под которым последний понимает социальное действие, ориентированное на стремление произвести впечатление на публику, подобно поведению актеров театра. Хабермас отмечает те моменты, которые требуют критики в процессе включения этого понятия в теорию коммуникативного действия. Прежде всего, это акцент Гоффмана на ориентацию на достижение цели и стратегический характер репрезентаций действующих субъектов. Эти черты не позволяют сделать коммуникацию прозрачной и осмысленной [Chriss, 1995. P. 545–565]. Именно в логике ориентации на достижение цели и стратегии драматургическое действие как репрезентация себя публике выступало ключевым ресурсом приближения к властным кругам и демон-

страции экономического успеха в феодальном обществе [Habermas, 1991. P. 5–14; Хабермас, 2000. С. 324–340]. При этом функцию легитимации и контроля властных кругов в феодальном обществе выполняли те же приближенные к монарху (феодалу), а интересы других слоев населения не артикулировались публично.

Трансформация общественных отношений, развитие буржуазного общества, а главным образом появление прессы сделали возможным образование нового социального слоя – людей, читающих и интерпретирующих прессу (новостные дайджесты) и литературу („literary public sphere“ or „public sphere in the world of letters“ [Habermas, 1991. P. 29]), – который взял на себя функцию рефлексии общественных отношений и контроля государства. Осуществлению этих функций способствовало формирование публичных пространств, участие в которых было свободным, сознательным и добровольным, а процесс обсуждения происходил вне контроля рынка и государственных структур – кофейни и салоны [Habermas, 1991. P. 35–43]. Таким образом, коммуникативное действие возможно в *публичной сфере*, конституирующими условиями которой выступают [Habermas, 1991. P. 91]: рефлексивность, открытый диалог и горизонтальный характер социальных связей, доступность и равное участие, автономность площадки дискуссии, отсутствие прямого государственного контроля, а также гибкость временной протяженности взаимодействия. Однако достижению взаимодействия на указанных основаниях могут препятствовать рыночные и властные интересы, которые стремятся подчинить публику и публичное пространство, сделав взаимодействие управляемым и обеспечив тем самым собственный «статус-кво».

Манипулятивная публичная сфера

С течением времени роль публики и публичной сферы под влиянием прессы трансформируется в институт общественного мнения, наделенный функциями легитимации власти. Однако публичная сфера испытывает обратное влияние массовой прессы и властных институтов, и со временем капиталистическое общество превращает публику в пассивного агента политического перформанса. Хабермас описывает этот процесс как «рефеодализацию СМИ» [Habermas, 1991. P. 200–201] в начале XIX в.: рационально-критический диалог, инициированный в эпоху расцвета книгопечатания, размывается практиками потребления, процессами коммерциализации буржуазных медиа.

В обществе постмодерна, где интересы граждан подчинены «индустрии культуры» [Хоркхаймер, Адорно, 1997. С. 60–61] и по-

литическому перформансу, институты СМИ становятся подконтрольными рынку и властным структурам, награждают определенные группы властью и престижем, подобно монархам в феодальную эпоху. Политическое участие публики сводится к молчаливому потреблению медиапродукта. Граждане пользуются сервисами государственных структур и принимают на себя роль потребителя, ожидая очередного решения со стороны властных институтов. Такие тенденции формируют «манипулятивную» публичную сферу [Habermas, 1991. P. 211–222], создаваемую рынком и властными институтами для легитимации существующего социального порядка.

Публика в обществе постмодерна: пересмотр теории Хабермаса

Для возрождения рационально-критической дискуссии в публичной сфере, по мнению Хабермаса, необходимо участие интеллектуалов [Habermas, 2006], так как именно этот класс сохранил способность к неангажированному политическому суждению. Однако, как отмечает Ненси Фрейзер, в своей классической работе Хабермас не предлагает комплексной теоретической модели «постбуржуазной» публичной сферы [Fraser, 1992. P. 109–142]. По мнению Фрейзер, «публики многообразны, но нет отношений равенства диалога», существуют «подчиненные контрпубличные сферы» [Fraser, 1992. P. 128], между различными публиками существует противостояние. Нельзя также оставить без внимания те социальные группы, которые были лишены участия в публичной дискуссии в концепте либеральной буржуазной публичной сферы [Cohen, 1995. P. 57–90], но обретают право голоса в мультикультурном глобализованном обществе (например, женщины, мигранты, национальные меньшинства, люди с инвалидностью).

Вскоре после защиты Хабермасом докторской диссертации по теме «Структурная трансформация публичной сферы» Оскар Негт и Александер Клуге представили критику центрального понятия его работы. По мнению исследователей, буржуазная публичная сфера – это не соответствующий реальности идеал, который исключает участие «зависимых» социальных групп (в первую очередь рабочего класса). Необходимо сфокусироваться на рабочем классе и его потенциальной возможности быть включенным в дискурс коммуникативной рациональности. Такое стремление исследователей оформляется в виде концепций «публичные сферы пролетариата» и «производственные публичные сферы» [Negt, Kluge,

1993. Р. 34–38]. Говоря о публичных сферах пролетариата, Негт и Клюге не имеют в виду непосредственное противопоставление классов буржуазии и пролетариата. Речь идет не о классовых различиях, а о самом характере дискурса публичных сфер пролетариата: это скорее иррациональные, эмоциональные действия и ультиматумы, основанные на тех ценностях, которые не восприняты и не приняты обществом. «Это своеобразные „экстраэкономические“ интересы, которые существуют в особой зоне запретного, под слоем социальных табу как стереотипы повседневности рабочего класса, структурированной в рудиментарной форме» [Negt, Kluge, 1993. Р. 57]. При этом буржуазная публичная сфера и публичные сферы рабочего класса взаимосвязаны и взаимоопределяемы. Кроме этого, по мнению Негта и Клюге, необходимо учесть существование еще одной разновидности публичной сферы – «производственной» публичной сферы [Negt, Kluge, 1993. Р. 57; 12–18], которая имеет сугубо инструментальную природу. Интересы, инкорпорированные в производственную публичную сферу, приобрели капиталистические формы и, соответственно, утратили критическую функцию.

Наиболее весомый аргумент против жизнеспособности теоретической модели Хабермаса высказывает Мишель Фуко, который утверждает, что поиск любой универсальной морали, основанной на консенсусе, утопичен. Под вопросом сам факт некоего общего интереса, который могут разделять разные по своей природе социальные группы [Foucault, 1988. Р. 1–20]. Ответом Хабермаса можно считать утверждение, высказанное им в поздних работах, о том, что в своей теории он попытался выстроить идеально-типическую модель, а не нормативный идеал, который должен быть реанимирован и возвращен к жизни [Habermas, 1991. Р. 422].

Опираясь на классическую идею Хабермаса, ее критику и последующие попытки развития, мы можем говорить о публичности как о регулятивном механизме, способном производить и интерпретировать смыслы социального действия, а порой даже и закреплять их в качестве институциональной нормы, в том случае, когда определенная тема или проблема, возникая на периферии сферы приватного, посредством медиа перемещается в сферу публичной дискуссии и заставляет властный дискурс пересмотреть сложившиеся «шаблоны» коммуникации, образцы поведения. И здесь большим потенциалом обладают «сетевые» коммуникации. По мнению Л. Беннетта [Bennett, 2012], для изучения современной публичной сферы и эмпирических исследований важным срезом анализа выступают «сетевые» медиа как посредники той дискус-

сии, в которой возможно непринужденное и свободное от власти и рынка участие, и массмедиа как «манипулятивная публичная сфера». Предлагаемый исследователем подход открывает интересные перспективы анализа, так как, по сути, это эмпирическая попытка зафиксировать и измерить специфику публичной сферы общества постмодерна с присущими ему чертами гетерогенности и конкурентности публичного взаимодействия, где как раз «сетевые медиа» и «массовые СМИ» могут выступать в качестве контрпублик, на которых настаивает Н. Фрейзер.

Выводы

Попытка реконструкции истоков и эволюции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса позволила нам отразить структуру и логику анализа такой категории, как публичная сфера. Нормативная модель, предложенная немецким философом и социологом, на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее прогрессивной попыткой понять, как происходит преобразование социальной практики «снизу», какие интенции этому предшествуют? Комплексное видение этих процессов представляется актуальным и востребованным ввиду таких «болезней» современного общества как терроризм, бедность, столкновение культур в ходе миграционных процессов, ущемление прав и маргинализация отдельных социальных групп и национальных меньшинств. И даже в большей степени для так называемых «транзитных» обществ, которые сталкиваются с перечисленными вызовами современности в отсутствие демократических механизмов саморегуляции.

Одной из групп, которые «лишены голоса» в социальной практике транзитных обществ, безусловно, являются люди с инвалидностью. С позиций классической модели Ю. Хабермаса, а также изложенных направлений развития этой модели, прежде всего К. Кэлхуна, Н. Фрейзера и Л. Беннета, возможен анализ формирования и функционирования «публичной сферы инвалидности», роли и места этой публичности в современном российском обществе, а также ключевых агентов дискуссии: СМИ традиционно транслируют устоявшиеся стереотипы в *доминирующем дискурсе*, однако в дискурсе «на периферии» посредством сетевых медиа может возникать рационально-критический диалог. НКО или сообщество (например, родители детей с инвалидностью, специалисты, работающие с людьми с инвалидностью) могут противостоять «оскорбительной» риторике в СМИ и требовать переопределения категории инвалидности [Вербилович, 2013. С. 257–272], искусство и

творческая интеллигенция способны вносить новые смыслы взаимодействия, переформатировать установки и образцы поведения, основанные на стереотипах¹. Важным вопросом выступает проблема представительства людей с инвалидностью в публичной сфере. Те или иные формы инвалидности обуславливают характер и возможности публичных репрезентаций, артикуляции собственной позиции. Необходимо понять, как устанавливаются границы собственного присутствия людей с инвалидностью в публичной сфере и какие акторы могут выступать «публичным лицом и голосом» общества (родители, журналисты, писатели, лидеры мнений). Возвращаясь к утверждению Хабермаса о том, что состояние и характер публичного взаимодействия во многом позволяют «считывать» структуры интеграции общества, можно полагать, что изучение путей и эффектов появления категории инвалидности в публичной сфере позволяет судить о потенциальных направлениях интеграции людей с инвалидностью в общество и сопутствующих проблемах.

Список источников

Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. Гл. 2.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Добренко В.И. (ред.) Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: тексты. М.: Наука, 1996.

Вебер М. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.

Вербилевич О. Механизмы формирования идентичности в публичной сфере инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 257–272.

Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни: пер. с англ. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.

Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.; М., 2000.

¹ Фильмы кинофестиваля о жизни людей с инвалидностью «Кино без барьеров» / <http://www.kinofest.org/ru>; люди с синдромом Дауна как актеры театра / <http://www.teatrprosto.ru>; люди с инвалидностью как модели подиума / <http://www.bezgraniz-couture.com>.

Монсон П. Юрген Хабермас и современность // Монсон П. (ред.) Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / пер. со швед. А. Ливановой. СПб.: Нотабене, 1992. С 307–345.

Парсонс Т. К общей теории действия. Социальная система // Ионин Л.Г. Осипов Г.В. (сост.) История буржуазной социологии первой половины XX века. М.: Наука, 1979. С. 167–248.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 462–478.

Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 15–52.

Трубина Е.Г. Публика // Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. (сост.) Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 1312.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.

Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. С. 15–26.

Хабермас: лекция о жизненном мире // Эксперт. 2009 // http://www.russia.ru/video/nauka_habermas/ (дата обращения: 9.10.2013).

Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум: Ювента, 1997.

Benhabib S. Situating the Self: Gender, Community, and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York: Routledge, 1992.

Bennett L. Grounding the European Public Sphere. Looking Beyond the Mass Media to Digitally. Mediated Issue Publics // I KFG Working Paper Series (43), Kolleg-Forschergruppe „The Transformative Power of Europe“. Berlin: Freie Universität, 2012.

Cohen J.L. Critical Social Theory and Feminist Critiques: The Debate with Jürgen Habermas // Meehan J. (ed.) Feminists Read Habermas: Gendering the Subject of Discourse. New York: Routledge, 1995. P. 57–90.

Foucault M. The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom // Bernauer J., Rasmussen D. (eds.) The Final Foucault. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. P. 1–20.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Calhoun C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 109–142.

Habermas J. *An Avantgardistic Instinct for Relevances: The Role of the Intellectual and the European Cause*. The Institute for Public Knowledge, New York, 2006.

Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // Calhoun C.J. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge Mass.: MIT Press, 1992. P. 425–429.

Habermas J. Knowledge and Human Interests: a General Perspective // J. Habermas. *Knowledge and human interests*. Boston: Beacon Press, 1978. P. 134–148.

Habermas J. The Idea of the Theory of Knowledge as Social Theory // J. Habermas. *Knowledge & Human Interests*. The University of Virginia: Polity Press, 1987. P. 102-317.

Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge: MIT Press, 1996.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action* / McCarthy T. (ed.) Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.

Murphy M. When Habermas met Parsons (theoretically speaking) // *Social Theory applied*. 2013. August 2 // <http://socialtheoryapplied.com/2013/08/02/when-habermas-met-parsons-theoretically-speaking>. Available at: 10.10.2013.

Negt O., Kluge A. *Public Sphere and Experience: toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.

Rorty R. (ed.) *The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967.

II. ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ИНСТИТУТЫ И АКТОРЫ

Изменение институциональных условий производства и конкуренции политических идей в России: от 1990-х к 2010-м

Ольга Малинова

Принципы легитимации власти, сложившиеся в эпоху модерна, предполагают, что принятие политических решений сопровождается коммуникацией по поводу их объяснения и оправдания. Можно сказать, что публичная артикуляция идей является существенным условием политики в эпоху модерна. Такой формат политического обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. Именно необходимость давать объяснения по поводу принимаемых решений *читающей публике* в свое время предопределила расцвет классических идеологий [см.: Pombeni, 2006. P. 61–62]. При этом *публичная сфера* как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы, формируется во всех модернизирующихся обществах — не только там, где складываются устойчивые демократические институты. Другими словами, не только там, где у правящих есть институциональные стимулы для артикуляции идей в контексте объяснения принимаемых решений управляемым, перед которыми они ответственны. Институты, в рамках которых циркулиро-

вали идеи и формировалось общественное мнение, — газеты, журналы, салоны, клубы и гражданские ассоциации — возникали и там, где не было парламента, свободных выборов и политических партий. Хотя, разумеется, эти институты работали иначе; причем различия определялись не только мерой свободы высказывания, но и стимулами, которые существующая система политических и социальных институтов создает для «производителей смыслов».

Изменения практик производства, распространения и конкуренции политических идей — существенная составляющая постсоветской трансформации, которая нередко выпадает из поля зрения исследователей. Контраст между позднесоветским обществом, в котором прочно доминировала официальная коммунистическая идеология, и плюрализмом доктрин и программ, обнаруживаемым в современном публичном пространстве, очевиден. Но как этот плюрализм «задействован» в политическом процессе, в какой мере конкуренция идей влияет на поведение элит и рядовых граждан? И наоборот, насколько артикулированные в публичном пространстве идеи отражают актуальный спектр общественных настроений? В теории демократии свобода выражения мнений рассматривается не только как основное право человека, но и как одно из фундаментальных условий демократического правления. «Качество» политических коммуникаций определяется тем, насколько они способствуют достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются властные решения (термин Р. Даля) [Даль, 2003. С. 166–167]. Конкурирующие политические программы формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут осуществлять свой выбор. Таким образом, значение имеет не только возможность высказать те или иные взгляды, но и способность разных акторов представить более или менее ясные способы понимания и решения общественных проблем, а также донести эти представления до нужной аудитории.

Очевидно, что современный российский политический режим по многим параметрам (в том числе и с точки зрения практик публичной коммуникации) не вписывается в идеально-типические рамки демократии даже при узкопроцедурном ее понимании. Однако он существенно отличается и от позднесоветского. Как справедливо писал К. Рогов, «мягкий, „электоральный” авторитаризм хотя и стремится редуцировать прямое влияние общества на правительство, в то же время весьма озабочен проблемой общественного мнения... В свою очередь, и общественное мнение в условиях подобных режимов обладает значительной автономией от власти...» [Рогов, 2010. С. 9]. Таким образом, деятельность, на-

правленная на производство конкурирующих способов интерпретации социальной реальности, представляется значимой для политических акторов, даже если она прямо не влияет на политический выбор, а складывающуюся конфигурацию идейно-символического пространства приходится учитывать при анализе институтов и процессов. В силу этого существует потребность в изучении не только содержания представленных в публичном пространстве идеологических альтернатив, но и меняющихся институциональных условий их производства и конкуренции.

В настоящей главе, опираясь на результаты наших предыдущих исследований [Малинова, 2007; 2011] и работы других авторов, мы попытаемся проследить, как менялись институциональные возможности для артикуляции и распространения конкурирующих дискурсов. В качестве инструмента анализа используется понятие *публичной сферы*, указывающее на совокупность арен, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная сфера может быть локализована в различных институтах и может сочетать разные форматы общения, как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. Объем публичной сферы зависит как от меры дозволенного государством, так и от циклических колебаний интереса к общественным проблемам.

В литературе представлены различные подходы к интерпретации и анализу публичной сферы. Водоразделом служит вопрос о том, следует ли выделять ее, ориентируясь на некие функции или же на определенное качество их исполнения. В целом преобладает нормативный подход, опирающийся на концепцию Ю. Хабермаса [Habermas, 1993]. Вместе с тем возможен и дескриптивный подход к изучению *различных типов* публичных сфер, в том числе и весьма существенно отличающихся от идеальной модели, описанной Хабермасом. Примером такого подхода могут служить работы Ш. Эйзенштадта и его коллег, разрабатывавших концепцию публичной сферы в контексте изучения модернизации в незападных обществах [Eisentadt et al., 2001; Hoexter et al., 2002]. Согласно данному подходу, «публичная сфера, хотя и не обязательно напоминающая «гражданское общество», возникает в любой более или менее сложной цивилизации, где есть определенный уровень грамотности. Это — сфера, расположенная *между* частной и офици-

альной, она расширяется и сжимается по мере включения в нее профессиональной страты (*carrier strata*), не входящей в состав правящего класса» [Eisentadt et al., P. 12]. Понятие «публичная сфера» указывает на наличие площадок, где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес. Предполагается, что такие площадки не только автономны от сферы государственного управления, но и в большей или меньшей степени открыты для разных секторов общества. Влиятельность публичной сферы зависит от ее институционального устройства: имеет значение, разнородна она или унифицирована, сосредоточена в центре или открыта для периферии, основана преимущественно на устной или письменной коммуникации, предполагает интерпретацию общего блага перед лицом правящих или в среде частных лиц и т.д.

Для анализа политических трансформаций в постсоветской России нам представляется более плодотворным второй подход: в то время как нормативная концепция служит эффективным инструментом критики наблюдаемой реальности, позволяя выявить и проанализировать «отклонения» от идеала, дескриптивный подход дает возможность проследить реальные изменения, происходящие в публичной сфере. В то же время он помогает разработать критерии для оценки состояния и изменения публичной сферы в конкретном обществе. В качестве таковых могут выступать: степень автономии публичной сферы от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов общества, ее фрагментированность, структура каналов коммуникации (сочетание «живого» обсуждения и общения посредством печатных текстов, особенности циркуляции последних) и др. В настоящей главе мы попытаемся очертить траекторию развития публичной сферы в России от 1990-х к 2010-м гг., сосредоточив внимание на институциональных трансформациях «площадок», на которых происходило обсуждение общественно значимых проблем, изменения состава и стратегий их участников, а также на основных векторах эволюции политико-идеологического ландшафта. По необходимости это будет «взгляд из центра», ибо анализ регионального разнообразия дискурсов и практик требует самостоятельного исследования [см., напр., Семенов, 2011].

Реформы начала 1990-х и трансформация институтов публичной сферы

Основные параметры современной российской публичной сферы сложились в результате экономических и политических реформ начала 1990-х гг. [подробнее см.: Малинова, 2011. С. 259–

266]. Конечно, есть основания утверждать, что уже в годы перестройки на основе сближения официальных и неофициальных (квазипубличных) практик коммуникации в СССР сформировалась «настоящая» публичная сфера, которая по степени интеграции аудитории и интенсивности обращения текстов была весьма близка к хабермасовскому идеалу. Однако нельзя не признать, что ее расцвет был возможен в силу особого стечения обстоятельств, в частности благодаря сохранению, пусть и в расстроеном виде, советского экономического уклада с гарантированной зарплатой, возможностью в рабочее время украдкой читать дефицитные «перестроечные» тексты, обсуждать их, участвовать в деятельности политических клубов, ходить на митинги. С началом рыночных реформ экономические условия резко изменились, и для многих стало недоступной роскошью тратить время на общественную активность, эффективность которой к тому же стала вызывать сомнения. Представляется, однако, что спад общественной активности был не единственной причиной того, что подъем публичной сферы в годы перестройки оказался недолговечным. Как верно заметил Дж. Беккер, в ту пору «свобода прессы опиралась не на институты, а на упадок партийного аппарата и внутривластные расхождения» [Becker, 2004. Р. 156]. Вновь возникавшие практики общественной коммуникации еще только предстояло превратить в устойчивые институты «нормальной» публичной сферы.

Эти институты стали складываться в начале 1990-х гг. С началом рыночных реформ произошла коренная трансформация медиасистемы. После либерализации цен в 1992 г. периодические издания столкнулись с резким удорожанием бумаги, типографских услуг и доставки. Эти новые проблемы возникли одновременно с сужением рынка прессы, вызванным распадом СССР. Как верно подметили М. Липман и Н. Петров, «сама тенденция к снижению тиражей не является исключительно российской, но особенность России состоит в том, что с началом рыночных реформ была разрушена система подписки и, как следствие, привычка к регулярному чтению газет» [Липман, Петров, 2007. С. 211–212]. С 1992 г. началось резкое и необратимое снижение тиражей всероссийской периодики и падение ее влияния. Правда, параллельно происходил бурный рост региональных изданий, которые, с одной стороны, оказывались ближе к реальным проблемам своего потребителя (абстрактная политическая риторика уходила в прошлое), с другой — выигрывали конкуренцию за счет более дешевой доставки. По подсчетам Л. Реснянской и И. Фомичевой, в 1980-х гг. аудитория центральной и местной прессы совпадала примерно на четыре пятых,

а уже в середине 1990-х гг. этот показатель сократился до 50% [Реснянская, Фомичева, 1999. С. 14, 58]. Таким образом, итогом радикальной трансформации медиасистемы в 1990-х гг. стало резкое сокращение тиражей и фрагментация аудитории печатных СМИ.

Начиная с 1992 г. единство российского информационного поля обеспечивается в основном телевидением. Это стало возможным благодаря тому, что Россия получила в наследство от СССР систему телерадиовещания, покрывавшую большую часть территории страны; имело значение и то, что телевидение, в отличие от газет, напрямую не стоит потребителю денег. Превращение «самой читающей нации» в «сообщество телезрителей» (термин Б.В. Дубина [Дубин, 2005]) имело существенные последствия с точки зрения «качества» публичной сферы: логика аудиовизуальных коммуникаций подчинена особым правилам, она отдает приоритет развлекательности, порой за счет информативности и обстоятельности обсуждения. И хотя было бы неверно рассматривать телесмотрение как исключительно «пассивную» форму освоения информации, все-таки печатный текст, который можно перечитать, проанализировать, сопоставить с другими текстами, больше располагает к рационально-критическому восприятию, нежели аудиовизуальный ряд.

Нельзя не признать, что на протяжении 1990-х гг. телевидение играло весьма значимую роль в распространении политических идей. Многие каналы успешно осваивали жанры политической аналитики и ток-шоу (лидером здесь, безусловно, был НТВ), менялся стиль новостного вещания. Телевидение 1990-х было одной из главных площадок, где обсуждались общественные проблемы и соперничали разные представления о способах их решения. Вместе с тем, будучи главным каналом массовой политической коммуникации, оно стало ареной борьбы финансовых и политических группировок.

В середине 1990-х гг. обозначилась тенденция концентрации СМИ в крупные медиахолдинги. По оценке Л. Белин, основной причиной «корпоративизации» сектора СМИ стали его системные финансовые проблемы, обусловленные не только реструктуризацией медиасистемы, но и завышенными запросами структур монополистов (Федерального агентства «Роспечать», министерства связи, которому почти до конца 1990-х гг. принадлежали телекоммуникации и др.). Во второй половине 1990-х гг. распространение модели экономически несамодостаточных СМИ, развивающихся за счет поддержки корпораций, позволило создать значительное предложение на медиарынке [Belin, 2002. Р. 139–145]. Роль ката-

лизатора для притока корпоративных инвестиций в медиасферу сыграли президентские выборы 1996 г., показавшие, что вложения в СМИ, прежде всего в телевидение, могут обернуться политическими дивидендами. Подчинение СМИ интересам крупных корпораций стало одной из причин «информационных войн», развернувшихся в 1997–1999 гг. между крупными медиахолдингами.

Трансформация политической и медиасистем обусловила изменение стратегий основных акторов публичной сферы. «Золотой век» российских СМИ с присущей ему романтической идеологией просветительской миссии «четвертой власти» остался в прошлом. Политические идеи в СМИ становятся товаром, производство и распространение которого зависит от рыночной конъюнктуры. Тем не менее почти до конца 1990-х гг. СМИ оставались относительно самостоятельными игроками в публичной сфере (яркий пример тому — оппозиция войне в Чечне).

В не меньшей степени на состоянии «идеологического производства» сказались изменения в политической системе. Предусматриваемый конституцией 1993 г. порядок формирования органов государственной власти, а также распределение компетенции между ними слабо стимулировали партии к публичной артикуляции *идей* в качестве *средства борьбы за власть*: партии оказались устранены от выработки и реализации политического курса. В силу этого, а также ряда других обстоятельств им оказалось удобнее решать задачу борьбы за голоса избирателей за счет имиджевых технологий. Конечно, были и партии, которые более или менее последовательно идентифицировали себя с определенной идеологией (КПРФ, партии либеральной части спектра). Однако большинство партий и движений 1990-х гг. не рассматривали кропотливую работу по продвижению идеологически последовательных политических программ как залог электорального успеха.

В середине 1990-х гг. структура «рынка» политических идей характеризовалась резкой поляризацией: в публичном пространстве доминировали главные противники — «демократы» и «коммунисты». Дискурс «демократов» сложился в процессе развития и диверсификации «базовой демократической идеологии» перестроечной поры. Он был сфокусирован на идее превращения России в «нормальную цивилизованную страну» с рыночной экономикой, частной собственностью и демократическими политическими институтами. Главными выразителями этой идеи были партии либеральной части спектра (наиболее крупные из них — «Демократический выбор России» (и пришедший ему на смену «Союз правых сил») и «Яблоко»), а также некоторые СМИ, прежде всего телека-

нал НТВ и другие издания холдинга «Медиа-Мост». В систематическом виде «демократический» дискурс был представлен в брошюрах и газетах, распространявшихся по ограниченным партийным каналам, а с конца 1990-х гг. — на партийных интернет-сайтах. Однако многие его элементы воспроизводились и в официальной риторике, и в СМИ, что делало его узнаваемым для широкой аудитории.

«Коммунисты» позиционировали себя в качестве бескомпромиссных противников «режима национального предательства». Наиболее электорально успешный вариант «коммунистической» идеологии, предложенный Коммунистической партией Российской Федерации и ее союзниками по Национально-патриотическому блоку, соединял традиционную коммунистическую риторику с жесткой критикой либерализма и западничества и некоторыми элементами великорусского имперского национализма. Эти идеи также распространялись через партийную прессу (имевшую более широкую аудиторию, чем издания «демократов»). Они в меньшей степени были представлены на телеканалах, однако нельзя сказать, что последние совсем игнорировали деятельность и идеологию коммунистов: и то и другое освещалось регулярно (хотя и не вполне нейтрально).

СМИ, активно использовавшие фрейм противостояния двух «непримиримых систем ценностей» при освещении политических событий, способствовали поляризации идейного спектра (реальный партийный спектр был более пестрым и аморфным; он не вполне вписывался в дихотомическую модель). Наиболее ярко это проявилось во время президентской избирательной кампании 1996 г.

Однако уже во время следующих федеральных выборов в Государственную думу в 1999 г.¹ сценарий медийного освещения кампании изменился: соперничество проектов, опиравшихся на разные ценностные перспективы, отошло на второй план; в центре внимания оказались скандальные обвинения, призванные повлиять на имидж участников электоральной гонки. Отчасти это было обусловлено тем, что основная борьба развернулась внутри сегментов партийно-идеологического спектра. Главной интригой стало соперничество двух «партий власти» — избирательных блоков «Единство» и «Отечество — Вся Россия», имевших весьма рас-

¹ Как показало исследование С. Уайта и его коллег, и на этих выборах отчетливо проявился эффект влияния телевидения на электоральное поведение. В частности, подтвердилось, что именно поддержка ОРТ и РТР позволила созданному буквально накануне выборов «Единству» набрать 23% по партийным спискам [White et al., 2002].

пльвчатые, но в целом сходные программы; острая конкуренция имела место и в либеральном сегменте — между СПС и «Яблоком». Вместе с тем нельзя не согласиться с исследователями, которые полагают, что уже во время избирательной кампании 1999–2000 гг. проявилось стремление российского политического класса к поискам «центристской» позиции, отрицающей крайности национал-патриотизма левых и западничества правых [Prozegov, 2005].

Главной отличительной чертой публичной сферы ельцинской поры был конфликтный плюрализм: в борьбе за общественное мнение участвовали *разные* акторы, и власть, азартно участвуя в схватке, не стремилась остаться единственным игроком на этом поле (хотя и не стеснялась использовать ресурсы давления — в этом смысле игра отнюдь не была равной). В официальных выступлениях президента Б.Н. Ельцина «избавление от гнета идеологического государства» представлялось безусловным достижением постсоветского режима. Но в то же время идеологический плюрализм косвенно указывался в качестве источника проблем: «споры о преимуществах тех или иных „измов“ определялись как «символы противостояния и ненависти», «дефицит согласия» объявлялся одной из причин недостаточной эффективности и последовательности реформ, идейные разногласия интерпретировались как контрпродуктивные, выходящие за рамки «системы демократических ценностей». Свобода слова провозглашалась священной, но одновременно порицались журналисты, которые «злоупотребляют» ею, необоснованно присваивая себе роль «политической оппозиции» [см.: Малинова, 2011. С. 271–272]. Таким образом, отношение власти к идеологическим практикам российского политического класса было неоднозначным. Весьма симптоматично, что в начале своего второго президентского срока Б.Н. Ельцин поставил вопрос о поиске «национальной идеи».

Подводя итоги, отметим, что в результате политических и экономических реформ 1990-х гг. в России сложилась особая конфигурация публичного пространства: в нем выделяется «ядро», представленное телевидением (точнее, его федеральными каналами), и разноуровневая «периферия», образованная каналами коммуникации, привлекающими менее многочисленную аудиторию — газетами и журналами, радио, кабельным телевидением, Интернетом, а также многочисленными публичными площадками, где общение происходит в «живом» режиме (форумы, конференции, семинары, дискуссионные клубы и т.п.).

Исследования российских и зарубежных социологов позволяют составить представление о степени разрыва между «ядром» и

«периферией» (хотя их результаты не всегда сопоставимы из-за различия методик). По официальным данным, охват населения телевидением составляет 98%. При этом реальная ежедневная аудитория телезрителей, по результатам мониторинга компании TNS, в 2004–2008 гг. оценивалась в 75–73% [цит. по: Полуэхтова, 2010. С. 67–68]. Значительное большинство населения России регулярно смотрит центральные каналы¹. Данные по аудитории печатных СМИ существенно варьируются в зависимости от методики подсчета. Однако по самым оптимистичным оценкам аудитория наиболее популярных общенациональных газет не превышает 10% взрослого населения². Что касается радио, число его слушателей суммарно не так уж мало, но радиоаудитория сильно фрагментирована; наибольшей популярностью пользуются радиостанции, специализирующиеся на музыкально-развлекательных передачах³. Рунет, к анализу роли которого мы еще вернемся, начал играть значимую роль в политических коммуникациях в конце 1990-х гг.; при этом лишь в 2003 г. доля пользователей превысила порог 10% взрослого населения страны [Чугунов, 2006. С. 5]. Таким образом, с точки зрения потенциального охвата аудитории есть весьма существенный разрыв между каналами коммуникации, образующими «ядро» и «периферию» публичной сферы.

Данное обстоятельство влечет за собой два важных следствия: во-первых, шансы того или иного дискурса на «популярность» зависят от того, насколько он представлен в «ядре» публичного про-

¹ По данным финского исследователя Ю. Пиетилайнена, 75% опрошенных в рамках общероссийской выборки в 2007 г. оказались зрителями Первого канала (бывшего ОРТ), 69% — канала «Россия» (бывшего РТР); аудитория НТВ составила 45%, СТС — 28%, ТНТ — 18%, РЕН ТВ — 12%, канала «Культура» — 8% и т.д. [Pietilainen, 2008. P. 368].

² По данным Ю. Пиетилайнена, лидерами читательских симпатий в 2007 г. оказались «Комсомольская правда» (10,7%) и «Аргументы и факты» (10,6%) [Pietilainen, 2008. P. 371]. Согласно исследованию TNS, в мае — октябре 2011 г. в среднем по России доля читателей «Российской газеты» составляла 2,2%, «Московского комсомольца» — 1,7%, «Новой газеты» — 1,2%, «Известий» — 0,6%, «Коммерсанта» — 0,4% и т.д. [Группа компаний TNS. Пресса...].

³ По данным TNS, в апреле — сентябре 2011 г. общая доля радиослушателей в России составляла 63,1%. При этом максимальную ежедневную аудиторию собирали музыкальные радиостанции («Европа Плюс» — 17,7%, «Автордио» — 14,9%, «Русское радио» — 14,7%, «Радио Шансон» — 13,2%, «Дорожное Радио» — 13%, «Ретро FM» — 12,5%); доля слушателей радиостанции «Эхо Москвы» составила 4,5% [Группа компаний TNS. Радио...].

странства; во-вторых, для того, чтобы эффективно управлять общественной «повесткой дня», достаточно контролировать наиболее массовые каналы коммуникации: арены, образующие «периферию» публичной сферы, слишком малочисленны и разрозненны, чтобы оказывать существенное влияние. В 1990-х гг. власти не предпринимали серьезных попыток воспользоваться этим, чтобы исключить из «ядра» публичной сферы «неудобные» для них дискурсы.

Политические реформы В.В. Путина: установление контроля над «ядром» публичной сферы и вытеснение плюрализма на «периферию»

С приходом к власти президента В.В. Путина векторы развития публичной сферы заметно изменились. Сдвиги носили системный характер: в результате политических реформ, проводившихся под лозунгом укрепления государства, произошла трансформация партийной и избирательной систем, усилилась зависимость парламента от исполнительной власти, сократился список обладателей властных полномочий, избираемых гражданами, была ослаблена власть губернаторов и нейтрализовано политическое влияние бизнеса, оказалась ограничена независимость СМИ и др. По удачному определению А.Ю. Зудина, итогом политических реформ начала 2000-х гг. стал переход от «полицентризма» к «моноцентризму», сопровождавшийся исключением или маргинализацией игроков, которых не получалось контролировать [Зудин, 2003]. Побочным результатом предпринятых мер стало сокращение числа площадок, на которых могут публично обсуждаться и оспариваться альтернативные политические проекты. В известном смысле оказался ограниченным и спектр самих альтернатив, поскольку существование партий, неудобных Кремлю, стало проблематичным. Хотя одновременно с понижением роли представительной власти была создана дополнительная арена для демонстрации общественного мнения в лице Общественной палаты.

Частью общего курса стали усилия по установлению контроля государства над «ядром» публичной сферы. Первым шагом на этом пути была борьба за контроль над частной медиагруппой «Медиа-Мост» и телекомпанией НТВ в 2000–2001 гг., завершившаяся передачей активов последней «Газпрому». В 2001 г. Б. Березовский был вынужден продать свою долю акций ОРТ (в настоящее время контрольный пакет акций этого канала принадлежит государству). Затем последовало закрытие канала TV-6,

на который перешли многие журналисты «старого» НТВ, позже — смена собственника РЕН-ТВ. В начале 2000-х гг. произошла масштабная реэтактизация СМИ, причем, как показала М. Липман, расширение государственной собственности в медиасекторе, было лишь одной, хотя и весьма эффективной, формой контроля наряду с изменением законодательства, лицензированием, контролем за назначением менеджеров и главных редакторов и др. [Lipman, 2009]. Отчасти меры по усилению контроля коснулись и печатных СМИ (пример тому — смена собственника газеты «Известия», наиболее тиражного из нетаблоидных ежедневных изданий). Однако в целом печатные СМИ сохраняют заметно большую свободу, чем телевидение. Было бы неверно говорить о введении запрета на свободу слова: оппозиционные идеи скорее были вытеснены на «периферию» публичной сферы, представленную многочисленными и разрозненными публиками единомышленников.

Новые возможности для производства и обращения политических идей дает развитие российского сегмента Интернета, формирующее не только дополнительные каналы для трансляции традиционных СМИ¹, но и принципиально новую среду общения. Хотя ресурсы электронных средств связи стали использоваться для политической коммуникации еще в 1990-х гг., качественный перелом произошел позже: лишь в избирательном цикле 2003–2004 гг. «Присутствие» политиков в Интернете стало обязательным правилом, а использование интерактивных технологий — популярным приемом воздействия на электорат. С середины 2000-х гг. наблюдается заметный рост числа российских пользователей Интернета². Возможно, не случайно этот скачок совпал с бурным развитием социальных сетей.

В России, как и в других странах, развитие интернет-технологий вызвало надежды на качественные изменения в состоянии публичной сферы [Трахтенберг, 2007], причем мнения аналитиков разделились. Оптимисты рассматривают «сеть» как

¹ По данным социологов, информационные сайты Интернета пока существенно отстают в рейтинге от других каналов информации и прежде всего от телевидения. Примечательно, однако, что среди активных пользователей преобладает представление, что Интернет «в подаче новостей не зависит от властей, в то время как традиционные СМИ, наоборот, часто подают информацию так, как это выгодно властям» [Полякова, 2007. С. 33].

² По данным Фонда «Общественное мнение», на лето 2011 г. суточная аудитория Интернета составляла 46% населения России, недельная — 42%, месячная — 33% [Интернет в России...].

«самиздат в режиме реального времени, который уже на световые годы ушел вперед от ритуального содержания как электронных, так и печатных СМИ» [Засурский, 2002. С. 102]. Пессимисты же полагают, что развитие новых технологий коммуникации не нарушает сложившуюся модель власти: Рунет работает как машина для распространения информации, но главным образом среди закрытых кластеров пользователей-единомышленников, которые редко могут или хотят кооперироваться. По определению Ф. Фоссато, Интернет берет на себя роль инструмента адаптации, позволяющего пользователям/гражданам приспособиться к новой политической реальности, которая находится за пределами их личного или коллективного влияния [Fossato, 2009; ср.: Fossato et al., 2008]. Очевидно, что быстрая «интернетизация» создает принципиально новую коммуникативную среду. Однако пока Рунет остается частью «периферии» публичной сферы, фрагментированным сегментам которой приходится конкурировать с контролируемым властью «ядром», тиражирующим политически значимые идеи для широкой публики.

Произошедшая в начале 2000-х гг. реорганизация медийного пространства дала возможность обеспечивать «правильное» освещение принимаемых властью решений и целенаправленно формировать общественное мнение по важным для Кремля вопросам¹. Она позволяет продвигать «нужных» спикеров и маргинализировать неудобные власти дискурсы; помогает поддерживать высокие рейтинги действующих политических лидеров и обеспечивать «преемственность» власти при передаче ее посредством выборов. В то же время вне рамок «ядра» публичной сферы сохраняется определенная автономия, дающая желающим возможность *высказываться*. Однако в сложившейся в 2000-х гг. системе институтов публичной сферы практически отсутствуют механизмы для агрегирования мнений и трансформации их в коллективные действия, а также сведены к минимуму каналы обратной связи. Примечательно, что одновременно с выхолащиванием специальных институтов, призванных выполнять эту функцию — парламента, партий, выборов, СМИ — стала складываться практика «прямого» общения политического лидера с народом, призванная демонстрировать

¹ Наблюдения за тем, как постепенно оттачивалась техника контроля над СМИ на примерах освещения катастрофы подводной лодки «Курск» (2000 г.), захвата заложников во время представления мюзикла «Норд-Ост» в Москве (2002 г.) и в Беслане (2004 г.) см.: [Lipman, 2009. P. 165–167].

открытость и эффективность власти¹. Вслед за Дж. Беккером можно определить сложившуюся систему общественных коммуникаций как неоавторитарную [Becker, 2004], т.е. принадлежащую к типу медиасистем, который характерен для ряда недемократических режимов, консолидировавшихся в условиях доминирования идеи демократии в мировой политике и развития современных технических средств связи.

Частичное восстановление государственного контроля над СМИ и механизмов управления общественным мнением вызывает определенные аналогии с советским прошлым. Однако правы те, кто говорит о «ложном дежавю», подчеркивая, что «в отличие от советского времени, когда СМИ были частью системы идеологической обработки населения, пропаганды, агитации, нынешние масс-медиа не являются мобилизационными...»; в России «нулевых годов» их роль «сводится к развлечению и отключению населения от нежелательной информации» [Дубин, 2009. С. 8]. В то же время было бы неверно полагать, что современная властвующая элита вовсе не стремится использовать контроль за «ядром» публичной сферы для трансляции «правильного» мировоззрения «ввиду отсутствия такового» [Липман, Петров, 2007. С. 206]. И дело не только в идеологических проектах Кремля, набравших с середины 2000-х гг. заметные обороты. Нетрудно заметить, что в годы правления В.В. Путина контроль над наиболее массовыми средствами информации с успехом использовался для проведения символической политики, направленной на ценностную консолидацию общества. Эта политика учитывала ошибки 1990-х гг., когда в условиях жесткой конфронтации «коммунистов» и «демократов» попытки властвующей элиты предложить новый дискурс о коллективной идентичности, ориентированный на демократические ценности («возвращение на путь цивилизации»), вели лишь к углублению конфликтов и дальнейшей политической фрагментации. В 2000-х гг. был разработан целый арсенал символических средств, в котором заново переопределяемые «старые» советские ценности эклектически сочетались с заверениями в приверженности «новым» идеалам демократии и рынка.

Избранная в начале 2000-х гг. стратегия принесла определенные результаты: она если и не породила искомое согласие, то, по крайней мере, создала основания для консолидации аморфного

¹ См. практикуемые с 2001 г. выступления в прямом телерадиоэфире, во время которых В.В. Путин не только отвечает на вопросы граждан, но и отдает административные распоряжения, «решая» поставленные ими проблемы.

«путинского большинства» вокруг широких и не вполне четких идей, которые могут по-разному интерпретироваться. Однако она не привела — и не могла привести — к формированию *содержательного* общественного консенсуса относительно системы ключевых ценностей, поскольку не была нацелена на «проработку» различий в их интерпретациях. Как верно подметили И. и С. Каспэ, основным посылом путинской символической политики был «призыв к тотальной консолидации», сопровождавшийся «фобией любых разделений внутри пространства консенсуса» [Каспэ, Каспэ, 2006]. Дискурс прокремлевской части политической элиты был сосредоточен вокруг нескольких узловых концептов («сильное государство» (2000 г.), «суверенная демократия» (2005 г.), «модернизация» (2009 г.)), которые интерпретируются радикально по-разному¹. Сложившийся гегемонистский дискурс противодействует кристаллизации внятных альтернатив, поскольку стремится вобрать все смыслы, способные импонировать публике. Одним из условий продвижения такого дискурса является ограничение физического доступа оппозиции к каналам коммуникации, образующим «ядро» публичной сферы; в свою очередь, запрос на него свидетельствовал о том, что в условиях конфликтного плюрализма 1990-х гг. политический класс не справился с задачей производства смыслов, способных консолидировать макрополитическое сообщество.

Дальнейшее сужение пространства, в котором деятельность по производству смыслов способна приносить политические дивиденды, едва ли может служить позитивным стимулом для идеологической активности политиков. Предлагаемая Кремлем «частичная» идеология слишком скудна, чтобы давать достаточный простор для творчества лояльной власти части политической элиты (хотя она, безусловно, создает некоторые стимулы для тех, кто видит в производстве «подходящих» смыслов средство для продвижения по карьерной лестнице). Что же касается оппозиционной части элиты, ее шансы представить свои идеи публике заведомо ограничены, а электоральный успех зависит не столько от привлекательности программ, сколько от расположения Кремля.

В то же время те производители идей, чьи мотивы напрямую не связаны с борьбой за власть, благодаря относительной экономической стабильности 2000-х и развитию доступных и дешевых информационных технологий даже приобрели дополнительные воз-

¹ Об этой особенности политического дискурса 2000-х гг. см.: [Петров, 2006; Малинова, 2008] и др.

возможности для своей деятельности. В силу этого на «периферии» публичной сферы в 2000-х гг. имел место настоящий бум смыслотворчества. Однако ввиду слабости основных институтов — партий, выборов, СМИ, отсутствовали механизмы которые позволяли бы агрегировать идеи, артикулируемые в разных сегментах «периферии», превращая их в инструмент коллективного действия.

Трансформация публичной сферы в постсоветской России: итоги и перспективы

Подводя итоги, можно констатировать, что по разным причинам в процессе политической трансформации 1990-х гг. России не удалось создать эффективные институциональные арены для обсуждения общественно значимых проблем и способов их решения. Идеологические конфликты в фрагментированном публичном пространстве существенно затрудняли решение задачи консолидации макрополитического сообщества, стоящего за новым российским государством — и это обстоятельство сознавалось политическим классом как проблема. В 2000-х гг. был взят курс на установление «согласия сверху» путем частичного ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы и одновременно — попыток внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов. Эта стратегия оказалась успешной с точки зрения смягчения и «замораживания» символических конфликтов и мобилизации массовой поддержки «курса Путина», но не решения спорных вопросов. В то же время она эффективно препятствует формированию влиятельных альтернативных программ, способных последовательно структурировать общественные дискуссии.

Следует согласиться с выводом ряда исследователей о том, что сложившаяся в России система политических институтов неэффективна, но устойчива, поскольку у действующих политических элит есть и стимулы, и возможности исключать любые вызовы своему доминирующему положению [Патрушев, 2006; Гельман, 2010]. Несмотря на некоторые изменения в символической политике, привнесенные президентом Д.А. Медведевым, функционирование власти в режиме «тандема» не предполагало внятной артикуляции различий в определении политического курса. Гипотетические изменения связывались с высказываниями и жестами первого лица, которые прочитывались наблюдателями как свидетельство «либеральности» его установок. В этот ряд укладываются и идеологема «модернизации» (логически противоположная проводившейся

Путиним идее «стабилизации», но представляемая в духе «преемственности»), и разговоры о политической реформе (воплотившиеся в минимальных изменениях в законодательстве о выборах), и введенные в практику Медведевым встречи с руководством разных, не только «парламентских» политических партий, надлежащим образом освещаемые СМИ (которые призваны демонстрировать внимание к мнению оппозиции), и активное использование современных информационных технологий для прямого общения президента с народом (ведение блога, общероссийский прием посетителей в режиме интернет-конференции) и многое другое. Однако эти высказывания и жесты не выстраивались лидером и его окружением в связную модель, отчетливо противопоставляемую иным политическим проектам. Очевидно, что перспективы трансформации «тандемократии», определившиеся на съезде «Единой России» 24 сентября 2011 г., едва ли будут способствовать кристаллизации альтернативных систем смыслов, способных придать форму открытой политической конкуренции.

Вместе с тем если у правящей элиты нет стимулов инициировать изменение сложившихся практик, то перемены могут прийти и с другой стороны. Они могут быть обусловлены как развитием технологий коммуникации, так и социально-демографическими подвижками в российском обществе. С одной стороны, по данным TNS, с 2005 г. наблюдается некоторое сокращение реальной (ежедневной) аудитории телевидения — с 75 до 73% с 2004 по 2008 гг. [Группа компаний TNS...]. Причем число ежедневных телезрителей более всего сократилось именно в группах, которые активнее других осваивают и используют новые медиатехнологии: молодежь от 15 до 35 лет, особенно мужчины в этой группе [Полуэхтова, 2010. С. 68]. С другой стороны, исследования показывают, что активные пользователи Интернета не только менее интенсивно смотрят телевизор, но и имеют несколько иную структуру телевизионных предпочтений [Лебедев, 2009]. Поскольку время — ограниченный ресурс, по мере развития телекоммуникаций различные медиа неизбежно будут вступать в борьбу за внимание потребителей. Исходя из этого, можно предположить, что наблюдаемый в последние три-четыре года скачок в «интернетизации» населения в среднесрочной перспективе может привести к изменению соотношения между «ядром» и «периферией» (хотя вряд ли можно прогнозировать полное стирание различий между ними). К сожалению, дифференциация каналов включения в публичную сферу, скорее всего, будет сопряжена с углублением фрагментации общества, поскольку доступ к новым технологиям коммуникации коррелирует с со-

циально-демографическими характеристиками (прежде всего с возрастом и типом поселения). Пока это лишь тенденции, судьбу которых покажет будущее.

Тем не менее очевидно, что российским политикам уже приходится иметь дело с непростой задачей мобилизации электората, черпающего информацию из разных каналов. Вопрос о том, в какой мере скачок в «интернетизации» России меняет стиль потребления политической информации и влияет на электоральное поведение, еще ждет внимательного исследования. Можно, однако, предположить, что если наблюдаемый после выборов в Государственную думу всплеск общественной активности окажется устойчивым, доля политической информации, потребляемой в Интернете может быстро увеличиться. Уже сейчас, по данным исследования, проведенного «Группой 808. Информационный аудит», оказалось, что статистика поиска по ключевым словам, фиксируемая поисковой системой «Яндекс», может рассматриваться в качестве репрезентативного источника, который показывает реальную степень интереса общества к ключевым темам, событиям, явлениям и персонам. В частности, исследование показало высокую степень корреляции между интересом интернет-пользователей к участвующим в выборах политическим партиям и прогнозом результатов выборов в ГД, рассчитанный ВЦИОМ с учетом опросов населения и экспертов-политологов [Выборы... 2011]. Конечно, это не делает Интернет главным каналом получения информации, однако эффект диверсификации каналов информации (и одновременно фрагментации аудитории в зависимости от доступа к тем или иным ее источникам) уже отчетливо проявился в нынешней думской кампании.

Список источников

«Выборы, выборы...». ВЦИОМ и Интернет прогнозируют исход думского голосования. Результаты исследования «Группы 808. Информационный аудит» // <http://g808.ru/text.php?sText=vyb2011> (дата обращения: 11.12.2011).

Гельман В.Я. Россия в институциональной ловушке // Pro et contra. 2010. Июль – октябрь. С. 23–38.

Группа компаний TNS. Результаты исследований. Данные по аудитории СМИ. Пресса // <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/press> (дата обращения: 18.12.2011).

Группа компаний TNS. Результаты исследований. Данные по аудитории СМИ. Радио // <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/radio/index.wbp?radio> (дата обращения: 18.12.2011).

Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.

Дубин Б.В. Посторонние: власть, масса и массмедиа в сегодняшней России // Отечественные записки. 2005. № 6 // <http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1167> (дата обращения: 10.04.2011).

Дубин Б. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et contra. 2009. Т. 13. № 1 (44). С. 6–19.

Засурский И.И. СМИ и власть. Россия девяностых // Средства массовой информации постсоветской России. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 86–134.

Зудин А.Ю. Режим В. Путина: Контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 67–83.

Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы // Малинова О.Ю. (ред.) М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. Патрушев С.В. (ред.) М.: ИСП РАН, 2006.

Интернет в России. 2011. Вып. 33. Весна // <http://bd.fom.ru/report/map/vesna2011> (дата обращения: 18.12.2011).

Лебедев П. Медийные предпочтения населения: Интернет теснит телевидение // Доминанты. 23.04.2009. № 16 // <http://bd.fom.ru/pdf/d16lp.pdf> (дата обращения: 10.05.2012).

Липман М., Петров Н. Взаимодействие власти и общества // Липман М., Петров Н. (ред.) Пути российского посткоммунизма: очерки; Моск. Центр Карнеги. М.: Изд-во Р. Эллинина, 2007. С. 163–233.

Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы — страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50) // <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/kaz.html> (дата обращения: 10.04.2011).

Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007. № 1. С. 6–21.

Малинова О.Ю. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Миллер А.И. (ред.) Наследие империй и будущее России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 59–102.

Петров К. Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе // Полис. 2006. № 3. С. 159–183.

Полуэхтова И.А. Динамика российской телеаудитории // Социс. 2010. № 1. С. 66–77.

Полякова В. Интернет как источник новостей: сильные и слабые стороны // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 27–33.

Реснянская Л., Фомичева И. Газета для всей России. М.: ИКАР, 1999.

Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et contra. 2010. № 4–5 (50). С. 6–22.

Семенов А.В. Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 94–114.

Трахтенберг А.Д. Интернет и возрождение «публичной сферы»: хабермасианский идеал и реальность Рунета // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Вып. 7. Екатеринбург, 2007. С. 224–230.

Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.

Becker J. Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19. № 2. P. 139–163.

Belin L. Russian Media in the 1990s // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2002. Vol. 18. № 1. P. 139–160.

Fossato F. Discussion: Is Runet the Last Adaptation Tool? // Russian Cyberspace. 2009. Vol. 1. № 1 // http://www.russian-cyberspace.com/pdf/issue1/Web-as-an-Adaptation-Tool_N-Fossato.pdf (дата обращения: 15.10.2013).

Fossato F., Lloyd J., Verkhovskiy A. The Web that Failed: How Opposition Politics and Independent Initiatives are Failing on the Internet in Russia. Oxford: RISJ Challenges, 2008.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1993.

Lipman M. The Russian Media Scene: Industrial Rise and Institutional Decline // Dyczok M., Gaman-Golutvina O. (eds.) Media, Democracy and Freedom. The Post-Communist Experience. Bern, etc.: Peter Lang, 2009. P. 159–170.

Pietilainen J. Media Use in Putin's Russia // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 3. P. 365–385.

Pombeni P. Ideology and Government // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 1. P. 61–76.

Prozorov S. Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of a Hegemonic Discourse // Journal of Political Ideologies. 2005. Vol. 10. № 2. P. 121–143.

Public Spheres and Collective Identities // Eisenstadt S.N. et al. (eds.) New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001.

The Public Sphere in Muslim Societies // M. Hoexter et al. (eds.) Albany: State University of New York Press, 2002.

White S., McAllister J., Oates S. Was it Russian Public Television That Won It? // The Harvard International Journal of Press/Politics. 2002. Vol. 7. № 2. P. 139–163.

Изучение публичной сферы в перспективе социологического институционализма

Андрей Семенов

Концепт «публичная сфера», не являясь популярным в политической науке, тем не менее часто привлекает внимание исследователей, будучи связанным с ключевыми проблемами в области знаний о политике. В предисловии к первому англоязычному изданию «Структурной трансформации публичной сферы» Ю. Хабермаса — основополагающей работы по данной теме — Т. Маккарти указывает, что в центре классической идеи демократии был процесс рационализации официальной власти «под институционализированным воздействием информированного обсуждения и обоснованной аргументации», потому постлиберальная эра, в корне отличающаяся от раннебуржуазной либеральной эпохи, ставит вопрос о возможности демократии как таковой, о том, может ли «публичная сфера перестроиться в радикально иных социальноэкономических, политических и культурных условиях?» [Habermas, 1991. P. xii]. Значимость феномена публичной сферы для демократии звучит и в других работах: так, в исследовании Ч. Тилли «Демократия» феномен демократизации определяется как процесс широкого, равноправного, защищенного и взаимобязывающего обсуждения гражданами и государством политического курса и политических назначений, который начинается со «значительного изменения уровня переговоров по поводу ресурсов, кото-

рые обеспечивают деятельность государства, между гражданами и государством» [Тилли, 2007. С. 57]. Ряд исследований, посвященных развитию европейской публичной сферы, исходят из необходимости восполнить «демократический дефицит» на разных уровнях управления в сообществе европейских стран.

Однако при изучении публичной сферы перед исследователем возникает ряд проблем методологического характера. Специфические исторические корни феномена публичной сферы сопротивляются автоматическому и безоговорочному перенесению его на любую другую почву без соответствующих корректировок: «Мы рассматриваем буржуазную публичную сферу как категорию, типичную для определенной эпохи. Она не может быть абстрагирована от уникальной истории развития „гражданского общества“, уходящей корнями в европейское позднее Средневековье, так же как и перенесена или идеалтипически генерализована на любые исторически ситуации, характеризующиеся формально схожими условиями», — отмечает в авторском предисловии к своему исследованию Ю. Хабермас [Habermas, 1991. P. xvii]. В том числе за попытки генерализовать свою модель в поздних работах идеи немецкого исследователя не раз подвергались критике. Модель Ю. Хабермаса предлагали уточнить [Avritzer, 2002] или расширить [Eisenstadt, Sluchter, 2001]. Также исследователями был выдвинут ряд интересных методологических подходов к изучению феномена публичной сферы: с помощью теории социального пространства П. Бурдьё [Koller, 2004], культурной социологии [Jones, 2007]. В данной работе мы попытаемся обосновать возможность анализа публичной сферы через призму социологической версии нового институционализма.

Особенности социологической версии нового институционализма

Институциональный подход на данный момент является одним из наиболее разработанных методов в политической науке: основополагающей исследовательской проблемой, с точки зрения Г. Алмонда, с начала основания политологии были свойства политических институтов и критерии их оценки [Алмонд, 1997]. Политическая философия Нового времени — предтеча современной политической науки — существовала в значительной мере в качестве нормативной теории политических институтов, будь то «конституция», «разделение властей», «гражданское общество», «государство», «политические партии», «легислатуры», «правительство»,

которые затем стали базовыми концептами для политической науки. Институционализм оставался основным направлением в социальных науках вплоть до «бихевиоралистской революции» 40-х гг. XX в. с ее акцентом на индивидуальное поведение акторов, а в некоторых отраслях (сравнительной политологии, например) еще дольше. Упрощенное понимание политических институтов как «черных ящиков» показало, что, несмотря на схожий формальный статус, эффективность, например, партий или парламентов в различных национальных контекстах сильно различается [Питерс, 1999. С. 218]. Принципиальные изъяны формального подхода к институтам привели к появлению новых версий институционализма. Как отмечает С.В. Патрушев, «классическая традиция изучения формально-юридических, внешних характеристик института как целого была дополнена рассмотрением внутренних элементов политических институтов, но в рамках того же описательного индуктивного подхода к формальной структуре, правилам и процедурам, фасадным ценностям» [Патрушев, 2001. С. 150]. На пике популярности макротеорий политической системы (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман) и микротеорий классического бихевиорализма были заложены основы «новой институциональной теории» [Diermeier, Krehbiel, 2003].

В основополагающей статье «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни» (1984 г.) Д. Марч и Й. Олсен утверждают, что специфика данного подхода — в акценте на «относительной автономии политических институтов» [March, Olsen, 1984. P. 734]. Новый институционализм, с точки зрения Д. Марча и Й. Олсена, возникает в ответ на упрощения, свойственные бихевиорализму и системной теории, которые заключаются в следующем. Во-первых, *контекстуализм* — представление о политике как производной от экзогенных сил культуры, общества или экономики как, например, в марксизме, где классовое разделение оформляет политические институты и процессы. Политическая сфера является относительно автономной, что предполагает возможность влияния политических процессов на остальные. Во-вторых, *редукционизм* — сведение единицы анализа к индивидуальному поведению, в результате чего все «политические эффекты» должны восприниматься как сумма индивидуальных актов выбора. Такая позиция подразумевает, что политическая система состоит из множества элементов, конечные из которых — индивиды, а также убеждение в том, что коллективное поведение можно понять путем «дезагрегирования» — разделения на меньшие единицы анализа, что ведет к недооценке закономерностей поведения

на более высоких уровнях агрегации, а также способности институтов формировать коллективные установки, идентичности и т.д. В-третьих, *утилитаризм* — представление действия как результата «калькуляции» — подсчета выгод и затрат. В то же время индивиды зачастую действуют не на основании стратегической рациональности, но руководствуясь аффектами, культурными и социальными нормами и ценностями, логикой соответствия правилам. В-четвертых, *функционализм* — представление об историческом развитии как «эффективном»¹ в любом времени и пространстве. Новый институционализм отдельно ставит проблему сопротивляемости институтов изменяющимся условиям и их «исторической неэффективности», а также обращает внимание на проблему сохранения неэффективных институтов. Наконец, в-пятых, *инструментализм*. Традиционно бихевиорализм и системная теория обращают внимание на последствия действий в большей степени, нежели на сам процесс выбора (индивид, институт, система понимаются как «черный ящик», а на суждения о содержании этого ящика накладывается запрет). Игнорирование специфических характеристик ситуации, в которой происходит выбор, а также действия символических факторов, связанных с ним, приводит к провалу попытки объяснить, почему одни результаты получаются вместо других.

Новая институциональная программа Д. Марча и Й. Олсена предлагает альтернативную каузальную модель политического процесса, где имеет значение не только акт выбора, но и те альтернативы, ограничения и символические коды, в окружении которых этот выбор происходит. Особое внимание уделяется информации, которая генерируется, накапливается и распространяется с помощью организованных институтов, а также кодируется в институциональные правила и нормы. Политическая жизнь предстает как процесс непрерывной интерпретации и реинтерпретации политических явлений агентами, шаблоны для которой предоставляют существующие институты, в условиях неопределенности последствий, неустойчивости предпочтений и ограниченной рациональности. Ключевым здесь является идея «институциональных порядков», их множественности. Выдвигая свою программу, однако, Д. Марч и Й. Олсен отмечали, что ее лучше всего понимать как «поиск альтернативных идей, которые упрощают аргументы эмпирической мудрости в теоретически полезном ключе» [March, Olsen,

¹ Под «эффективным» подразумевается движение от одного оптимального равновесия к другому.

1984. P. 747], т.е. позволяют работать со сложностью окружающей реальности без ущерба для объясняющего и эвристического потенциала теории.

На данный момент существует множество «новых институциональных теорий», которые не объединены ни методом, ни предметом, а скорее, некоторыми общими проблемами и вниманием к институтам, хотя развивались они независимо друг от друга [Hall, Taylor, 1996]. «Новый институционализм» занимает позицию теории «среднего уровня» между изучением формальных либо неформальных институтов (первыми занимался «старый» институционализм, вторыми — бихевиорализм), а также между «сциентистскими» (теория рационального выбора) и дискурсивными (герменевтика) подходами [Ethington, McDonagh, 1995]. В данной работе мы отталкиваемся от классификации П. Холла и Р. Тейлор, которые выделяют исторический институционализм, институционализм рационального выбора и социологический институционализм, отмечая, что версии институционализма отличаются друг от друга по таким фундаментальным вопросам, как способ конструирования отношений между институтом и поведением и способ объяснения процессов происхождения и изменения институтов [Hall, Taylor, 1996]. Схожую классификацию можно найти у классика этой парадигмы П. ДиМаджио, который выделяет «институционализм рационального действия» (ИРД), «социально-конструктивистский институционализм» (СКИ) и «конфликт-медиаторный институционализм» (КМИ)¹. П. ДиМаджио отмечает, что каждая из версий происходит из соответствующих областей социальных наук — экономики, социологии и политологии соответственно [DiMaggio, 1998]. Сравнивая эти исследовательские программы П. ДиМаджио отмечает, что они отличаются в первую очередь характеристиками действия, интересов, институтов и механизмов изменений (см. табл.).

Социологический институционализм пытается избежать двух крайностей: методологического индивидуализма, свойственного теории рационального выбора, и холизма, свойственного историческому институционализму с его приматом макроструктур.

¹ Устоявшихся переводов на русский язык данной терминологии пока нет. В английской транскрипции — «rational-action neo-institutionalism (RAN), social-constructivist neoinstitutionalism (SCN), and mediated-conflict neoinstitutionalism (MCN)». Данное разделение на русском языке приводится в статье С.В. Патрушева [Патрушев, 2006. С. 29], где «mediated-conflict» переводится как «посредничество в конфликте». Наш перевод основан скорее на логике большей точности в семантике.

Институционализм рационального выбора с его приоритетами формализации объяснительных конструкций оказывается недостаточно «чувствительным» к разнообразию социально-политических сред, кроме того, его аксиоматика представляется достаточно спорной (гипотеза рациональности индивида, стабильности предпочтений и экзогенного характера институтов). Макроподход к институтам парадоксальным образом сближается с рационалистскими трактовками институтов, отдавая приоритет структурам, но не интерпретативным способностям акторов, которые позволяют говорить об изменчивости или устойчивости институционального порядка.

Таблица

**Классификация версий нового институционализма
согласно П. ДиМаджио**

Тип институционализма	Действие	Интересы	Институты	Механизмы изменений
ИРД	индивидуальное	экзогенны	формальные по преимуществу	стратегические действия/селекция
СКИ	сконструированное / слабая агентность	эндогенны	неформальные по преимуществу/ неявные	диффузия/ «заражение»
КМИ	групповое	экзогенны	формальные/ неформальные организационные формы	политический конфликт

Источник: [DiMaggio, 1998. P. 698].

Социологический институционализм возник как субдисциплина организационной теории, связанной с проблемой противоположности рациональности, бюрократии, с одной стороны, и «культуры», с другой. Многие современные правила, процедуры и организации, согласно данному подходу, появились не по причине наибольшей эффективности для поставленных задач (как это предполагает исторический институционализм или институционализм рационального выбора), но являются культурно-специфическими

практиками, потому необходимо искать объяснение специфике институциональных форм, процедур и символов, в которые облакаются организации, и тому, как эти практики распространяются в организационном поле и между странами¹. Связь между институтами и поведением описывается через «когнитивный поворот». Заново вводится в анализ культура как «метаинститут», содержащий в себе шаблоны для остальных институтов.

Поведение связано с институтами в нескольких измерениях: «нормативном», через интериоризацию роли с набором предписаний и моделей поведения, и «когнитивном», посредством предоставляемых институтом когнитивных скриптов, категорий и моделей, которые необходимы для осуществления действия. Политическое действие связано с интерпретацией, зависящей от позиции актора и его идентичности, индивиды и организации преследуют цель выражения своей идентичности в социально одобренном ключе. Институты же специфицируют «образ себя» и «образ действия» в определенном контексте, чем и обуславливают поведение. Устойчивость институтов (равно как и институциональные новации) определяются логикой усиления социальной легитимности организаций и участников — «логикой социального соответствия» (*logic of social appropriateness*), а не «инструментальной логикой». Институциональное развитие происходит за счет диффузии институциональных образцов через сети акторов — создание разделяемых когнитивных карт/маршрутов, «институционального изоморфизма».

В этом свете «институты» в социологической версии определяются достаточно широко и включают системы символов, когнитивные скрипты, моральные шаблоны, которые обеспечивают «фреймы значений». Например, Д. Марч и Й. Олсен понимают под институтами «набор взаимосвязанных правил и рутин, которые описывают „правильное“ (*appropriate*) поведение в терминах связи между ролями и ситуациями» [March, Olsen, 1984. P. 160]. Более позднее и полное определение приводится в их статье для «Оксфордского справочника по политическим институтам»: «Институт — это сравнительно устойчивый набор правил и организованных практик, встроенных в структуры значения и ресурсы, которые относительно инвариантны при смене индивидов и сравнительно устойчивы к специфическим предпочтениям и ожиданиям акто-

¹ В данном вопросе одно из самых авторитетных направлений — концепция «организационного изоморфизма», выдвинутая П. ДиМаджио и У. Пауэллом.

ров, а также меняющимся внешним обстоятельствам» [March, Olsen, 2006. P. 3]. Согласно концепции Д. Марча и Й. Олсена существуют «конституционные» правила и практики, предписывающие правильное поведение. Существуют также структуры значения, встроенные в идентичности, которые указывают на общие цели и позиции, дают направление и придают смысл действиям, объясняют, оправдывают и легитимируют поведенческие коды. Наконец, существуют структуры ресурсов, которые создают возможность действия. Институты, в свою очередь, по-разному уполномочивают и ограничивают акторов, делают их более или менее способными действовать в соответствии с предписанными правилами «правильного поведения» [March, Olsen, 2006].

Довольно близкое по значению определение «института» представляют У. Пауэлл и П. ДиМаджио, которые определяют этот термин как «символические системы, конвенции и сделки, встроенные в организационную структуру политики, обеспечивающие [индивида] фреймами значений, направляющих человеческие действия» [Powell, DiMaggio, 1991. P. 10]. Исследователи полагают, что «не нормы и ценности, но предзаданные скрипты, правила и классификации — тот материал, из которого состоят институты» [Powell, DiMaggio, 1991. P. 14–15]. Вслед за Д. Марчем и Й. Олсеном они отрицают гипотезу полной рациональности актора, полагая, что институты являются относительно независимым феноменом как от индивидуального поведения, так и от макроструктур, используют «когнитивные» и «культурные» объяснительные модели.

Обобщая, можно сказать, что программа социологического институционализма предлагает переосмыслить связь между макроструктурами и индивидуальным поведением через призму понятия «институт». Набор институтов, с одной стороны, уже предзадан, с другой, находится в процессе постоянного изменения под воздействием неустойчивости предпочтений акторов, неполноты обладаемой ими информации и диффузии образцов (институционального изоморфизма). Каким образом эта программа может быть применима к исследованиям публичной сферы — проблема следующего раздела.

Анализ публичной сферы в перспективе социологического институционализма

Прежде чем обозначить перспективы изучения публичной сферы с точки зрения социологического институционализма, необходимо дать определение данному термину. А. Коллер предлагает

разделять широкий и узкий смысл понятия: «публичная сфера» в первом случае предстает как сфера публичных коммуникаций, которые «открывают производство, репродукцию или трансформацию социальных представлений, распределение символической власти в обществе и связанные с ним процессы создания границ наподобие межпространственных отношений» [Koller, 2006. P. 2]. В узком смысле «публичная сфера» — это способность к аргументированному коллективному выбору. Последнее определение близко нормативной концепции Ю. Хабермаса: «Публичная сфера состоит из ассоциаций, конституированных свободными, потому частными решениями входящих в них членов, основанных на добровольном членстве и внутренне характеризующихся эгалитарными практиками социального общения, свободными дискуссиями, мажоритарным принципом принятия решений и т.д.» [Habermas, 1992. P. 423]. Нормативное («узкое») измерение концепта — наличие дискуссий, характеризующихся открытостью, рациональностью, равенством участников, — не позволяет включить в анализ большинство западных стран. Потому для целей данной работы больше подходит расширенная трактовка публичной сферы как медиаторной сферы между частной жизнью и сферой принятия политических решений, где происходят дискуссии по вопросам общей значимости. Таким образом, публичная сфера будет включать в себя публичные коммуникации с участием массмедиа, общественных организаций и движений, гражданских и политических активистов и отчасти политических партий (в том случае, если партии не являются частью государственного аппарата). Публичная сфера является местом формирования коллективных идентичностей, преодоления частных границ, где индивидуальные интересы связываются с групповыми, интересы формируются в программы и требования, которые доводятся до сферы принятия решений (органов государственной власти).

Каким образом социологический институционализм позволяет нам исследовать понимаемую таким образом публичную сферу? В первую очередь данная методология содержит ряд важных принципов, на основе которых можно сформировать программу исследований. В рамках социологического институционализма предполагается, что акторы (индивиды и организации) действуют в среде, уже наполненной институтами. В этом свете мы можем утверждать, что коммуникации в общественно-политических дискуссиях происходят не в пустоте, но в упорядоченной определенным образом среде. Основа этого порядка — институты, предоставляющие шаблоны/схемы действия, которые в результате коллек-

тивного осмысления и применения создают предсказуемость и упорядоченность. То есть акторы обладают не безграничными возможностями выбора, равно как ресурсами для такового (временем, достаточным объемом информации, нужными навыками), но в первую очередь ориентируются на общепринятые установления. Так, в российской журналистике в период президентского правления В. Путина практически заново возродился институт цензуры (в том числе самоцензуры) как на федеральном, так и на региональном уровнях. Неформальные договоренности между властью и СМИ привели к изменениям редакторской политики, которые, в свою очередь, сформировали устойчивую практику самоцензуры, а приходившие в профессию новые журналисты интериоризировали эту практику как норму.

Далее, немаловажным принципом социологического институционализма является представление об инкрементальной изменчивости институтов и институциональной среды. Данный пункт необходимо уточнить: как показывают исследования, большинство организаций и индивидов, скорее, заинтересованы в сохранении status quo [Ingram, Clay, 2000], в то же время в силу объективных причин постоянно меняют институты, накапливая информацию и меняя модели коллективного осмысления. Кроме того, сосуществование институтов в одной институциональной среде (появление одних, исчезновение других, изменения третьих) делает неизбежными вариации в коллективном осмыслении. Например, появление просвещенного буржуазного «общественного мнения» в западноевропейских полициях на рубеже XVIII–XIX вв. привело к появлению новых институтов (независимые массмедиа, выборы в парламенты) и к исчезновению других (рабство в США). Другой пример — появление Общественной палаты в 2006 г. в России укрепило тенденции к централизации и инкорпорации независимых общественных групп и активистов в «официальную» публичную сферу.

Наконец, важным принципом представляется акцент не только на «экзогенном», объективном и принуждающем характере институтов, но и на «субъективной» их стороне, активной роли субъекта (агента, индивида), способного по-своему интерпретировать, адаптировать или изменять правила, нормы и иные составляющие института. Потому при анализе публичной сферы важно учитывать не только «норму», но и «отклонения», альтернативные институциональные модели и степень их укорененности/распространения. Так, распространение практики обсуждения в сети Интернет и создание альтернативных традиционным медиаплатформ (блоги, рас-

сылки, социальные сети, вики-сервисы) поставили вопрос об очередной трансформации публичной сферы [Dahlgren, 2005], в том числе в России. Если изначально исследователи воспринимали роль сетевых технологий довольно скептически, в дальнейшем подтвердились предположения о том, что «электронная публичная сфера» может эффективно обеспечивать участие в обсуждении общественно-политических тем.

Социологический институционализм предоставляет исследователю широкий набор концептуальных инструментов анализа — терминологический аппарат, позволяющий описывать и объяснять явления и процессы в публичной сфере. Такие понятия, как «институт», «институциональный порядок», «институционализация», «правила», «включенность/исключенность» являются важными аналитическими инструментами. Ключевым здесь является понятие «институт», под которым подразумеваются воспроизводимые в практике индивидов и организаций значения, придаваемые отдельным социальным действиям и их наборам, которые направляют (создают возможность и ограничивают) действия акторов, оставаясь до определенной степени устойчивыми к разнообразию и смене индивидов, их интересов и предпочтений. Такой подход к определению «института» довольно широк, однако он оправдывается следующими соображениями: во-первых, позволяет не сводить анализ публичной сферы исключительно к формальным составляющим — законодательным и иным нормативно-правовым актам, регулирующим обмен мнениями по общественно-значимым вопросам. Очевидно, что даже наиболее информированные акторы в процессе публичного обсуждения не знают (и не обязаны знать) все тонкости формально-правового регулирования участия в публичных обсуждениях политических партий, общественных организаций, массмедиа и различной публики. Данное определение позволяет охватить широкий набор неформализованных, но устойчивых отношений, имеющих определяющее значение для характеристики публичной сферы: круглые столы и дискуссионные клубы, консультативные, экспертные и общественные советы, дискуссии в сети Интернет. В то же время данное определение основывается на предположении о том, что конституитивными для институтов являются лишь те значения, которые «воспроизводятся» различными акторами из различных сред, т.е. признаны как минимум несколькими «коллективными идентичностями» (как максимум на уровне всей политики, что, безусловно, означает получение правового статуса, признание со стороны наиболее общей идентичности — государства-нации). Таким образом, такое определение отражает

идею необходимости «социального признания» институтов: если широкая публика признает ту или иную практику обсуждений, она приобретает устойчивый характер и связывается с процессом принятия политических решений, как, например, распространение практики обсуждения местных и регионального бюджетов в штате Керала (Индия) [Evans, 2004].

Во-вторых, такое определение отражает процессуальную сторону институтов, что позволяет выйти на проблему институционализации: поскольку институты не имеют статуса «объективной предзаданности», но воспроизводятся на практике в результате освоения (интерпретации, интериоризации и реализации) агентами специфических для данного института правил и норм, а также в результате наложения санкций. Всегда существует неопределенность во взаимных ожиданиях и неполнота воплощения тех или иных институциональных норм и правил, что позволяет говорить о большей или меньшей институционализации. Различные агенты могут принимать усилия по закреплению именно данных особенностей института в качестве доминирующих: политическая элита может гарантировать контроль за публичной повесткой дня через владение активами медиагрупп либо контроль политики государственного финансирования сегментов медиапространства, которая позволяет «наказывать» издания, не исполнившие инструкций и указаний власти.

Основная опасность такого подхода заключается в том, что, строго говоря, невозможно говорить об институте как о связанном наборе конечных правил. Таким образом, любой институт оказывается «матрешкой», состоящей из множества «вложенных» друг в друга образований, которые также могут быть определены как «институты». Так, институт «массмедиа» можно разделить на институты повестки дня, цензуры, редактур и так далее. Однако, очевидно, что у такого разделения есть свои пределы: верхний уровень может быть обозначен пределом «институционального порядка», который не может быть рассмотрен через призму понятия «значение» в силу того, что именно порядок является источником этих значений. Целостность институционального порядка определяется, скорее, аналитически. Нижним пределом может выступить то, что П. Панов выделяет в качестве «регулярностей» и «правил» (от себя добавим — «единичных правил»), которые не обладают необходимыми для выделения в качестве института качествами универсализуемости и принудительности [Панов, 2009], а если добавить специфику нашего определения термина «институт» — социальным признанием.

Из вышеописанного следует, что «публичная сфера» сама по себе не является институтом или простым набором таковых. Скорее необходимо определять ее как «институциональный порядок», в котором соприсутствуют различные институты, «внутри» и «посредством» которых осуществляются в той или иной мере пересекающиеся практики (более или менее контингентные, последовательные во времени наборы действий) и происходят специфические обмены. Уровень порядка обычно описывается конституционными институтами (разрешением/запретом на деятельность организаций и движений, возможности для создания независимых дискуссионных площадок и организации публичных политических мероприятий, регулирование сети Интернет), каждый из которых имеет подмножество других: для массмедиа — институты цензуры, повестки дня, финансирования; для политических партий — институты согласования интересов, негласные правила ведения предвыборной борьбы. «Реальность» всех этих институтов такова, что, будучи «разделяемыми значениями», они обретают смысл только в процессе применения акторами на практике [Панов, 2011]. Непосредственно наблюдаемыми являются действия, взаимодействия и практики акторов, которые могут указывать на наличие институтов. Современные исследования феномена публичной сферы позволяют выделить как минимум четыре основных варианта его институционального порядка: репрезентативный, официально-общественный, корпоративный, демократический. Последние три отражают факт перехода от европейской публичной сферы домодерной эпохи, когда сам предикат «публичное» относился к держателям власти — монархам и их представителям, к публичной сфере эпохи модерн. Все четыре варианта порядка являются идеалтипическими, тогда как в реальности порядок может быть комплексным, комбинирующим определенный набор институтов из разных порядков. В то же время есть смысл говорить о доминировании того или иного порядка в рамках отдельной политики, о той или иной степени его институционализированности.

Наконец, важным представляется введение термина «институционализация» в анализ публичной сферы. Исследователи используют этот термин применительно к различным объектам социальной реальности: от «институционализации» отдельных практик, правил и норм до «институционализации» порядков [Панов, 2009], сам термин получил достаточное распространение в отечественной и зарубежной политической науке, однако последовательная его разработка пока еще не была осуществлена [Завадская,

2009]. С. Хантингтон, один из первых исследователей, применивших данный термин к политической реальности, определяет его как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [Хантингтон, 2004. С. 32]. Уровень институционализации измеряется пределами и силой институтов, которые проявляются в «размере, количестве и эффективности организаций, действующих в рамках политической системы» [Хантингтон, 2004. С. 51]. Определение С. Хантингтона в то же время содержит концептуальные изъяны: институционализация воспринимается как направленный процесс с предзаданным результатом. Парадигма социологического институционализма отрицает финализм и функционализм, потому вслед за П. ДиМаджио и У. Пауэллом необходимо отметить, что «институционализируются организационные формы, структурные компоненты и правила, а не специфические организации» [Powell, DiMaggio, 1991. P. 14]. В нашем случае акцент на конкретных «организациях» в изучении процесса институционализации публичной сферы чересчур сужает предметную область исследования: во-первых, в российской традиции под «организациями» имеются в виду в первую очередь образования, имеющие формально-правовой статус, тогда как в публичной сфере зачастую действуют акторы, не обладающие таким статусом; во-вторых, переходный характер существующей в России политической системы обуславливает нестабильность большинства формальных организаций, хотя бы в связи с частой сменой нормативно-правовой базы. В связи с этим необходимо отметить, что при изучении институционализации публичной сферы необходимо обращать внимание не только на реально существующие организации, но и на иные организационные формы, в которые воплощается активность акторов в публичной сфере.

В итоге социологический институционализм позволяет решить концептуальные проблемы, обозначенные Д. Марчем и Й. Олсенom: во-первых, позволяет рассматривать публичную сферу как самостоятельный политический феномен в противоположность контекстуализму; во-вторых, позволяет избежать редукции феномена обсуждения к отдельным актам коммуникации, не подающим генерализации; в-третьих, предлагает альтернативные модели рациональности (от коммуникативной до ограниченной); в-четвертых, предполагает возможность существования неэффективных институтов (антифункционализм); в-пятых, обращает внимание на ситуацию выбора, на набор доступных альтернатив в ней, в отличие от инструментального анализа последствий принятых решений.

Таким образом, социологический институционализм представляется актуальной альтернативой макро- и микроподходам в изучении политических явлений. Изучение публичной сферы с позиций социологического институционализма будет включать анализ организаций и организационных форм, специфических правил и рутинизированных действий при осуществлении коммуникации по общественно-значимым проблемам, а также изучение декларируемых акторами возможностей и ограничений их действий по реализации своих целей в публичной сфере. Итогом анализа процесса институционализации публичной сферы должны стать выводы о наборе специфических институциональных характеристик и образуемом ими институциональном порядке (репрезентативном, одобряющем, корпоративном или демократическом). Расширенная повестка дня анализа публичной сферы с точки зрения социологического институционализма будет включать связь между «культурными» образцами и моделями поведения, «встроенность» («embeddedness») характеристик отдельных институтов в общий институциональный порядок. В результате мы можем получить схему взаимодействия между ключевыми институтами публичной сферы, описать опривыченные принципы управления поведением участников публичной коммуникации. Также итогом институционального анализа может стать характеристика степени включенности нормативных институциональных характеристик (открытость, рациональность, равенство, автономия) в институциональный порядок публичной сферы изучаемой политики, а значит — уточнить степень «демократичности» данной политики, направление ее развития.

Список источников

Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политические исследования. 1997. № 6. С. 174–183.

Завадская М. Проблемы измерения политической институционализации: современное состояние исследований // Политическая наука. 2009. № 3. С. 56–70.

Панов П. Институциональный порядок: подходы к осмыслению и исследованию // Политическая наука. 2009. № 3. С. 20–38.

Панов П.В. Институты, идентичности, практики. М.: РОССПЭН, 2011.

Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология. Современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006.

Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: Этапы, теория, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 149–189.

Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления. М.: Вече, 1999.

- Тилли Ч.* Демократия. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-традиция, 2004.
- Avritzer L.* Democracy and the Public Space in Latin America. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- Dahlgren P.* The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation // *Political Communication*. 2005. № 22. P. 147–162.
- Diermeier D., Krehbiel K.* Institutionalism as Methodology // *Journal of Theoretical Politics*. 2003. № 2. P. 123–144.
- DiMaggio P.* The New Institutionalisms Avenues of Collaboration // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1998. № 4. P. 696–705.
- Ethington P., McDonagh E.* The Common Space of Social Science Inquiry // *Polity*. 1995. Vol. 28. № 1. P. 85–90.
- Evans P.* Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation // *Studies in Comparative International Development*. 2004. Vol. 38. № 4. P. 30–52.
- Jones P.* Beyond the Semantic ‘Big Bang’: Cultural Sociology and an Aesthetic Public Sphere // *Cultural Sociology*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 73–95.
- Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: The MIT-press, 1992.
- Hall P., Taylor R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. 1996. № 44. P. 936–957.
- Ingram P., Clay K.* The Choices-Wihin-Constraints New Institutionalism and Implications for Sociology // *American Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 525–546.
- Koller A.* The Public Sphere, the Field of Power, and Comparative-Historical Research: The Intermediary Sphere of Society: paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, TBA. San Francisco, 2004 // http://www.allacademic.com/meta/pl72416_index.html (дата обращения: 10.09.2013).
- Koller A.* The Second Structural Transformation of the Public Sphere: paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, TBA, San Francisco, 2006 // http://www.allacademic.com/meta/p172425_index.html (дата обращения: 10.09.2013).
- March J., Olsen J.* Elaborating the «New Institutionalism» // Rhodes R., Binder S., Rockman B. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- March J., Olsen J.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. 1984. № 3. P. 734–749.
- Powell W., DiMaggio P.* Introduction // DiMaggio P., Powell W. (eds.) *The New Institutionalism In Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Public Spheres and Collective Identities* // Eisenstadt S., Sluchter W., Witrock B. (eds.) New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001.

Публичная сфера. Заметки о мотивации гражданских журналистов

Елена Иванова

Когда речь заходит о публичной сфере как независимой дискурсивной площадке, используемой группами общественности для рациональных дебатов по социально значимым темам, неизменно встает вопрос об участниках этого процесса, их мотивах, внутренних стимулах. Хабермас указывает, что «колонизация публичной сферы рыночными императивами ведет к параличу гражданского общества» [Habermas, 2006. Р. 421–422]. Публичная сфера находится под воздействием не только коммерциализации. Новые коммуникационные каналы расширяют спектр участия, но гражданская журналистика как активный агент публичной сферы не может развиваться безотносительно к таким аспектам, как изменение наемного труда, понимания карьеры и досуга, расширение профессиональной автономии журналистики. От этих и ряда других факторов зависят вектор, интенсивность и качество дискуссии. На смену общественно активной группе любителей приходят гораздо более сложные формы участия. Группа, которой еще недавно можно было дать единое название «гражданская журналистика», трансформируется во множество подгрупп с разной мотивацией, у каждой из которых оформляется внутренняя организация, субкультура и понимание стратегий успеха. Например, одни усматривают в своей деятельности журналистскую составляющую, другие лишь время от времени реагируют на значи-

мые, на их взгляд события, третьи используют новые коммуникативные площадки, преследуя скорее коммерческие, нежели гражданские интересы.

В главе предпринята попытка проанализировать мотивацию гражданских журналистов, и главным образом блогеров, в отношении их участия в публичной сфере. Анализ построен на материалах интервью, собранных в период с 2010 по 2012 гг., с представителями гражданской журналистики, редакторами независимых интернет-изданий, аналитиками блогов (N = 39), а также публикаций блогеров на сервисах Livejournal.com, Slon.ru, Snob.ru, Liveinternet.ru.

Журналистика и публичная сфера.

Типы и формы участия

В историческом обзоре, представленном в книге «Структурная трансформация публичной сферы», Хабермас выделяет несколько областей, так или иначе связанных с публичностью, которые на разных этапах развития общества сливаются или наоборот отдаляются друг от друга: политическую публичную сферу (political public sphere), литературную (literary public sphere) и публичное представительство (representative publicness). В качестве активных участников указывается слой образованных собственников, которые заинтересованы в дебатах и способны их вести [Habermas, 1989].

В современном обществе этот слой уже гораздо более артикулирован. В работе «Политическая коммуникация в медийном обществе» Ю. Хабермас называет два типа акторов, без которых невозможно существование современной политической публичной сферы. Это журналисты, занимающиеся редакцией новостей, подготовкой репортажей и комментариев, и политики, являющиеся «соавторами и адресатами общественного мнения» [Habermas, 2006. P. 416]. Для журналистов он определяет пять основных типов участия в публичной сфере: лоббисты (lobbyists), адвокаты (advocates), эксперты (experts), моральные антрепренеры (moral entrepreneurs) и интеллектуалы (intellectuals). Лоббисты говорят от имени особых групп. Адвокаты, как правило, представляют интересы маргинализированных групп, которые не могут эффективно участвовать в дискуссии. Эксперты, наделенные особыми научными или профессиональными знаниями, дают советы в различных областях. Моральные антрепренеры привлекают внимание к темам, которые оставались вне поля зрения общества. И наконец, интеллектуалы, которым высокая репутация позволяет высказывать определенные суждения об интеле-

ресах общества. Эти роли Хабермас приписывает «*профессионалам медиасистем*» [Habermas, 2006. P. 416]. Однако в современных медиа границы между «профессиональными» и «непрофессиональными» элементами не всегда прослеживаются достаточно четко. Широко распространенной практикой становится использование любительских материалов гражданских журналистов в материалах традиционных профессиональных СМИ, привлечение к обсуждению основных тем публики, организация независимых форумов. Публичная дискуссия может быть инициирована и журналистом, и теми, кто ранее был лишь аудиторией.

В зависимости от того, в какой степени публика вовлечена в построение медийного дискурса, могут выстраиваться различные модели участия в публичной сфере. Р. Бенсон рассматривает три типа таких моделей: элитистскую (elitist), совещательную (deliberative) и плюралистическую (pluralist) [Benson, 2009. P. 177]. Согласно элитистской модели основная роль отводится профессионалам, которые осуществляют наблюдение и контроль за избранными политическими деятелями, выявляют коррупцию и некомпетентность, представляют и анализируют информацию по социально значимым вопросам. Журналисты становятся теми «сторожевыми псами» (watchdog), которые охраняют интересы общества. Предполагается, что они вправе отбирать важные и нужные для общества темы и способы их освещения.

Если в элитистской модели журналистика выступает *от лица общества*, то в совещательной она попытается действовать *вместе с обществом* [Benson, 2009. P. 177]. Отсюда многочисленные опросы, подсчеты голосов, заслушивание мнений на радио и телевидении, публикация комментариев в Интернете. Плюралистическая модель подразумевает *принятие разнообразных дискурсивных стилей* [Benson, 2009. P. 178]. В плюралистической публичной сфере появляются те, кто не всегда признается в качестве журналиста, люди, создающие контент на субнациональном уровне, гражданские репортеры, активисты, блогеры, эксперты в разных областях жизни.

Применительно к гражданской журналистике следует отметить два вектора тяготения. Элитистская (и отчасти совещательная) модель может присутствовать лишь при условии собственного признания себя журналистом и при стремлении перейти в профессиональную среду, в то время как плюралистическая модель участия в публичном дискурсе может иметь окказиальный характер, когда активность в коммуникативном процессе обусловлена временными и частными обстоятельствами.

Гражданская журналистика: труд или «серьезный досуг»

Одной из важнейших характеристик прошедшего десятилетия становится повсеместное проникновение ведения в сети записей дневникового характера с добавлением фото, аудио, видео и наличием условий для комментирования записей читателями. Формально появление первых технологических платформ для ведения таких записей, или блогов, относят к 1994 г. [Rosenberg, 2009], однако массовое распространение явления начинается примерно с 2004 г., когда в мире было зарегистрировано от двух до четырех миллионов пользователей, ведущих блоги. Согласно отчету исследовательской группы «Технорати», в 2013 г. именно блоги оказывают наибольшее влияние на общественное мнение, опережая такие популярные платформы, как «Твиттер» и «Фейсбук» [Technorati Media... 2013]. К 2011 г. количество пользователей, ведущих блоги, выросло до 20 миллионов. Для определенной категории людей, ведущих свои записи на протяжении многих лет, регулярно пополняя их материалами, ведение блога стало одним из повседневных занятий, без которого они не представляют свою жизнь. Такие материалы сами по себе имеют большую культурно-историческую ценность как зеркало эпохи, поскольку постепенно уходит не только традиция ведения дневников, день за днем отмечающих события жизни «незамечательных» людей, но и эпистолярный жанр. Культурно-антропологическая ценность записей личного характера, обращенных к довольно узкому кругу читателей, очевидна.

Вместе с тем круг людей, которые бы хотели использовать возможности блогов с ориентацией на более масштабную аудиторию, постепенно растет. Часть блогеров рассматривают ведение дневника как вид дополнительного заработка. Оплачиваться может не только реклама товаров и услуг, но и материалы журналистского характера. Анализ репрезентативных опросов компании „Penn Schoen and Berland Associates“ для поискового сервиса «Технорати», показал, что по сравнению с 2009 г. в 2010 г. доля тех, кто рассматривает блогинг как вид дополнительного дохода, выросла с 19 до 34 % [State of Blogosphere... 2010]. Доля тех, кто готов заниматься только подготовкой материалов для блогов и этим зарабатывать себе на жизнь, незначительна, но в условиях трудовых простоев и наличия свободного времени блогинг рассматривается как одна из альтернативных форм занятости.

Характерной чертой трудовой занятости в современном обществе является временная работа или работа с неполным рабочим днем. Повсеместно, включая западные страны, «отношения между

работодателем и наемным работником по большей части не находят отражение в кодифицированном праве», а регулируются коллективными или индивидуальными договорами [Дойблер, 1995. С. 105]. Вопросы зарплаты, рабочего времени, характера и темпов труда работник вынужден решать самостоятельно. М. Кастельс называет это явление «индивидуализацией труда в трудовом процессе» [Кастельс, 2000. С. 89], вкладывая в это понятие прежде всего не столько творческий, индивидуальный характер работы, сколько исключительно личную ответственность за собственное трудовое благополучие. Эту же тенденцию отмечает Р. Кастель в работе «Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф?». Фигура наемного работника, включенного в системы коллективного трудового законодательства, теперь до известной степени вытесняется фигурой поставщика услуг, который, действуя на свой страх и риск, сам договаривается с работодателем об условиях работы [Кастель, 2003].

Вместе с сокращением социальных гарантий все большее количество людей ищут применение своим силам в неформальном, или третьем, секторе [Кастель, 2003]. Следует отметить разницу в экономическом толковании термина «неформальный сектор» и трактовке Дж. Рифкина. Согласно определению, приведенному в отчете МОТ, под неформальным сектором понимается осуществление найма работников незарегистрированными частными предприятиями, не предоставляющими социальных и правовых гарантий [Statistical update... 2012]. Три четверти неформального найма сосредоточены в Индии, Бразилии, Мексике, Вьетнаме и Пакистане. Дж. Рифкин под неформальным сектором понимает сферу общественных связей, добровольной помощи людям, взамен «искусственным» рыночным отношениям [Rifkin, 1996]. Этот концепт гораздо шире, нежели приведенное определение МОТ, и относится в том числе к развитым странам. Конкретные области, в которых может развиваться такого рода неформальный сектор, являются предметом споров и обсуждения. Так, Р. Кастель выделяет две области неформального сектора: «соседские услуги» и «услуги восстановления». Последние он относит к услугам, требующим высокой профессиональной компетенции. «В основном речь идет о медицинских, социальных или медико-социальных работниках, а также адвокатах, архитекторах и разного рода консультантах. Существует помощь индивидам, потребность в которой стала чувствоваться в связи с разрушением структур неформальной взаимопомощи, что связано с урбанизацией, редукцией семейных отношений, ограничениями в организации труда» [Кастель, 2000. С. 520]. Во многом такая помощь перекликается с роля-

ми моральных предпринимателей и адвокатов, которые Хабермас приписывает журналистам в публичной сфере [Habermas, 2006. P. 416]. Появление в блогосфере слоя людей, которые дают советы по разным жизненным нуждам (от кулинарных и бытовых до финансовых, медицинских и юридических), в определенной степени тоже находится в русле развития неформального сектора. Ценность такого рода услуг не столько в проверенной профессиональной компетентности, сколько в соразмерности человеческому опыту, в том человеческом совете, которого не хватает в обществе рекламы и маркетинга.

Блогеры выбирают роль, соответствующую их мотивации, которая может основываться на гражданской инициативе, чувстве человеческой солидарности, самоудовлетворении, а вместе с тем и на обеспокоенности относительно коммерческой жизнеспособности своей деятельности. Говоря о мотивации, следует отметить, что в контексте блогосферы роли не являются жесткими категориями, они скорее представляют собой совокупности черт, индивидуально и социально сконструированных. Деятельность в неформальном секторе может быть как совершенно бескорыстной, так и направленной на поиски новых форм полноценного найма.

Важным элементом при изучении новых форм деятельности становится разделение таких понятий, как работа и карьера. Ежедневная необходимость «ходить в присутствие» не определяет вектор карьерных амбиций. По мнению Р. Стеббинса, иное значение для человека и общества приобретает так называемый «серьезный досуг», который рассматривается как альтернатива профессиональной работе [Стеббинс, 2000]. По тому, насколько «серьезно» человек подходит к какому-либо увлечению, какими он овладел навыками, насколько высоко оценивают его умения и таланты окружающие, определяется статус досуга. Стеббинс выделяет два ключевых статуса в проведении серьезного досуга. Один из них – любители (*amateur*), дилетанты, откровенно непрофессиональные, без специальной подготовки и явных амбиций, и второй – люди, страстно увлеченные каким-либо занятием (*hobbyists*) и достигшие определенного уровня мастерства. Хобби может постепенно развиваться в профессию. При этом Р. Стеббинс указывает, что карьерный рост может развиваться и рассматриваться прежде всего в сфере хобби, а не в сфере повседневной занятости [Стеббинс, 2000. С. 66]. В качестве показателей, разграничивающих дилетантскую деятельность и так называемое «карьерное волонтерство», он отмечает: специально приобретаемые навыки и знания, значительные личностные усилия, необходимость обучения, наличие четкой

идентификации себя с выбранным занятием, а также формирование группового мира, который возникает при длительном выполнении сходных занятий [Стеббинс, 2000. С. 66]. Такой подход к определению «серьезного досуга» в значительной степени перекликается с теорией черт в социологии профессий, что говорит о постепенном разрыве связи профессии исключительно только с наемным трудом.

Гражданская медиаактивность как журналистская деятельность

Для того чтобы приблизиться к пониманию, как непосредственные участники процесса воспринимают свою деятельность, какие аспекты видятся им значимыми и сложившимися, а какие находятся только в стадии становления, был проанализирован вопрос о том, что такое журналистика в блогосфере. Задача журналистики в целом – открывать обществу новости и интерпретировать их. В связи с этим возникает необходимость определения, что является новостью и что такое общественно значимая новость. Существующие определения новости в словарях не дают исчерпывающих характеристик этого понятия. Сами журналисты также определяют ее в категориях не вполне четких. Вот, например, определение, представленное в пособии для журналистов: «Новость в журналистском понимании – это информация, которой широкая публика не знала до ее публикации. Новость важна для многих людей, она сообщает о неизвестном донныне, часто необычном событии» [Григорьян, 2007. С. 35]. Такое определение не проводит черты между новостью общественной и новостью коммерческой. Одно из предположений относительно концептуального различия между новостями, а следовательно, между журналистикой и PR состоит в том, что в идеальном варианте журналистскую новость никто не заказывает, обществу необходимо быть информированным. Использование понятия «новость» в целом более характерно для журналистской среды, в сфере рекламы и связей с общественностью «новость» по большей части заменяется термином «информационный повод». По мнению респондентов, основным отличием журналиста в блогосфере от представителей традиционного цеха считается высказывание субъективного мнения по актуальным вопросам, и наиболее применимыми ролями в общем контексте современных средств массовой информации являются репортер и колумнист. Ниша репортажа заполняется очевидцами, которые более опера-

тивно и детально освещают события, свидетелями которых им довелось стать.

Респонденты определяют феномен гражданской журналистики в блогосфере как «дилетантское накрытие». Если рассмотреть отклики на события сходного масштаба – взрывы в метро в феврале 2004 г., унесшие жизни 41 человека, и теракты марта 2010 г., в которых погибло также порядка 40 человек, – то количество откликов через 6 лет увеличилось в 30 раз. Не все записи в блогах созданы очевидцами, а тех, кто может сообщить о событии в соответствии с законами репортажного жанра, вообще единицы. По большей части информация носит эмпатический, эмоциональный характер. Начинает оформляться особый жанр – «журналистика участия», задача которого не только сообщить и интерпретировать новость, но и помочь читателю пережить нарастающую тревогу, создаваемую средствами массовой информации.

Интерпретация, разъяснение новости с точки зрения эксперта – прерогатива колумнистов – профессионалов, которые приходят в блогосферу из определенной области и пишут развернутые статьи на специализированные темы. С точки зрения наших информантов, которые параллельно работают и в традиционных массмедиа, и в блогах, блогжурналисты – это те, кто сами себя относит к цеху СМИ. Внутреннее ощущение себя журналистом диктует необходимость ответственности за сообщаемую информацию, заботу о репутации среди коллег. Именно *ответственность и репутация* считаются водоразделом профессионального и непрофессионального поведения. При этом ряд экспертов отмечает, что в блогжурналистике, более чем в традиционной сфере, проявляется неготовность и нежелание брать на себя ответственность:

Журналистика накладывает не только отпечаток некоторого несения информации и знаний, недоступных до поры до времени другим, но и ответственность, поэтому ответственность пугает многих людей и правильно делает. А некоторые люди настолько увлечены своими гражданскими идеями, что забывают про объективность, корректность... Эмоциональность зашкаливает (муж., 35 лет, радиожурналист, обозреватель блогов, блогер).

Свобода от властного заказа и требований нанимателя не всегда позволяет избавиться также и от личных предвзятых мнений, симпатий и антипатий, стереотипов и идеологических клише.

Мотивационные стратегии блогеров-журналистов

Материалы исследования дают основания рассмотреть различные типы мотивационных стратегий для занятия гражданской журналистикой в блогах. Одно из общих наблюдений состоит в том, что мотивационные установки тех, кто имел опыт в традиционных СМИ или до сих пор в них работает, отличаются от тех, кто никогда не работал в газете, на радио или на телевидении. Доминирующий тип мотивации для «профессиональной» группы – уход от жестких рамок редакционной политики, ограничений формата издания, а также отход от сложившихся статусных позиций, возможность заявить о себе с новой стороны. В основе мотивации гражданских журналистов, развивающих свою деятельность исключительно в блогах, – не столько желание самовыражения, сколько ощущение общественной значимости выполняемого дела, своего рода миссии: *«Я у общества на фрилансе, а не у конкретного СМИ»* (муж., 35 лет, блогер). Понятие «общество» трактуется очень широко, в него вкладывают самые разнообразные смыслы: приверженность определенным политическим и неформальным движениям, либеральным и националистическим идеям, беспокойство о судьбе небольшого территориального сообщества и огромного региона.

Различия в дискурсивных ориентациях схематически располагаются в следующих полях (см. рис.).

Рис. Дискурсивные ориентации респондентов по мотивации

Характерной чертой журналистского дискурса является объяснение, почему наряду с профессиональной журналистикой, они уделяют большое внимание блогам. Возможность большей свободы высказывания не всегда означает исключительно удовлетворение потребности в свободе слова, понимаемого в гражданском смысле. Чаще называется осуществимость публикации материалов, которые были написаны в стол:

Сейчас большинство журналистов предпочитают работать на два фронта – и в офлайне, и в онлайн. В офлайне заметно больше платят. В онлайн все публикуется быстрее и наблюдается большая свобода. Разные формы – почему бы не использовать обе? (муж., 46 лет, журналист).

Тем не менее не исключается и переход к блогингу только из гражданских побуждений, с целью раскрытия общественности фактов, которые в силу разных обстоятельств не могут быть опубликованы. Чаще к таким приемам прибегают региональные журналисты, где СМИ находятся под гораздо более жестким контролем со стороны местных элит. Неформальные каналы блогосферы помогают преодолевать многочисленные барьеры на пути новости к потребителю. Интернет предоставляет выход на огромную аудиторию, а опубликованное в блоге имеет гораздо больший резонанс, чем опубликованное в традиционной прессе:

Блогосфера рождает некоторую значимость внутри себя, когда прогоняет через тысячи редактур какое-то событие. Например, майор Дымовский¹ – это, очевидно, порождение блогосферы. Если бы майор Дымовский опубликовал что-либо в газете – это прошло бы незамечено (муж., 28 лет, гражданский активист, блогер).

Стремление к большей известности хоть и присутствует в интервью, тем не менее большинство респондентов, рассказывая о том, что гражданская журналистика, и, в частности, блогинг, дали им и их знакомым, стараются при помощи иронии выстроить приоритеты, обозначить дистанцию между высокими целями и не очень. Так, один из респондентов в подтверждение тезиса о том,

¹ Дело майора Дымовского – уголовное дело о клевете, возбужденное в декабре 2009 г. после публикации видеообращения на портале Youtube, с разоблачением нескольких высокопоставленных сотрудников милиции. Дело майора Дымовского привлекло внимание блогосферы и традиционных СМИ.

что блоги являются социальным лифтом, привел историю о финансисте, сделавшем себе карьеру в блогах:

Он жил в каком-то городе, не помню, в какой-то там Уфе на Амуре и мечтал работать в «Тройке Диалог». Он завел себе сайт, тогда блогов особо не было, начал анализировать, публиковать какие-то таблички, заниматься анализом инвестиционной деятельности. Потом с кризисом 1998 г. он потерял свою работу и с удвоенной силой стал заниматься наполнением сайта. А потом стал профессиональным блогером-аналитиком (жен., 36 лет, финансовый аналитик, блогер).

Иначе выглядит группа блогжурналистов без опыта работы в традиционных СМИ, чьи установки на свободу творчества не могут быть артикулированы. Основой мотивации этих людей называется ответственность перед людьми, формирование коллективной идентичности и понимание своей роли.

У молодых респондентов мотивацией к блогерству является возможность стать известным и услышанным. Как правило, мотивация на обретение известности свойственна информантам от 22 до 30 лет. Как отмечает один из наших собеседников: *«Блогерство интересно мне как социальный лифт. За год можно стать человеком достаточно известным»* (муж., 24 года, блогер).

Однако известность и соответственно материальный успех не являются основным критерием в стратегии выбора блогжурналистики как сферы деятельности. Сегмент блогосферы, тяготеющий непосредственно к гражданской журналистике, очень редко связывает себя формальными отношениями с работодателем, за исключением тех случаев, когда блогеру предлагают вести колонку в каком-либо издании или вести передачу на радио. Тем не менее это не исключает присутствия экономических стратегий в их деятельности. Заработок осуществляется за счет размещения рекламных баннеров на своей странице, контекстной рекламы, размещения маркетинговых ссылок в своем блоге, оплаты за освещение заказных тем. Существуют также не прямые способы оплаты, такие как: бесплатное предоставление товаров, которые упоминаются в блоге; оплачиваемое участие блогера с высоким рейтингом в различных мероприятиях – от премьеры фильма до выпуска новой модели мобильного телефона; поездки в заграничные пресс-туры. Материалы интервью подтверждают концепцию внутреннего разделения активного слоя блогосферы на тех, кто воспринимает себя журналистами, ориентированными на общественно значимые события, и тех, кто тяготеет к цеху рекламы и PR. В обсуждении во-

просов аккредитации и особенно приглашения на освещение коммерческих мероприятий со стороны группы информантов, которые рассматривают себя исключительно в контексте участников социально значимых дискуссий, появляется негативный эмоциональный оттенок: *«многие пытаются воспользоваться моим именем, но я избегаю упоминания его в таком контексте., пусть пиарщики ходят..., я не для того занимаюсь блогами»*. (муж., 35 лет, журналист, блогер). В интервью приводятся примеры, когда желание заработать толкает блогера, считающего себя журналистом, публиковать заказную информацию, за которую производитель, дистрибьютор или иной заказчик платит деньги, но, как правило, делается это тайно, под другим именем. Такое явление признается нашими собеседниками довольно распространенным. Однако только глубокая включенность в среду позволяет распознать смену ролей, обыкновенный читатель, как правило, не может сопоставить разные ипостаси одного и того же автора.

Разная степень вовлеченности в профессиональные процессы, а именно: опыт работы в традиционных СМИ и возраст, определяют доминанты в выборе приоритетов, среди которых выделяются большая свобода слова, выполнение социального заказа на новость, возможность быть услышанным.

Заключение

Ограничение публичной сферы только участием профессиональных журналистов и политиков не всегда оправдано в силу того, что поле журналистской деятельности постепенно размывается, и параллельно с традиционными формами приходят новые виды участия в медийном процессе. В публичной сфере могут появляться как новые профессиональные акторы, работающие на постоянной основе, так и случайные участники. Массовое участие в публичных дебатах приводит к изменению характера дискурса с рационального на эмоциональный.

Новые формы участия в публичном дискурсе появляются в том числе и с развитием «неформального сектора», который рассматривается как сфера человеческой взаимопомощи, поддержки, совета. Стратегия гражданской журналистики в этом секторе перекликается с ролями «адвокатов» и «моральных антрепренеров».

В условиях разделения таких понятий, как карьера и работа, развивается так называемое «карьерное волонтерство», когда уровень знаний и навыков в сфере, никак не связанной с непосредственным местом работы, становится настолько высок, что извест-

ность, карьера и репутация развиваются независимо от постоянного найма. Такие люди могут выступать в качестве экспертов. Вместе с тем отсутствие жесткой системы контроля в блогах снижает уровень доверия к экспертным заключениям. Если в традиционных СМИ эксперт, находясь под диктатом рынка, может скрыто лоббировать интересы определенной группы, то в блогосфере разграничение между экспертом и лоббистом еще менее очевидно. Респонденты отмечают, что в условиях анонимности один и тот же человек может выносить и независимое экспертное и явно заказное заключение. Мотивационные установки участия в публичной сфере разнятся у тех, кто имел опыт работы в традиционных СМИ, и тех, кто изначально рассматривал свою деятельность только как блоггинг. Для профессионала – это способ отхода от предписанной роли, возможность высказывания в разных амплуа, для непрофессиональной группы – прежде всего стратегии достижения известности и ориентации на групповую идентичность.

Список источников

- Григорьян М.* Пособие по журналистике. М.: Права человека, 2007.
- Дойблер В.* Тенденции развития трудового права в промышленно развитых странах // Государство и право. 1995. № 2. С. 103–109.
- Кастель Р.* Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф? // Отечественные записки. 2003. № 3. http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_43-pr.html (дата обращения: 15.06.2013).
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Стеббинс Р.А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга // Социс. 2000. № 10. С. 64–72.
- Benson R.* Shaping the Public Sphere: Habermas and Beyond // The American Sociologist. 2009. Vol. 40. Issue 3. P. 175–197.
- Habermas J.* Political Communication in Media Society: Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research // Communication Theory. 2006. № 16. P. 411–426.
- Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
- Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1996.
- Rosenberg S.* Say Everything: How Blogging Began, What It's Becoming, and Why It Matters. N.Y.: Three Rivers Press, 2009.
- State of the Blogosphere.* 2010 // Technorati. 2010 // <http://technorati.com/blogging/article/state-of-the-blogosphere-2010-introduction/page-2/> (дата обращения: 11.07.2013).

Statistical update on employment in the informal economy. ILO-Department of Statistics. June, 2012 // http://laborsta.ilo.org/applv8/data/INFORMAL_ECONOMY/2012-06-Statistical%20update%20-%20v2.pdf (дата обращения: 15.06.2013).

Technorati Media's 2013 Digital Influence Report // Technorati Media. February, 2013 // <http://technoratimedia.com/2013/02/technorati-medias-2013-digital-influence-report/> (дата обращения: 23.06.2013).

«Сдвинуть глыбу»: опыт публичной социологии в рамках университетского курса

Искэндэр Ясавеев

В большинстве случаев социологические дисциплины преподаются в комфортных условиях аудиторий и семинарских комнат. Нередко существует значительная дистанция между университетским миром и социальными реальностями, обсуждаемыми на занятиях. Метафора «башни из слоновой кости» в ее критическом смысле – замкнутости, дистанцированности от окружающего мира – представляется уместной по отношению к ситуации многих преподавателей (в том числе и автора). Перефразируя высказывание Раймонда Михаловски, можно утверждать, что социологическое образование часто сопряжено с превращением страданий людей в абстракции, графики и коэффициенты [Михаловски, 2001. С. 184].

Ощущение разрыва между реальностями изучаемых и изучающих периодически возникало у меня (предполагаю, как и у многих моих коллег) на протяжении пятнадцати лет преподавания социологических дисциплин, в частности курса социологии социальных проблем. Но лишь некоторое время назад подход к препода-

Автор выражает признательность студентам отделения социологии Казанского федерального университета – участникам конструкционистских дискуссий и акций, а также журналистам, своим вниманием подержавшим инициативы по изменению ряда ситуаций.

даванию был изменен: в курс была включена акционистская часть, предполагающая воздействие на рассматриваемые социальные процессы, в частности на формирование публичной «повестки дня». Отправной точкой стало обсуждаемое со студентами представление Юргена Хабермаса о несостоятельности идеи нейтральной аполитичной науки, а также его определение интеллектуалов как людей, которые чувствуют себя ответственными за вещи, имеющие к ним не только личное отношение или отношение в силу каких-либо полномочий [Хабермас, 1995. С. 99]. Высказывание Хабермаса о том, что «интеллектуалы сегодня более необходимы, чем когда-либо, чтобы расширить спектр дискутируемых тем и доводов, чтобы держать *открытой* политическую коммуникацию» [Хабермас, 1995. С. 99], стало, в сущности, стержневой идеей акционистской части курса.

В значительной степени на изменения в преподавании повлияла дискуссия о публичной социологии в России, очная часть которой состоялась в Высшей школе экономики 15 декабря 2007 г. [Романов, Ярская-Смирнова, 2008]. Участники обсуждения (А. Алексеев, С. Ерофеев, Е. Здравомыслова, К. Клеман, С. Климова, Е. Омельченко, П. Романов, Н. Романовский, А. Рыкун, К. Южанинов, О. Шевченко, В. Ядов, Е. Ярская-Смирнова, И. Ясавеев) были единодушны в том, что социология вправе вмешиваться в происходящее в обществе, и почти столь же единодушны в своем пессимизме по поводу существования в России заметной публичной социологии в том значении, в каком ее предложил понимать Майкл Буравой [Буравой, 2008]. Одним из лейтмотивов дискуссии была идея о навязывании властями определенной «повестки дня», о необходимости для социологов сопротивляться такому «диктату сверху» и продвигать на публичные арены проблемы «безгласных», невидимых и неслышимых групп (К. Клеман, Е. Омельченко, П. Романов, Е. Ярская-Смирнова).

Далее я хотел бы представить опыт «поворота» к публичной социологии в рамках университетского курса и поделиться возникающими в связи с этим вопросами. Непосредственно идея «социологической интервенции» в том смысле, в каком это понятие использует Ален Турен [Турен, 1998], возникла следующим образом. Ключевой раздел предмета «Социология социальных проблем», преподаваемого на отделении социологии Казанского федерального университета с 1995 г., посвящен конструкционистскому подходу к социальным проблемам. Сущность последнего заключается в понимании социальной проблемы как процесса выдвижения требований изменить ситуацию [Социальные пробле-

мы... 2007]. Основатели конструкционизма – Малькольм Спектор и Джон Китсьюз – предложили понимать социальные проблемы не как объективно существующие патологические, вредные или дисфункциональные социальные условия, а как риторику требовательного характера [Spector, Kitsuse, 1977]. Как отмечают Спектор и Китсьюз, формы конструирования проблем – выдвижения требований изменения – могут быть самыми разными: ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследованиях общественного мнения, обращения с жалобами и письмами протеста, инициирование судебных разбирательств, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, сообщения медиа, включая представление результатов журналистских расследований, публикация книг, кинофильмы, театральные постановки, а также уличная активность – митинги, пикеты, демонстрации, марши протеста, театрализованные действия, смарт-мобы, стрит-арт и т.д. Конструкционисты исследуют и обобщают опыт конструирования различных социальных проблем, выявляют условия их успешной конкуренции на публичных аренах [Хиллгартнер, Боск, 2007], определяют стратегии такого конструирования [Loseke, 1999. P. 81–93], а также стратегии противодействия выдвижению требований [Ибарра, Китсьюз, 2007. С. 84–93].

Четыре года назад при обсуждении со студентами форм и стратегий конструирования социальных проблем возникла идея применить на практике некоторые из конструкционистских стратегий, попытаться привлечь внимание общественности и властей к ситуации, находящейся за пределами публичной «повестки дня», выдвинуть требование изменить положение вещей и изучить особенности и последствия предпринятых действий. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы, во-первых, попытаться изменить какую-либо ситуацию, воспринимаемую студентами и преподавателем в качестве неприемлемой, а во-вторых, посредством практических шагов определить эффективность тех или иных форм конструирования социальных проблем.

Конструирование проблемы разрушения исторического памятника

Первым подобным опытом стало проведение одиночных пикетов в мае и октябре 2009 г. у дома профессора Карла Фукса в Казани. Конструируемой проблемой стало разрушение уникального объекта культурного наследия и бездействие властей. Данная ситуация в качестве предмета выдвижения требований была выбрана

в ходе обсуждения со студентами как требующая безотлагательных действий.

В одном из каталогов исторических и архитектурных памятников Казани дом Фукса описывается следующим образом:

Дом в начале XIX в. принадлежал профессору Казанского университета К.Ф. Фуксу и был своеобразным центром интеллектуальной жизни города... Здесь неоднократно бывал Н.И. Лобачевский. В феврале 1821 г. дом Фукса посетил известный государственный деятель М.М. Сперанский. В конце мая 1829 г. тут беседовал с хозяином и осматривал коллекции немецкий ученый Александр Гумбольдт. Когда в 1833 г. (5–8 сентября) в Казани остановился Александр Сергеевич Пушкин, собиравший материалы для «Истории Пугачева», К.Ф. Фукс помог поэту познакомиться с нужными ему местами и людьми. В доме Фукса А.С. Пушкин провел весь вечер 7 сентября 1833 г. [Казань в памятниках... 1982. С. 110].

К 2009 г. дом Фукса был заброшен и находился в ужасающем состоянии: крыша сгорела и обвалилась, окна и двери были выломаны, стены дома потемнели от влаги, внутри – груды мусора (ил. 1). Часть здания использовалась бездомными для ночлега. Было очевидно, что через несколько лет дом разрушится.

Ил. 1. Дом Фукса в 2009 г.

Одиночный пикет в качестве формы конструирования проблемы был выбран потому, что он, во-первых, не требует длительной подготовки и согласования времени и места проведения с местными органами власти. Согласно п. 1.1 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», «уведомление о пикетировании, осуществляемом одним участником, не требуется». Во-вторых, в 2009 г. одиночные пикеты еще были редкостью в Казани, и поэтому данный вариант действий обладал драматичностью и новизной, которые, согласно концепции публичных арен Хилгартнера и Боска, повышают вероятность включения проблемы в публичную «повестку дня».

Первый пикет состоялся у дома Фукса 16 мая 2009 г. Его участники поочередно стояли у здания с плакатом «Мне стыдно за наш 1000-летний город» (надпись на плакате была намеренно провокационной) и раздавали прохожим листовки с описанием этого исторического памятника. Другие в это время находились в стороне для того, чтобы не нарушать одиночный характер пикета. День недели (суббота) был выбран исходя из того, что в выходные конкуренция между новостными темами за место в «повестке дня» местных СМИ является не очень интенсивной. И действительно, после телефонного звонка в местную телекомпанию «Эфир» приехала съемочная группа и сняла репортаж, который был показан вечером того же дня в популярной в городе информационной программе. Репортаж назывался «Здесь был Пушкин» и высвечивал плачевное состояние здания.

Важной частью такой акционистской части курса стали письменные отзывы участников пикета. Как участие в пикете, так и критическая рефлексия по его поводу были добровольными. Студенты отмечали, в частности, не совсем удачные стороны пикета: *«На мой взгляд, наш плакат был нейтральным и непонятным. Прохожие не понимали, за что именно нам стыдно, не могли связать дом Фукса и плакат в единую картину».* *«Предложенные листовки были слишком перегружены информацией. У людей нет времени на ходу читать такой объем. Надо использовать короткие и ясные тезисы, а также изменить формат листовок, А4 слишком большой, достаточно половины такого листа, его и в руке удобнее держать».* *«На наш пикет приехала только одна телекомпания, было бы здорово, если бы о пикете было оповещено большее количество СМИ».* Общий эффект пикетирования был оценен одной из участниц следующим образом: *«Отношение администрации города к сохранению исторического наследия – это глыба несдвигаемая. Эта акция лишний раз позволила убедиться,*

что и сами горожане не вполне понимают, о чем идет речь, зачем нужно сохранять все это. Да, относятся с доброжелательным равнодушием или со страхом, но не понимают».

Результаты этого обсуждения использовались при организации и проведении следующего пикета, который состоялся 16 октября 2009 г. (ил. 2). На этот раз практика взаимодействия со СМИ была другой – накануне в ряд городских и республиканских газет и радиостанцию «Эхо Москвы в Казани» по электронной почте были отправлены сообщения о предстоящем событии с указанием имени и телефона координатора.

Была изменена надпись на плакате, она стала проще и понятнее для прохожих: «Требую спасти от разрушения дом Фукса». Другими стали формат и содержание листовок, раздаваемых прохожим, они стали меньше по объему, более простыми, и в них появилась мобилизационная часть: призыв написать и отправить обычной или электронной почтой письма мэру Казани, премьер-министру и президенту Татарстана с требованием обратить внимание на сложившуюся ситуацию.

В результате пикетов сформировалась инициативная группа по восстановлению дома Фукса, включавшая в себя не только студентов и преподавателей Казанского университета (несколько моих коллег по факультету журналистики и социологии поддержали акции своим участием), - но и других горожан. В дальнейшем действия участников группы приняли несколько иной характер. Было решено, что одиночный пикет уже исчерпал свой потенциал драматичности и новизны и необходимы новые повороты в конструировании данной проблемы. Очередным ходом инициативной группы стала установка 17 марта 2010 г. неофициальной мемориальной доски с надписью «В этом доме в первой половине XIX в. жил профессор Казанского

Ил. 2. Пикет у дома Фукса
16 октября 2009 г.

университета Карл Фукс. 7 сентября 1833 г. здесь был в гостях Александр Пушкин. Охраняется государством» (ил. 3). Этот шаг также стал информационным поводом для городских и региональных СМИ¹.

Ил. 3. Мемориальная доска, установленная активистами на стене дома Фукса

Медиаволна, инициированная пикетами и последующей активностью их участников, включала в себя целый ряд сообщений в эфире радиостанций и телеканалов, в том числе федеральных², на страницах газет и на новостных интернет-сайтах. В результате в масштабе города удалось сконструировать проблему разрушения дома Фукса, привлечь внимание СМИ, городских и республиканских властей к этому памятнику. Эти действия в сочетании с другими шагами общественности (такими как обращение в прокуратуру бывшей препо-

¹ См., напр.: В Казани на доме Фукса появится мемориальная доска // Комсомольская правда. 15.03.2010 // <http://kazan.kp.ru/online/news/633065> (дата обращения: 25.09.2013).

² В Казани погибает исторический памятник. Программа «Сегодня» на телеканале НТВ. 28.12.2009 // <http://www.ntv.ru/novosti/182953> (дата обращения: 25.09.2013).

давательницы Рафии Валеевой и инициирование прокурором Татарстана судебного разбирательства, проведение демонстративных экскурсий-шествий «Казань, которую мы теряем» по инициативе блогера, журналистки и экскурсовода Олеси Балтусовой) способствовали изменению ситуации. Суд обязал исполком Казани отреставрировать здание, последний выставил здание на аукционные торги с условием для собственника подписать охранное обязательство. В настоящее время заканчивается реставрация здания.

«Город без преград»: от пикета к интерактивной карте, пресс-конференциям и фотовыставке

Второй конструкционистский проект (со следующим курсом студентов отделения социологии Казанского университета) получил название «Город без преград». Тема проекта была предложена студенткой Софией Калаковой, мамой двух маленьких детей, рассказавшей о трудностях, с которыми приходится сталкиваться родителям в Казани при передвижении с детской коляской.

Ил. 4. Надземный переход на улице Ротонная. Автор снимка – Татьяна Нужина

подавляющее большинство перекрестков в городе не были оборудованы пандусами или пониженными бордюрами, при этом высота бордюрного камня на пересечении тротуара и проезжей части обычно составляла около 15 см, а местами достигала 30 см. Станции метро, открытого в 2005 г., не имели подъемников и лифтов. Подземные и надземные переходы вместо пандусов были оборудованы швеллерами со значительным углом наклона. Лифты, установленные в некоторых надземных переходах, не работали (ил. 4). Некоторые автобусы на городских маршрутах были низкопольными и оборудован-

ными аппаратами, но водители не имели навыков парковки у края остановочной площадки и использования откидных трапов. В подавляющем большинстве случаев коляски приходилось поднимать сопровождающим или пассажирам вручную.

При обсуждении данной ситуации со студентами подчеркивалось, что она является безвыходной для инвалидов, фактически запертых в стенах собственных квартир. Общее мнение заключалось в том, что Казань совершенно не приспособлена для инвалидов, людей старшего возраста, испытывающих трудности при передвижении, и родителей с детьми в колясках.

Как и в случае с предыдущим проектом, было решено начать с пикета, но не одиночного, а коллективного под названием «Город без преград». Пикет состоялся 12 июня 2010 г. у станции метро «Суконная слобода», работающий выход которой, как и на других станциях, не был оборудован подъемником. Участники пикета – около 20 человек, среди которых были инвалиды на колясках, велосипедисты, родители с детьми, – подписали обращение к мэру Казани с призывом изменить ситуацию с недоступностью города для инвалидов и устроили шествие по близлежащим улицам. При движении по перекресткам в очередной раз стала очевидной невозможность самостоятельного перемещения по Казани для людей с ограниченными возможностями здоровья. По пути следования встречались 25–30-сантиметровые бордюрные камни, спуститься с которых и подняться даже с сопровождающим не удавалось за время зеленого сигнала светофора (ил. 5).

Ил.5. Высота бордюра на пересечении тротуара и проезжей части – 25 см.
Автор снимка – Игорь Боталов

Пикет привлек внимание ряда городских и региональных СМИ¹. Характерным образом на обращение участников пикета отреагировала мэрия. Пообещав в официальном ответе к концу года сделать все станции метро доступными для инвалидов, мэрия ограничилась установкой в августе 2010 г. очередных швеллеров в подземном переходе к станции метро «Площадь Тукая» (впоследствии эта конструкция стала поводом для изготовления и размещения в Интернете видеозаписи, просмотренной более сорока тысяч раз, на которой спортсмен в защитном костюме пытается на коляске спуститься по этим и другим «пандусам»²).

Спустя три месяца, когда стало ясно, что никаких изменений в городе не происходит, было решено продолжить проект посредством разработки интернет-карты, которая демонстрировала бы «доступность» Казани для инвалидов. Участники проекта³ обследовали центральную часть города: измерили высоту бордюров на перекрестках, сфотографировали их и разместили эту информацию в открытом доступе в виде карты. Идея карты, получившей название «Казань недоступная», проста. Перекрестки обозначены цветными метками. Зеленый цвет указывает, что перекресток оборудован пандусом с необходимым углом наклона (не более 8–10 градусов) или пониженными бордюрами (не выше 4 см), а также тактильными и контрастными поверхностями и не является препятствием для самостоятельного передвижения инвалидов. Желтый цвет метки указывает, что на перекрестке есть пандусы или пониженные бордюры, тактильные и контрастные плиты, но они не отвечают необходимым требованиям (например, пандус имеет недопустимо большой угол наклона). Красный цвет свидетельствует о том, что пандусы или пониженные бордюры, а также тактильные и контрастные поверхности отсутствуют, т.е. перекресток непреодолим для инвалида без посторонней помощи. При нажатии на метку открывается описание перекрестка и фотография пандусов или бордюров. Адрес карты: <http://goo.gl/Sbc5d>.

¹ См., напр.: Инвалиды-колясочники, родители малышей и велосипедисты Казани требуют сделать город более удобным для передвижения. ИА «Интерфакс» // <http://www.interfax-russia.ru/Povoljje/news.asp?id=152247&sec=1671> (дата обращения: 25.09.2013).

² См., напр.: Экстремальная среда или город-убийца Казань // <http://youtu.be/Y-SyTruXEEQ> (дата обращения: 25.09.2013).

³ Координаторами проекта «Город без преград» являются София Калакова, Александр Калашников, Айрат Калимуллин, Ирина Кузнецова, Олеся Тимофеева, Айзиля Гарифуллина, Наталья Чернова и Искэндэр Ясавеев. Трое из восьми координаторов передвигаются на колясках.

К декабрю 2010 г. были обследованы около 100 перекрестков. Цвет карты говорил сам за себя – красный с редкими вкраплениями желтого цвета. Карта «Казань недоступная» была представлена властям, журналистам и общественности на пресс-конференции в агентстве «Интерфакс» 1 декабря 2010 г. Поскольку аналогов такого рода карт в России на тот момент не было, ее создание стало информационным поводом для нескольких десятков сообщений региональных и федеральных информагентств, газет и телеканалов [В Казани создана... 2010; Григорьева, 2011; Корякин, 2010; Корякин, 2011; Студенты из Казани... 2011; Тарасов, 2011].

В 2011–2013 гг. координаторы проекта предприняли ряд открытых обращений в мэрию Казани, Министерство труда, занятости и социального развития Республики Татарстан и ОАО «Российские железные дороги» по поводу различных вопросов (отсутствие обещанных изменений в метро; неработающие лифты в подземных и надземных переходах; необходимость закупки низкопольных трамваев; несоответствие ремонтируемых улиц, перекрестков и дворов строительным нормам и правилам; недоступность прокуратуры Татарстана и ряда объектов Деревни Универсиады для инвалидов; крутые и скользкие «направляющие для провоза тележек» на Центральном вокзале и др.). Как правило, каждое такое обращение оказывалось в фокусе внимания тех или иных СМИ, вызывало официальную реакцию властных структур и подчас необходимые изменения.

Коммуникация между участниками проекта, журналистами, исследователями и специалистами осуществлялась в значительной степени посредством страниц проекта в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook: vk.com/gorodbezpregrad и facebook.com/groups/gorodbezpregrad.

Визуализации социальной проблемы способствовала фотовыставка «Город без преград», демонстрировавшая различия между «третьей столицей России» Казанью и шведскими, финскими, немецкими и эстонскими городами¹. Выставка была развернута в апреле-мае 2012 г. в главном здании Казанского университета, а также в форме доступных всем веб-альбомов: goo.gl/M8ff7 и goo.gl/nnWWD. На открытие были приглашены горожане, включая тех, кто передвигается на колясках, и журналисты.

Значение пикета, пресс-конференций, открытых обращений и фотовыставки заключалось не только в производстве новостей на тему доступности среды, но и в возможности непосредственного

¹ Фотовыставка была организована и проведена при поддержке Центра социальной политики и гендерных исследований (Саратов) и Центра Евросоюза VOICES (Казань).

контакта координаторов проекта, передвигающихся на колясках, и журналистов. Таким образом, ситуация с недоступностью городского пространства представлялась прежде всего теми, кто ежедневно сталкивается с этими преградами¹.

В целом можно утверждать, что проект способствовал поддержанию темы недоступности городского пространства Казани в «повестке дня» городских, республиканских и федеральных СМИ и региональных властей на протяжении трех лет – в период реализации программы «Доступная среда» и подготовки к Универсиаде-2013 (более подробно о проекте «Город без преград» см.: [Кузнецова, Ясавеев, 2012]).

В течение года, предшествовавшего Универсиаде, центр Казани был практически полностью перестроен, на многих (но не на всех) перекрестках были установлены пониженные бордюры, тактильные и контрастные плиты. В настоящее время осуществляется обновление интерактивной карты «Казань недоступная» для того, чтобы отразить изменения в городе, качество проведенных работ, соответствие или несоответствие перестроенной среды требованиям доступности и открытости.

«Антишизофония»

Еще один студенческий проект, получивший название «Антишизофония», был кратковременным. Фактически он включал в себя подготовку и проведение только одной акции. Это было связано, во-первых, с тем, что конструировалась локальная проблема – навязывание звуковых потоков горожанам и гостям города на пешеходной улице Баумана в Казани, а во-вторых, с тем, что эти действия оказались успешными, сразу же обусловив изменение ситуации.

На всем протяжении улицы Баумана – наиболее известной и популярной улицы Казани – несколько лет назад были установлены десятки динамиков, посредством которых транслировалось муниципальное радио развлекательного характера, состоявшее в основном из поп-музыки и рекламы. Кроме того, практически у каждого сувенирного магазина и кафе имеются аудиоустройства, музыкой и рекламой зазывающие посетителей. На улице есть места, где друг на друга накладываются несколько аудиопотоков, создающих какофонию.

¹ См., напр., видеозаписи в материалах пресс-конференции в редакции «Аргументов и фактов»: НЕ«доступная среда»: как инвалиды Казани борются с автохамами и чиновниками // Аргументы и факты – Казань // <http://www.kazan.aif.ru/society/article/30618> (дата обращения: 25.09.2013).

В ходе дискуссии с очередной студенческой аудиторией курса социологии социальных проблем было решено предпринять символические действия по раздаче прохожим берушей с листовкой следующего содержания:

**АНТИШИЗОФОНΙΑ: ЛЮДИ ИМЕЮТ ПРАВО НЕ СЛУШАТЬ
ТО, ЧТО ИМ НАВЯЗЫВАЕТСЯ!**

У каждого города свои звуки. Звуковая среда Казани местами уникальна, в ней сочетаются звон колоколов, призывы к намазу, журчание фонтанов, пение птиц.

К сожалению, в одном из самых известных мест Казани – на улице Баумана – все это заглушается музыкой и рекламой, которая несется из десятков динамиков, выставленных из магазинов и кафе, а также установленных городскими властями. Прогулка по улице превращается в перемещение по разорванному звуковому пространству, в котором различные «аудиопотоки» накладываются друг на друга, порождая какофонию. Кроме того, музыка и реклама навязывается людям против их воли.

Эти беруши Вы можете использовать в автомобиле, автобусе, каком-либо шумном месте (например, у телевизора, если Вы не можете его выключить :) или во время прогулки по улице Баумана!

Площадкой для обсуждения, координации действий и рефлексии по поводу организованного события стала страница в социальной сети: <http://vk.com/antischizophrenia>.

На акцию, которая состоялась 31 мая 2012 г., были приглашены журналисты телекомпаний, газет и информационных агентств. Студенты в течение 10–15 минут раздавали прохожим около 100 пар берушей с листовками. Пешеходы в целом с интересом реагировали на акцию, соглашаясь с существованием проблемы и выражая поддержку участникам.

Благодаря такому «производству новости» тема навязывания звуков горожанам была представлена в десятке сообщений медиа¹.

¹ См., напр.: Казанские студенты решили бороться с какофонией в центре города. Информационное агентство REGNUM. 29.05.2012 // <http://www.regnum.ru/news/society/1536029.html> (дата обращения: 25.09.2013); В Казани прошла акция «Антишизофония». Телеканал «Дождь». 31.05.2012 // http://tvrain.ru/news/v_kazani_proshla_aktsiya_antishizofoniya-276367/ (дата обращения: 25.09.2013).

Предположительно, сюжеты на телеканалах «Дождь», «Россия» и «Эфир», статьи в «Вечерней Казани» и «Комсомольской правде», сообщение информагентства REGNUM привлекли внимание мэрии и способствовали обсуждению ситуации. Через несколько дней городское радио было выключено, и на улице стало значительно тише.

Гораздо труднее оказалось убедить владельцев кафе и сувенирных магазинов, расположенных на улице Баумана, перестать транслировать музыку и рекламу. Студенты передали им письма с объяснением ситуации и просьбой убрать аудиодинамики. Подавляющее большинство собственников ответило отказом, однако некоторые из них пообещали уменьшить громкость.

При выборе даты акции «Антишизофония» учитывалось скорое принятие поправок к Закону о митингах и к Кодексу об административных правонарушениях, существенно увеличивающих штрафы за нарушения при проведении публичных мероприятий. Изменения законодательства в июне 2012 г. заставляют предельно внимательно продумывать правовую сторону подобных акций с тем, чтобы исключить возможность административных санкций в отношении участников. Одиночный пикет по-прежнему не требует подачи уведомления в местные органы исполнительной власти. Однако в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» было внесено дополнение, согласно которому совокупность актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием.

Предположительное значение конструкционистских студенческих проектов и вопросы, возникающие в связи с организацией таких мероприятий

В целом, оценивая значение конструкционистских проектов на отделении социологии Казанского университета, можно утверждать, что благодаря вкладу в изменение соответствующих ситуаций у студентов появился опыт гражданской активности и понимание небесполезности действий, предпринимаемых любой, даже очень небольшой группой людей. Даже одиночный пикет при условии превращения его в медиасобытие может сдвинуть ситуацию с мертвой точки, привести к обсуждению, способствовать формированию инициативных групп, вызвать реакцию вла-

стных структур. Тем самым в очередной раз подтверждается, что индивидуальные действия, а тем более действия группы активистов «не обречены на бессмысленность». «Глыба» вполне сдвигаема.

Участники курса социологии социальных проблем на примере собственных действий смогли убедиться в возможности продвижения в публичную «повестку дня» ситуаций, лишенных внешней драматичности и новизны (постепенное разрушение исторических зданий, повседневное загрязнение окружающей среды, дискриминация инвалидов). Подобные явления, как правило, не отвечают формату новостей медиа. Они не являются интересными, необычными и/или значимыми событиями, которые произошли за последние сутки (если следовать определению новостей, предложенному Стюартом Холлом [Hall, 1981. P. 147–156]). Однако в случае умелого «производства новостей»: постановки событий, привлекающих внимание журналистов, общественности и властей, – пикетов, необычных акций, фотовыставок, пресс-конференций и т.д. – эти ситуации могут стать предметом обсуждения на различных публичных аренах.

На мой взгляд, значимым аспектом участия студентов в публичных акциях является формирование опыта взаимодействия с медиа: установления контактов, подготовки пресс-релизов, представления своих взглядов в форме телеинтервью. В частности, студенты непосредственно смогли оценить значение идей Пьера Бурдьё о практиках тележурналистики, предполагающих избирательность, отсутствие контроля снимаемых и интервьюируемых над конечным видом их высказываний, как правило, фрагментируемых в репортаже [Бурдьё, 2002].

Важным результатом предпринятых действий стало формирование групп и сообществ, впоследствии вышедших за рамки Казанского университета, в частности, инициативной группы по восстановлению дома Фукса и сообщества «Город без преград». В последнем случае значительную роль сыграли одноименные группы в социальных сетях «ВКонтакте» и Facebook, общее число членов которых в настоящее время составляет несколько сот человек, включая участников не только из Казани, но и из Саратова, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Благодаря этому сообщество «Город без преград» установило партнерские связи с проектами «Барьеров нет» и «Доступный Саратов».

Вместе с тем при проведении конструкционистских акций возник целый ряд вопросов, на которые у автора пока нет окончательного ответа:

- Вправе ли преподаватель вовлекать студентов в политическую деятельность, каковой является уличное пикетирование, смарт-мобы и пр.? Не является ли это нарушением профессиональной этики университетских преподавателей? Во всех описанных случаях участие в акциях было добровольным, а сами конструкционистские проекты – частью «по выбору», но очевидно, что авторитет и пример преподавателя может оказывать влияние на студентов.
- Если такого рода действия допустимы, то существуют ли ограничения, касающиеся проблематики и формы действий? Если допустимо совместное участие студентов и преподавателей в пикете с требованием предотвратить разрушение дома Фукса, то почему следует воздерживаться от обсуждения со студентами совместного участия в пикетах и митингах против фальсификаций на выборах или против принятия «закона имени Димы Яковлева»?
- Является ли данный опыт уникальным, характерным лишь для преподавания конструкционистского курса социальных проблем, или его можно использовать и в рамках других социологических дисциплин, таких как «Социология социальных движений», «Массовые коммуникации», «Политическая социология», «Социология девиантности», «Социальная экология»? Можно предположить, в частности, что обсуждение со студентами практик управления официальной статистикой преступности (формирования показателей раскрываемости) могло бы стать прологом к публичным действиям с требованием прекратить насилие в отношении задержанных в отделах полиции. Точно так же анализ ситуации с загрязнением окружающей среды конкретными городскими предприятиями мог бы привести к студенческим смарт-мобам, выражающим требования по прекращению вредных выбросов¹. Почему существование дружин по охране природы на экологических факультетах воспринимается как нечто привычное, а инициативных групп активистов на социологических факультетах и кафедрах (за редким исключением) нет?
- В какой степени практические шаги по конструированию социальных проблем, т.е. по инициированию обсуждения в обществе той или иной ситуации, являются формой публичной

¹ См., напр.: Маски-шоу в Старо-Татарской слободе // Вечерняя Казань. 15.04.2011 // <http://www.evening-kazan.ru/articles/maski-shou-v-starotatarskoy-slobode.html> (дата обращения: 25.09.2013).

социологии [Буравой, 2008]? Где грань между публичной социологией и публичной политикой и какое значение эта грань имеет для социологов-участников?

- Возникает ли при осуществлении такого рода проектов противоречие между позициями активиста и социолога? И если да, то каким образом возможно его разрешение?

Список источников

Буравой М. За публичную социологию // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии.* М.: Вариант, 2008. С. 8–51.

Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Ин-т экспериментальной социологии, 2002.

В Казани создана интерактивная карта в помощь маломобильным группам населения. ИА «Интерфакс» // <http://www.interfax-russia.ru/Povoljje/report.asp?id=194095> (дата обращения: 25.09.2013).

Григорьева А. Крутой маршрут // *Вечерняя Казань.* 21.06.2011 // <http://www.evening-kazan.ru/articles/krutye-marshruty.html> (дата обращения: 25.09.2013).

Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвигания утверждений-требований и просторечные ресурсы // *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение.* Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55–114.

Казань в памятниках истории и культуры. Казань: Татарское книжное изд-во, 1982.

Корякин О. Крутой маршрут. Для казанских инвалидов разработали карту города с указанием непроходимых мест // *Российская газета – Неделя.* 27.01.2011 // <http://www.rg.ru/2011/01/27/carte.html> (дата обращения: 25.09.2013).

Корякин О. Непрístupная Казань. Почему инвалидам тяжело передвигаться по столице Татарстана // *Российская газета – Неделя.* 09.12.2010.

Кузнецова И.Б., Ясавеев И.Г. «Казань недоступная»: отсутствие безбарьерной среды, вызовы общественности и реакция властей // Ярская-Смирнова Е.Р., Сорокина Н.В. (ред.) *Социальные работники как проводники перемен.* М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2012. С. 151–165.

Михаловски Р. (Де)конструкция, постмодернизм и социальные проблемы: факты, фикции и фантазии в условиях «конца истории» // *Контексты современности – II.* Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 175–185 // <http://ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/chap42.pdf> (дата обращения: 25.09.2013).

Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии.* М.: Вариант, 2008.

Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.

Студенты из Казани нанесли на карту города самые труднодоступные места для инвалидов. Первый канал. 28.02.2011 // <http://www.1tv.ru/news/other/171700> (дата обращения: 25.09.2013).

Тарасов С. Непреодолимые улицы Казани // Независимая газета. 21.06.2011 // http://www.ng.ru/ng_politics/2011-06-21/13_kazan.html (дата обращения: 25.09.2013).

Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации: Юрген Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность: московские лекции и интервью. М.: Издат. центр «АКАДЕМИА», 1995. С. 79–101.

Хилгартнер С., Боск Ч. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 145–184.

Hall S. A world at one with itself // Cohen S., Young J. (eds.) The manufacture of news. Beverly Hills, 1981. P. 147–156.

Loseke D.R. Thinking about social problems: An introduction to constructionist perspectives. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 1999.

Spector M., Kitsuse J.I. Constructing social problems. Menlo Park: Cummings, 1977. Перевод на русский язык фрагмента книги доступен по адресу: <http://ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/char42.pdf> (дата обращения: 25.09.2013).

III. ПРОЦЕССЫ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

От художественного акционизма к перформативной политике: искусство и публичная сфера

Альмира Усманова

О (не)возможности публичного искусства

Тезис о невозможности публичного искусства сегодня может прозвучать, пожалуй, как слишком радикальное высказывание, учитывая, насколько популярным стал этот художественный «тренд» в последние десятилетия. Поэтому для начала стоило бы сформулировать несколько простых вопросов, которые позволят нам проблематизировать данное утверждение. (Не)возможным в каком смысле? (Не)возможным в каком пространстве? (Не)возможным при каких обстоятельствах? (Не)возможным с чьей точки зрения? Тождественна ли «невозможность» отсутствию, носит ли это отсутствие временный характер и должна ли речь идти в таком случае об отсутствии самого феномена или же, скорее, о проблематичности создания/поддержания условий для его существования?

Выдвигая тезис о «(не)возможности» публичного искусства, я хотела бы начать с необходимости пересмотра дискурсивных порядков, сочленяющих «слова» и «вещи» в исторически определенных констелляциях, которые имеют свойство изменяться в тесной связи с трансформацией социальных практик. Применительно к рассматриваемой нами проблеме это означает необходимость учитывать тот факт, что значения слов, равно как и контексты их употребления, исторически изменчивы, и, следовательно,

каждый раз, когда мы используем понятие „Public Art“, необходима теоретическая и историческая контекстуализация, чтобы пояснить, о чем именно идет речь.

С одной стороны, Public Art, несомненно, может претендовать на статус „traveling concept“, если иметь в виду его транснациональную распространенность и обусловленную политическими причинами структурную востребованность в поле современного искусства. С другой стороны, очень может быть, что траектории его «перемещения» как в географическом пространстве, так и в историческом времени ограничены рамками определенной культурной традиции и вполне определенного социального устройства. Например, необходимо учитывать, что публичное искусство как манифестация индивидуального протеста (или несогласия), облеченного в художественную форму, предполагает наличие легитимных возможностей для публичного проявления инакомыслия (в рамках права на свободу слова). Если же публичное искусство понимается как способ эстетического высказывания за пределами музея, без какой-либо протестной составляющей, то оно вполне возможно и в авторитарном обществе, хотя может кардинально поменять свое значение в иных исторических обстоятельствах.

Далее, осуществляя теоретическую деконструкцию этого понятия, мы обнаруживаем, что оно может «работать» только как единое смысловое целое, поскольку ни одно из слагаемых в связке Public + Art не имеет и не может иметь фиксированного и общепринятого (разделяемого разными сообществами) значения, тем более в условиях новых медиа, развитие которых привело, с одной стороны, к размыванию границ между «искусством» и массовой креативностью, а с другой – к переосмыслению устоявшихся определений публичного и частного. Определить, что мы подразумеваем под «искусством», не столь просто, особенно когда речь идет о современном художественном практике в связке с публичностью.

Кроме того, трансграничному движению «слов» нередко препятствует проблема «трудностей перевода». «Публичность» изначально была «гендерно» обусловленным понятием, которое, по мнению Мэри Хоуксворт, позволяло скрывать операции власти, коль скоро публичная жизнь оказывалась, по сути, прерогативой мужчин, а частная – «естественным доменом» женского существования [см. более подробно: Hawkesworth, 2007]. Не удивительно, что в русскоязычном словоупотреблении латинизированное прилагательное «публичный» имеет дополнительные, к сожа-

лению, негативные, и, увы, гендерно-специфичные коннотации: «публичное» нередко воспринимается как синоним «неприлично-го», так как традиционно к сфере «публичной» деятельности относились занятия политикой (мужской домен *rag excellence*) и проституцией («исконно женская профессия»), а это означает, что, во-первых, «публичность» в русскоязычном контексте далеко не всегда ассоциируется с проблемами гражданского общества и общественными интересами (или, по крайней мере, не обязательно содержит в себе позитивный посыл)¹, во-вторых, как для женщин-политиков, так и для женщин, занимающихся художественными практиками, всегда существует риск подвергнуться большему общественному остракизму за само решение выйти (*coming out*) в публичную сферу², чем для мужчин, чье право на публичное изъяснение своей воли и желания воспринимается как «естественное».

Наконец, одним из важнейших факторов, сыгравших ключевую роль в изменении практик как создания, так и восприятия публичного искусства, является его неизбежная «спектакляризация». «Всякий протест – перформанс, всякий перформанс – спектакль, всякий спектакль – товар»: эта мысль французского философа Жака Рансьера [Рансьер, 2007. С. 70] является исходной точкой для размышлений о том, почему сегодня невозможно публичное искусство. На мой взгляд, в числе структурных причин, породивших синдром «активного бессилия» публичных художников, – и универсальная логика товара (коммодифицирующая и поглощающая любую форму протеста), и деградация публичной сферы в ее классическом понимании, и подчинение всех социальных полей полю медийного производства, и, наконец, утрата искусством монопольного права на перформативную культурную политику, свидетельством чему является повсеместный рост политического акционизма на фоне массовых протестов.

Соответственно, в рамках данного текста я попытаюсь выявить те контексты и обстоятельства, которые вынуждают нас сегодня заключать понятие «публичного искусства» в кавычки,

¹ Я бы даже сказала, что проявления гражданской апатии в постсоветской публичной сфере во многом обусловлены тем, что безразличие к публичной политике (установка на безучастность и невмешательство) нередко воспринимается как своего рода «нравственная добродетель».

² Реакции «публики» на панк-молебен "Pussy Riot" и последовавшие за этим события являются довольно красноречивым примером обсуждаемой здесь темы.

при этом общий горизонт моих размышлений может быть определен с помощью следующих вопросов: каковы условия, возможности и эффекты публичного высказывания посредством художественного жеста? что отличает художественный акционизм от политического активизма? является ли современное искусство резервуаром политических идей или же его следует рассматривать как самостоятельную форму «политики»? и если публичное искусство все же возможно, то в каких формах и при каких условиях?

Публичная сфера: симптомы исчезновения

Начинать обсуждение вопроса о том, какую структурную нехватку в современном обществе должно (было бы) восполнять «публичное искусство», следует с прояснения понятия «публичная сфера». Детальный анализ феномена (пост)публичной сферы выходит за рамки данного исследования¹, однако краткая преамбула все же необходима, чтобы понять, каким образом структурные причины и проявившиеся симптомы деградации публичной сферы в ее классическом понимании повлияли на пересмотр теории и практики «публичного искусства».

Когда слово «публичное» обрело свое современное значение, оно означало не только сферу социальной жизни, расположенную вне пространства семьи и близких людей, но также и то, что эта публичная сфера знакомых и посторонних включала относительно широкое разнообразие людей. По мнению Ричарда Сеннета, публичная сфера выполняла особую функцию общения, ибо здесь происходило социальное взаимодействие – «различные сложные социальные группы должны были неизбежно вступать в контакт» [см.: Сеннет, 2003. С. 24–25]. В свою очередь Юрген Хабермас рассматривал публичную сферу как посредника между обществом и государством и полагал, что она (должна быть) основана на принципе объединения всех и любых индивидуумов вокруг областей, представляющих общий интерес независимо от социального статуса с целью достижения рационального консенсуса путем критического обсуждения [см.: Habermas, 2006]. Итак, в идеале публичная сфера в демократическом обществе должна являться пространством медиации общественных интересов и поиска общего языка для установления социального консенсуса. Ее функция –

¹ Тем более, что этот анализ должен также включать и пересмотр понятия «приватности» [см. об этом более подробно: Усманова, 2009].

сделать зреющие в обществе конфликты видимыми, предупредить их обострение и найти приемлемый для вовлеченных в него сторон выход [Усманова, 2005. С. 40].

В контексте современных дискуссий о «структурной трансформации публичной сферы» (Ю. Хабермас) многие исследователи обращают внимание на разнообразные симптомы ее угасания или исчезновения¹ (по контрасту с XIX в., который считался «веком публики», хотя само понятие «публики» возникло значительно раньше и неразрывно связано с появлением печатной прессы в XVIII в. [см. более подробно об этом, а также о различии между «публикой» и «толпой»: Laclau, 2005. P. 18–47]). Стоит заметить, что скепсис многих исследователей в отношении «публичной сферы» связан как с осмыслением социальных практик, так и с теоретическим статусом самого понятия, содержательное наполнение и интерпретация которого напрямую зависят от культурного и исторического контекста.

Так, критики Хабермаса хотя и признают продуктивность «публичной сферы» как регулятивной идеи или «полезной категории» социального анализа, полагают, что концепция публичности и осуществленная им реконструкция истории формирования и функционирования публичной сферы в демократическом обществе оставили за рамками анализа тех, кто был фактически «исключен» из сферы публичного обсуждения общественного блага. С точки зрения феминистских теоретиков, публичная сфера была изначально структурирована как мужское пространство, а женщины, как правило, из участия в общественном диалоге были практически полностью исключены². Оскар Негт и Александр Ключе описывают буржуазную публичную сферу как не соответствующий реальности идеал, исключая рабочий класс, женщин, детей – все те группы, которые не способны в

¹ Как пишет Брюс Роббинс, «список работ, которые объявляют об упадке, деградации, кризисе или исчезновении публичной сферы, обширен и продолжает стремительно увеличиваться. Публичность, как нам говорят снова и снова и снова, – это то, что у нас некогда было и что затем мы утратили, а теперь нам нужно это каким-то образом вернуть» [Robbins, 1993. P. viii].

² Сегодня благодаря новым способам коммуникации женщины, напротив, оказываются достаточно активными участниками публичной дискуссии; правда, на определенной «территории», ограниченной, например, пространством собственного блога в Интернете, что соответствует представлению Нэнси Фрэжер о существовании множества (контр)публичных сфер в постмодернистском обществе.

полной мере участвовать в процессе общественного консенсуса [см.: Negt, Kluge, 1993. P. 10].

Характерно, что в этом смысле Хабермас оказывается «в ловушке» собственного дискурса¹, коль скоро его представление о единстве публичной сферы, по сути, означает отказ учитывать реально существующее неравенство, а такое положение дел, как правило, выгодно для доминантных групп и невыгодно для угнетенных и исключенных. Наличие множества «подчиненных контрпубличных сфер» (subaltern counter publics), создаваемых различными общественными группами, является следствием социального неравенства (которое, разумеется, невозможно устранить лишь путем исключения этой проблемы из публичной дискуссии), «поскольку политически маргинализованные социальные группы (женщины, рабочие, люди иной расы и сексуальных меньшинств) не имеют возможности обсуждать свои нужды, цели и стратегии в рамках общей, всеобъемлющей и единой публичной сферы» [Шмидт, Тойбенер, 2009. С. 122].

Далее, понятие «публичного человека» также выглядит сегодня достаточно проблематичным (если мы говорим не только и не столько о политиках как публичных персонах, а о политическом измерении в жизни каждого из нас): сегодня «публичный человек» выступает, скорее, в роли зрителя, но не активного участника, чему в немалой степени содействовало развитие институтов политического представительства, вследствие чего функции агоры или рыночной площади перешли к парламенту и массмедиа. Современные «публики» разнородны, сегментированы и разделены более чем когда-либо: в условиях всеобщей интернетизации публичная сфера в лучшем случае может быть помыслена как совокупность непересекающихся (и нарциссических) микропространств, каковыми являются ЖЖ, блоги, социальные сети. Впрочем, в определенном смысле «публика» всегда была «фантомом абстракции» (Славой Жижек). Еще в XIX в. Габриэль Тард писал о том, что публика состоит из разъединенных индивидов, чья близость друг другу является сугубо ментальной [см.: Тард, 1999], однако наличие «духовного единства» как основания для конституирования «публики» не подвергалось сомнению. Сегодня же возможность объединения индивидов на основе интеллектуальной близости и вокруг «общественных интересов» выглядит более

¹ Как и всякий теоретик, работа которого была столь значимой, что с ней продолжают спорить спустя многие годы после выхода публикации в свет.

чем призрачной¹. Стоит также добавить, что деградация публичности и рассеивание «публик» нередко рассматриваются в контексте коллективного неучастия в политике и такой конфигурации политического и медийного полей, при которой любая альтернативная политическая позиция оказывается маргинализированной и в конечном счете неэффективной.

Флюидная публичность в пространстве современного города

Между тем проблема публичной сферы – это также проблема физического пространства, доступного для выражения собственной позиции. По мнению Саски Сассен, многочисленные разговоры об исчезновении публичного пространства во многом связаны с «коммерциализацией, функциональной тематизацией и приватизацией городских пространств»: динамика развития современного города всецело подчинена «непреодолимой логике полезности», которая определяет значительную часть инвестиций в современных городах [см.: Сассен, 2007. С. 82–83]. Джентрификация приводит не только к разрушению соседских сообществ, вытеснению на периферию и отчуждению горожан друг от друга и от своего города, но и к созданию множества физических барьеров, конструируемых новыми собственниками в пространствах, ранее считавшихся публичными. Эта новая ситуация противоречит опыту города (вряд ли основатели средневековых городов-коммун могли себе представить такой сценарий развития города, самая сердцевина которого будет очищена от его жителей) и представлению о публичном пространстве в частности.

Иначе говоря, сегодня «правом на город» повсеместно обладают прежде всего частные собственники. При этом усиление ограничений, надзора и вытеснения осуществляется государством, которое ужесточает контроль над городскими территориями как в интересах частного капитала, так и с целью предотвращения формирования неконтролируемой публичности. Как отмечает Геральд Рауниг, «жесткость этого сегментированного пространства, а вместе с этим и социальных отношений внутри этого пространства, соответствует

¹ Здесь было бы важно отметить, что для Нэнси Фрэйжер «единая публичная сфера» предпочтительнее, чем признание множественности разнообразных интересов и, соответственно, множества альтернативных или контрпубличных сфер – фрагментация публик и отказ от признания общности интересов делает невозможным политическое действие [см.: Fraser, 1995].

формированию ясно отграниченных потребительских группировок, пользующихся различными местами потребления и саморепрезентации, что создает новые внутренние границы и новые выдворения за них» [Рауниг, 2012. С. 235].

И если в странах с рыночной экономикой этот переход осуществлялся постепенно (и, более того, естественно – в рамках сложившихся структур собственности в городском пространстве, будь то частные дома или магазины), то для постсоветских граждан этот процесс проходил не только интенсивнее, но и более травматично. Очнувшись после многих лет интерпассивности и пребывания в относительном консенсусе с либеральной идеологией (на фоне усталости от принудительных праздничных демонстраций позднесоветского времени), многие горожане вдруг обнаружили, что им всегда есть куда пойти – ведь пространства потребления многочисленны и разнообразны, однако выйти (coming out) им по сути некуда, ибо все давно продано и приватизировано. «Агора» в наше время по определению невозможна – центральные площади большинства современных городов оккупированы кафе и торговыми центрами и оборудованы видеокамерами. И если сегодня гражданам приходится просить разрешения у городских властей на организацию митинга или манифестации, то в ближайшем будущем, вероятно, придется также и заключать договор об аренде публичной площади за определенную плату и только потом устраивать там митинги и манифестации, в том числе и для реализации своего права на художественный жест, если, конечно, на это согласится собственник и не будут возражать городские власти¹. Горькая ирония состоит в том, что само слово «площадь» сегодня используется в первую очередь для обозначения размера объекта собственности, и лишь затем как означающее публичного пространства.

¹ Впрочем, иногда это может быть и преимуществом: там, где «акция» без спроса чревата последствиями, а договориться с властями проблематично, проблему можно решить за деньги: например, в октябре этого года однодневная арт-интервенция Finissage (кураторы – Альмира Усманова и Руслан Вашкевич), проходившая на Октябрьской площади (наиболее жестко кодифицированное публичное пространство Минска – после событий 2006 г.), стала возможной только потому, что уличный арт-базар «Вернисаж», который располагается на этой же площади, подчиняется правилам Комаровского рынка: соответственно, плата за аренду бокса на весь день фактически тождественна покупке права на «публичное высказывание» [см. более подробно о концепции проекта на сайте: Art Activist // <http://artactivist.org/afisha/events/finissage/>].

Не удивительно, что производство публичности и возникновение политической субъективности в современных условиях осуществляется главным образом как протест против приватизации городского пространства и приобретает политический смысл как борьба за гражданские права (за «правообладание» городом). Но как возможно какое бы то ни было публичное действие в пользу «демократии снизу» в описанной выше ситуации?

Необходимо иметь в виду, что борьба за пространственные «прибыли» есть составная часть политической борьбы, и *vice versa*, политика всегда предполагает определенную пространственную мобильность, и чем выше эта мобильность, тем интенсивнее политическая жизнь. Именно поэтому установка на «оккупацию» физического пространства (территории) и реализация «права на город» являются неотъемлемой составляющей любого (массового, уличного) протеста, а в условиях, когда все городское пространство оказывается уже присвоенным либо бизнесом, либо государством, переприсвоение (даже на время) и перекодировка пространства оказываются своеобразной формой «реэкспроприации» публичных пространств в пользу общественных интересов. Однажды захваченное пространство уже никогда не будет прежним (как это произошло в Минске с Октябрьской площадью в 2006 г. или же с Болотной площадью в Москве в 2011 г., но то же самое можно сказать и о кинотеатре «Летува» в Вильнюсе, борьба за который продолжалась около двух лет¹).

Public Art как эстетическая форма и политическая практика

Следует отметить, что во второй половине XX в. существование и функционирование публичной сферы в гораздо большей степени определялось культурным производством, нежели формальными институтами гражданского общества [Donald, Donald, 2003. P. 126]. И вовсе не случайно роль постоянного «возмутите-

¹ «Лаборатория ПРО-теста» удерживала своими акциями публику на протяжении почти двух лет на площадке перед бывшим советским кинотеатром «Летува», который девелоперы собирались снести и построить на этом месте другой, коммерчески выгодный объект. Смысл протеста состоял в том, чтобы остановить приватизацию публичных пространств, не дать разрушить памятник советской модернистской архитектуры, но для самих художников важно было также разработать стратегию и тактику протеста как позитивного действия [более подробно см.: Nomeda, Gediminas... 2005; см. также: Михелкявичене, 2013].

ля» публичной сферы приняло на себя именно искусство, а точнее, та его разновидность, которая получила название *Public Art*. Творчество таких художников, как Кшиштоф Водичко, Ханс Хааке, Guerilla Girls, Лорен Лисон, Барбара Крюге, Джуди Чикаго, но также Олега Кулика (Россия), Номеды и Гедиминаса Урбонаса (Литва) и многих других, позволило радикально переосмыслить социальные функции искусства, политическое значение художественных сообществ и способы адресации к городской публике.

Когда мы говорим сегодня о публичном искусстве, то меньше всего мы имеем в виду традиционные формы (ре)презентации, хотя, вероятно, можно было бы сказать, что до тех пор, пока искусство не «прописалось» в музеях и галереях, оно являлось в определенном смысле публичным – если не по содержанию, то хотя бы по способу адресации (например, если салон в XVIII в. был главной формой публичной жизни, то картины Жана-Луи Давида или любого другого художника, обращенные к салонной публике, вполне могли считаться публичным искусством). Однако было бы ошибочно отождествлять *Public Art* с любой формой эстетического освоения внemuзейного пространства: далеко не всякое искусство, появляющееся в городском пространстве, может быть названо «публичным» в современном смысле этого слова. Я имею в виду традицию установления монументов, украшения зданий барельефами и других декоративных элементов, используемых для эстетизации городской среды и для увековечивания идеологических «посланий» действующей власти.

Как отмечает Кшиштоф Водичко, начиная примерно с XVIII в. город превращается в грандиозную доступную для всех художественную «галерею», приспособленную влиятельными «кураторами» для временных и постоянных экспозиций, архитектурных инсталляций, медийных шоу, подземных и наземных «перформансов» и политических «хэппенингов» [см.: Wodiczko, 1987. P. 41]. Общедоступность такой галереи потенциально содержит в себе опасность проникновения на ее территорию «чужаков» – тех, кто пожелает воспользоваться ее площадками для реализации собственных проектов, которые идеологически могут не только не совпадать с замыслами «кураторов», но, скорее, в корне противоречить им. Художники, относящие себя к *Public Art*, занимаются именно такого рода проектами, перекодируя городское пространство и провоцируя публику на переосмысление того, что им предлагается властью в качестве естественной среды обитания. Правда, здесь следовало бы заметить, что если публичное искусство 1980–1990-х считало своей «территорией»

именно городское пространство, то сегодня к нему относится и Интернет, поэтому медиализированное искусство, обращенное к сегментированным виртуальным публикам, даже не будучи воплощенным в материальной форме и физическом пространстве, также может быть названо «публичным» при соблюдении определенных условий.

Итак, что мы называем «публичным искусством»? Что обеспечивает его «публичность»? Как мы можем быть уверены, что перед нами «искусство», а не акт вандализма, не коммерческая уловка, не хулиганская выходка и не очередная инициатива городских властей? Где заканчивается декоративность и начинается искусство? Когда, при каких условиях, игровые отношения с пространством и вещами приобретают характер политического высказывания (если под «политическим» понимать сферу общих интересов, разделяемых какой-либо социальной группой)? Вероятно, ответив на эти вопросы, мы сможем понять, почему «вязаные гетры» на конном памятнике¹ или «голую фотосессию в метро»² не имеет смысла рассматривать как локальные версии публичного искусства, в отличие, например, от недавней акции белорусского художника Михаила Гулина под названием «Персональный монумент» [Гулин, 2012].

На мой взгляд, уместно было бы обозначить следующие конститутивные признаки «публичного искусства»:

- *пространственный способ «существования»* (в открытом для доступа многих людей пространстве, хотя и не обязательно физическом);
- *установка на коммуникацию и интеракцию со зрителями* (которые в этом случае перестают быть зрителями и в идеале становятся соучастниками, и в любом случае без публики и коммуникативного действия нет и публичного искусства);
- *обозначение авторского присутствия* (возможно, через личное участие автора в реализуемом им проекте или же каким-то другим опосредованным образом (в любой форме и арсенал возможностей тут не ограничен));

¹ В Солигорске скульптуру коня одели в вязаные гетры. 10.01.2012 // <http://news.tut.by/otklik/267982.html> (дата обращения: 8.12.2013).

² Голая фотосессия в метро: как это было. 18.01.2012 // http://naviny.by/rubrics/society/2012/01/18/ic_articles_116_176545/ (дата обращения: 8.12.2013).

- *мобильность/процессуальность* события (темпоральный характер акции, динамичность формы, непредсказуемый результат);
- *перекодирование публичного пространства* (его реорганизация, создание новых игровых отношений с ним, изменение символической топографии);
- наконец, быть может, самое важное – *социально-критический импульс и гражданский пафос*, артикулированные посредством эстетической формы.

Это далеко не исчерпывающий список возможных критериев, по которым мы можем идентифицировать происходящее в публичной сфере как «акт художественного творения», но при этом нужно иметь в виду, что некоторые из этих критериев имеют значение для выявления специфики публичного искусства по сравнению с «музейно-галерейным», а другие могут оказаться полезными в проведении демаркационной линии между искусством (эстетическим праксисом) и иными перформативными стратегиями публичного протеста.

Кшиштоф Водичко уверен, что «цель критического публично-го искусства состоит не в радостно-безмятежном эксгибиционизме и не в пассивном коллаборационизме с кураторами гигантской «галереи», которую представляет собой современный город, «но в активном вторжении в социальную жизнь, в осознанном конструировании городской среды, в систематическом подрыве тех схем поведения и форм реакции, которые преобладают в нашем восприятии мира и повседневной коммуникации [см.: Wodiczko, 1987. Р. 42]. Художественная практика должна быть неразрывно связана с самыми острыми вопросами публичной сферы: «украшательство» же, на первый взгляд далекое от политики, всегда выполняет функцию легитимации доминирующего властного дискурса (не важно, идет ли речь о либеральной демократии либо об авторитарном режиме).

Генеалогия публичного искусства восходит к Ситуационистскому интернационалу (1950–1960-е гг.) – наиболее последовательному и радикальному художественному проекту с точки зрения заявленных им политических целей и способов борьбы с «обществом спектакля» (хотя было бы справедливо сказать, что искусство всегда в некотором роде было «площадным»). При этом в последние годы «след» французских ситуационистов проступил гораздо более отчетливо. Многие из того, что обсуждалось на Западе почти 50 лет назад, возвращается к нам не в некоторой вне-исторической универсальной культурной значимости, но в своей

политической актуальности. Однако, говоря об этом следе, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства: отсутствие концептуальной преемственности – идеи и практика как леттристов, так и ситуационистов в СССР и в постсоветский период, если и были известны, то практически не обсуждались¹ и, следовательно, не могли стать питательной почвой для продуктивного развития ситуационистской программы в локальном контексте. Довольно показательным в этой связи является то обстоятельство, что даже те художники, кто создает «ситуации», обосновывая это и как свое жизненное кредо, и как художественную позицию, и чьи акции вполне отвечают духу ситуационистского *dérive*, не ощущают своего родства с недавней, казалось, бы традицией – нередко по причине незнания или же ощущения непричастности к европейской истории искусства XX в.²

Для Ги Дебора и его последователей искусство, замкнутое на самом себе, не преследующее никаких иных целей, кроме самовыражения художника, лишено всякого смысла. Впрочем, без самовыражения, без внутренней потребности авторского Я поделиться с другими своим видением мира – нет искусства. Но при этом авторское видение мира – это видение мира определенной социальной группы, и в этом смысле оно всегда и уже интерсубъективно. Характерно также, что авторская интенция в пространстве публичного высказывания нередко оказывается менее значимой, чем контекст. Многие аполитичные на первый взгляд практики меняют свое значение в зависимости от контекста. Когда во время своей акции «Персональный монумент», реализуемой в рамках проекта „Going Public“ (в октябре 2012 г.), художник Михаил Гулин был задержан белорусскими правоохранительными органами на Октябрьской

¹ Примечательно, что одним из первых теоретиков, обратившихся к осмыслению ситуационистского опыта в постсоветском контексте в середине 1990-х гг., был Александр Тарасов, сыгравший ключевую роль в формировании традиции неортодоксального марксизма в советские годы. Однако до тех пор, пока не вышел русскоязычный перевод «Общества спектакля» Ги Дебора в 2000 г., казалось, что это – классический случай «не востребовавшего» наследства.

² Обнаружение этого утраченного (или же не«опознанного»?) культурного кода лишь совсем недавно стало темой для обсуждения среди урбанистов и арт-критиков (о чем свидетельствует, например, попытка обнаружения в истории с панк-молебном „Pussy Riot“ в Москве аналогии с проповедью леттристов в соборе Парижской Богоматери в 1950 г. Как пишет Алексей Караковский, акция „Pussy Riot“ — «это исполнение пьесы, ставшей классикой ещё полвека назад») [см.: Караковский, 2012, а также: Makhotra, 2012].

площади в Минске, вполне нейтральная по своему характеру интервенция в городском пространстве Минска немедленно приобрела политическое звучание¹.

Далее, французские ситуационисты предложили общую стратегию критического сопротивления и эффективного действия в городском пространстве, обосновав необходимость конструирования ситуаций, т.е. создания «краткосрочных сред существования» посредством практики *dérive* и *detournement*. Установка на создание краткосрочных сред существования не обязательна и даже, как правило, не предполагает предвидения конечной цели или фиксации места. Движение без заданной траектории и заранее определенного результата оказывается самоценным: благодаря вовлечению в действие случайных прохожих, «людей жизни» (*viveurs*) и представителей репрессивных структур на первый план выходит спонтанность и непредсказуемость развития, как уже отмечалось выше, в акциях публичных художников исход коммуникативного акта не может быть предрешен заранее.

Соответственно, подобная стратегия обуславливает структурную возможность создания События как сингулярного, в его беспрецедентности и индивидуальности, и в этой точке мы имеем конгениальное совпадение целей искусства и политического активизма: представление об акте художественного (со-)творения как непредсказуемом и сингулярном Событии имманентно присуще искусству как практике, отрицающей повторение уже известных рецептов и заранее установленных правил игры. Не менее важно и то, что в случае принятия этой стратегии в качестве единственно приемлемой можно также говорить и о возможности сопротивления логике репрезентации [см. более подробно: Усманова, 2006. С. 103], коль скоро в этом процессе не обнаруживается ни стабильного политического субъекта, ни фиксированных позиций, ни устоявшихся конвенций, да и само Событие не подлежит немедленной категоризации.

К тому же сингулярность и креативность можно рассматривать как наиболее эффективную стратегию обеспечения собственной безопасности, т.е. предотвращения и уклонения от прямого столкновения с государственными репрессивными аппаратами. Разворачивание акций в тех пространствах, где власть этого не ждет, или же использование таких приемов, которые невозможно квалифицировать согласно существующим статьям Уголовного ко-

¹ См. более подробно материал на «Арт Активисте»: <http://artaktivist.org/mixail-gulin-“do-xudozhnika-nikomu-net-dela> (дата обращения: 8.12.2013).

декса, значительно более безопасны для акционистов. По крайней мере, на некоторое время – при условии, что тот же сценарий не будет апробирован повторно. Здесь, правда, есть один нюанс, и он весьма существенен: даже в тех случаях, когда художники используют тактики партизанской войны или работают по правилам анонимности, индивидуальное авторство поступка изначально сопряжено с риском, как в плане признания или непризнания значимости художника среди «своих», так и с точки зрения возможных репрессий со стороны властных режимов.

Коллективные «перформансы» молчаливой толпы кажутся более безопасными, поскольку анонимность здесь усиливается массовостью – арестовать всех невозможно, однако власть и здесь проявляет недюжинную изобретательность, все больше ужесточая контроль за проведением массовых мероприятий по принципу «больше трех не собираться» (так можно было бы трактовать представления органов государственной власти о дозволенных формах коллективного присутствия в публичных местах). Например, когда летом 2011 г. минчане, самоорганизуясь через социальные сети, начали выходить каждую среду на «молчаливые» акции протеста¹, уже в конце июля того же года Совет Министров внес на рассмотрение в Национальное собрание РБ проект, предусматривавший введение новых поправок к закону «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь», которые по сути означали создание механизмов легитимных репрессий именно по отношению к молчаливым протестам (следует отметить, что начиная с 1997 г. поправки в этот закон вносились чуть ли не ежегодно, в последний раз в 2010 г.). В частности, была предложена расширенная трактовка понятия «пикетирование», к которому отныне приравнивается «совместное массовое присутствие граждан в заранее определенном общественном месте (в том числе под открытым небом) и в установленное время для совершения заранее определенного действия или бездействия (курсив мой. – А.У.), организованное (в том числе через глобальную компьютерную сеть Интернет или иные информационные сети) для публичного выражения своих общественно-политических настроений или протеста» [Синюк, 2011]. Не были забыты и технические средства контроля за соблю-

¹ Как именно это происходило, можно посмотреть, например, здесь: В Минске прошла очередная акция молчаливого протеста. Есть задержанные. 20.06.2011 // TUT.BY // http://news.tut.by/politics/242931.html?utm_source=news-right-block&utm_medium=multimedia-news&utm_campaign=multimedia-news (дата обращения: 8.12.2013) (обращает на себя внимание и количество комментариев – 1266).

дением общественного «порядка»: в частности, практически любая точка городского пространства (которая гипотетически могла быть использована манифестантами) отныне может быть оборудована «стационарными средствами видеонаблюдения и иными техническими средствами обеспечения безопасности».

Впрочем, белорусские власти вовсе не были оригинальны в своих решениях – по сути, это постановление выглядит как несколько видоизмененная версия принятого британским Парламентом еще в 2005 г.¹ (по следам массовых протестов против войны с Ираком) постановления о демонстрациях в публичных местах (вошедшим в историю как SOCPA), с той существенной разницей, что там речь шла о длительных и «шумных» протестах на территориях, прилегающих к Парламенту. О «молчаливых акциях» и к тому же в других пространствах там не было и речи (напротив, вопрос о «шуме» был использован в качестве главной предпосылки для внесения поправок в законодательство). Однако принятая поправка, равно как и конфискованные полицией на основании этого постановления протестные «объекты», от плакатов до игрушек («оккупировавших» уличное пространство протяженностью около 40 метров), послужили источником вдохновения для британского художника Марка Валлинджера, который в 2007 г. сделал проект под названием *State Britain* и воспроизвел – в радиусе разрешенного 1 километра, который как раз пролегал через территорию музея Tate Britain (зона «дозволенности» была отмечена черной линией), – «сцену» протестных акций, но на этот раз под защитной грамотой «музейных объектов».

Вообще говоря, в изобретении «иных» (не обязательно технических и не обязательно насильственных) средств для предотвращения массовых акций власть весьма изобретательна: накануне последних президентских выборов в Беларуси, которые состоялись в конце декабря 2010 г., в качестве «иных средств» выступили... рождественские елки и ледовые катки, которые внезапно появились на всех площадях города на две недели раньше, чем обычно, что, разумеется, сделало практически невозможным использование этих пространств для «других» массовых мероприятий.

Далее, если следовать мысли Сейлы Бенхабиб, публичная сфера должна быть децентрализованной, включать в себя многообразные и пересекающиеся социальные сети и объединения [см.:

¹ См.: Legal Reform: Protest Around Parliament, параграфы 110–139, но в особенности 132–138 // <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200809/jtselect/jtrights/47/4708.htm> (дата обращения: 8.12.2013).

Бенхабиб, 2003. С. 166–167], соответственно, перманентное перетекание меняющихся групп из одного пространства в другое позволяет решать задачу децентрализации и создания трансверсальных сетей. В результате образуется своего рода *флюидная публичность*, существование которой не то чтобы эфемерно, но, скорее, не постоянно и не гарантировано раз и навсегда, а структурные условия для ее формирования обеспечиваются не столько политическим консенсусом между властью и обществом, сколько современными технологиями коммуникации.

Кроме того, стоило бы обозначить и еще одну очень важную особенность, отличающую стратегию ускользания с присущей ей установкой на детерриториализацию от более ранних форм «перекодировки» социального пространства. Современные художники и гражданские активисты не вступают в прямой конфликт с властью и не помышляют об акциях физического вандализма: осуществляемые ими антииерархические акты по переприсвоению пространства радикально отличаются от иконоборческой деятельности, например, парижских коммунаров, для которых сожжение гильотины или низвержение Вандомской колонны имели такое же значение, как и вооруженная борьба на баррикадах [см.: Рауниг, 2012. С. 106]. Это позиция слабого субъекта, пытающегося компенсировать свое политическое бессилие актом символического «присвоения» топографии, но не самого пространства. Отныне задача состоит не в том, чтобы разрушить физический объект и на этом месте установить нечто иное, что закрепляло бы присутствие и господство нового политического субъекта, это по сути симметричные операции, в равной степени насильственные и в то же время бесполезные (поскольку новые физические объекты оказываются такими же уязвимыми и временными, как и те, что занимали это место до них¹), утверждающие онтологический примат самого пространства, а в том, чтобы дезавуировать, опрокинуть смысл, присвоить себе не место, но память и воображение (можно, вероятно, говорить о своеобразном расщеплении понятия «места памяти» (*les lieux de memoire*), поскольку в данном случае не «место», насыщенное исторической памятью, но собственно (коллективная) память, отделенная, экстрагированная и гипостазированная

¹ Примером тому может послужить Храм Христа Спасителя в Москве, возвращенный на «свое» место, которое долгие годы занимал водный бассейн, но акция „Pussy Riot“ в одночасье разрушила символический фундамент, на котором, казалось бы, неизбежно покоился этот монумент, увековечивавший и легитимировавший воссоединение светской и религиозной власти в постсоветской России.

ная, является ставкой в борьбе за политическое (а также этическое или символическое) превосходство¹.

Случай Беларуси: публичная сфера без публичного искусства

Медийные отзвуки протестных событий, происходящих в разных точках мира, будучи осмыслены через призму белорусского опыта, производят ощущение сильнейшего *déjà vu*, и временами даже складывается впечатление, что белорусский уличный «акционизм» (особенно такие его разновидности как флэш-мобы (начиная с 2004 г.) и «молчаливые протесты» (2011)) апробировал некоторые формы протеста и обнаружил их предел намного раньше, чем это произошло в других местах². Соответственно, обращение к осмыслению «случая Беларуси»³, как мне представляется, может быть полезным для осмысления новой формы публичности, которую я уже обозначила выше как «*флюидную*».

¹ Уже упоминавшаяся ранее акция Михаила Гулина «Персональный монумент» идеальным образом иллюстрирует вышеобозначенные тезисы: здесь мы обнаруживаем и рефлексивную установку на «детерриториализацию», и ускользание, и стремление обозначить позицию художника как субъекта, имеющего право на авторский поступок в городском пространстве, и попытку символического перекодирования пространства (арест художника и помогавших ему волонтеров совершенно не случайно был произведен именно на Октябрьской площади, которая в марте 2006 г. на целую неделю была «оккупирована» палаточным городком манифестантов, и после того, как лагерь был устранен, пространство площади находится под неусыпным контролем власти).

² Я имею в виду не провальную попытку симуляции «джинсовой (=васильковой) революции» 2006 г., но, скорее, множество других микрособытий, происходивших в Беларуси до и после 2006 г., общий смысл которых заключался в поиске нетрадиционных способов выражения протестных настроений в публичных пространствах (включая Интернет).

³ Ряд представленных здесь идей были мною сформулированы в предыдущих публикациях: «Белорусский *détournement*, или Искусство обходного маневра как политика» (2006), *Flashmob – the Divide between Art and Politics in Belarus* (2009), «По ту сторону репрезентации: революция как слово, как образ, как событие» (2011), „*Fluide Öffentlichkeit: Performatives Auflösen der Grenze zwischen Kunst und Politik*“ (2013). По сути, речь идет о своеобразном, хотя и не преднамеренном, «лонгитюдном» исследовании, с обнаружением и сравнением тех тенденций и той динамики развития форм взаимопересечения художественного и политического полей, которые проявились за эти годы [см.: Усманова, 2006; Ousmanova, 2010; 2013].

Вопрос о том, существует ли в Беларуси публичное пространство, до недавнего времени предполагал недвусмысленно отрицательный ответ. В нашей реальности мысль о том, что социальные антагонизмы могут и должны быть предметом широкой дискуссии и публичного выражения мнений, кажется неуместной. Вернее, высказаться, в общем-то можно, но, во-первых, последствия таких высказываний для говорящего непредсказуемы; во-вторых, никаких уступок так называемому общественному мнению белорусский режим не допускал и вряд ли это возможно при существующих условиях; в-третьих, пространством публичной речи практически монополизировано действующим режимом (в первую очередь самим Лукашенко), а вся мощь репрессивных государственных аппаратов, вкупе с государственными идеологическими аппаратами направлена на тотальный контроль за инакомыслящими и brutальное подавление открытых оппозиционных движений.

Примерно к середине «нулевых» годов стало очевидно, что этой беспощадной машине можно противопоставить не организованную политическую силу, а юродство, или точнее – иную форму политического мышления и иные стратегии сопротивления (лучше было бы сказать по Делёзу, *lignes de fuite*, или линии ускользания (бегства)). В такой ситуации именно «карнавальные» жесты, пространство художественных перформансов и молчаливое несогласие с режимом оказались не только наиболее востребованными, но и наиболее эффективными формами сопротивления.

Как это ни странно звучит в эпоху Интернета, но формирование публичной сферы в Беларуси начало происходить по тому классическому сценарию, который в свое время описал Юрген Хабермас, с той лишь разницей, что условием реализации именно этого сценария является всеобщая «интернетизация». Площадками для неконтролируемых властью высказываний стали кафе и частные галереи (своего рода «салоны» или же «клубы»). Среди этих площадок – «Галерея Ў»¹, флуктуирующее «Европейское кафе» – проект портала «Новая Европа», посвященный осмыслению современного искусства и постоянно меняющий место «прописки», мигрируя из одного кафе в другое², а также разнообразные бары и кафе, где осуществляются киноклубные показы с по-

¹ См.: сайт Галереи Ў // <http://ygallery.by/exhibitions/0000256/> (дата обращения: 8.12.2013).

² См. сайт «Новой Европы» // <http://n-europe.eu/eurocafe> (дата обращения: 8.12.2013).

следующими обсуждениями. Два года назад появилась и виртуальная публичная площадка арт-сообщества под симптоматичным названием «Арт Активист»¹ (проект художника и арт-критика Сергея Шабохина). Более того, в последние годы именно под «крышей» художественных (или медийно-художественных) проектов стали возможными многие вещи, о которых на поле прямого действия невозможно было бы даже говорить, не только делать. Пожалуй, можно сказать, что сейчас в Беларуси «бурлит» именно художественное поле, и это особенно контрастирует с затишьем на официальной политической сцене. Не удивительно, что маргинализованные или табуированные официальной дискурсом проблемы (от интерпретации национальной истории до вопроса о гражданских правах) обсуждаются именно в рамках или по следам художественных событий.

В то же время намечающиеся в художественной среде ростки консолидации публичной сферы вовсе не означают, что в Беларуси сложились условия для появления «публичного искусства». Во-первых, можно констатировать, что политическая практика опередила эстетическую. Во-вторых, для публичного искусства по-прежнему нет «питательной» среды (т.е. присущих развитому капитализму форм институциональной поддержки искусства, соответствующей городской инфраструктуры, источников финансирования и опыта кураторства подобных художественных проектов²), хотя социальный «запрос» на актуальное, причем социально-критическое искусство существует. В-третьих, не стоит сбрасывать

¹ См. сайт журнала „Art Activist“ // <http://artaktivist.org> (дата обращения: 8.12.2013).

² Опыт реализации проекта „Going Public“ (при поддержке Института Гете, объединившего художников и арт-критиков из Калининграда, Вильнюса, Минска и Лейпцига (<http://www.goethe.de/ins/lt/prj/gop/enindex.htm>)) выявил все вышеобозначенные проблемы, включая проблему взаимоотношений между грантодателями, кураторами, художниками и властью. Все эти противоречия рельефно проявились в момент, когда художник Михаил Гулин, один из участников проекта, был арестован за «несанкционированную» арт-акцию в Минске, а директор минского отделения Гете-Института тут же снял с себя всякую ответственность за проект в целом. Художник был также уволен из института, где он на тот момент преподавал, но примечательно, что дело в суде было выиграно (в том числе благодаря неоспоримому свидетельству – показаниям видеокамер, которые, согласно логике следствия, должны были подтвердить показания «потерпевших» ОМОНовцев, что художник им якобы агрессивно противодействовал, но просмотр видео доказал равным счетом обратное).

со счетов цензуру и бдительность государственных репрессивных аппаратов, для которых любая акция, не соответствующая официальному представлению об искусстве и границах его «дозволенности», опасна, а следовательно, проще ее запретить, чем разрешить, и уж если интервенция в публичное пространство все-таки состоялась, то за авторство поступка (или даже намерения) художнику придется отвечать в суде, при этом выбор соответствующей статьи в административном или уголовном кодексе зависит от богатства воображения обвинителей и эффективности системы судопроизводства. Иначе говоря, в Беларуси «публичное искусство» невозможно потому, что, с одной стороны, именно в рамках художественных событий (или их обсуждения) реализуется совершенно определенная стратегия формирования публичной сферы, т.е. публичность создается вокруг художественных событий и посредством самого искусства. А с другой стороны, как мы можем видеть, границы между эстетическими жестами и политическими высказываниями становятся все более призрачными.

Эпилог

Итак, отвечая на поставленные в начале этого текста вопросы, касающиеся «невозможности» публичного искусства сегодня, я бы отметила следующее.

Не будет преувеличением сказать, что Public Art – это искусство, способное предвосхищать «фигуры политического сознания» (если позаимствовать мысль Алена Бадью) и, как мы могли убедиться на примере политических событий последних нескольких лет, именно публичными художники причастны к тому, что можно назвать рождением «перформативной политики», в том смысле, что репертуар художественных приемов, изобретенных художниками, оказался не только уместным, но и, может быть, наиболее востребованным в современных условиях. Флэш-мобы, молчаливые протесты, временный захват территорий (движение „Осциру!“), граффити, наконец, использование собственного тела как текстуальной поверхности для политического высказывания (группа FEMEN) – эти и другие «формы» и «форматы» сопротивления родились в художественной среде. Поэтому говоря о том, что сегодня «публичное искусство» невозможно, я имею в виду ситуацию, для которой характерно размыкание границ и исчезновение перегородок, отделявших ранее художественные акции от политических протестов.

Далее, Public Art – это форма протеста, но в самой сердцевине любого протеста кроется фундаментальное политическое проти-

воречие. «Публичное искусство» как художественная практика, нацеленная на (ре)анимацию публичной сферы, возникла и сложилась в обществах с демократическим режимом правления, но не лишним будет вспомнить о том, что при демократии «свобода выбора» покоится на господстве свободного рынка. И как отмечает Жак Рансьер, главный парадокс состоит в том, что сегодня любой протест оборачивается протестом против рынка, но в конечном счете сам становится товаром [Рансьер, 2007]. Протест против «рынка» принимает также форму борьбы против присвоения (властью и капиталом) публичных пространств, но по сути это также следует рассматривать как попытку отчуждения права «собственности» (на город), т.е. идея заполучения «права»¹ в своей основе является идеей собственности (обладания) (как одного из условий для формирования суверенного субъекта).

Учитывая характер позднекапиталистической экономики с привилегированной ролью креативных индустрий, искусство в «обществе спектакля» всегда находится в зоне риска: оно с легкостью может оказаться потребленным как еще один вид развлечения, а любая критическая интервенция в какой-то момент приобретает характер борьбы за ставки в мире арт-бизнеса (поскольку через медийную популярность приобретает символический капитал, который затем начинает работать на Имя художника). Поэтому, несмотря на то, что для публичного искусства авторство поступка имеет первостепенную значимость, единственным, хотя и весьма радикальным, средством борьбы против «капитализации» искусства был бы сознательный отказ от видимости через полную анонимность Автора, который в любом случае остается автором События, но перестает рассматриваться как автор в плане правообладания – на смысл, на политические или культурные эффекты, на саму изобретаемую им форму протеста (как определенный формат, который можно затем продать и неоднократно использовать)². Иначе говоря, рефлексивный выбор художника, осознающего опасность коммодификации художественного жеста, в пользу анонимности и «бескорыстности» поступка, несомненно, можно рассматривать как стратегию публичного искусства по предотвращению «присвоения», но в то же время отказ от авторства и индивидуализма во всех его проявлениях, в свою очередь, приво-

¹ Симптоматично, что известная книга Дэвида Харви называется „The Right to the City“.

² Разве движение „Оссуру!“ не вылилось именно в такой «отформатированный» протест?

дит к разрушению тех хрупких перегородок, которые до недавнего времени отделяли искусство от перформативной политики толпы.

Наконец, сегодня практически повсеместно (и не только в Беларуси) мы наблюдаем усиление контроля со стороны властных режимов с присущей им полицейской логикой. Разворачивание перформативной политики в городском пространстве напрямую связано с технологическим усовершенствованием тоталитарных техник, используемых современными властными режимами. Геральд Рауниг, поднимая вопрос об опасности, грозящей «арт-активистам», говорит о «новом качестве атак на практику критики»: «При все возрастающем отождествлении военных и полицейских мер и при снятии различий между внешними и внутренними врагами критика и критическое искусство теряют свою относительную автономию и оказываются под прицелом государственно-го аппарата» [Рауниг, 2012. С. 205].

Это означает, что в современной культурной и политической ситуации публичное искусство обречено на революционную стихию, т.е. на безостановочное, номадическое движение и на поглощение различными формами политического акционизма. То, что при этом объединяет политический акционизм и публичное искусство, это их общая установка на возрождение «публичности» политики и культуры и общее стремление создавать (хотя бы на время) пространства для изменения и эмансипации, которые не принадлежали бы ни государству с его аппаратом власти, ни капитализму.

Список источников

Бенхабиб С. Притязания культуры. М.: Логос, 2003.

Гулин М. До художника никому нет дела // Art Activist. 21.10.2012 // <http://artaktivist.org/mixail-gulin-“do-xudozhnika-nikomu-net-dela”/> (дата обращения: 8.12.2013).

Караковский А. Pussy Riot и нападение на собор Парижской Богоматери // Контрабанда. 20.03.2012 // <http://kbanda.ru/index.php/culture-miscellaneous-2/obshchestvo/261-obshchestvo/1776-pussy-riot-i-napadenie-na-sobor-parizhskoj-bogomateri.html> (дата обращения: 8.12.2013).

Михельявичене Л. «Про-тест лаборатория»: стратегия сотрудничества и учреждение публичного пространства // Art Activist. 10.07.2013 // <http://artaktivist.org/pro-test-laboratoriya-strategiya-sotrudnichestva-i-uchrezhdenie-publichnogo-prostranstva/> (дата обращения: 8.12.2013).

Рансьер Ж. Злоключения универсальности // Десять докладов. Вторая Московская Биеннале. М.: Интерроса, 2007. С. 66–81.

Рауниг Г. Искусство и революция. Художественный активизм в долгом двадцатом веке. СПб: ЕУСПБ, 2012.

Сассен С. Города как зоны фронта: создание неформальной политики // Десять докладов. Вторая Московская Биеннале. М.: Интерпрос, 2007. С. 82–83.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2003.

Синюк Е. Совмин предлагает приравнять к пикетированию даже бездействие. 29.07.2011 // TUT.BY // <http://news.tut.by/politics/243909.html> (дата обращения: 8.12.2013).

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Ин-т психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1999.

Усманова А. Белорусский détournement, или Искусство обходного маневра как политика // Топос. 2006. № 13. С. 91–127.

Усманова А. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах // Перекрестки. Журнал исследований восточно-европейского пограничья. 2009. № 3–4. С. 88–105.

Усманова А. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня // Топос. 2005. № 10. С. 45–75.

Hawkesworth M. Gender and the Public Sphere: A Genealogy from the West // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 329–354.

Шмидт Э., Тойбенер К. Российский Интернет как (альтернативная) публичная сфера? // Конрадова Н., Тойбинер К., Шмидт Э. (ред.) Control + Shift. Публичное и личное в русском Интернете. М.: НЛЮ, 2009. С. 75–107.

Debord G., Wolman G.J. A User's Guide to Détournement // Les Lèvres Nues. 1956. № 8 // <http://www.cddc.vt.edu/sionline/presitu/usersguide.html> (дата обращения: 8.12.2013).

Fraser N. Politics, Culture, and the Public Sphere: Toward a Post-Modern Conception // Nicholson L.J., Seidman S. (eds.) Social Postmodernism: Beyond Identity Politics. New York: Cambridge University Press, 1995.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 2006.

James D., Donald St.H. The Publicness of Cinema // Gledhill Ch., Williams L. (eds.) Reinventing Film Studies. London: Arnold, 2003. P. 114–129.

Laclau E. On Populist Reason. London: Verso, 2005.

Makhotra Sh. Московские протесты и идеи ситуационистов // Партизанинг. 21.06.2012 // <http://partizaning.org/?p=3931> (дата обращения: 8.12.2013).

Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota, 1993.

Nomeda and Gediminas Urbonas. Pro-Test Lab. 2005. Dossier // http://www.nugu.lt/nugu_pdf/urbonas_2005_protestlab.pdf (дата обращения: 8.12.2013).

Ousmanova A. Flashmob – the Divide Between Art and Politics in Belarus // Art Margins. 15.07.2010 // <http://www.artmargins.com/index.php/2-articles/588-flashmob-divide-between-art-politics-belarus-long-versionarticles> (дата обращения: 8.12.2013).

Ousmanova A. Fluide Öffentlichkeit: Performatives Auflösen der Grenze zwischen Kunst und Politik // Well Connected – On Curatorial Processes, Issue 2: Producing Publics. Presence as a Strategic Tool? Leipzig: Academy of Visual Arts, 2013. S. 75–77.

Robbins B. Introduction: The Public as Phantom // Robbins B. (ed.) The Phantom Public Sphere. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. vii–xxvi.

Wodiczko K. Strategies of Public Address: Which Media, Which Publics? // Foster H. (ed.) Discussions in Contemporary Culture. Number one. New York: The New Press, 1987. P. 41–45.

«Добро пожаловать в Сергеичбург»: воображая пространства различий в российской цифровой публичной сфере

Кассандра Хартблей

Видеосюжет: комик стоит на сцене и рассказывает шутку: «Часто на меня смотрят очень много людей. И все относятся по-разному... Кто смотрит меня по Интернету, сначала думает, что у него Интернет тормозит»¹.

Сергеич – комедийный артист с ДЦП (детский церебральный паралич)² выходит уверенно, с веселым настроением, одетый в яркую футболку, джинсы и пиджак, говорит необычно старательным голосом. В своих шутках он высмеивает собственную непохожесть на других, в данном случае – медлительность речи. Наряду с этим в шутке затрагивается также и Интернет, посредством которого транслируются имидж говорящего, его идеи и шутки.

¹ «Comedy Баттл». Сезон 3. Серия 13 // Online Video // http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/13_vyusk (дата обращения: 06.04.2013).

² Термин «церебральный паралич» употребляется для характеристики группы хронических состояний, включающих в себя поражение двигательной и мышечной активности с нарушением координации движений, иногда, но не обязательно, сопровождается интеллектуальной недостаточностью. Причины ДЦП – поражение одного или более отделов мозга либо в процессе внутриутробного развития, либо во время (или сразу после) родов, либо в грудном/младенческом возрасте. Дополнительную информацию о людях с ДЦП в России см.: <http://www.roboi.ru/whatdcp/> и <http://www.cplife.ru/n1articles4.html>.

Сергеич стал участником телевизионного шоу «Comedy Баттл» на канале TNT весной 2012 г. После выступления у него появилось немало фанатов в Интернете, после чего и другое видео с его участием, существовавшее ранее, в частности ролик под названием «Добро пожаловать в Сергеичбург!»¹ (конкурс КВН), тоже стало популярным. Я нарочно в своей статье акцентирую внимание на названии ролика, так как полагаю, что использованная здесь пространственная метафора, а именно вымышленный город Сергеичбург, имеет особое поэтическое значение. Сергеич создает новое метафорическое пространство – воображаемый город, морфологически легко определяемый как русский град (-бург), но измененный содержательно. В нем Россия перерисовывается: изображается страной, в которой инвалидность не прячется, а люди с ограниченными возможностями могут быть звездами.

Присутствие Сергеича в Интернете особенно важно, учитывая, что многие молодые люди с ДЦП в России редко покидают свои дома из-за социальных установок и физических барьеров в архитектурной среде [Kikkas, 2001; Mazzarino, 2013]. Именно поэтому большинство из них поддерживают социальные контакты и участвуют в культурных событиях прежде всего за счет телевидения и онлайн-взаимодействия. Главный вопрос, который интересует меня больше всего: могут ли такие разрозненные и незнакомые друг другу люди сформировать единую «крип»-общественность в России.

Термин «крип» (crip) – это лингвистическая инновация, введенная в оборот активистами на Западе, которая часто используется в качестве условного обозначения либо людей, выступающих за права инвалидов, либо людей с инвалидностью, не желающих стесняться или извиняться за свое тело. Определение самих себя как крип (crip) в кругах активистов с обозначением людей жесткого характера, стремящихся к самореализации, в противоположность традиционному пониманию инвалида как «калеки», нуждающегося в благотворительности и помощи.

Вероятно, наибольшее влияние на крип-концепцию с точки зрения развития теории оказал видный теоретик культуры Роберт Макруер [McRuer, 2010; 2006; 2003], который объединил исследования инвалидности (disability studies) с квир-исследованиями (queer studies). Эти две критических теории изучают две социальные группы, традиционно подвергающиеся стигматизации и осуж-

¹ «Добро пожаловать в Сергеичбург!» // <http://www.youtube.com/watch?v=EzInJ873S5E&feature=youtu.be> (дата обращения: 06.04.2013).

дению со стороны доминирующей культуры. Их целью было ответить на вопрос: как субкультуры формируют чувство самооценности в условиях дискриминации.

Следуя правилам орфографии, термин „crip“ является сокращением от слова „cripple“ – «калека» и возникает вследствие отказа от политкорректного языка в пользу короткого, наглядного слова, возродившего термин, когда-то в прошлом имеющий уничижительный смысл, а в настоящее время поддерживающий права и возможности группы (по аналогии с некоторыми российскими активистами с инвалидностью, которые отказываются от расплывчатых формулировок «люди с особыми потребностями» в пользу стигматизированного, но точного обозначения «инвалиды» [полное описание терминологии инвалидности в американском варианте английского языка см.: Linton, 1998. Гл. 1, 2; для уточнения последних рекомендаций активистов в России см.: Культура... 2013]). В современных англоязычных научных работах слово *crip* используется как термин, обозначающий расширяющиеся права и возможности инвалидов, например, проявлять личные характеристики, которые традиционно считаются невозможными для инвалидов: силу, самоуверенность, независимость, сексуальность, чувство юмора, безбожность, т.е. считать себя абсолютно нормальным человеком безо всех признаков и комплексов, которые появляются с позорной социальной позицией. В этой связи особенно важным является осознание того, что норма телесности является мнимой категорией и на самом деле не применима для большинства людей. У всех нас есть физические и интеллектуальные недостатки (или мы приобретем таковые в течение нашей жизни). В действительности ведется большая «культурная работа», которая поддерживает миф нормальности или иначе веру в существование среднестатистического тела (которое на самом деле является математической конструкцией) [Davis, 2006]. Такая работа по укреплению мифа о стандартном теле англоязычными учеными названа аблеизмом (ableism) – систематическая дискриминация и эксклюзия людей с инвалидностью [Castaneda et al., 2000. P. 457–458; см. также: Linton, 1998. P. 9, 34–36]. Крипы (инвалиды, которые не принимают отведенное им место в обществе) ведут активную работу по разоблачению аблеизма. В английском языке морфема -изм связывает это слово с другими словами, обозначающими иные системы дискриминации и эксклюзии (расизм, сексизм, гетеросексизм), об их взаимосвязи активно пишут исследователи [McRuer, 2006].

В этой главе будут сделаны первые шаги в изучении обширного вопроса: как переносится «крип»-теория на российский кон-

текст. Осмысление выступления Сергеича на шоу «Comedy Баттл» и в видео «Сергеичбург» приблизят нас к содержательному пониманию нормативной концепции инвалидности в российской публичной сфере. Используя теорию публик и контрпублик Майкла Уорнера, я буду трактовать цифровую публичную сферу как воображаемое сообщество чужаков, незнакомцев. Я проанализирую то, как Сергеич использует пародию и комедию, чтобы спровоцировать разрушение нормативного дискурса, ведущее к пересмотру ролей людей с инвалидностью. Я считаю значимым сам момент признания, узнавания¹, спровоцированный выступлением Сергеича, когда общественность или зрители были вынуждены столкнуться с собственными предрассудками, с их собственным аблеизмом. Наконец, я хочу сказать, что в перспективе концепция «крип» способна внести важную легту в разговор о российской публичной сфере.

Несмотря на то, что данная статья главным образом сосредоточена на анализе публичных материалов, созданных Сергеичем и его сторонниками, моя работа опирается также на понимание русской инвалидности, полученное на основе этнографических находок² и результатов предыдущих научных грантов.

В первый раз я услышала о Сергеиче от Алины, 31-летней женщины с церебральным параличом, участницы моего этнографического исследования инвалидности и гражданства в Петрозаводске (Республика Карелия). Алина (которая попросила упомянуть в статье ее настоящее имя, сказав: «Почему бы не стать известной, если выпал такой шанс?!») редко самостоятельно покидает стены своего жилища, которое делит с мамой, из-за возникающих в зимнее время ограничений в передвижении. Вообще, она самостоятельно передвигается в инвалидной коляске, но ее верхняя часть туловища не настолько сильна, чтобы ездить по не-

¹ Я использую здесь слово «узнавание» (recognition) как своего рода инверсию концепта «неузнавание» (misrecognition) Бурдьё, находясь в котором, актер не может точно определить свое место в сети или иерархии властных отношений (например, соучастие) [Bourdieu, 1984. P. 176, 336]. Пояснение в постсоветском контексте см.: [Rivkin-Fish, 2005. P. 29]. Предложенный Бурдьё термин «неузнавание» означает неспособность индивида или социальной группы увидеть действительную природу своего привилегированного положения, истолковывая его «как собственную добродетель или нравственное превосходство» [Джагалов, 2011]. – Прим. пер.

² Этнографическое исследование инвалидности в России включает в себя материалы диссертации: интервью с матерями детей с инвалидностью в Петрозаводске 2010 г. (N = 14) и со взрослыми людьми с инвалидностью в Петрозаводске, Москве и Бурятии, 2011–2013 гг. (N = 70).

ровной поверхности зимой, без посторонней помощи. Толстый слой уплотненного и скользкого снега, которым покрыты практически все дорожки в Петрозаводске с ноября до середины апреля, вынуждает прикладывать огромные усилия даже для того, чтобы просто добраться до магазина, расположенного по соседству. Простые действия: пересечь двор и спуститься под горку – становятся для нее практически невозможными. Более того, снег расчищается неравномерно и мороз бывает очень сильным, а пользоваться услугами такси более одного или двух раз в месяц женщине не по карману.

Алина проводит большую часть своего времени за компьютером, в Интернете или смотрит телевизор в зале. Она является поклонником канала TNT, так как, по ее мнению, он соответствует запросам молодой аудитории (в отличие от передач на других каналах). На TNT, как отмечает она, нет новостей – только комедии, ток-шоу и реалити-шоу, а когда вам скучно и вы сидите дома, новости только нагоняют тоску.

По мнению критически настроенных ученых, комедия является жанром, обладающим потенциалом для разрушения доминирующего дискурса, даже несмотря на то, что она выражает этот дискурс. Телевизионный «стенд-ап comedy» обеспечивает возможность социальных изменений посредством своей перформативности, способствующей усвоению общепринятых истин разнородной аудиторией. Сергеич не первый комедийный артист, использующий данный жанр как способ информирования и разрушения глухих стен молчания вокруг феномена инвалидности. К примеру, Джош Блю – американский комик с ДЦП стал победителем телешоу под названием «Последний Комик на Сцене» (Last Comic Standing – 2006), формат которого очень похож на «Comedy Баттл». Некоторые шутки Джоша имеют даже что-то общее с шутками Сергеича. Например, каждый из них рассказывает шуточную историю о том, как он решил податься в «comedy». Версия Сергеича:

Собственно поэтому я решил пойти в Комедии Клуб, ну а куда мне еще? Ну не в легчики же? А представляете, что начнется в салоне самолета, если я своим голосом буду объявлять: «Уважаемые пассажиры! (смех в зале над тем, как ломается его голос) Наш самолет находится на высоте десять тысяч метров – все хорошо!» (голос ломается опять)¹.

¹ Посмотрите, как Сергеич сам рассказывает шутку про пилота // http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/13_vypusk (дата обращения: 05.05.2013)/

В этой шутке срабатывают распространенные стереотипы: замедленная/затрудненная речь обычно связывается с опьянением и, следовательно, с некомпетентностью говорящего, а бойкая и размеренная речь, наоборот, с профессионализмом. Именно это позволяет Сергеичу высмеивать те виды занятий, которые закрыты для «таких, как он». В то же время шутка про пьяную речь позволяет обратить внимание на то, что трудоспособность каждого из нас не стабильна: алкогольное опьянение – нарушение функции, которое знакомо всем зрителям. Таким образом, Сергеич открывает понятие нарушения тела, которое касается всех, а не только инвалидов. Шутка срабатывает благодаря тому, что я называю «комедийным узнаванием»: зрители осознают весь ужас, который они испытали бы, услышав такой, схожий с пьяным, голос пилота. Они смеются, соглашаясь с тем, что действительно были бы шокированы. Зрители начинают пересматривать свои стереотипы, касающиеся возможностей людей с инвалидностью. При этом зрители воспринимают Кутергина одновременно и как «своего» земляка, и как представителя меньшинства (группы инвалидов), рассказывающего об опыте переживания дискриминации.

Сергеичу с одинаковым успехом удастся рассмешить зрителей и одновременно с этим обратить их внимание на повседневный мир людей, вынужденных жить в «нерабочем» теле или – в его случае – в теле, более подходящем для выступления на юмористическом шоу, чем для традиционных видов труда. Таким образом, он словно создает пространство, в котором зрители постигают различия его тела через юмор. В то же время происходящее, несомненно, стоит считать метасобытием: тот факт, что Сергеич собирал совокупность зрителей, что зрители смотрят с интересом на человека со статусом инвалида, сам по себе значителен.

Однако что это за аудитория? Упомянутое нами метасобытие – появление публики, проявляющей интерес к инвалидному телу в России, заслуживает детального рассмотрения. Американский социальный теоретик Майкл Уорнер указывает на существование множества различных значений термина „public“, употребляемых нами в обычной речи, в частности «общественность» и «публика». Концепт «публичная сфера», используемый в политике, зачастую отсылает к весьма конкретным идеям Хабермаса. При таком употреблении «публичное» или «общественное» практически всегда связываются с государством и гражданством. Однако же зачастую «публика» расшифровывается просто как аудитория – группа читателей (в частности данной статьи), зрителей (театра) или слушателей (радиопередач). Два этих значения могут совпадать время от

времени, например, когда собравшаяся толпа слушает патриотические речи.

Уорнер отмечает, что мы часто используем концепт «публика» как условное обозначение, чтобы уклониться от требующего емкого изучения необъятной, непостижимой и неоднородной природы рассматриваемых коллективов. Адресуя свое сообщение публике, на самом деле мы «обращаемся к неопределенным чужакам» без какой-то «пространственной локализации распространения информации» [Warner, 2005. P. 120]. Телезрители становятся частью «публики», просто смотря телевизор, оставаясь при этом людьми абсолютно посторонними друг другу и создателям шоу. Сергеич и его коллеги-юмористы, по сути, направляют публике ряд своих представлений и ожиданий, а наличие внимания к содержанию выступлений артистов расценивается как подтверждение тех воображаемых характеристик российской публики, которые они представили вначале. Именно таким путем дискурс-анализ публичных сообщений позволяет строить выводы не только о реальных характеристиках публики, но и о том, как обычно воображается, репрезентируется российская общественность.

В обществе модерна, утверждает Уорнер, незнакомцы (чуждые друг другу люди) встречаются повсюду. И более того, незнакомые между собой люди – в метро, на рынке, на избирательном участке – оказывают значительное влияние на наши современные социальные представления о самих себе. Уорнер пишет:

В современном обществе появление незнакомца не кажется нам удивительным и экзотичным, каким казалось бы его появление в древнем, средневековом обществе или в городе Нового времени. В ранних видах социального порядка или в современных ему аналогах незнакомец, новичок является таинственной и тревожащей проблемой, требующей решения. Однако в контексте публичной сферы новички могут рассматриваться как уже принадлежащие нашему миру. Более того, они должны быть его частью, ведь мы рутинно ориентированы на общую жизнь. Они представляют собой нормальное социальное явление [Warner, 2005. С. 74–76].

Появившись на телешоу как талантливый новичок, Сергеич является ответом на уже имеющиеся у зрителей запросы и поэтому воспринимается как «уже принадлежащий этому миру». Это важно, поскольку в советской публичной сфере появляющиеся новички – за редким исключением героев Великой Отечественной войны – всегда были трудоспособными, здоровыми [Phillips, 2009; Kikkas,

2001]. После распада Советского Союза активисты и в России начали работать над изменением общественного восприятия инвалидности [Iarskaia-Smirnova, 1999; 2001; Phillips, 2011].

Итак, давайте попытаемся понять, каким образом выступления Сергеича позволяют определять (interpellate) его как незнакомого гражданина России. Монологи Сергеича в «Comedy Баттл» допускают существование общественности, в которой некоторые из незнакомцев (strangers) могут *отличаться*, т.е. обладать другой телесностью, этих людей с ограниченными возможностями замечают, слышат и чествуют наравне с другими гражданами. Жанр, к которому принадлежит «Comedy Баттл» наряду с другими телевизионными шоу талантов, презентует нам особый тип современного незнакомца – талантливый союзника-гражданина. С этой площадки, просто появившись на шоу или в видеоролике, Сергеич обратился к общественности с идеей признать людей с ограниченными возможностями как не чуждых жителей, а как сограждан.

Если мы хотим разобраться, как отличается русское понятие общественности от его англоязычного аналога, мы должны в дальнейшем уточнить наше представление о том, как Сергеич предстает незнакомцем (stranger) перед своей аудиторией. Сюзан Гал утверждает, что американское восприятие публичного и частного по большей части является пространственным (публичная сфера, частная жизнь), а постсоветская лингвистическая система стремится понять публичное и частное как человеческий атрибут или способ его поведения [Gal, 2002]. Применяя вышесказанное к феномену инвалидности, мы можем увидеть, что в России никто не ожидает встретить незнакомца с ограниченными возможностями на улице, их воспринимают как «невидимых», они «обязаны» скрываться дома, за пределами публичной сферы [Phillips, 2011]. В конечном счете инвалидность в России определяется как неспособность (unable), к примеру, публично принять соответствующую роль [Kikkas, 2001].

Марк Гарцелон [Garcelon, 1997] отмечает, что американское понимание публичного «в значении социально заметного (visibility) или преобладающего общественного мнения» в русском языке лучше всего выражается в терминах «общественный» или «социальный». Если мы посмотрим, как именно данные термины употребляются в обыденной речи в непосредственной близости от слов *инвалиды* или *люди с особыми потребностями*, то мы заметим в российском общепринятом дискурсе сдвиг в сторону еще большего закрепления представлений о людях с ограниченными возможностями как о слабых и зависимых. Например, инвалиды

нуждаются в социальной защите или в социальном обслуживании; выступают в роли бенефициаров некоммерческих или общественных организаций. Действительно, в таком представлении российские инвалиды не являются теми людьми, для кого собирается аудитория, а скорее, сами являются аудиторией, потребляющей (absorbing) ресурсы и услуги. Это помогает нам понять, насколько радикально появление Сергеича на шоу «Comedy Баттл» в качестве российского незнакомца-гражданина перед аудиторией и действительно достойно похвалы с ее стороны.

Как подчеркивает американский антрополог Томас Маца [Matza, 2009], существует диалектическая связь между формирующим субъектом и аудиторией: участие в качестве члена аудитории способствует одновременно и формированию общности, и воссозданию реальности в соответствии с общественно сформированными представлениями (Быть частью аудитории – значит одновременно участвовать в формировании публичных представлений и воссоздавать определенное содержание, уже сформированное публикой. – *Прим. пер.*). Когда Алина у себя в квартире смотрит выступление Кутергина, она, будучи россиянкой с ДЦП, воспринимает себя иначе, чем раньше.

Видео про Сергеичбург идет еще дальше. Множество раз во время своих полевых исследований в Петрозаводске я слышала повторяющуюся фразу «кому такие люди нужны?», которую люди с ограниченными возможностями обычно приписывают тем, кто их дискриминирует. Мои участники исследования использовали эту фразу, чтобы пояснить свое отношение, свое понимание преобладающего в российской культуре мнения о людях с ограниченными физическими возможностями. В противоположность этому в видеоклипе «Сергеичбург» Сергеич провозглашает:

Столько друзей, столько подруг, думай что это – Сергеичбург!

Город друзей, город подруг! Добро пожаловать в Сергеичбург!

И ничего что Москва (Анапа) вокруг – думай, что это – Сергеичбург!¹

Сергеичбург – это вымышленное место, полное дружелюбных незнакомцев, которые еще и друзья Сергеича. Он – самый популярный «чувак» Сергеичбурга, который кружит по городу на золотом кабриолете в сопровождении сексапильных девушек и общает-

¹ Добро пожаловать в Сергеичбург // <http://www.youtube.com/watch?v=EzInJ873S5E&feature=youtu.be>

ся с разными знаменитыми артистами. Сам клип относится к жанру комедийного музыкального видео, и, хотя в нем нет специфичного юмора, карнавальная атмосфера, показанная там, напоминает пародию на жанр «гангста-рэп». Не важно, где пространственно ты находишься, будь то Анапа или Москва, видео предлагает определенное состояние ума, в котором ты переносишься в Сергеичбург. В воображаемом Сергеичбурге наличие инвалидности не исключает социального участия и успеха. Сергеич и его друзья комедианты как в видео о Сергеичбурге, так и в «Comedy Баттле» зовут присоединиться к ним незнакомцев российской публики, которые, в свою очередь, имеют возможность представить Сергеича в качестве жителя, дружелюбного соседа – полноценного члена российской публики.

Как считают А. Юрчак и Д. Бойер, такие жанры, как пародия, комедия и стеб¹, обладают потенциалом для пересмотра нормативной модели изнутри. Воссоздавая слегка измененную копию, пародия способна явственно указать на однотипность содержания оригинала, отсутствие разнообразия либо, наоборот, на его стремление к гипернормализации, которые бы в ином случае остались незамеченными. Юрчак и Бойер утверждают, что пародия является причиной «чувственного раскола, делая то, что было скрыто и неосознанно нами, внезапно видимым и умопостигаемым» [Yurchak, Boyer, 2010. P. 212], и поэтому занимает важное место в общественном восприятии. В таком случае выступление Сергеича раскрывает два основных момента гипернормализации российских публичных медиа – это однообразность репрезентаций телесности и маскулинности. Сергеич разоблачает и высмеивает компоненты такой мужественности в своем видео: праздный образ жизни, деньги, автомобили, сексуально-доступных женщин и влиятельных друзей –

¹ Хотя Сергеич «примеряет» стиль рэпера с юмором, с иронией, мы не можем считать видео «Сергеичбург» стебом в понимании Юрчака, так как то, что показывает Сергеич, далеко от официальной позиции (т.е. стеб, в понимании Юрчака, ирония именно по поводу официальных государственных позиций, а рэп-музыка сильно отличается от этого). Но его работа о пародии и роли юмора в обществе открывает интересные смыслы о Сергеичбурге. Юрчак определяет стеб как особую форму иронии, которая процветала в позднем советском социализме. Стеб «требует сверхидентификации (overidentification) с предметом (человеком или идеей), на который [автор стеба] обратил внимание зрителей, до такой степени, что невозможно определить, автор поддерживает какую-либо позицию или шутит по ее поводу» [Yurchak, 2006. P. 250, см. также: Yurchak, 1999. P. 84].

для того, чтобы аудитория признала существование *других* индивидов – людей с церебральным параличом, как правило, исключенных из сферы маскулинности.

Зритель, безусловно, понимает, что Кутергин, привлекая внимание *инвалид*, сам не живет той жизнью, которую изображает в видео, его герой – босс города Сергеичбурга. Босс – это явно мужская роль, которая воспроизводится в рамках гендерного порядка в современной российской цифровой публичной сфере повсеместно – начиная с канала MTV и заканчивая рекламой [Юрчак, 2000]. Люди же с инвалидностью, наперекор скрытой в России неолиберальной логике, воспринимаются как нуждающиеся в защите и помощи государства, они исключаются из трудовой сферы. Следовательно, возможность быть кормильцем и главой семейства – трудовые ресурсы и маскулинность – предстают в дискурсе как связанные и тождественные понятия. Юрчак называет этот феномен *мужской экономикой*. С помощью Сергеичбурга Кутергину удастся сделать проблему исключения заметной благодаря разрыву шаблона, согласно которому успешный мужчина – это всегда телесно здоровый и трудоспособный человек.

Еще один разрыв между маскулинностью и аблеизмом происходит в финальном выступлении Сергеича на шоу «Comedy Баттл». Тщательно выверенный и продуманный заранее сценарий программы для того, чтобы опытный зритель реалити-шоу испытывал эмоциональное напряжение, воспроизводится им лишь частично. Сергеич на середине выступления внезапно становится нервным и уходит со сцены выпить стакан воды. По возвращении вместо того, чтобы продолжить заранее подготовленное выступление, он начинает импровизировать. Сначала резидент выражает глубокую благодарность за свое появление, сказав, что шоу изменило его жизнь, прежде всего потому, что он смог встретить женщину своей мечты. Он рассказывает аудитории про чудесную встречу и влюбленность в девушку из соседнего двора (как и было обещано в городе Сергеичбурге: «столько подруг!»): они познакомились с ней именно после его появления на «Comedy Баттл», потому что до этого она его «не замечала». Его инвалидность делала его «невидимым» мужчиной; но однажды публика стала узнавать его, и эта женщина тоже.

В такой ситуации создатели «Comedy Баттл» намеренно ломают обычный формат шоу, для того чтобы образовалось пространство, в котором возможно было бы говорить об опыте Сергеича как «другого». Играя на сочувствии зрителей, Сергеич сначала «калечит» себя: нервничает, ошибается и просит о снисходительности или специальном обращении (уходит со сцены, чтобы получить

воду посредине выступления). Однако после того как финалист рассказывает историю о знакомстве со своей невестой и камера переключается на нее, сидящую в зале, Сергеич предстает совсем в ином свете: как желанный муж и партнер. Тот факт, что внешне привлекательная, здоровая, молодая женщина влюбилась в Сергеича, полностью переворачивает его образ «калеки» (сгip), показывая его публике не просто как исполнителя или комедийного артиста, но и как обладателя востребованной мужественности, даже сексуальности.

Выходит, что Сергеич обладает главными атрибутами нормативной модели мужского успеха – у него есть девушка (и она красотка!). «*Это серьезная информация?*» – спрашивает его один из судей. «*В том то и дело, что это полная правда*», – отвечает Сергеич¹. Кажущиеся не первый взгляд несоответствие или невероятность такого исхода с точки зрения нормативной модели обнажают тот размах, с которым люди с инвалидным телом игнорируются в качестве соседей, незнакомцев и граждан как в репрезентациях публичной сферы, так и в реальных взаимодействиях. Замеченный публикой и цифровой общественностью Сергеич, согласно его монологу, был замечен соседской девушкой как талантливый незнакомый гражданин. Его появление на «Comedy Баттл» переопределило его как публичную персону (в Гарцилоновском смысле), и как мужчину (по аналогии с идеей Юрчака). Это произошло одновременно и символически и буквально, с одной стороны, его изображение было оцифровано и передано в каждую российскую квартиру, и, с другой стороны, его заработный потенциал в качестве комика взлетел вместе с расширившимся охватом аудитории.

Выступление Сергеича на «Comedy Баттл» позволило обрести уверенность в себе людям с ограниченными возможностями, таким, как Алина. Видя человека с ДЦП, который говорит о себе, играет роль комедийного актера на телевидении (или в Интернете), Алина открывает для себя новые возможности: участие в публичном дискурсе в качестве не только читателя, но и автора, который переписывает общие истории, о том, кто такие инвалиды и кем они могут стать.

У себя дома одним воскресным днем Алина посадила меня рядом с ее компьютерным столом, где сама сидела в инвалидном кресле. Мы пересматривали ее любимые отрывки из шоу «Comedy

¹ «Comedy Баттл». Сезон 3. Серия 19 // Online Video // http://www.comedyportal.net/watch_online/comedy_battle_season3/19_vy_pusk (дата обращения: 06.04.2013).

Баттл». *«В каком из них Сергеич говорит шутку про летчика самолета? – спрашиваю я. – Может быть, нам поискать ее по номеру эпизода?»*. *«Подожди минутку, я знаю, как найти его, – говорит она. – Я смотрела его так много раз, что могу узнать видео, просто посмотрев на одежду, в которой были артисты»*.

Феномен воображаемого Сергеичбурга – города России, где люди с инвалидностью воспринимаются как потенциально успешные граждане, – частично объясняется тем, что Сергеичу удается раскрыть существующий аблеизм посредством комедии. Помимо этого в рамках медиарепрезентаций и перформансов Сергеич также открывает возможность для появления таких мест и в повседневной жизни. Его помолвка с Дианой, симпатия со стороны Алины, которая любит пересматривать видео с Сергеичем, свидетельствуют о том, что предложенная в Сергеичбурге крип-этика¹ (crip ethic) перенимается, приспособляется и реализуется отдельными членами его аудитории в обычной жизни.

Таким образом, перед нами встает ряд важных вопросов: что мы понимаем под цифровой публичной сферой в России? Какие состояния тела признаются в культуре правильными, а какие исключаются из нее? Как связаны мужественность и сексуальность? Как на Алинину самооценку влияет ее понимание статуса: признание или осуждение инвалидности в СМИ. В конечном счете критический подход к исследованиям инвалидности (дизабилити стади) напоминает нам, что мы не обязаны укладывать рассуждения о публичности в нормативные схемы, подвергать их жесткой конкретизации и эмпирической концептуализации. К примеру, нередко в этой статье формальные нормы языка склоняли меня написать «увиденный» (seen) или «услышанный» (heard), когда в действительность я имела в виду «признанный», «опознанный» (recognized). Итак, цифровая публичная сфера с одной стороны, расширяет возможности россиян для мобильности, коммуникации и взаимодействия, как в случае с Алиной (которая, например, может пересматривать и комментировать видеоролики Сергеича на форумах), но, с другой стороны, одновременно с этим она создает ограничения (позволяет политикам обосновывать «дистанционное обучение» студентов и детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, означающее, что следующее поколение россиян с ограниченными возможностями будет отделено от своих сверстников).

Когда мы говорим о публичной сфере как пространственной метафоре, целесообразно рассматривать те аспекты, которые в дей-

¹ Этика по отношению к инвалидам, калекам. – *Прим. пер.*

ствительности способствуют построению барьеров и ухудшению мобильности и, следовательно, мешают многим россиянам быть участниками разнообразных публик. Нужно больше исследований для того, чтобы в полной мере оценить потенциал крип-концепции для пересмотра и доработки теории публичной сферы, а также чтобы понять, как взаимодействие в сети российского Рунета бросает вызов пространственному пониманию публик.

Список источников

Джагалов Р.Л. Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции // Неприкосновенный запас. 2011. № 75 // <http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/d17.html> (дата обращения: 06.04.2013).

Культура общения с людьми с инвалидностью. Язык и этикет // РООИ Перспектива. 2013 // <http://perspektiva-inva.ru/language-etiquette/> (дата обращения: 05.11.2013).

Юрчак А. Мужская экономика: не до глупостей, когда карьеру куешь // Неприкосновенный запас. 2001. № 5 // <http://magazines.russ.ru/nz/2001/5/ur.html> (дата обращения: 07.04.2013).

Юрчак А. По следам женского образа (символическая работа нового рекламного дискурса) // Альчук А. (ред.) Женщина и визуальные знаки. М.: РГГУ, 2000. С. 65–77.

Bourdieu P. Distinction: a Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

Blue J. Josh Blue at Last Comic Standing! // YouTube Video. 2006 // http://youtu.be/qMSrpZi_6WM (дата обращения: 06.04.2013).

Castaneda C.R., Hopkins L.E., Peters M.L. Ableism // Adams M. (ed.) Readings for Diversity and Social Justice. New York: Routledge, 2000. P. 457–464.

Gal S. A Semiotics of the Public/Private Distinction // Difference: A Journal of Feminist Cultural Studies. 2002. Vol. 13. N 1. P. 77–95.

Garcelon M. The Shadow of the Leviathan: Public and Private in Communist and Post-Communist Society // Weintraub J., Kumar K. (eds.) Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 303–332.

Iarskaia-Smirnova E. Social Change and Self-Empowerment: Stories of Disabled People in Russia // Priestley M. (ed.) Disability and the Life Course: Global Perspectives. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 101–113.

Iarskaia-Smirnova E. 'What the Future Will Bring I Do Not Know': Mothering Children with Disabilities in Russia and the Politics of Exclusion // Frontiers: A Journal of Women Studies. 1999. Vol. 20. N 2. P. 66–86.

Kikkas K. Lifting the Iron Curtain // Priestley M. (ed.) Disability and the Life Course: Global Perspectives. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 113–122.

Linton S. Claiming Disability: Knowledge and Identity. New York: New York University Press, 1998.

Matza T. MOSCOW'S ECHO: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show // Cultural Anthropology. 2009. Vol. 24. N 3. P. 489–522.

Mazzarino A. Barriers Everywhere: Lack of Accessibility for People with Disabilities in Russia // Human Rights Watch Report. September, 2013 // <http://www.hrw.org/reports/2013/09/11/barriers-everywhere-0> (дата обращения: 09.12.2013).

McRuer R. As Good As It Gets: Queer Theory and Critical Disability // GLQ. 2003. Vol. 9. N 1–2. P. 79–105.

McRuer R. Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability // Cultural Front. New York: New York University Press, 2006.

McRuer R. Disabling Sex: Notes for a Crip Theory of Sexuality // GLQ. 2010. Vol. 17. N 1. P. 107–129.

Phillips S. Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine. Bloomington: Indiana University Press, 2011.

Phillips S. “There Are No Invalids in the USSR!” A Missing Soviet Chapter in the New Disability History // Disability Studies Quarterly. 2009. Vol. 29. N 3 // <http://dsq-sds.org/article/view/936/1111> (дата обращения: 07.04.2013).

Rivkin-Fish M. Women's Health in Post-Soviet Russia: the Politics of Intervention. Bloomington: Indiana University Press, 2005.

Warner M. Publics and Counterpublics. New York: Zone Books, 2002.

Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Weintraub J., Kumar K. (eds.) Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 1–42.

Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Yurchak A., Boyer D. American Styob: Or, What Late Socialist Aesthetics of Parody Reveal About Contemporary Political Culture in the West // Cultural Anthropology. 2010. Vol. 25. N 2. P. 179–221.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: НА МАТЕРИАЛАХ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ПРЕССЫ

Елена Ярская-Смирнова, Дарья Присяжнюк

Служа целям достижения социального равновесия в обществе, социальная политика выполняет функцию сглаживания социального неравенства и сдерживания классового конфликта. Инструментами социальной политики выступают не только социальные программы, но и политика репрезентаций социальных проблем и социального неравенства в СМИ. Для нас представляет особый интерес анализ репрезентаций, а именно то, какие смыслы приписываются в СМИ событиям, акторам и явлениям в области социальной политики, как они производятся и распространяются в обществе посредством языка, знаков и образов. Целью нашего исследования выступает анализ репрезентаций социального неравенства и социальной политики в печатных СМИ в современной России. Неравенство понимается не только как разрыв в доходах различных социальных групп, но и различия в степени социальной защищенности, в возможностях реализации социальных прав на получение

В данной научной работе использованы результаты проекта «Конструирование неравенства в риторике социальной политики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 12-01-0230.

образования, качественной медицинской помощи, трудоустройства, доступа к объектам культуры и другим социальным благам. Мы определим типичные дескрипторы моделей объяснений социального неравенства по результатам контент-анализа публикаций в Российской газете с 2005 по 2012 гг.

Социальная политика, публичная сфера и медиарепрезентации

Вслед за Хабермасом [см., напр.: Habermas et al., 1974. С. 50] мы можем определить публичную сферу как возможность или процесс рационально-критической дискуссии, благодаря которой публика становится носителем общественного мнения, запускаются процессы критической публичной коммуникации. Понимаемая таким образом категория публичной сферы неразрывно связана с проблематикой средств массовой информации. В некоторых изданиях массмедиа и публичная сфера буквально отождествляются [см., напр.: Triandafyllidou et al., 2009; Koopmans, Statham, 2010]¹.

В современных исследованиях массмедиа рассматриваются как ключевой институт гражданского общества [см., напр.: Засурский, 2001], функционирующий как основа и ключевой структурный элемент публичной сферы [см.: Бодрунова, 2011]. Массмедиа конкурируют с государством, критикуют его, они призваны играть центральную роль в обеспечении подотчетного и ответственного правительства, обеспечивая публику информацией: исполнение такой роли основывается на предположении о существовании хорошо информированных граждан и рациональной открытой политики [Franklin, 1999a. Р. 9]. Однако если возможности публичной дискуссии сводятся лишь к потреблению информации, подготовленной корпорациями и государством (или только государством), то такая манипулируемая публичная сфера теряет свой критический потенциал. Отношения с политической властью здесь основаны на створе, а не на соперничестве, и функция СМИ сводится к трансляции сообщений, подготовленных специалистами по связям с общественностью, пресс-секретарями и политтехнологами, используемыми правительством, политическими партиями [Franklin, 1999a. Р. 9]. Как пишет Хабермас, к началу XX в. СМИ осуществляют деполитизацию пуб-

¹ Например, задачей книги «Европейская публичная сфера и медиа» является анализ того, «как создавалась европейская публичная сфера в национальных СМИ нескольких европейских стран в различные критические периоды послевоенной европейской истории» [Triandafyllidou et al., 2009. Р. 4].

личной сферы, подчиняют ее законам массового потребления. Новости и комментарии представляются публике по законам индустрии культуры, отбираются только факты, интересные читателю, а в наиболее популярных СМИ информация еще и перемешивается с развлечением, сообщения, требующие более сложных объяснений, разбиваются на короткие фрагменты [Habermas, 1998. С. 376–377; см.: Хабермас в этой книге; см. также: Franklin, 1999b]. При этом события, акты и явления наделяются разными смыслами в зависимости от конкретных исторических обстоятельств, а также интересов тех групп, которые влияют на производство информации.

Политическая система, как пишет Ю. Хабермас, «обеспечивает лояльность масс как конструктивным, так и селективным способом. В первом случае, выдвигая проекты социальных программ на государственном уровне, во втором – исключая из публичных дискуссий определенные темы и сообщения» [Хабермас, 1993. С. 127]. Вот почему в анализе репрезентаций социальной политики и социального неравенства в СМИ особое внимание стоит уделять тому, с помощью каких кодов – особых социальных конвенций [Hall, 1997. Р. 47] – озвучиваются или замалчиваются темы и обстоятельства, артикулируются интересы и запросы социальных групп, блокируются одни и поощряются другие дискуссии. Важным предметом такого анализа становятся комплексные взаимоотношения между новостными СМИ, источниками новостей, содержанием медийных сообщений о социальной политике и их влиянием на аудитории, общественное мнение и лиц, принимающих решения в сфере социальной политики [см., напр.: Brindle, 1999; Golding, 1999]. Дискурсы социальной политики нередко включают ценностные суждения, позитивные в отношении одних групп или действий и негативные в отношении других, различные субъекты производятся в них в качестве виновников, жертв или героев.

Неравенство, режимы социальной политики и репрезентации социальных проблем

Социальная политика является довольно привлекательной темой для СМИ, поскольку она затрагивает практически всех граждан и находится в центре повестки дня любого правительства, напрямую связана с государственным бюджетом и становится горячей темой в предвыборных баталиях [Franklin, 1999a. Р. 1]. Вместе с тем сама по себе социальная политика не часто освещается в СМИ. Повод обратиться к этой проблематике возникает в связи с такими сюжетами, как преступность, мошенничество или секс [Golding, Middleton, 1979]. Нередко СМИ искусственно раздувают проблему злоупотребления

социальным обеспечением со стороны клиентов – в исследовании А. Дикона [Deacon, 1978] этот вывод был сделан на основании сравнения статистики таких злоупотреблений и числа сообщений о них.

Стратегии власти/знания, реализуемые посредством СМИ, приводят в государстве-нации к маргинализации одних групп и наделяют привилегиями другие категории населения [Pascale, 2013. P. xii]. Матери-одиночки предстают как моральная угроза, источник социальных проблем (такая модальность характерна даже для учебной литературы по социальной работе [см.: Ярская-Смирнова, 2006]). Стереотипными и стигматизирующими коннотациями наполнены сообщения о ментальном нездоровье [Franklin, 1999a. P. 2; см. также главу Валерии Маркиной в этой книге]; дети и молодежь также нередко подвергаются медийной демонизации как «зло», неподконтрольное полиции и правосудию, что вызывает неоднозначные реакции у общественности и политиков, выступающих за снижение возраста уголовной ответственности и против ювенальной юстиции [Раньше сядешь... 2013; Ювенальная юстиция... 2009].

Есть ли какая-то связь между уровнем бедности, режимом социального государства, общественным мнением и репрезентациями в СМИ? Некоторые исследователи полагают, что институциональная структура режимов государств благосостояния формирует специфические черты социальной структуры, вызывает к жизни различные паттерны поведения адресатов социальной политики и по-разному влияет на массмедиа [Rothstein, 1998; Larsen, Dejgaard, 2013]. В свою очередь, можно предположить, что СМИ влияют на то, кого политики, журналисты, социальные ученые и обычные граждане считают бедными и бенефициарами в тех или иных государствах благосостояния. Во всяком случае публикации в СМИ могут спровоцировать и затормозить законотворческие инициативы и реформы, раздувая вокруг тех или иных событий и концепций моральную панику. Такие примеры есть и в России: речь идет о законопроекте о гендерном равенстве (принят в первом чтении в 2003 г., ожидает принятия во втором чтении; см.: Проект Федерального закона) и ювенальной юстиции (принят Госдумой в первом чтении в 2002 г., отклонен в 2010; см. Проект Федерального конституционного закона). В свою очередь, высказывания членов правительства, президента, парламентариев, подхваченные СМИ, подогревают и направляют общественное мнение [Franklin, 1999a. P. 4]. Таким образом, темы и сюжеты публикаций в СМИ возникают и исчезают в контексте электоральных циклов (выборы думы, президента), внесения, рассмотрения и принятия законопроектов, а также незапланированных событий, которые могут быть превращены в скандал и тем самым ускорить

ход принятия решений (напр., так называемый закон Димы Яковлева [см.: Федеральный закон... 2012]).

В либеральных режимах, предоставляющих социальное обеспечение только в случае крайней нужды, чаще могут происходить случаи злоупотребления и манипуляции системой, и СМИ будут стремиться преувеличивать роль этого явления, уделяя больше внимания разграничению между теми, кто получает пособия, и теми, за чей счет осуществляется финансирование бенефиций. Меньшая щедрость либеральных режимов поощряет рост преступности, подростковой безработности и культуры андекласса, а рост бедности ведет к сегрегации жилья и снижает повседневные контакты «мы и они», тем самым повышая возможность негативных стереотипов. В свою очередь, поскольку в социально-демократических государствах благосостояния каждый имеет право на услуги и выплаты, такое институциональное устройство вряд ли провоцирует злоупотребления системой, и, следовательно, в СМИ публикуется меньше таких историй и к ним реже привлекается внимание общества [Larsen, Dejgaard, 2013]. По причине менее глубокого уровня неравенства и отсутствия негативных стереотипов о бедных в СМИ низка вероятность острого противостояния между различными группами. И хотя здесь не исключается возможность радикальных протестных выступлений на социальной почве или терактов на почве расовой ненависти, частота таких событий сведена к минимуму (напр., теракт Брейвика в Норвегии в 2011 г.), и позитивные образы бедных, мигрантов и других бенефициаров социальной политики встречаются чаще, чем в странах с резидуальными режимами [см.: Larsen, Dejgaard, 2013].

Общественное мнение о получателях социальных пособий в странах, в которых доминируют универсалистские подходы в социальном обеспечении, сильно отличается от того, что думают граждане стран с резидуальными, или селективными, подходами [см., напр.: Rothstein, 1998]. Мы можем применить идею Хабермаса к обоснованию условий социального государства, построенного на универсалистских принципах. Если здесь требуется скорректировать систему распределения социальных компенсаций, то такие действия не вызывают ответных реакций со стороны привилегированных групп, поскольку не затрагивают уже сложившееся распределение имеющегося богатства, компенсируясь приростом общественного продукта. В противном случае, пишет Хабермас, «меры по социальной защите не могут выполнять функцию сдерживания и предотвращения классового конфликта» [Хабермас, 1993. С. 128].

В российской социальной политике соседствуют противонаправленные тенденции либерализации и возврата к статизму [Cook,

2011]. Но как показали опросы, только 14% россиян приняли бы либеральную модель социальной политики, при которой государство либо вообще не вмешивается в социальную сферу, либо помогает только самым слабым. Формула, которую вывело большинство, достаточно проста: «государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а остального каждый добьется сам» [Капитал не по Марксу... 2013].

Общественное мнение о социальном неравенстве

Способ артикуляции социального неравенства в СМИ представляет собой репрезентации, которые являются не столько отражением реальности, сколько конструированием представлений об этом феномене с учетом идеологий, транслируемых значимыми государственными и негосударственными агентами. Способы говорения о проблеме неравенства в СМИ могут выступать предпосылкой к стигматизации и исключению некоторых категорий граждан, а также оказывать косвенное влияние на мнения и модели поведения людей.

Анализ общественного мнения о причинах бедности и необходимой государственной политике в отношении бедных слоев показывает, что постепенно проблема бедности вытесняется на периферию сознания наших сограждан [Бедность и неравенства... 2013. С. 157], хотя неравенство остается достаточно высоким (см. рис. 1).

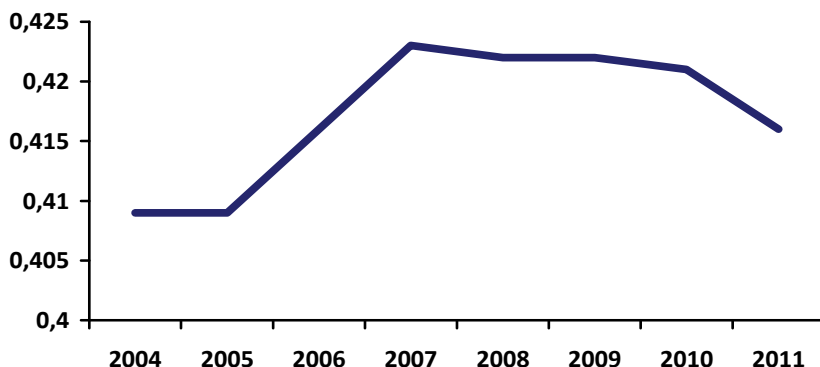

Рис. 1. Динамика коэффициента Джини в России
[Распределение общего объема денежных доходов населения // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm]

В недавнем исследовании Института социологии РАН показано изменение отношения к бедным в современной России. За десять лет втрое выросла доля тех, кто стал относиться к бедным безразлично, и в полтора раза уменьшилось число тех, кто относился к ним с сочувствием, жалостью, а некоторые даже с уважением. При этом бедность в сознании среднестатистического россиянина чаще стала ассоциироваться с пьянством и наркозависимостью, хотя сами бедные в качестве причин своего положения указывают на структурные причины: безработица, недостаточность социального обеспечения, а также семейные несчастья и другие проблемы индивидуального уровня [Бедность и неравенства... 2013. С. 157].

Исследователи пытаются понять, с чем связаны те или иные объяснения причин бедности – с уровнем дохода опрошенных, актуальным режимом государства благосостояния, а может быть, с господствующей системой репрезентации бедности и неравенства? Владимир Магун и Ольга Грязнова выявили значимые связи между ценностными ориентациями населения и характером запросов людей на социальную помощь со стороны государства. Те, кто рассчитывает на поддержку социального окружения, а также те, кого волнует судьба других людей, считают необходимым оказание им государственной поддержки. В свою очередь, те, кто больше рассчитывает на свои собственные силы, а также те, кто в большей степени нацелен на собственное благополучие и потому не хочет перераспределять и передавать другим свои ресурсы, склонны уменьшать ответственность государства за социальную поддержку населения [Магун, Грязнова, 2012. С. 30].

Репрезентации неравенства и социальной политики в Российской газете: методология исследования

В качестве эмпирической базы нашего исследования выступает массив аналитических статей «Российской газеты» за 2005–2012 гг., размещенных в полнотекстовом архиве СМИ печати «Интегрум» (www.integrum.ru). Выбор «Российской газеты» обусловлен тем, что это официальное правительственное издание, ориентированное на массовую аудиторию, а также на государственных служащих и деловых людей. Нижняя граница поиска обусловлена объемом указанного архива в базе «Интегрум». Отбор публикаций в качестве единиц анализа проводился при помощи функций, предоставляемых указанной базой данных. Единицы счета выбирались как по заголовкам, так и по всему тексту статей. Единицей анализа выступали статьи аналитического типа, поскольку в них наиболее эксплицитно артикулируются аспекты, связанные с социальным неравенством.

Текст отбирался для анализа с учетом двух аспектов: во-первых, если в нем освещаются действия, направленные на решения обозначенных проблем («социальная политика»), во-вторых, если в текстах рассматриваются эти проблемы как таковые в аспекте признаков и реципиентов социальной политики. Вначале из всего множества публикаций было выделено 2199 статей, в которых встречалось ключевое понятие «социальная политика». Затем из полученного массива были выбраны те статьи, в которых затрагивались проблемы неравенства и бедности (отбор осуществлялся по ключевым понятиям: бедность, неравенство, дискриминация, несправедливость, неблагополучие, женщины, мужчины). В результате для анализа было отобрано 1205 публикаций, которые затем были закодированы по следующим параметрам: выходные данные статьи; цитата (цитаты), отвечающие проведенному запросу; типы персонажей повествования (индивиды и социальные группы), идентифицируемые в терминах неравенства, несправедливости, экономического неблагополучия и бедности. Динамика частоты упоминания выявленных кодов рассчитывалась вначале в абсолютных числах по годам (см. рис. 2), а затем в процентах к каждому году.

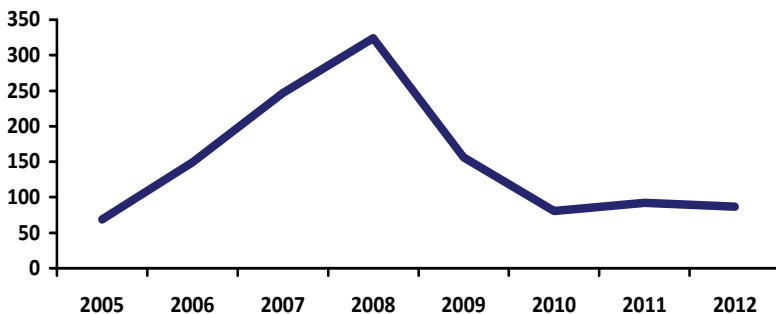

Рис. 2. Распределение публикаций о социальном неравенстве, 2005–2012, количество единиц за год, РГ

Контекст упоминания кодировался по характеристикам и способам объяснений неравенства; источникам помощи. Абсолютный максимум релевантных публикаций в нашей выборке приходится на 2008 г. Тенденции роста и спада в частоте обращения к тематике неравенства могут быть связаны с избирательными кампаниями, а также с увеличением или снижением внимания к этой проблематике со стороны руководства страной. Кроме того, интерес к теме неравенства может расти в период экономического подъема и умень-

паться в периоды спада или кризиса. Некоторые исследователи объясняют это парадоксами общественного сознания, когда бедность острее ощущается в богатеей стране [Ярмиев, 2008. С. 68–69]. Финансовый кризис 2008–2010 гг. в России переживался не столь сильно, как в западных странах, хотя его влияние на рост бедности прогнозировалось аналитиками Всемирного банка, рекомендовавшими повысить адресность и усилить децентрализацию программ социальной поддержки в целях смягчения влияния экономического кризиса на бедных [Боgetич, 2009. С. 21].

В результате более чем трехкратного снижения цен на нефть в августе – декабре 2008 г. резко сократились доходы бюджета. <...> В ходе кризиса доходы федерального бюджета сократились, а расходные обязательства (в первую очередь в части трансфертов в пенсионную систему) значительно увеличились [Стратегия-2020... 2012. С. 71].

Это соответствует и политике репрезентаций. На фоне развития мирового экономического кризиса число публикаций по проблемам неравенства в Российской газете снижается (в 2008 г. 324 статьи, 2009 – 156, 2010 – 81). Однако близкие сюжеты (потеря работы, банкротство, снижение доходов, антикризисные меры российского правительства) появляются с растущей частотой. Так, выросло с 449 в 2008 г. до 535 в 2009 г. число печатных материалов о потере работы и с 24 в 2008 г. до 155 в 2010 г. о государственных антикризисных мерах. Отчасти это может говорить о самой газете и ее функции в условиях кризиса – газета демонстрирует роль государства в совладании с социальным неравенством.

Наименее защищенные группы, причины и типы неравенства

В большинстве публикаций (N = 891, или 74%) в качестве наименее защищенных групп представлены категории, которые можно отнести к бенефициарам социальной защиты: в частности, «бюджетники» (N = 145, или 12%), пенсионеры (N = 130, или 11%)¹, люди с инвалидностью (N = 68, или 5,6%), дети (N = 57, или 5%), пациенты поликлиник (N = 48, или 4%), безработные (N = 28, или 2%), льготники (N = 24, или 2%), мелкие предприниматели (N = 21, или 1,5%), сельское население (N = 20, или 2%), сироты (N = 19, или 1%), молодежь и студенты (N = 15, или 1%) и проч. Кроме того, наиболее крупные из упомянутых групп – это категории электората, которым, с нашей точки зрения, в первую очередь адресованы сообщения о социальной политике.

Распределение публикаций о социально уязвимых группах населения,
% от общего числа публикаций за год, 2005–2012, РГ

Годы	Бюджетники	Пенсионеры	Женщины (беременные и матери) и дети	Другое
2005	25	4	28	43
2006	18	12	23	47
2007	11	16	23	50
2008	7	13	12	68
2009	12	14	23	51
2010	14	14	25	47
2011	11	17	30	42
2012	8	8	35	49

Частота упоминания бюджетников как социально уязвимой группы снижается втрое с 2005 г. (25%) к 2012 г. (8%) (табл.). В 2008 г. уменьшается количество публикаций, в которых фигурируют бюджетники, пенсионеры, матери (см. табл. 1). На этом фоне увеличивается число статей, в которых говорится об экономической несостоятельности населения в целом. Эта тенденция может быть обусловлена экономическим кризисом, который в той или иной мере сказался на всем населении России.

В небольшом количестве публикаций (N = 7) «бедных» противопоставляют экономически состоятельным группам населения, речь идет об углублении разрыва между группами населения по доходам:

Соотношение среднего дохода десяти процентов самых богатых жителей России к средним заработкам десяти процентов самых бедных достигает 17:1 <...> В то же время, когда численность миллиардеров утроилась, средний заработок в стране не увеличился, а в первом квартале этого года уменьшился [Обогнали Европу... // РГ. 15.08. 2011. № 178 (5554)].

В этой цитате слышится критический настрой, но направлен он не на социальную политику государства, а на ситуацию в целом.

В историях о бедных ощущаются сентиментальные нотки: «Именно бедный человек скорее накормит собаку или поможет бездомному» [Марш бродячих псов... // РГ. 21.10. 2011. № 237 (5613)], а «богатые» предстают высокомерными и эгоистичными: «нахальные и красивые, они наслаждались вновь приобретенным богатством»

[Труженицы гламура... // РГ. 24.11.2008. № 240 (4797)]. В небольшом количестве публикаций (N = 3) звучит мнение о том, что именно состоятельные люди должны нести ответственность и оказывать помощь бедным: «Богатые должны платить высокий подоходный налог, чтобы в стране не было бедных, бездомных и безграмотных» [Перемены ради спасения страны... // РГ. 28.02.2012. № 42 (5715)].

В публикациях нашей выборки люди с ограниченными возможностями наравне с пенсионерами, ветеранами и женщинами, воспитывающими детей в одиночку, представляют низкодоходную группу населения, артикулируются в качестве «просителей помощи» и «невинных жертв». Лишь в одной из статей человек с инвалидностью показан активным субъектом, сумевшим разорвать круг бедности:

Дело в том, что я сам – детдомовец и к тому же еще инвалид <...> Я сумел поступить на заочное отделение, окончил институт, сумел найти надомную работу, сейчас, в общем-то, получаю нормальные деньги [О чем нам пишут... // РГ. 12.10.2007. № 227 (4490)].

Этот редкий и скорее исключительный сюжет соответствует либеральной системе ценностей, согласно которой человек самостоятельно может отвечать за свою судьбу, строить материальное благополучие и достигать высоких статусных позиций без помощи со стороны государства даже в условиях низких стартовых возможностей. Какие же типы неравенства вырисовываются в газетных публикациях и какие выдвигаются объяснения?

В 848 статьях, где используется термин «неравенство», упоминаются следующие его типы. Самый распространенный (N = 566) – это разрыв в доходах и степени социальной защищенности. Речь идет о неравномерном распределении и неравных объемах пенсий, пособий, материальной помощи. В наихудшем положении представлены многодетные матери, материнские семьи, матери, воспитывающие детей-инвалидов, пенсионеры и льготники.

Второй по степени распространенности в этой части выборки статей тип неравенства связан с неравными возможностями трудоустройства (N = 113), в том числе среди женщин и мужчин (N = 66), пенсионеров, молодежи и остальных групп населения (N = 47). Основной лейтмотив публикаций заключается в том, что женщине сложно конкурировать с мужчиной на рынке труда, найти престижную, высокооплачиваемую работу. Данное положение объясняется двойной нагрузкой женщин, необходимостью совмещения трудовой деятельности с воспитанием детей (N = 15). С точки зрения авторов ряда публикаций (N = 12), государство должно защитить женщину и

снять с нее двойную нагрузку. В противовес этой логике три статьи утверждают, что такой тип неравенства – не более чем стереотип, используемый женщинами для легитимации своих неудач в карьере.

Третий по распространенности в данной части выборке статей тип неравенства связан с неравными возможностями получения медицинской помощи (N = 57, или 7%). В этих публикациях речь идет преимущественно о беременных, матерях (N = 13) и пенсионерах (N = 27). Другие представленные в выборке типы неравенства – разрыв в доступе к объектам культуры (N = 35), разные шансы на получение образования (N = 20) и возможности передвижения (N = 9).

Как уже упоминалось выше, несмотря на положительную динамику среднедушевых доходов населения¹, коэффициенты дифференциации и концентрации доходов (Джини) в России растут². В 502 статьях предлагаются некоторые объяснения социального неравенства. Мы сгруппировали объяснения причин в соответствии с локализацией акторов, виновных в сложившейся ситуации (см. табл. 2): государство (261, или 59% от данной части выборки), бизнес (16%), население (16%), другие причины (9%).

Чаще всего вина за социальное неравенство возлагается на государство. При этом в статьях говорится не только о том, кто виноват, но и о том, что делать. В частности, публикации, связывающие социальное неравенство с неэффективной государственной политикой, говорят о необходимости расширять или изменять способы участия государства (N = 261, или 59% от данной части выборки): «Новые правила выдачи компенсаций на питание, существенно осложнили жизнь тысячам воронежских женщин, воспитывающих малолетних детей» [Расходная каша... // РГ. 18.06.2009. № 110 (4934)].

Оценка многих аспектов социальной политики сегодня затрагивает региональный уровень. Это связано с передачей регионам ряда полномочий. Так, согласно Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 и более раннему Федеральному закону № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 полномочия по социальному обеспечению переданы с муниципального на регио-

¹ Динамика среднедушевых доходов населения по Российской Федерации. 08.05.2013 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11g.htm (дата обращения: 11.10.2013).

² Распределение общего объема денежных доходов населения. 18.04.2013 // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm (дата обращения: 11.10.2013).

нальный уровень. Финансирование осуществляется за счет бюджетных средств субъектов РФ и федеральных субвенций. Возможно, это перераспределение ответственности отражается в репрезентациях: еще одна причина социального неравенства и бедности (N = 36) связана не столько с самой государственной политикой, сколько с коррумпированностью и недостаточно эффективной работой чиновников разного уровня, несовершенством управления на местах.

Вторая причина социального неравенства (82 публикации) связана в РГ с деятельностью бизнеса – корпоративным эгоизмом, «антисоциальной» политикой бизнеса: «В последнее время вокруг завода сложилась негативная обстановка. Группа олигархов решила остановить работающий завод, разорвать его на части, растащить, разворовать» [В очередь на химию... // РГ. 22.11.2005. № 262 (3931)].

Третья причина (81 публикация) в том, что само население, а точнее, некоторые группы граждан не приспособлены к рыночной экономике – дискурс индивидуализации, или приватизации, неравенства. Такое объяснение возлагает на индивидов ответственность за те проблемы, которые имеют социетальное происхождение. Впрочем, здесь есть «невинные пострадавшие» и «провинившиеся». К первым можно отнести «достойные» группы исключенных (N = 37), среди которых авторы статей видят многодетных матерей, матерей с ребенком-инвалидом, работающих пенсионеров: «Потеряв работу на волне сокращений, найти новую они не могут. При этом они активны, квалифицированы, но увы» [Народ десятилетней выдержки... // РГ. 11.03.2010. № 49 (5128)]. Продолжением этой логики выступают аргументы о «провинившихся» (N = 37), к их числу относят всевозможных иждивенцев, лентяев и девиантов. Логика объяснения как бы «приватизирует», индивидуализирует социальную проблему, сводя ее к личностным особенностям тех или иных персонажей. Социальное неравенство, как показывают авторы публикаций, обусловлено поведением таких людей (употребление алкоголя, наркотиков, слабая жизненная позиция, ориентация на получение «легких денег», отказ от честного труда). Вариантом обвинительного дискурса выступает тот, что косвенно осуждает способы решения проблемы государством. Предлагаемые общественные работы мало кого интересуют в ситуации, когда у безработных есть другие стратегии и ресурсы выживания: «Повсеместно создаются временные рабочие места, в том числе на полях. Но оказалось, что не все безработные спешат мести улицы и сажать морковь за несколько тысяч рублей» [Копать или не копать... // РГ. 13.05.2009. № 84 (4908)].

Реже всего среди причин социального неравенства и бедности фигурирует неэффективная работа НКО (N = 14, или 3%), «которые имитируют бурную деятельность ради того, чтобы их руководители заседали в президиумах поближе к власти» [Как перейти в средний класс... // РГ. 20.04.2006. № 82 (4048)].

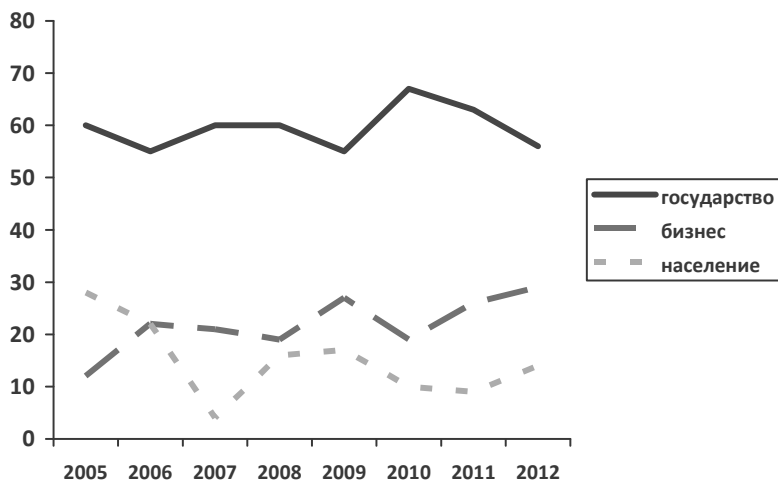

Рис. 3. Распределение публикаций о причинах социального неравенства в целом за период, % от числа публикаций по данной теме за год, 2005–2012, РГ

Стоит отметить, что в течение изученного периода в рассматриваемых статьях «вина» самих граждан за сложившееся положение вещей уменьшается вдвое (от 28 к 14%), тогда как государство остается стабильно в центре критики с незначительными колебаниями (60–67%) (см. рис. 3). Существенно растет представленность бизнеса среди причин социального неравенства (с 12 до 29%).

Источники и результаты помощи

В 1095 статьях нашей выборки представлены различные источники помощи или акторы решения проблемы социального неравенства. Наиболее крупный актор, который маркируется в качестве источника помощи, – государство (N = 780, или 71% от этой части выборки), что вполне ожидаемо от публикаций в Российской газете. Остальные действующие лица сильно уступают главному: бизнес

(16%), инициативы людей и сообщества (8%), третий сектор (5%). Вклад государства представляется несколько завышенным. Стоимость продукции и услуг некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, в 2002 г. была 143,2 млрд руб., что составляло 1,2% ВВП (при расчете методом конечного потребления) [Проблемы налогообложения... 2004]. Для сравнения: расходы на социальные цели в федеральном бюджете на 2002 г. составляли 310,9 млрд. руб. (15,9% от всех расходов) [Мухетдинова, 2001]. Даже с учетом возможного дальнейшего ограничения возможностей НКО в оказании социальных услуг домохозяйствам в 2005–2012 гг. роль третьего сектора, а следовательно, косвенно и бизнеса представляется намного более существенной.

Второй по распространенности тип дискурса (N = 173, или 16% публикаций от рассматриваемой части выборки) – помощь со стороны бизнеса. В публикациях речь идет о корпоративной социальной политике (N = 92), направленной на помощь сотрудникам, их семьям и местному сообществу:

Речь прежде всего идет об адекватном вознаграждении работников, предоставлении им социальных гарантий, включая медицинское страхование и пенсионное обеспечение, охрану окружающей среды, а также реализации программ, направленных на развитие культуры, образования и здравоохранения в регионах деятельности компании [Не люди для нефти, а нефть для людей... // РГ. 18.12.2008. № 258 (4815)].

Вариант этого дискурса – частно-государственные инициативы (N = 81), направленные на сглаживание социального неравенства и снижение бедности, и редкие публикации о меценатах (N = 4).

Третий по распространенности дискурс об агентах помощи (N = 83) – помощь со стороны сообщества и самопомощь, выраженная в индивидуальных (N = 61 в рассматриваемой части выборки), по большей части микроуровневых, тактиках повышения дохода: подсобное хозяйство, всевозможные подработки. В основном персонажи таких повествований – пожилые люди, которые активно продолжают работать, чтобы поддержать свой уровень жизни. Дискурс самопомощи раскрывает микроуровневые тактики совладания не только с бедностью, но и с неэффективностью различных аспектов социальной политики, например, слабой доступностью услуг системы здравоохранения. В публикациях о помощи со стороны сообщества (N = 22) встречаются сюжеты, которые показывают, что лишь сами люди способны помочь в трудной жизненной ситуации и в условиях бездействия властей:

Выслушав горестный рассказ ровесницы, студентки эту семью взяли под опеку, иногда - просто чтобы помыть пол, постирать пеленки, посидеть с малышкой и дать ее маме выспаться. Приносят детские вещи, которые покупают сами или берут у знакомых, сопровождают в походах в больницы [Малолетние матери... // РГ. 26.06.2008. № 136 (4693)].

Следующий тип дискурса – поддержка со стороны некоммерческих организаций и профсоюзов (N = 49): «Таким НКО <...> будут оказывать финансовую, информационную и консультативную помощь, предоставлять льготы по уплате налогов и сборов, отдавать приоритет при размещении государственных и муниципальных заказов» [Словесные битвы... // РГ. 14.01.2010. № 4 (5083)].

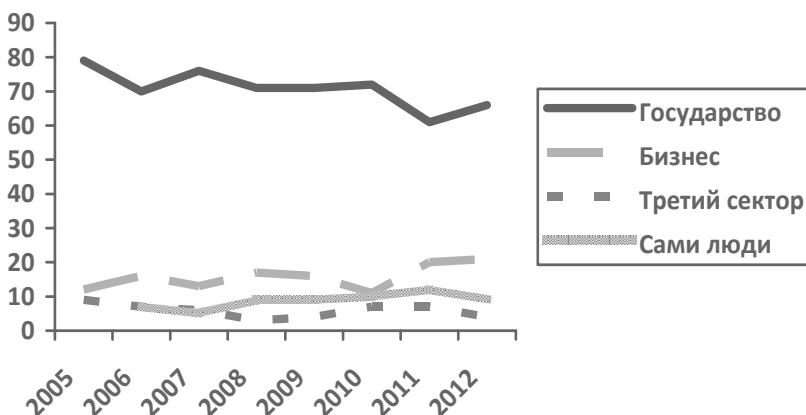

Рис. 4. Распределение публикаций об основных акторах помощи социально незащищенным группам населения, % от числа публикаций на данную тему за год, 2005–2012, РГ

Дискурс государственного участия очень медленно затихает к 2011 г. и затем вновь начинает расти (см. рис. 4). Столь же неторопливо растет число высказываний о помощи со стороны бизнеса, еще медленнее – о взаимопомощи людей. Третий сектор остается слабо представленным среди акторов помощи и поддержки. Отметим, что в 2012 г. понятие «социальное неравенство» прозвучало в послании Президента впервые за последние пять лет. Упоминание этой темы было предварено статьей Президента В. Путина, где уменьшение неравенства было названо важнейшей задачей, решать которую сле-

дует «[к]ак за счет более адресной и эффективной социальной политики, так – и в первую очередь – за счет возможности каждому зарабатывать, обеспечить себе достаточный уровень доходов»¹. В этом случае государство и гражданин были уравновешены в своих полномочиях, но вот в Президентском Послании Федеральному собранию 2012 г.² акцент был сделан на роли государства в исполнении общественных запросов.

В 1163 публикациях говорится о динамике или стабильном характере социального неравенства. В большинстве из них (N = 516, или 45% от рассматриваемого сегмента выборки) утверждается, что государственная политика послужила причиной определенного сглаживания социального неравенства, но эти меры еще далеки от совершенства (рис. 4). Соответствующим образом чаще высказываются представители правительства (N = 172) и журналисты). этому сегменту примыкает большая группа публикаций, в которых говорится о существенном сглаживании социального неравенства (N = 135, 11%), внимание фокусируется на успехах политики, направленной на преодоление разрыва в доходах и степени социальной защищенности разных групп населения. Основные агенты трансляции дискурса – правительство (N = 56) и журналисты (N = 67), а голоса представителей бизнеса (N = 1), научного сообщества (N = 1) приглушены. Объединение дискурсов о существенном и небольшом сглаживании неравенства составляет в совокупности более половины (56%) всех публикаций из рассматриваемого сегмента выборки.

Второй по степени распространенности – более критический взгляд на проблему (N = 387). Его аргументы сводятся к тому, что социальная политика, направленная на поддержку социально незащищенных групп граждан, не продумана или в реальности не отвечает поставленным задачам. В итоге, как показано в статьях, государственные инициативы приводят к сохранению или увеличению разрыва в доходах, степени социальной защищенности между разными группами населения. Наиболее заметными агентами трансляции критического дискурса выступают журналисты (N = 172) и научное сообщество (N = 105). Критика не адресуется конкретному представителю власти или министерствам, она затрагивает некоторые

¹ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // КП. 13.02.2012 // <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/> (дата обращения: 01.10.2013).

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию. 12.12.2012 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/ (дата обращения: 01.10.2013).

аспекты социальной политики или государственные инициативы в самом общем виде: «Забота со стороны государства о семье, матерях и детях столь эфемерна» [Как будет жить Россия... // РГ. 21.10.2005. № 236 (3905)]. При этом соотношение критического и одобрительного дискурса остается примерно один к двум на протяжении рассматриваемого периода.

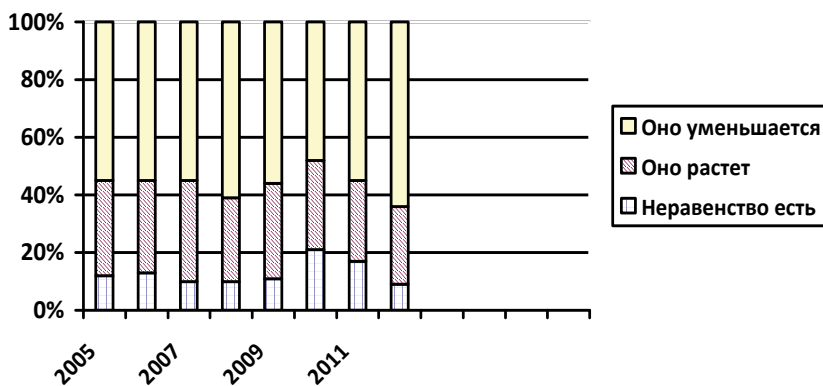

Рис. 5. Распределение публикаций об углублении/снижении социального неравенства, % от числа публикаций на данную тему за год, 2005–2012, РГ

Язык медийных сообщений нужно рассматривать как систему репрезентаций, создающую определенные знания о социальной политике, социальных проблемах и неравенстве и тем самым воспроизводящую отношения власти. Производство знания становится политическим актом [Pascale, 2013. Р. xiii], посредством которого складывается модель социального контроля, пронизывающего все области жизни [см.: Фуко, 1999]. Благодаря этому публика, разделяющая знание, преподнесенное в СМИ, сама воспроизводит и контролирует конструируемое положение вещей: образы социального неравенства и бедности в СМИ способствуют формированию установок, которые замеряются в опросах общественного мнения и вновь публикуются в СМИ, легитимируя принимаемые властные решения. При этом в публичном воображении конструируются особые типы социальных субъектов, связанные с их положением в социальном государстве.

Среди агентов поддержки и помощи доминирует государство (представители региональных и федеральных министерств, депутаты, главы субъектов РФ). Гораздо реже отмечаются негосударственные агенты – бизнес, третий сектор, а также самопомощь и взаимопомощь граждан. В аутсайдерах оказались ассоциации гражданского общества, благотворители и церковь. Вместе с тем агенты поддержки и адресаты их помощи чаще всего показаны как существующие в параллельных мирах: в одних статьях говорится о том, какие меры необходимо предпринять, или говорится о предпринятых усилиях, а в других – о людях, нуждающихся в помощи и поддержке. Результаты таких усилий на конкретных примерах увидеть не всегда возможно.

Пресса функционирует в контексте меняющегося общественного мнения, реформирующейся социальной политики, необходимо учитывать также электоральные циклы, события национального и глобального масштаба. Рост числа статей, посвященных социальной политике и социальному неравенству, с 2005 по 2008 г. связан с начавшимися в 2005 г. реформами по монетизации льгот¹, усилением акцента на демографической и семейной политике², с экономическим кризисом и предпринимаемыми мерами по выходу из кризиса 2008–2010 гг. Анализ выявил некоторые динамические характеристики в репрезентациях групп граждан, артикулируемых в терминах социального неравенства и бедности. Если в 2006–2009 гг. речь в основном шла о пенсионерах, льготниках, многодетных матерях, материнских семьях, то в 2010–2011 гг. фокус публикаций существенно смещается в сторону пенсионеров. Рост статей о материнской бедности зафиксирован в преддверии и в течение «Года семьи» (2008), в начале реализации национального проекта «Здоровье» (2006–2008), отдельное направление которого нацелено на улучшение репродуктивного здоровья и экономическую поддержку беременных женщин, введение механизма индексации пособий по уходу за ребенком, раз-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“»

² Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», а 2008 г. был объявлен годом семьи в России.

работка программы по улучшению жилищных условий молодых семей. В 2008 г. (год период президентских выборов) мы видим спад публикаций о росте неравенства, усиливается риторика о его сглаживании. В 2012 г. (выборы Президента) – сходная картина. Некоторый подъем дискурса о третьем секторе как акторе помощи наблюдается в период президентства Д.А. Медведева, но затем резко падает.

В силу своего разновекторного характера, сочетающего либеральные ценности с консервативными, отечественная идеология социальной политики не может быть отнесена к одному из классических режимов благосостояния. С одной стороны, в системе ценностей и институциональном устройстве представлены черты статизма. Государственный аппарат играет большую роль, выступая инициатором реформ и отвечая за их реализацию. Поэтому государство представлено в исследуемой газете основным виновником социального неравенства и одновременно основным актором, отвечающим за его сглаживание. В 2005–2012 гг. в качестве объяснения социального неравенства и бедности чаще всего выступает недостаточная эффективность государственной социальной политики, при этом в 2006 и 2012 гг. в некоторой степени усиливаются другие способы объяснения проблемы – корпоративный эгоизм и индивидуальное поведение людей. Для политической элиты рассматриваемого периода социальная политика выступает инструментом формирования лояльности среди наиболее массовых групп избирателей – бюджетников и пенсионеров, а пресса становится медиатором массовых социальных эмоций, транслируя сообщения о заботе и контроле в национальном социальном государстве. С другой стороны, постепенно растет признание вклада третьего сектора и бизнеса в решение социальных проблем и задач социального развития. В свою очередь, СМИ выступают крупным актором социальной политики, легитимируя принимаемые правительством меры и предлагая оценки существующей ситуации.

Список источников

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: Ин-т социологии РАН, 2013.

Богетич Ж. и др. Влияние мирового финансового кризиса на экономику России // Депозитарий. 2009. № 3 (73). С. 21 // http://www.nsd.ru/common/img/uploaded/files/depo/73/15_22_ndc_bogetich.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

Бодрунова С.С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1. С. 110–132.

Грязнова О.С., Магун В.С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. 2012. № 17. Осень-Зима. С. 7–34.

Засурский И.И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: МГУ, 2001.

Капитал не по Марксу. Академик РАН Михаил Горшков – о том, зачем нужна социология и какую цену имеет для власти человек // Российская газета. 08.11.2013 // [http://www.rg.ru/2013/11/08/sociologia.html?fb_action_ids=10201655677126824&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=%7B%2210201655677126824%22%3A450241488417812%7D&action_type_map=%7B%2210201655677126824%22%3A%22og.recommends%22%7D&action_ref_map=\(дата обращения: 01.10.2013\).](http://www.rg.ru/2013/11/08/sociologia.html?fb_action_ids=10201655677126824&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=%7B%2210201655677126824%22%3A450241488417812%7D&action_type_map=%7B%2210201655677126824%22%3A%22og.recommends%22%7D&action_ref_map=(дата обращения: 01.10.2013).)

Мухетдинова Н.М. Финансирование социальной сферы в бюджете России на 2002 год // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2001. № 24 (155) // <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/vestniksf155-24/vestniksf155-24090.htm> (дата обращения: 12.10.2013).

Проблемы налогообложения некоммерческого сектора и направления совершенствования законодательства, Институт экономики города, 2004 // www.urbanecomics.ru/download.php?dl_id=1923 (дата обращения: 12.10.2013).

Проект Федерального конституционного закона № 38948-3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» (в части создания ювенальных судов) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=8679> (дата обращения: 01.10.2013).

Проект Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=284965-3&02> (дата обращения: 01.10.2013).

Раньше сядешь: малолетние преступники помолодеют // Газета.ru. 16.11.2013 // <http://www.gazeta.ru/social/2012/03/01/4018949.shtml> (дата обращения: 12.10.2013).

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад. 13.03.2012 // <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/iitog.pdf> (дата обращения: 01.10.2013).

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123–136.

Ювенальная юстиция и ее враги // Филантроп 23.05.2009 // <http://philanthropy.ru/climate/2009/05/23/512/#.UlbqY98RTNI> (дата обращения: 10.10.2013).

Ярмиев М.З. Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 67–72.

Ярская-Смирнова Е.Р. Гендер в дискурсе социальной работы: анализ учебной литературы // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. С. 17–32.

Brindle D. Media Coverage of Social Policy: a Journalist's Perspective // Franklin B. (ed.) Social Policy, the Media and Misrepresentation. London: Routledge, 1999. P. 39–50.

Cook L.J. Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe. Ithaca: Cornell University Press, 2007.

Deacon A. The scrounging controversy: public attitudes towards the unemployed in contemporary Britain // Social and Economic Administration. 1978. Vol. 12. № 2. P. 120–135.

Franklin B. Introduction // Franklin B. (ed.) Misleading Messages: the Media and Social Policy Social Policy, the Media and Misrepresentation. London: Routledge, 1999a.

Franklin B. Soft-Soaping the Public? The Government and Media Promotion of Social Policy // Franklin B. (ed.) Social Policy, the Media and Misrepresentation. London: Routledge, 1999b. P. 17–38.

Golding P. Thinking the Unthinkable: Welfare Reform and the Media // Franklin B. (ed.) Social Policy, the Media and Misrepresentation. London: Routledge, 1999. P. 146–156.

Golding P., Middleton S. Making Claims: News Media and the Welfare State // Media, Culture and Society January. 1979. Vol. 1. P. 5–21.

Golding P., Middleton S. Images of Welfare: Press and Public. Attitudes to Poverty. Oxford: Martin Robertson, 1982.

Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998

Habermas J., *Lennox S., Lennox F.* The Public Sphere: An Encyclopedia Article (1964) // New German Critique. № 3, 1974. P. 49–55.

Hall S. The Work of Representations // Hall S. (ed.) Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage, 1997. P. 13–72.

Koopmans R., Statham P. (eds.) The Making of a European Public Sphere. Media Discourse and Political Contention. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2010.

Larsen C.A., Dejgaard T.E. The Institutional Logic of Images of the Poor and Welfare Recipients. A Comparative Study of British, Swedish and Danish Newspapers // Journal of European Social Policy. 2013. Vol. 23. № 3. P. 287–299.

Pascale C.-M. Introduction // Pascale C.-M. (ed.) Social Inequality and the Politics of Representation. A Global Landscape. Thousand Oaks, CA: SAGE, 2013. P. xii–xxi.

Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998.

Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyżanowski M. The European Public Sphere and the Media. Europe in Crisis. Houndmills, Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере

Валерия Маркина

Генеральный секретарь ООН 21 марта 2013 г. в своем послании по случаю Всемирного дня людей с синдромом Дауна подчеркнул серьезность проблемы дискриминации людей с Даун-синдромом и отдельно остановился на проблеме их полноценного участия в публичной сфере и политических процессах¹. В странах Европы, США и Канаде, Японии с середины 1960-х гг. существуют программы инклюзии людей с синдромом Дауна в социальные процессы во всех тех сферах, из которых они были традиционно исключены, – образование, профессиональный труд, творчество, семейная жизнь [Burke, 2002; Oliver et al., 2012; Grant et al., 2001; Li et al., 2006; Романов, Ярская-Смирнова, 2008. С. 7]. Хотя подписание Конвенции ООН о правах инвалидов в 2008 г. и ее ратификация в 2012 г. были направлены на то, чтобы

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

¹ Послание по случаю Всемирного дня людей с синдромом Дауна 21 марта 2013 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // <http://www.un.org/ru/sg/messages/2013/downsyndromeday.shtml> (дата обращения: 5.09.2013).

способствовать решению проблем дискриминации людей с инвалидностью, существующие дискурсы по-прежнему поддерживают стигматизацию и социальное исключение представителей данной группы. Образ человека с синдромом Дауна, транслируемый современными российскими СМИ, обладает устойчивыми стереотипными чертами, которые обнаруживаются при анализе политики репрезентаций. В данной главе мы проанализируем репрезентации людей с синдромом Дауна в современных российских СМИ, определим, какие их образы в основном представлены в публичной сфере, а какие «видны» меньше или вытесняются из нее.

Публичная сфера как пространство публичного дискурса

Публичная сфера – это арена демократического участия, на которой граждане собираются вместе, обмениваются суждениями о государственных делах, дискутируют и в конечном итоге формируют общественное мнение [Habermas, 1989. P. 360]. Согласно Юргену Хабермасу, эта арена не обязательно должна иметь конкретную географическую локализацию, скорее она представляет собой коммуникационную сеть, в процессе выстраивания которой создаются нормативные представления, речевые высказывания и формы аргументации, называемые дискурсами [Splichal, 1999]. Причем Ю. Хабермас, в отличие от Мишеля Фуко, полагает, что не дискурс возникает по поводу проблемы, а проблемы репрезентируются дискурсом [Беседа... 1996]. Средства массовой информации «имеют центральное значение в создании институциональных структур» [Splichal, 1999], так как помимо предоставления каналов коммуникации вводят и формируют темы для общественного обсуждения. Таким образом, публичная сфера выступает ключевым основанием общественного дискурса.

Для Ю. Хабермаса публичная сфера – это нормативный идеал, атрибутами которого являются свободная дискуссия, свободное выражение и свободные средства коммуникации, необходимые для эффективной защиты от злоупотреблений государством своей властью [Habermas, 1989. P. 83]. Однако в реальности такой идеал трудно достижим, к нему можно лишь приблизиться, так как всегда остаются группы, общественное участие которых ограничено или затруднено. Доминирование интересов одних групп и замалчивание мнений других искажает модель открытой публичной сферы, а дискурс, формирующийся в результате такого обсужде-

ния, носит внешний и зачастую дискриминационный характер по отношению к «угнетенной» группе.

М. Фуко, тесно связывающий дискурс и власть, полагает, что массмедиа находятся в прямой зависимости от формируемого системой «режима видения», так называемой «оптики»; «в фукодианской системе координат взгляд, видимость, визуализация рассматриваются в их взаимосвязи с властью, знанием и производством субъекта в эпоху современности» [Орлова, 2009. С. 8]. «Режим видения» навязывает общественности угол зрения, правила изображения и восприятия угнетенной группы. В современной публичной сфере именно массмедиа определяют, что достойно быть «увиденным» и как правильно это должно быть воспринято, а что должно остаться незамеченным по эстетическим, политическим и социальным соображениям.

Политика репрезентаций заключается в осуществлении воздействия СМИ на аудиторию через устойчивые дискурсивные практики, которые являются результатом интенций ее субъектов, их социальной ориентации, ценностных установок, политической и иной ангажированности [Семенова, Корсунская, 2010]. Дискурс СМИ предлагает конкретные структуры знания и оценок мира, ориентирующие индивида на определенное восприятие и осмысление самого себя, социальной реальности. Политика репрезентаций зависит напрямую от влияния групп власти на формирование общественного мнения. Поэтому репрезентация инаковости людей с ментальной и физической инвалидностью как бессилия или зависимости является результатом воспроизводства патриархатной системы отношений. Тем самым изучение современного публичного дискурса инвалидности помогает увидеть угнетенное социальное положение группы людей с синдромом Дауна в обществе.

«Режимы видения» инвалидности в публичной сфере: дискурсы патологии, жалости, инаковости

Анализ распространенных стереотипов инвалидности в медиа позволил Колину Барнсу [Barnes, 1992] выделить 11 категорий, наиболее часто повторяющихся репрезентаций людей с инвалидностью: нормальные люди, трогательные и достойные жалости, обуза, тяжелое бремя для других людей, неполноценные участники жизни общества, диковинка, экзотика, объекты насмешки, сексуально неполноценные, жертвы жестокости, насилия и несправедливости. Преобладание виктимизирующих коннотаций приводит к восприятию людей с инвалидностью как тотально

беспомощных, беззащитных и неспособных жить самостоятельно. Вместе с тем Барнс показал, что люди с инвалидностью репрезентируются в прессе как существа с суперспособностями, сверхчувствительные, преодолевающие трудности быть инвалидами и поэтому заслуживающие гордости и похвалы за обычные действия. Одним из наиболее устойчивых стереотипов, как отмечает Барнс, выступает образ инвалидов как зла. Представление о том, что им нельзя доверять, что они опасны для детей, в том числе их собственных, поэтому должны находиться взаперти, является главным барьером на пути интеграции людей с инвалидностью в сообщество. Забегая вперед, отметим, что специфика репрезентации людей с синдромом Дауна заключается в том, что в выбранных российских публикациях практически отсутствуют представления о них как о причинах зла, как об агрессивных и опасных. Наряду с тем, что такое изображение положительно характеризует людей с синдромом Дауна, оно также укрепляет стереотипы об их несамостоятельности, беззащитности, приводит к представлениям о необходимости их жалеть, опекать и изолировать от внешнего воздействия.

Люди с тяжелой ментальной инвалидностью чаще всего изображаются как вспыльчивые, непредсказуемые и опасные. Куин с коллегами описывают медиа как хранилище стереотипов, формирующих стигму, и одновременно как инструмент ее переворачивания. Медийные средства выступают ресурсом в борьбе со стигмой ментальной инвалидности, достигая внимания огромной аудитории. По мнению скандинавских ученых, особый эффект дестигматизации заключается в использовании искусства как метода воздействия на ментальное здоровье и благополучие [Quinn et al., 2011. P. 1–11]. Изучение Уилкинсоном и Макгилом репрезентаций людей с интеллектуальной инвалидностью в британской прессе за 1983 и 2001 гг. показало значительное преобладание упоминаний о детях с синдромом Дауна и аутизмом, а не о взрослых с другими видами интеллектуальной инвалидности. Авторы подчеркивают, что, несмотря на снижение числа репрезентаций с медицинским уклоном, люди с интеллектуальной инвалидностью продолжают ставить в один ряд с тяжело больными, таким образом, в британской прессе сохраняется влияние нормализующего дискурса [Wilkinson, 2009. P. 65–76].

Доминирование нормализующей модели репрезентаций людей с инвалидностью – медиализация – заключается в том, что инвалидность рассматривается как «поломка» или болезнь, требующая диагностики, вмешательства и контроля [McRuer, 2006.

Р. 200–212]. В процессе медицинской концептуализации осуществляется социальное производство стигмы инвалидности. «Властные отношения конституируют, что определять как ущербное, а что как здоровое» [Tremain, 2005], так рождается иллюзия о том, что инвалидный статус, дефект человека с синдромом Дауна является естественным, природным.

Проведенное П.В. Романовым и Е.Р. Ярской-Смирновой исследование репрезентаций инвалидов в массовой культуре, в частности контент-анализ российской газеты «Известия», выявило четыре основных образа инвалидов: «получатели благ», «самостоятельные акторы», «обуза для государства и общества» и «критика действий властей в отношении инвалидов» [Романов, Ярская-Смирнова, 2006. С. 228–250]. Эти выводы развивает в более позднем исследовании Э. Барбашина, выделившая четыре категории, сквозь которые рассматриваются люди с инвалидностью в прессе: дискриминация, интеграция, социальная поддержка, активная жизнь [Barbashina, 2012]. Исследования показывают, что подавляющее большинство репрезентаций людей с инвалидностью носят дискриминационный характер и касаются физических ограничений: двигательных, слуховых и зрительных проблем, репрезентации же людей с интеллектуальной или ментальной инвалидностью встречаются значительно реже. Изображение людей с ментальной инвалидностью как блаженных, юродивых способствует восприятию их как пассивных, асексуальных, как не граждан, нуждающихся в заботе и опеке. Активными людей с инвалидностью изображают чаще всего в категориях преодоления инвалидности. Эта активность не «за», а «вопреки» – своего рода героизм.

В целом, обобщая данные вышеприведенных исследований, мы можем выделить три публичных дискурса репрезентации ментальной инвалидности: медикалистский – дискурс патологии, дискурс благотворительности, жалости и дискурс инклюзии, в котором инвалидность рассматривается как особенность и необычность. Данные дискурсы можно представить в качестве переходов от нормализующей медицинской модели инвалидности к инклюзивной модели ее восприятия, от популяризации мер реабилитации и адаптации инвалидов к признанию людей с особенностями развития как ценных членов общества, где ценится разнообразие. В связи с этим в рамках данного эмпирического исследования был сформулирован главный вопрос: в каких категориях, контекстах и дискурсах изображаются люди с Даун-синдромом в современной российской прессе?

Методологические основания изучения репрезентаций людей с синдромом Дауна: количественные параметры публикаций

Доминирование в публичном дискурсе таких категорий, как «зависимость», «жалость», «ограниченность возможностей», «болезнь», укрепляет стигму ментальной инвалидности как недееспособности, что, в свою очередь, обуславливает социальное исключение человека с синдромом Дауна в обществе. Для того чтобы выяснить, какие конкретные изменения образа человека с синдромом Дауна произошли в публичном дискурсе в последнее время, мы изучили методами контент- и дискурс-анализа особенности освещения темы двумя популярными российскими изданиями – «Московским комсомольцем» (МК) и «Российской газетой» (РГ). Данные печатные органы были выбраны как одни из наиболее массовых и рейтинговых российских газет; кроме того, они оказались лидерами среди других печатных СМИ по количеству сообщений с упоминаниями о синдроме Дауна. Выбранные газеты различаются между собой по тематике и характеристикам читателей. Если «Российская газета», которая является официальным государственным изданием, освещает общественно-политические вопросы, то «Московский комсомолец» сосредоточивается на социокультурной тематике, попадая в разряд развлекательной прессы для широкого круга читателей. Эти различия позволяют нам выделить и сравнить два разных дискурса – «официальный» и «популярный».

В общей сложности за период с 2000 по 2012 гг. сплошным методом были отобраны для анализа 174 документа с упоминанием «синдром Дауна». Мы проанализировали два периода с 2000 по 2007 (70 публикаций) и с 2008 по 2012 г. (104 публикации) – политику репрезентаций людей с синдромом Дауна в течение первого периода правления В.В. Путина и последующего за ним президентства Д.А. Медведева. Следует отметить, что общая доля публикаций о людях с синдромом Дауна в двух выбранных источниках оказалась небольшой, всего около 0,04%. Согласно представленному графику (см. рис. 1), количество публикаций заметно возросло именно за последние шесть лет, а самое большое число публикаций приходится на 2012 г.

Отметим, что количество публикаций на протяжении всех лет в МК менялось скачкообразно: периоды спада сменялись периодами роста. Такая периодическая актуализация темы людей с Даун-синдромом может быть частью публичной политики газеты, призванной привлечь внимание на актуальные социальные проблемы, т. е. можно говорить об определенной политике репрезентаций.

Политика репрезентации людей с синдромом Дауна...

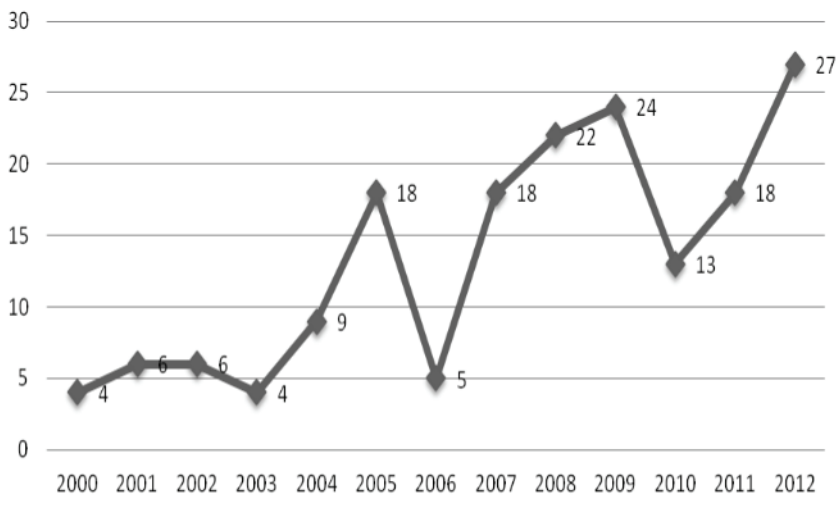

Рис. 1. Общая динамика количества сообщений по годам в газетах «Московский комсомолец» и «Российская газета», абс. числ.

Кроме того, среди общего числа публикаций МК высок процент скандальных тематик, в которых люди с синдромом Дауна представлены в качестве жертв несправедливости или халатности окружающих (22%), вплоть до описания летальных исходов, которым могут уделять по две-три публикации на одну тематику по мере поступления новых подробностей дела. Максимальное число публикаций в МК наблюдается за последний год, что указывает на повышение интереса к теме ментальной инвалидности в настоящее время, отчасти такое внимание может быть объяснено взбудоражившим общественность «законом Димы Яковлева», вышедшим в декабре 2012 г. и затронувшим также дела об усыновлении сирот с синдромом Дауна.

В «Российской газете» количество статей за последние четыре года также увеличилось втрое. Максимальное число сообщений (16) фиксируется в 2008 г., после чего оно равномерно снижается вплоть до 2012 г., но остается достаточно высоким в сравнении с ранним периодом. Такой скачок интереса к синдрому Дауна в 2008 г. в РГ может быть связан с актуализацией политики, направленной на улучшение условий жизни инвалидов ввиду подписания Россией Конвенции ООН. Официальная риторика актуализирует

проблемы инклюзивного образования, которой «Российская газета» как официальное государственное издание уделяет значительное внимание практически на протяжении всего второго периода, особенно в 2008 г.

В обеих газетах высказывания о людях с синдромом Дауна по площади чаще всего не превышали одного предложения (около 40% статей). Высказывания размером в абзац в «Российской газете» встречаются чаще, чем в МК (31 и 18% соответственно), полные статьи занимают менее трети среди всех релевантных упоминаний в двух газетах (МК – 21% , РГ – 9%). Между газетами была отмечена значительная разница (в 12%) среди статей, целиком посвященных теме «синдром Дауна». Популярный МК более основательно подходит к освещению темы, чем официальная РГ, которой чаще свойственно репрезентировать людей с синдромом Дауна в качестве объектов социальной защиты, а не как самостоятельных акторов и личностей. Исследование показывает, что репрезентации людей с синдромом Дауна в категориях «другие, особые», чаще занимают большую площадь: от нескольких абзацев до полной статьи, тогда как репрезентации людей с Даун-синдромом в терминах «болезнь-лечение», напротив, помещаются на меньшей площади – в предложении или абзаце.

Чаще всего люди с синдромом Дауна в газетных статьях играют второстепенную роль, упоминаются лишь вскользь, в качестве дополнительного примера в разговоре о проблемах инвалидности. Полные же статьи (в среднем 17% от общего числа публикаций), освещают биографии семьи ребенка с Даун-синдромом либо повеествуют о творчестве, театре¹, талантах таких людей.

Основные категории и контексты репрезентации людей с синдромом Дауна

Образ человека с синдромом Дауна в репрезентациях СМИ сложен, как мозаика, из совершенно разных и порой трудно сочетаемых элементов. В одной публикации могут пересекаться противоположные категории и контексты изображения людей с синдромом Дауна. Это становится особенно заметно при содержательном анализе статей. Такое расплывчатое представление границ дискурсов и их смешение может указывать на «мифологичность» [Ярская-Смирнова, Романов, 2011] публичного образа че-

¹ К примеру, «Театр Простодушных» и другие театры с фестиваля «Про-театр».

ловека с синдромом Дауна, показанного скорее в качестве метафоры, чем субъекта.

Главной задачей исследования было понять, какие основные образы, качества, эпитеты используют при описании людей с синдромом Дауна в прессе. Единицей анализа была выбрана новостная публикация, а процедура кодирования происходила в три этапа. Вначале были определены коды, задающие рамку исследования, при первом детализированном чтении материала и других источников о людях с синдромом Дауна были найдены основные элементы и возможные переменные. Затем выбранные статьи тщательно анализировались, по мере необходимости корректировались и добавлялись новые переменные, нами подсчитывалось присутствие той или иной переменной в тексте публикации. Затем в кодировочной матрице схожие между собой переменные объединялись в одну широкую категорию, результатом стали эмпирические классификации, выделенные по основным категориям. Исходя из содержания сообщений, нами был составлен список из 16 типичных образов человека с синдромом Дауна (табл. 1).

Таблица 1

Типология категорий репрезентации людей с синдромом Дауна в СМИ

Пассивная роль	Активная роль	Смешанный тип
Ущемление прав, жертвы; Жалость, трогательность; Зависимость, опека, социальная защита; Дети	Самостоятельные личности; Сообщество родителей; Гендер, сексуальность Спортсмены	Благотворительность; Изменение законодательства (относительно пассивная роль, так как сами люди с синдромом Дауна или общество родителей могут выступать инициаторами, активными участниками, а могут быть лишь реципиентами)
Несоответствие норме	Соответствие норме	Альтернативная «норма»
Больные, с патологией, необходимость лечения (негативное восприятие как «бракованных»)	Такие же, как все, как обычные (нейтральное восприятие, встает вопрос адаптации к общепринятым нормам)	Другие, особые; Солнечные, лучше нас; Одаренные, творческие; Гордость (позитивное восприятие, нуждаются в ином подходе и не вписываются в обычные рамки, духовно полезны всем людям)

Условно мы сгруппировали их в две типологии по разным основаниям. Во-первых, мы расположили образы по шкале *активность – пассивность* людей с синдромом Дауна. Нас интересовало, представляются ли они преимущественно в роли самостоятельных, взрослых личностей или зависимых, детей? Показаны они в контексте жалости и ущемления прав или же как акторы сообщества, агенты перемен? В результате, были выделены три типа: активная роль, пассивная и относительно пассивная роль – смешанный тип. Во-вторых, по шкале *нормализация – инклюзия* выделены три типа изображения инвалидности: соответствие норме, несоответствие норме и альтернативное восприятие нормы. На одном полюсе помещены образы синдрома Дауна в дискурсе патологии, которые преимущественно носят негативную тональность, на противоположном чаще встречаются позитивные коннотации – гордость, восхищение.

Анализируя содержание и темы статей, в которых говорится о людях с синдромом Дауна, мы составили перечень из 8 различных контекстов. Общее количество упоминаний в том или ином контексте составило 273¹.

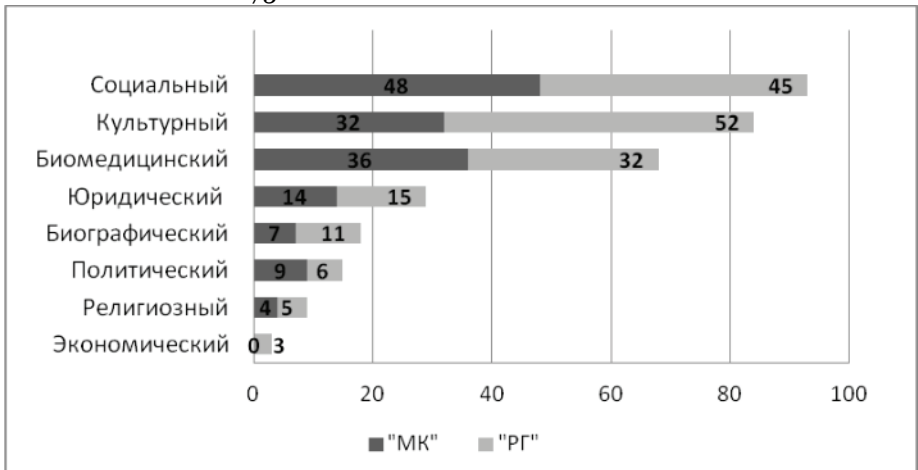

Рис. 2. Контексты репрезентации людей с синдромом Дауна по двум газетам, %

¹ Иногда упоминания о человеке с синдромом Дауна в одной статье встречаются одновременно в нескольких контекстах, таким образом, социальный и культурный контексты могут объединяться в категорию «социокультурный контекст» и по аналогии – «социоэкономический», «социополитический контексты».

В целом по двум газетам преобладающими контекстами репрезентации людей с синдромом Дауна являются социальный, культурный и биомедицинский. Данные контексты наиболее сильно выделяются на фоне других и напрямую связаны с категориями восприятия образа людей с синдромом Дауна (табл. 2). К социальным вопросам мы относили, в частности, проблемы неравенства, социальной защиты инвалидов, их государственного обеспечения социальными пособиями, льготами, особыми условиями жизнедеятельности (вопросы инклюзии и социальной адаптации). К культурному контексту во время анализа относились, прежде всего, темы образования, искусства, театра, творческого развития, арт-терапии. Чаще всего люди с синдромом Дауна упоминаются в публикациях в социокультурном контексте (см. рис. 2). Третьим наиболее популярным контекстом репрезентации людей с ментальной инвалидностью является биомедицинский (60 публикаций по двум газетам), под которым мы понимали акцент в публикациях на связь синдрома Дауна и таких процессов, как болезнь, лечение, выявление и избегание генетической патологии при беременности, в том числе и реабилитация людей с особенностями умственного развития.

Гораздо реже в газетах встречаются юридический (23%) и политический (13%) контексты упоминания. Малочисленные репрезентации инвалидов как активных и свободных граждан публичной сферы, и наоборот, изображение их как ущемленных в правах жертв, позволяют сделать вывод о слабом интересе медиа к гражданским правам и политическим ресурсам людей с инвалидностью. Скорее следует говорить о повышенном внимании к скандалам, несчастным случаям с детьми. Указанные процессы «искажения» отсылают нас к идее Ю. Хабермаса о том, что производимый современными массмедиа мир представляет собой лишь иллюзию публичной сферы, а обмен мнениями – часть системы потребления:

публичная сфера сама приватизировалась в сознании потребляющей публики [...Она] становится сферой для опубликования частных биографий [...], облачая публично релевантные события и решения в костюм приватности и путем такого рода персонализации, искажая их до неузнаваемости [Habermas, 1990 в данном издании].

Важно отметить практически полное отсутствие упоминаний о людях с синдромом Дауна и в экономическом контексте. В публичном дискурсе люди с синдромом Дауна выступают объектами, по-

лучателями помощи со стороны государства, родителей, общественности. Только в двух статьях «Российской газеты» поднимаются вопросы трудоустройства людей с ментальной инвалидностью, в целом же люди с синдромом Дауна не репрезентируются как акторы экономической жизни. Это также может быть связано с тем, что подавляющее число публикаций посвящено детям с синдромом Дауна (см. табл. 2).

Таблица 2

**Категории восприятия людей с синдромом Дауна.
Сравнение по периодам (частота по общему количеству
публикаций в обеих газетах за 2000–2012)**

Категории восприятия	2000–2007		2008–2012	
	Количество упоминаний	%	Количество упоминаний	%
Ущемление прав	12	17%	23	22%
Жалость, трогательность	14	20%	20	19%
Зависимость, опека	25	36%	32	31%
«Дети», ребенок	51	73%	80	77%
Благотворительность	18	26%	22	21%
«Изменение законодательства»	4	6%	9	9%
Самостоятельность, личность	8	11%	18	17%
Сообщество родителей	6	9%	11	11%
Гендер, сексуальность	2	3%	2	2%
«Спортсмены»	1	1%	3	3%
«Болезнь», «патология», «лечение»	38	54%	46	44%
«Такие же, как все», «как обычные»	4	6%	11	11%
Другие, «особые», «инопланетяне»	18	26%	23	22%
Одаренные, творческие	12	17%	20	19%
Гордость	6	9%	12	12%
Богоизбранность, «солнечные»	5	7%	8	8%

Такой «режим видения» поддерживает исключение людей с синдромом Дауна из борьбы за социальные ресурсы. Они изображены как лишённые каких-либо рациональных амбиций, мнений и намерений, и являются скорее объектами системы социальной защиты, чем акторами публичной сферы. И даже, несмотря на то, что в СМИ появляются новые категории восприятия людей с синдромом Дауна как самостоятельных, творческих, одаренных личностей, в публичном дискурсе по-прежнему преобладают старые стереотипы «зависимости», «жалости», «ограниченных возможностей», «патологии».

Доля публикаций, где люди с синдромом Дауна выступают в качестве самостоятельных граждан, возрастает за вторую часть выбранного периода (табл. 2). Однако растет также число публикаций о людях с синдромом Дауна, связанных с обсуждением трудностей, ущемлением прав, т.е. чаще транслируется тревожность, исключительность, а не повседневность темы. Высказывания о людях с синдромом Дауна формулируются преимущественно в модальности жалости, чем в контексте самостоятельности и гордости (см. рис. 3).

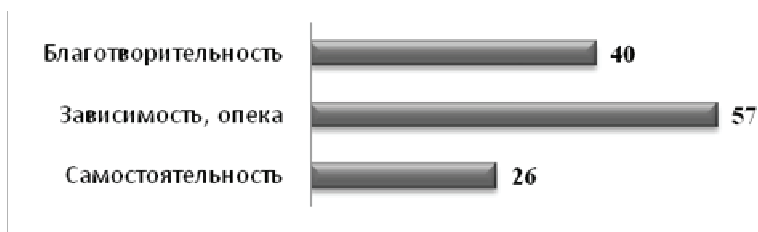

Рис. 3. Соотношение долей упоминаний о самостоятельности/зависимости людей с синдромом Дауна, абс. числ., 2000–2012 гг.

В изученных СМИ происходит позиционирование людей с синдромом Дауна как неспособных принимать решения и нуждающихся в защите, заботе и благотворительности больше, чем в собственном заработке, профессиональной реализации, создании семьи и жизни, отделенной от родительской опеки, не в интернате. При этом изображение людей с синдромом Дауна как зависимых, нуждающихся в социальной защите со стороны различных акторов косвенно связано с тем, что в подавляющем количестве публикаций упоминаются дети (75%), а не взрослые личности с синдромом Дауна (15%) (см. рис. 4).

Обобщая сказанное, выделим наиболее распространенные стратегии репрезентации людей с синдромом Дауна в выбранной прессе:

- 1) носитель «страшного генетического заболевания», которое обязательно требует мониторинга и лечения – дискурс патологии;
- 2) жертва, нуждающаяся в социальной защите, зависимая от обеспечения родителей, государства – дискурс жалости;
- 3) талантливый, особенный, «солнечный», богоизбранный, объект гордости, полезный, с точки зрения пересмотра ценностей окружающих и родителей, так называемая «дауно-терапия»;
- 4) «другой», «особый», инаковый человек, обладающий «инопланетными» свойствами.

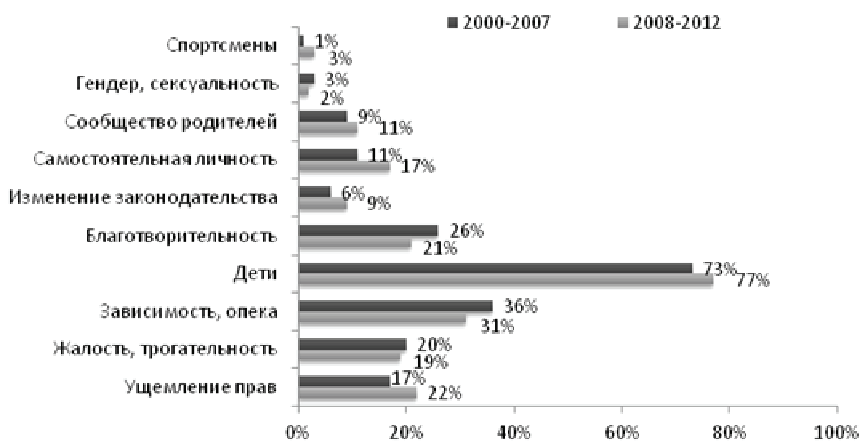

Рис. 4. Категории восприятия людей с синдромом Дауна, сравнение (частота по общему количеству публикаций в обеих газетах за 12 лет), %

Эти репрезентации можно разместить по шкале «нормализующая модель – инклюзивная модель инвалидности» в соответствии с особенностями дискурса.

Нормализующая модель – линза «режима видимости» людей с синдромом Дауна

Нормализующая модель базируется на рассмотрении инвалидности и различных ментальных отклонений, в частности синдрома Дауна как болезни в рамках дуализма «норма-патология». М. Фуко подчеркивает, что медицинские и научные достижения в Европе начала XIX в. формируют доминирующий дискурс на основании оппозиции больной/здоровый [Фуко, 1998]. Анализ выбранных газет подтверждает сильное влияние нормализующего дискурса на представления о людях с синдромом Дауна, которые продол-

жают позиционироваться как инвалиды в 57% случаев. При этом люди с синдромом Дауна чаще упоминаются как инвалиды в целом (34%), а не как особая группа «ментальных инвалидов» (23%), нуждающаяся в отдельных законодательных изменениях и специальных условиях развития и жизнедеятельности. Обращаясь к идее инвалидности как метафоры [Ярская-Смирнова, Романов, 2009. С. 289–331], мы можем предположить, что люди с синдромом Дауна репрезентируются скорее как некий собирательный образ «нетипичности», чем как реальная социальная группа, нуждающаяся в конкретных мерах социальной политики. Это не только тормозит решение реальных потребностей людей с Даун-синдромом, но и закрепляет в дискурсе клеймо «инвалид», а также связанные с ним стереотипы «беспомощности», «зависимости».

Медикалистские репрезентации людей с синдромом Дауна представлены статьями о скрининг-тестах, возможностях выявить генетическое отклонение и устранить его на ранних месяцах беременности. Восприятие синдрома Дауна как страшной генетической патологии и диагностирование его уже на стадии беременности приводит к поиску стратегий избавления от ребенка с этим диагнозом, что повышает количество аборт и отказов.

Силу нормализующей медицинской модели мы также можем оценить, обратив внимание на частоту появления в СМИ категории «болезнь», в рамках которой людей с синдромом Дауна позиционируют в 48% от суммы всех сообщений двух газет. В «Московском комсомольце» медикалистский дискурс имеет влияние значительно большее, чем в «Российской газете», в которой люди с Даун-синдромом предстают «больными» на 26% реже. Больше половины всех публикаций (58%) о людях с синдромом Дауна в «Московском комсомольце» связаны с образом «больного» и только 8% репрезентируют их «как обычных людей». Остановимся подробнее на примерах, отражающих медицинский дискурс в обеих газетах.

Московский Комсомолец	Российская Газета
<ul style="list-style-type: none"> • дети, страдающие тяжелейшими расстройствами • ребенок – ошибка природы • малолетними уродцами и инвалидами, обретенными за границей счастье и покой • генетическая патология, больные дети, генетический груз 	<ul style="list-style-type: none"> • дети с различными нарушениями развития и генетическими отклонениями • растет число детей-инвалидов с синдромом Дауна. Что это – природная аномалия, плохая экология или недостаточное медицинское обслуживание?

<ul style="list-style-type: none"> • ребенок с неизлечимой болезнью • ребенок-инвалид • хворь, болезнь Дауна, недуг, гомосексуализм – тоже одно из проявлений генной ломки, мутации, наподобие болезни Дауна 	<ul style="list-style-type: none"> • дети-инвалиды • дети с синдромом Дауна, аутизмом, другими тяжелыми недугами • больные с синдромом Дауна даже начинали говорить
---	--

Мы можем видеть, как синдром Дауна становится в один ассоциативный ряд с гомосексуальностью и смертельными болезнями, инвалидностью и природной аномалией. Здесь проявляется тот самый процесс, о котором говорил Р. Макруер, когда описывал влияние властного дискурса на определение категории инвалидности путем противопоставления всему естественному, природному, натуральному и «здоровому». Он указывает, что «полноценность» (физическая и ментальная) даже больше, чем гетеросексуальность замаскирована под «неидентичность», и поэтому бессознательно воспринимается как «часть естественного порядка вещей» [McRuer, 2006. P. 20]. Режим видения «нормального мира» как мира обязательно здоровых, полноценных, трудоспособных людей [McRuer, 2006. P. 208] основывается на доминировании утилитарных представлений над культурой, а значит, польза от человека важнее достоинства его личности [Ярская-Смирнова, 1997]. Таким образом, политика репрезентаций поддерживает гегемонию властного дискурса над «здоровой» и «инвалидной» идентичностью.

Инклюзивная модель репрезентации людей с синдромом Дауна

Рассматривая общую частоту упоминаний категорий в обеих газетах, мы отметили положительную динамику (см. табл. 2). Произошло снижение частоты упоминаний «дискриминирующих» категорий: зависимость и опека, благотворительность и жалость, на фоне повышения частоты упоминаний категорий: самостоятельность, одаренность, творчество, спорт, личность и гордость за людей с синдромом Дауна. Такая динамика указывает на процесс оформления инклюзивной модели понимания инвалидности, при которой физическая и ментальная непохожесть, особенность человека воспринимается вне оценочных категорий «нормальность-отклонение». Для всех подобных безоценочных высказываний в прессе в рамках исследования мы используем категорию иначево-

сти, объединяющую репрезентации людей с синдромом Дауна как «особых», «других», «инопланетных» существ.

В целом инаковость людей с синдромом Дауна в газетных публикациях понимается в двух смыслах: как особые социальные потребности и как особые человеческие и духовные качества. Учет особых социальных потребностей людей с инвалидностью и создание необходимых условий для развития «необычных» личностей может стать ядром инклюзивной модели социальной политики. Духовные качества, приписываемые людям с Даун-синдромом в прессе, основаны на противопоставлении «Я-Другой», так как в СМИ они предстают «не такими, как все», непохожими на «обычных» и «здоровых» людей. Эти различия в прессе связываются с иным восприятием и ощущением мира людьми с синдромом Дауна.

Положительные качества людей с синдромом Дауна абсолютизируются, из образа исключаются «негативные» характеристики: наглость, прагматичность, карьеризм, остаются крайне позитивные: доброта, любвеобильность, беззлобность, ангельская красота, бесхитрость, дружелюбность. Их называют «телепатами», «реинкарнированными гуру», «они несут свет, солнечные дети». В СМИ их ласково называют «даунята», «дауночек», а синдром Дауна – «синдромом любви и добра», они вызывают умиление, они трогательны. Видимо, поэтому такой образ часто связан с восприятием людей с синдромом Дауна как вечных детей: чистых, светлых, неиспорченных, маленьких ангелов. Так, абсолютизация положительных качеств способствует появлению представлений о божественном предназначении людей с синдромом Дауна. Мы обнаруживаем процессы наделяния людей с синдромом Дауна героическими свойствами, мистическими характеристиками, например «инопланетным происхождением», «марсианскими глазами», нечеловеческим «простодушием». Все чаще появляются упоминания о людях с синдромом Дауна как об особенных, творчески одаренных, способных подорвать рациональную бездуховность окружающего большинства, в целом противостоять привычному социально-экономическому порядку с его доминированием материалистских ценностей и рыночных механизмов.

Таким образом, на первый взгляд происходит эмансипация дискурса, их образ наделяется редкими (для современного мира) и положительными человеческими качествами: абсолютной добротой, кротостью, бескорыстием, умением любить, привязываться, сочувствовать и дружить, но, с другой стороны, такие репрезентации являются односторонними, исключают наличие злобы, агрессии, расчетливости, злопамятности и коварства. Данная тенденция

частичной девальвации полноценной личности людей с синдромом Дауна вполне укладывается в рамки определения такого режима видения, который представляет их в категориях стигмы и исключения.

Заключение

Итак, результаты анализа политики репрезентации людей с синдромом Дауна в СМИ показали преобладание медицинского дискурса репрезентации инвалидности. Было выявлено, что, хотя частота упоминания людей с синдромом Дауна в терминах «болезнь, патология, лечение» снизилась за последние четыре года, эта тема по-прежнему занимает важное место в публичном дискурсе. Высказывания в ракурсе жалости, благотворительности, в связи с ущемлением прав инвалидов встречаются в прессе значительно чаще, чем в контексте их самостоятельности и гордости. В обоих изданиях людям с синдромом Дауна отводится пассивная роль объектов сострадания и благотворительности, лишенных гендера, сексуальности, которые почти никогда не рассматриваются в связи с их профессиональными навыками и другими способностями для участия в жизни общества.

После того как Россия подписала Конвенцию ООН о правах людей с инвалидностью в 2008 г., стали появляться новые тренды, связанные с вопросами инклюзии и усыновления людей с синдромом Дауна. В «Российской газете» наметился относительный рост репрезентаций людей с синдромом Дауна с точки зрения их активной роли в обществе (например, в качестве актера или спортсмена). В выбранных газетах происходит увеличение числа публикаций с положительно окрашенными коннотациями «простодушия» и «инаковости». Однако процесс формирования дискурса инаковости людей с синдромом Дауна, по нашему мнению, приводит не к исчезновению стигмы, а к рестигматизации – переформатированию ярлыка «большой» в ярлык «иной». Хотя и меняется тональность образов, различия не исчезают, они подчеркиваются, но в другом ракурсе и используются для привлечения внимания к проблеме как журналистами, так и самим сообществом людей с синдромом Дауна. В связи с таким «режимом видения» люди с синдромом Дауна изображаются не только как неполноценные граждане, но и как неполноценные человеческие существа, что сопутствует иным по форме (но близким по результатам) процессам исключения группы, отделения ее от ресурсов социоэкономической и политической сфер.

Список источников

Беседа с Ф. Эвальдом // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. С. 311.

Городова Т.В. Управление формированием реабилитационного пространства детей с ограниченными возможностями в регионе: автореферат диссертации. Белгород, 2011.

Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2009. С. 57–105.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 205. М.: Московский общественный научный фонд; ЦСПГИ, 2008 // http://socpolicy.ru/wp-content/uploads/2010/08/MONF_Inkluziya.pdf

Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. М.: Ин-т социологии РАН, 2010.

Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 76. С. 84–91.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 289–331.

Barbashina E. Representation of People with Disabilities: A Content Analysis of Russian Press. 2012 // <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:600999/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 27.10.2013).

Barnes C. Disabling Imagery and the Media. An Exploration of the Principles for Media Representations of Disabled People the First in a Series of Reports. Halifax: Ryburn Publishing, 1992.

Burke C. Follow Your Dreams // Cohen W.I., Nadel L., Madnick M.E. (eds.) Down Syndrome: Visions for the 21st Century. New York: Wiley-Liss, 2002. Grant G., Ramcharan P. Views and Experiences of People with Intellectual Disabilities and Their Families: The Family Perspective // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2001. Vol. 14. № 4. P. 348–363.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1989.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 225–274 (Kapitel V. Sozialer Strukturwandel der Öffentlichkeit). Пер. с нем. Т. Тягуновой в этом издании.

Li E.P., Liu Y., Lok N.Ch., Lee V.W. Successful Experience of People with Down Syndrome. Hong Kong: Journal of Intellectual Disabilities, 2006 // <http://jid.sagepub.com/content/10/2/143> (дата обращения: 30.10.2013).

McRuer R. Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability. New York and London: New York University Press, 2006.

Oliver M., Sapey B., Thomas P. Social Work with Disabled People. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Quinn N., Shulman A., Knifton L., Byrne P. The Impact of a National Mental Health arts and Film Festival on Stigma and Recovery // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2011. P. 1–11.

Splichal S. Public Opinion. Developments and Controversies in the Twentieth Century. New York: Rowman & Littlefield, 1999.

Tremain Sh. Foucault, Governmentality and Critical Disability Theory: An Introduction // *Tremain Sh. (ed.) Foucault and the Government of Disability*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2005.

Wilkinson P., McGill P. Representation of People with Intellectual Disabilities in a British Newspaper in 1983 and 2001 // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. 2009. Vol. 22. № 1. P. 65–76.

Видимость репрезентаций предметной среды в коммуникативном процессе: аналитические следствия смещения угла зрения

Наталья Иконникова

В данной главе анализируется понимание места видимых и овеществленных символических репрезентаций в социологическом анализе коммуникаций публичной сферы, а также некоторые следствия смещения предмета исследования к предметам и ландшафтам в контексте реализации их масштабных реконструкций.

Видимая предметная среда конструируется как результат преднамеренных и непреднамеренных действий различных агентов: как органов власти и бизнес-структур, так и местного сообщества. Предметную (или вещную) среду можно определить как комплекс взаимосвязанных «вещей», т.е. материальных объектов, имеющих сложнointегрированные свойства утилитарных (функционально полезных) предметов, товаров и благ, символически упорядоченных и составляющих условие социальных действий индивидов и сообществ. Местное сообщество, действуя координированно и декларируя общие интересы, соотнося их с декларируемы-

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

ми общенациональными целями и ценностями (принимая эти ценности и цели или ставя под сомнение), выступает как публичный агент. Это наглядно показывают процессы, происходившие и происходящие в Сочи, Казани, т.е. в процессе подготовки и проведения «мегасобытий»¹. Ввиду масштабности и национальной значимости таких проектов, дискуссии и противостояния приобретают заметность и остроту. Олимпийские игры стали одним из наиболее очевидных (visible) ритуалов, разыгрываемых в мировой политике [Boli, Thomas, 1997. P. 183]. Игры последних десятилетий все более отличаются «гигантизмом», они идеологизированы, утратили человекосоразмерный масштаб [Olympic cities... 2011. P. 405]. Именно поэтому они описываются в терминах мегапроектов и мегасобытий. Реализация решений по проектированию объектов, изъятию земель, организации строительства и дальнейшей эксплуатации, особенности социального контроля в момент проведения международных событий отражают управленческие, политические и экономические усилия агентов, наделенных властью решать и действовать. Однако эти решения и действия «приобретают характер объективности» [Бергер, Лукман, 1995. С. 101] лишь в осознанных и спонтанных компромиссах с местными жителями, поскольку строительство олимпийских объектов осуществляется не на «голом» месте, а внедряется в обжитую среду поселения со сложившимися хозяйственными практиками, представлениями о должном образе жизни, социальными ритуалами.

Реакции местного сообщества в форме адаптации или сопротивления властным решениям, кроме небольшого числа открытых конфликтов, остаются вне публичного дискурса. Р. Гиблетт высказал идею, что среда жизнедеятельности коренных сообществ может быть, в сущности, не дискурсивной и не конструкционистской [Giblett, 2011. P. 219]. Поэтому средством объективации представителями местного сообщества собственных реакций-интерпретаций в ответ на реализуемые мегапроекты является не дискурс, не полемика в СМИ или альтернативных медиаресурсах, а материальная среда домохозяйств и районов поселения. Тем не менее все вовлеченные стороны отдают себе отчет (это отражает-

¹ В статье используются материалы проекта, проводимого в Адлере под руководством автора: «Социальные смыслы вещной среды олимпийских объектов: теоретический и визуальный анализ» (2010–2011); «Диффузия вещной среды олимпийских объектов в ландшафте местного сообщества: последствия для экосистемы и социальной организации (визуальный анализ)» (2012–2014) (РФФИ) [см. также: Исследовательский проект...; Иконникова, Лазебная, 2011].

ся в артикулируемых ими текстах, официальных интервью и интервью жителей) в том, что ставками в этом материальном конструировании являются значимые для них ценности. В ходе реализации олимпийских проектов города реконструируют не только институциональные, физические, организационные порядки (включая спортивные объекты, транспортную инфраструктуру, жилой фонд, муниципальные отношения), но и символический порядок и традиции, что призвано создавать облик и ощущение Игр [Glynn, 2008. P. 1118]. Перекрасить забор или отказаться его перекрашивать означает принять или не принять идеологию создания «зоны международного гостеприимства» (в «Большом Сочи» и в том числе в Адлере как одном из его районов, выделены зоны, которые отличаются как требованиями к реконструкции жилых домов (в том числе частных) и улиц, так и режимом доступа жителей региона и гостей в период проведения Игр) [Олимпиаду в Сочи защитят...], принять или не принять идею важности проведения именно в этом месте Олимпийских игр. Таким образом, анализируя трансформации предметной среды, мы имеем дело с репрезентациями тех или иных символических значений. Рассмотреть именно этот вид публичного дискурса представляется важным особенно потому, что открытая дискуссия практически не имеет места.

Критика функционирования публичной сферы с позиций теории репрезентаций

В социологической традиции публичная сфера связана, во-первых, с анализом публичных действий, осуществляемых обычными людьми в повседневных или не совсем повседневных ситуациях (столкновения, массовые акции). Публичным действиям приписывался конструктивный смысл, в отличие от деструктивного характера действий толпы. Именно этот аспект публичности анализировал Р. Парк [Park, 1972] и учитывать данный подход важно в контексте нашего анализа публичных реакций местного сообщества.

Во-вторых, публичная сфера рассматривается как институализированное пространство дискуссий, средой которого являются современные СМИ и демократические политические институты. При этом производятся репрезентации как в форме текстов, так и в иных формах – образов, жестов, вещей (материальных объектов). Ю. Хабермас рассматривает репрезентации так же, как формируемую экономическими и политическими интересами комму-

никативную стратегию, связанную с трансформациями каналов представления частных и публичных интересов, а также с переосмыслением их ценностной и рациональной аргументации. Целью коммуникативной деятельности, в первую очередь специализированной, как, например, связи с общественностью, становится «правдоподобная репрезентация и демонстрация частного интереса ассоциации в качестве всеобщего» [Habermas, 1990. S. 297, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Возможности реализовать свою коммуникативную стратегию зависят от места агента в социальном пространстве, публичная сфера включена в среду перераспределения власти, влияния, экономических и символических капиталов. Как было отмечено выше, в частном случае жителей города Адлера это прямо обуславливает возможность вступить в дискуссию по поводу реализуемых проектов и артикулировать свои интересы.

Для Ю. Хабермаса важно, что это ведет к распространению различных манипулятивных стратегий, основанных на «компетентности высокоспециализированных профессионалов»: «Публичность утрачивает свою критическую функцию в пользу демонстративной; даже аргументы превращаются в символы, на которые опять же отвечают не аргументацией, а не более как идентификацией» [Habermas, 1990. S. 307, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Вместо коммуникаций общественности по поводу гражданских интересов все чаще наблюдается «инсценирование политической публичной сферы». Наглядным примером реализации таких стратегий мы считаем официальные материалы организаторов Олимпийских игр в Сочи. Несмотря на обилие размещаемой информации, она представляет исключительно приписываемые событию доминантные значения, не отражая возражения, сопротивление, протесты, да и в целом «неорганизованное» участие местного сообщества (разница особенно заметна при сравнении сайтов Олимпиад в Сочи [Официальный сайт Олимпийских зимних игр...] и в Лондоне [London 2012...]). Аудитория, которая начала следить за эстафетой олимпийского огня в России, сразу обратила внимание на организацию мероприятий в части дистанцирования публички, отсутствия ее включенности [Церемония приветствия...]. На наш взгляд, этот сдвиг в сторону все большей преднамеренности, прагматичности характерен для всех видов коммуникаций в современном обществе – и политических, и организационных, и даже межличностных. Однако при этом допускается, что субъекты

коммуникации взаимно признают, что коммуникативные действия должны оцениваться в категориях эффективности, демонстрировать имеющиеся у этих субъектов специальные навыки общения (которым необходимо учиться) и заранее продуманную стратегию. Вряд ли это всегда так. Даже субъекты коммуникации, реализующие манипулятивные стратегии, зачастую демонстрируют значительную степень отстраненности и вполне осознанного лицемерия. Лицемерие выступает как воспроизводимая требованиями различных социальных институтов и вполне очевидная для участников взаимодействий «драматургия», базовое «правило игры». Из этого следует, что необходим критический подход к анализу репрезентаций, транслируемых в публичной сфере. Мы обратимся к работам С. Холла и других сторонников критического конструктивистского подхода к репрезентациям. Репрезентации в этом подходе понимаются не просто как относительно нейтральное использование языка (знаковой системы) в речи или тексте (в широком смысле слова, включая предметную среду) для приписывания значения (meaning) группам и их социальным практикам, событиям или условиям и объектам социальной и природной среды [Fairclough, 1989; 1995], а как средство или канал, который позволяет участвовать в борьбе за власть, т.е. придавать вещам смысл и приписывать значение (signify). Репрезентация обеспечивает и производство, и материализацию (реификацию) значений, опираясь на язык и систему производства знаний [Hall, 1997. P. 19]. В контексте работ Холла при этом неизменно ставится вопрос: «кому выгодны» производимые репрезентации, кто выигрывает от приписывания именно таких значений. Согласно теории репрезентации, городской или природный ландшафт становится видимым в смысле имеющим социальную значимость лишь постольку, поскольку он описан в некотором дискурсе и эстетизирован. «[П]рирода открывается лишь сквозь решетку наименований, и она, которая без таких имен оставалась бы немой и незримой, сверкает вдали за ними, непрерывно предстает по ту сторону этой сетки, которая, однако, открывает ее знанию и делает ее зримой лишь в ее сквозной пронизанности языком», – отмечал М. Фуко [Фуко, 1994. С. 190]. При этом «[э]стетика в ее современном значении не имеет больше ничего общего с категориями прекрасного и безобразного», отсылая к стоимости/знаку [Бодрийяр, 2003. С. 210]. Таким образом, может иметь место столкновение дискурсивных практик создания видимой среды города (подобных сочинскому олимпийскому мегапроекту, где презентация в виртуальном пространстве неизменно опережает и отчасти сублимирует материальное воплощение) и вне-

дискурсивных повседневных практик местных домохозяйств, реакции которых, оказывается, можно игнорировать. Они вещественны, но невидимы как значимые с позиций доминантной эстетики и фразеологии и при этом не реализуются в дискурсе, т.е. не претендуют явным образом на производство новых значений.

Политика репрезентаций и режим видимости – ставки в социальной игре

Трактовка предметной среды как политики репрезентаций возвращает нас к политэкономической риторике Ж. Бодрийяра и его стремлению анализировать вещи как знаки и знаки как вещи, имеющие ценность не только как свидетельство духовных достижений, но и как экономические блага. Смыслы социальных позиций, действий, присваиваемые социальными агентами и составляющие их социальное существование, должны быть, с одной стороны, символически коммуницируемы, а с другой – материализованы, зримы (что во многих случаях предпочтительнее использования иных – тактильных, звуковых – проводников, поскольку это позволяет вступать в символическое взаимодействие дистантно).

Ю. Хабермас также подчеркивал политэкономический аспект коммуникаций трансформирующейся публичной сферы. Ссылаясь на Р. Арона, он пишет о политизации и идеологизации социальных практик, которые прежде можно было рассматривать как вне- и неполитические: «устанавливается идеология в форме так называемой культуры потребления, выполняющая, на более глубоком уровне сознания, свои старые функции, а именно принуждение к согласию с существующими обстоятельствами» [Habermas, 1990. S. 319, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Повседневные практики домохозяйств и их ресурсы вовлекаются в рыночную экономику и политический дискурс, становясь ставками в борьбе за городской ландшафт и видимую среду города. Поскольку члены местного сообщества включаются в эту борьбу и адаптируются к предлагаемым правилам социальной игры, постольку они приписывают различные значения достигаемым ими результатам. Сторонний наблюдатель фиксирует рост социального неравенства в сообществе, однако сами члены сообщества могут интерпретировать ситуацию совершенно различными способами, и они говорят, оценивая происходящее, именно, на наш взгляд, в терминах различий в присваивании значений происходящим трансформациям среды города:

Ну вот мой товарищ переселялся. Сказал, если его дом тронет – с ружьем выйдет. Ему заплатили, дали дом двухэтажный... И что, спрашиваю, ты с ружьем не вышел? Он говорит, так меня же условия устроили, если бы нет, то вышел. Он доволен. Но понимает, что все это преступление. Но не переживает, он умнее меня... Ни одного сквера, ни одного парка не заложили. Все выпиливается... Если бы вместо листьев на деревьях росли доллары, Сочи был бы какой зеленый. Имеритинка раньше: 500 метров от трассы – и тишина. Как в высокогорье. Тебя слышно на 50 метров. Такая тишина. И птицы, уточки. Птиц было видимо-невидимо. До 3 тысяч на квадратный километр. Редчайшие птицы... А им плевать на это на все. Это нелюди. То, что происходит – это оккупация побережья. Ради чего? (муж., 72 года, житель пос. Веселое, Адлерский район, г. Сочи).

В данном фрагменте интервью описывается два способа видеть изменения ландшафта. Считаем ли мы необжитую (по крайней мере, легально) заболоченную местность, не имеющую официального статуса охраняемой природной территории, значимой именно в силу ее еще не испорченности «цивилизацией» и коммодификацией? Или же она имеет значение как ресурс для освоения, эстетизации, извлечения прибыли? Следует ли прививать жителям представляющееся организаторам Игр и местным властям более современным и эстетически совершенным видение пространства и способы его использования, причем волевым властным решением в рамках реализуемого в относительно краткие сроки проекта? Думается, однако, дело не столько в навязываемой эстетике или сроках и даже не в заведомо принятой посылке, что образ жизни и склад домохозяйств жителей не имеет ценности (что отражается и в способах их экономической оценки), а в исключении местного сообщества из процесса принятия решений и нарушении сложившегося социального контракта. Участки под коммерческую или жилую застройку могут продаваться с явным контрактом, предписывающим соблюдение общего проекта района – в этом случае покупатель волен решать, нравится ли ему этот проект и предложенный дизайн. Однако в Адлере мы имеем дело с иной ситуацией.

В. Сакс утверждает, что само понятие ландшафта – это категория социального видения и восприятия, опосредованного системой приписанных значений [Sachs, 1992. P. 154]. Среда поселения превращается в ландшафт, когда в соответствии с принятой эстетикой проектируются и перестраиваются не только многоквартирные до-

ма и частные коттеджи, но и дворовые постройки, а аллеи организуют пространство в «парк» [Barrell, 1972. P. 23]. Представляется, что для анализа ситуации в Адлере можно использовать понятие «режим видения». То, «как мы видим, как мы способны видеть, как нам позволено видеть, как нас заставляют видеть и как мы переживаем (see) видимое и невидимое в этом отношении» [Foster, 1988. P. ix], обусловлено возможностью агентов формировать этот режим властными ресурсами. Отметим, что в случае олимпийских строек формирование их видимого образа в логике «нарисуем – будем жить» значительно опережало их материальную реализацию (что, наверное, нормально для традиционного архитектурного дискурса), но при этом, как показал ход строительства, не опиралось ни на анализ социокультурных характеристик пространства, в котором они реализовывались, ни на правдоподобные экономические расчеты [Стоимость Олимпиады в Сочи...]. Использование понятия «режим видения» позволяет подчеркнуть то, что мы видим и как мы видим, является социальной, идеологической или утопической конструкцией.

Размышляя о соотношении видимых трансформаций повседневной среды и необходимости учитывать не только все более ускользающую «вещественность» среды, но и репрезентации вещей, в том числе как обязательно политически ангажированные, исследователи предлагают смещать фокус анализа так, чтобы именно видимая знаковая среда выступала предметом исследования. Пол Вирилио предложил термин не «зеленой», а «серой экологии», что означает невозможность разделить природу и искусственную среду и требование рассматривать экологические проблемы в контексте процессов урбанизации, традиций, культурных артефактов. Это экология «архипелагов городов», интеллектуально насыщенных и взаимосвязанных не только транспортной сетью и торговлей, но и сетями телекоммуникаций, мобильной связи, «всемирной паутиной» [Virilio, 2009]. Р. Гиблетт предлагает понятия «политическая экология» (описывающая активность политической и экономической элиты) и «партиципаторная политическая экология». Последнее понятие вводится для анализа активности местных сообществ, публичной сферы по отношению к окружающей среде, природозащитным проектам, осуществляемым в освоенных и трансформированных ландшафтах. Гиблетт описывает партиципаторную экологию как способ деконструкции и деколонизации иерархического порядка, противопоставляющего полис ойкосу, мускулинную сферу политических и экономических действий – феминной частной сфере и биосфере, а также как способ критически переосмыслить значения,

придаваемые местными (особенно коренными и колонизируемыми) сообществами их культурному и природному наследию [Giblett, 2011. P. 17, 50–52]. Он использует это понятие для анализа западного современного дискурса о природе и колонизации природной среды Австралии. Он подчеркивает, что колонизируемое пространство понималось как «дикое» и «пустое», что позволяло игнорировать сообщества австралийских аборигенов и их экологию. Создание поселений европейского типа, «парков для джентльменов», а затем «национальных парков», освоение буша и пустыни как экономических ресурсов воплощало видение ландшафта новыми поселенцами. Его работу можно рассматривать как анализ крайнего случая, когда понятие колонизации не является метафорой отношения. Тем не менее контекст его исследования показывает некоторые общие тенденции конструирования среды как видимого ландшафта. Как отмечает Г. Орлова, «[о]пора власти на визуальные средства и конструирование новых оптических режимов» можно оценивать как «значимые технологические и дискурсивные ресурсы, востребованные в ситуации перехода ... к переживанию реальности воплощенной мечты» [Орлова, 2009. С. 61]. Именно как воплощенную мечту представляют Олимпийские игры в Сочи организаторы: «Почти 50 лет назад наш соотечественник уже сделал то, что до этого считалось невозможным. И наша страна „шагнула в космос“. И весь мир облетели слова Юрия Гагарина: „Поехали!“» [О бренде...].

Значение партисипаторного подхода к реализации и оценке эффектов олимпийских проектов изучалось преимущественно путем описания успешных проектов вовлечения местных сообществ, местного бизнеса и общественных организаций. М. Глинн проанализировала дискурс, связанный с проведением Олимпийских игр в 17 городах между 1972 и 2006 гг., и выявила, что в подавляющем большинстве случаев он был сфокусирован на «улучшении принимающих городов» как в плане развития их материальной инфраструктуры, так и в плане улучшения их образа, репутации, привлекательности [Glynn, 2008. P. 1126]. Она утверждает, что вовлечение эндогенных источников является ресурсом как экономической успешности Олимпийских игр, так и их символического капитала, при этом участие сообщества должно быть «активно требовательным» [Glynn, 2008. P. 1138]. Нельзя отрицать наличие и активность местного предпринимательства в сочинском регионе, как и многих других регионах России – для этого достаточно прийти на рынок или увидеть количество торговых точек, размещенных на первых этажах домов, разнообразных киосков и лотков. Однако они невидимы для экономической и налоговой статистики или, например,

кредитных организаций (таков их выбор в сложившихся условиях) и, следовательно, учет их активности в рамках легального, официального проекта проблематичен.

Открытые действия, жесты, предметы представляют социальные позиции и идентичности в наглядной форме «факта», естественно скрывая латентные смыслы, но отнюдь не в большей мере, чем слова. Теоретические дискуссии о статусе видимых объектов в исследовательских практиках отражают различные оценки роли многообразных акторов и условий, вовлеченных в производство и восприятие видимого. Критический подход к конструированию видимой материальной среды учитывает роль создающих ее агентов, социальные практики и эффекты, порождаемые материальной средой, а также вовлекает в анализ присвоение среды различными участниками коммуникации, независимо от (или вопреки) нормативного режима видения. Как политика смещается в сторону управления режимом видения, так и реакции на эту политику приобретают вид визуальных контрдействий, в которые вовлечены привычные материальные объекты, зримый порядок вещей, декор домов и улиц, вид людей на улицах.

Формирование задаваемого олимпийским проектом режима видения предполагает мобилизацию значительных материальных ресурсов и существенно меняет экологию пространства, создавая новый ландшафт и приписывая ему новые значения. Местные жители, как следствие, разделяются на тех, кто имел необходимые для вовлечения ресурсы и имеет шанс увеличить свой социальный капитал, и тех, кто таких ресурсов не имел и испытывает нисходящую социальную мобильность. Предполагаемый режим видения территории проведения Олимпийских игр в значительной мере ориентирован на создание привлекательного «фасада», не имея экономических и управленческих ресурсов для создания партисипаторных проектов, которые могли бы способствовать приемлемым для местных жителей и традиционных отдыхающих изменениям внутренней структуры города и отдельных домовладений.

Список источников

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр: Медиум, 1995.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.

Иконникова Н.К., Лазебная К.П. Олимпийские стройки: модель распространения социокультурных эффектов в вещной среде // *Личность. Культура. Общество.* 2011. № 4. С. 259–266.

Исследовательский проект «Социальные смыслы вещной среды олимпийских объектов: теоретический и визуальный анализ» // <http://soc.hse.ru/gsoc/olimpobjects>.

О бренде // [Sochi2014.ru](http://www.sochi2014.ru) // <http://www.sochi2014.com/games/strategy/brand>.

Олимпиаду в Сочи защитят стокилометровым барьером // *Известия.* 17.09.2012 // <http://izvestia.ru/news/535251>

Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // *Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Визуальная антропология: режимы видимости при социализме.* М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2009.

Официальный сайт Олимпийских зимних игр и Паралимпийских зимних игр в Сочи 2014 // <http://www.sochi2014.com>

Стоимость Олимпиады в Сочи перевалила за 1,5 трлн руб. // РБК. 04.02.2013 // <http://top.rbc.ru/economics/04/02/2013/843458.shtml>

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.

Церемония приветствия олимпийского огня // <http://std3.ru/78/c5/1381247077-78c5e5f91аса3ееее085779223f49799.jpg>.

Barrell J. The Idea of Landscape and the Sense of Place 1730–1840: An Approach to the Poetry of John Clare. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Boli J., Thomas, G.M. World Culture in the World Polity: a Century of International Non- Governmental Organization // *American Sociological Review.* 1997. N 62. P. 171–190.

Fairclough N. Language and Power. London: Longman Group, 1989.

Fairclough N. Media Discourse. London: Arnold, 1995.

Foster H. Preface // *Foster H. (ed.). Vision and Visuality.* Seattle: Bay Press, 1988.

Giblett R. People and places of nature and culture. Bristol: Intellect, 2011.

Glynn M. Configuring the Field of Play: How Hosting the Olympic Games Impacts Civic Community // *Journal of Management Studies.* 2008. Vol. 45. N 6. P. 1117–1145.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 275–342 (Kapitel VI. Politischer Funktionswandel der Öffentlichkeit).

Hall S. (ed.) Cultural Representations and Signifying Practices. London: Open University Press, 1997.

London 2012 Summer Olympics // <http://www.olympic.org/london-2012-summer-olympics>

Gold J., Gold M. (eds.) *Olympic Cities: City Agendas, Planning and the World's Games, 1986–2016*. N.Y.: Routledge, 2011.

Park R. *The Crowd and the Public, and Other Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

Sachs W. *For Love of the Automobile: Looking Back in the History of Our Desires*. Berkeley: University of California Press, 1992.

Virilio P. *Grey Ecology*. N.Y.: Atropos, 2009.

**IV. КЛАССИКИ ЖАНРА.
ХРЕСТОМАТИЯ.
РЕФЕРАТИВНЫЕ ПЕРЕВОДЫ**

Предисловие к публикации реферативного перевода Ю. Хабермаса

Татьяна Тягунова

«Структурная трансформация публичной сферы» Ю. Хабермаса представляет собой – концептуально и стилистически – историко-социологическое исследование. В центре анализа – реконструкция специфического идеального типа буржуазной публичной сферы, формирующегося в рамках европейского контекста XVIII – начала XIX вв. Тем не менее вопросы, затрагиваемые автором, носят более широкий характер. Проблематика, к которой обращается Хабермас, отсылает не только к необходимости осмысления тех экономических, политических и социальных процессов, которые обусловили в свое время зарождение идеи публичности, но и к настоятельности осмысления и переосмысления того, что с данным понятием мы связываем сегодня и где располагаются те точки, в которых современная (или следует сказать: постсовременная?) публичность локализуется и практикуется (разумеется, если такая постановка вопроса еще правомерна).

В основании формирования буржуазной публичной сферы лежит, с точки зрения Хабермаса, строгое разделение, с одной стороны, публичности и приватности, с другой стороны, государства и общества, в то время как в основании ее изменения и в конечном счете разрушения – специфическая диалектика скрещения и взаимопроникновения государства и общества, то, что Хабермас назы-

вает процессами «одновременного огосударствления общества и обобществления государства». Структурное изменение публичной сферы рассматривается в двух аспектах: социальной трансформации государства и экономики и изменения структур коммуникации. Процессы концентрации капитала и общественной власти в частных руках, обозначившиеся в капиталистической рыночной экономике индустриально развитых стран в конце XIX в., а также возрастающая политика государственного интервенционизма ведут к возникновению промежуточной «реполитизированной социальной сферы», к которой критерии публичного и частного оказываются уже не применимы. Психологическим отражением данных процессов выступает постепенная утрата буржуазной семьей своих функций и своего статуса сферы интимных отношений, в рамках которой формировался особый опыт субъективности, соотносившийся с «литературной публичностью».

Понятие «публичность», или «публичная сфера» (*Öffentlichkeit, public sphere, publicity*), как и «публичный» (*öffentlich, public*), меняет свое значение в зависимости от той или иной исторической эпохи или периода исторического развития. В центре теоретического и эмпирического анализа Хабермаса находится понятие «буржуазной публичной сферы» (*bürgerliche Öffentlichkeit, bourgeois public sphere*, где *bürgerlich* имеет также коннотации, отсылающие к «гражданскому» в смысле «гражданина», а также «гражданского общества», *civil society*), формирующееся в рамках европейского контекста в конкретный исторический период, а именно в Англии, Франции и Германии XVIII–XIX вв. С точки зрения Хабермаса, «буржуазная публичность» зарождается в начале Нового времени, ее историческим предшественником выступает «репрезентативная публичность» (*repräsentative Öffentlichkeit, representative publicness*), в то время как ее современным наследником является «манипулятивная публичность» (*manipulativ entfaltete Öffentlichkeit*), или *publicity, Publizität der public relations*. Кроме того, у Хабермаса присутствует также нормативное понятие публичности, содержащееся в его многократных апелляциях к «идее и идеологии» буржуазной публичной сферы, как они были развиты теоретиками либерализма (Хабермас обращается прежде всего к Джону Стюарту Миллю и Алексису де Токвиллю), а также в работах Канта, Гегеля и Маркса.

В общем и целом, говорит Хабермас, «„публичными“ мы называем события, если они, в противоположность закрытым обществам, доступны для всех – подобно тому, как мы говорим о публичных местах или общественных заведениях» (примером последних

может служить гостиница или трактир) (S. 54). Однако данное понятие, как в случае «общественного здания», подразумевает не только всеобщую доступность, «общественные здания» даже могут не быть открыты для свободного перемещения, в них просто размещаются учреждения государства и именно в этом смысле они являются публичными. Поэтому, говорит Хабермас, «государство есть „публичная власть“» («Der Staat ist die „öffentliche Gewalt“» (S. 55), «The state is the „public authority“» (P. 2)). Его публичный характер связан с той задачей, которую должно выполнять государство, а именно заботиться об общественном, или общем, благе своих граждан. Таким образом, понятие «публичное» отсылает, с одной стороны, к всеобщей доступности, с другой стороны, к общественному регулированию, в то время как «приватное» (privates) соотносится с областью индивидуального произвола, к которой ни государство, ни общество не имеют доступа. Соотношение публичного и приватного столь же конститутивно для осуществляемого Хабермасом анализа понятия публичности, как и соотношение государства и общества.

Оба типа отношений претерпевают существенные трансформации в ходе своего исторического развития. Если в античное время приватное и публичное конституируются посредством различения и противопоставления *oikos*, или частной сферы домашнего хозяйства, и *polis*, или публичной сферы городской (государственной) политики, то в Новое время и вплоть до конца XVIII в. данное различие проходит под знаком противопоставления публичной власти монарха и частной автономии подданного. В Новое время собственно и происходит разделение и противопоставление государства и общества, которые в античной Греции были, в сущности, тождественны друг другу и между которыми даже в рамках феодальной монархии в принципе не проводилось четкого различия. Именно с властью монарха соотносится тот тип «репрезентативной публичности», о котором Хабермас говорит: «репрезентативная публичность не конституируется как социальная сфера, то есть как сфера публичности, скорее она представляет собой нечто, <...> наподобие атрибута статуса. Статус феодала-землевладельца <...> сам по себе нейтрален по отношению к критериям „публичный“ и „приватный“, однако его обладатель репрезентирует его публично: он показывает себя, представляет себя как воплощение „высшей“ власти» (S. 60). Монархическая репрезентация публична, поскольку не существует какой-либо репрезентации, которая была бы «частным делом» (S. 61). Репрезентативная публичность предстает, таким образом, как характеристика

личности господина, его и господства, и авторитета, представляющая его власть «перед» народом.

С возникновением и укреплением слоя буржуазии, стремящейся к тому, чтобы утвердить и защитить сферу своей частной автономии (базирующейся прежде всего на частной собственности) как область, свободную от вмешательства государства, развивается новый тип публичности. В отличие от «репрезентативной публичности», референтом которой выступал монарх, буржуазный тип публичности начинает соотноситься с формирующейся внутри городского слоя буржуазии «публикой» и «общественным мнением», образующим отныне противовес «публичной власти» государства (*öffentliche Gewalt / öffentliche Autorität, public authority*). Формируется собственно сфера социального. В качестве социальных оснований буржуазной публичной сферы выступают частная собственность, буржуазная малая семья, а также культура литературного обсуждения, нашедшая свое воплощение в литературных салонах и обществах и приведшая к формированию того типа публичности, который Хабермас обозначает как «литературную публичность» (*literarische Öffentlichkeit*).

Хабермасовское понятие «литературная публичность» подразумевает при этом не просто публику, обменивающуюся впечатлениями по поводу прочитанных произведений художественной литературы. Оно отсылает к публике, которая на основе беллетристики развивает специфическую культуру рационально-критического суждения. Эта, опосредованная чтением литературы и практикой рационально-критических дискуссий, публичность являлась, с точки зрения Хабермаса, прототипом политической публичности (*politische Öffentlichkeit*) и связанных с ней форм публичной коммуникации. По мере того, как с появлением новых массмедиа публика освобождается от задачи ведения рационально-критических дискуссий, место литературной публичности начинает занимать псевдопубличная область культурного потребления и опосредуемая массмедиа публичность, лишенная как критического, так и политического потенциала. Вместе с развитием новых массмедиа публичная сфера становится областью опубликования и опубликования, сферой «демонстративной и манипулятивной публичности».

Нормативный характер понятия публичности находит свое выражение и обоснование в теории дискурса, развитой Хабермасом в его ключевой работе «Теория коммуникативного действия» (*Theorie des kommunikativen Handelns, Suhrkamp, 1981*), в которой формулируются условия возможности рациональной организации об-

щества, основополагающими предпосылками которой, в свою очередь, выступают рациональные основания публичной коммуникации. Последние соотносятся с дискурсивными притязаниями на значимость, а именно притязаниями на истинность, правильность и правдивость, которые в принципе могут быть оспорены каждым в любое время и в любом месте в рамках аргументированной, свободной от какого-либо принуждения (за исключением принуждения аргумента) рационально-критической дискуссии. Именно здесь заключены, с точки зрения Хабермаса, шансы на восстановление принципа публичности в соответствии с ее буржуазной идеей, в рамках которой всеобщая доступность к публичной сфере постулировалась в качестве ее неотъемлемого принципа. И именно поэтому буржуазная публичность, с точки зрения Хабермаса, «не только была несовершенной, а скорее вовсе не являлась публичностью» (S. 156), поскольку критериями доступа к ней выступали частная собственность и определенный уровень образования.

Несколько терминологических замечаний. Ключевое для книги понятие *Öffentlichkeit* переводилось в большинстве случаев как «публичная сфера», в отдельных местах как «публичность», прежде всего когда речь шла о «литературной публичности» и «политической публичности». Термины *öffentlicher Bereich* и *privater Bereich* были переведены соответственно как «публичная сфера» и «частная сфера», а *Öffentliches* и *Privates* как «публичное» и «частное». При переводе термина *Intimsphäre* использовались два варианта: «интимная сфера», а также «сфера интимных отношений».

«Структурная трансформация публичной сферы», впервые вышедшая в 1962 г. в издательстве *Luchterhand*, является кандидатской работой, которую Хабермас защищал в 1961 г. у В. Абендрота в Марбурге (куда он переехал из Франкфуртского Института социальных исследований ввиду назревавшего конфликта с М. Хоркхаймером, первоначальным руководителем диссертации). Книга выдержала множество переизданий и была переведена на несколько языков. Прискорбный факт отсутствия русского издания данной работы может быть, разумеется, лишь несколько смягчен настоящей публикацией, представляющей собой реферативный перевод пятой («Социальная трансформация публичной сферы») и шестой («Трансформация политической функции публичной сферы») глав книги.

Социоструктурная трансформация публичной сферы

Юрген Хабермас

Тенденция к взаимопроникновению публичной и частной сфер

Развитие буржуазной публичной сферы разворачивается в поле напряжения между государством и обществом, однако таким образом, что сама публичная сфера остается частью сферы частной. Основополагающее разграничение обеих этих сфер подразумевает вначале лишь разделение элементов общественного воспроизводства и политической власти, удерживаемых вместе в рамках форм господства, типичных для позднего Средневековья. С расширением рыночных экономических отношений возникает сфера «социального», выходящая за границы господства, основывающегося на земельной собственности, и ведущая к необходимости установления форм административного управления. По мере опосредования производства меновой торговлей оно освобождается от привязки к функциям публичной власти, а политическое управление, наоборот, от производственных задач. На одном полюсе здесь мы имеем сконцентрированную в национальных и территориальных государствах публичную власть (где «публичное»

Реферативный перевод выполнен по изданию: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 225–274 (Kapitel V. Sozialer Strukturwandel der Öffentlichkeit).

фактически тождественно «государственному»), на другом – консолидированное в границах частного и противостоящее публичной власти государства общество. Сконцентрированная в национальных и территориальных государствах публичная власть доминирует над приватизированным обществом. В сферу частной автономии последнее развивается лишь по мере освобождения от меркантилистских предписаний. По этой причине даже возрастающий государственный интервенционизм, обозначившийся начиная с последней четверти XIX в., не ведет сам по себе к взаимопроникновению публичной и частной сфер.

При сохраняющемся разделении государства и общества интервенционистская политика, получившая имя неомеркантилистской, способна ограничить автономию частных лиц, не затрагивая, однако, сам частный характер отношений между ними. Как частная сфера общество ставится под вопрос лишь тогда, когда сами общественные силы получают функции публичной власти. «Неомеркантилистская» политика идет в этом случае рука об руку со своего рода «рефеодализацией» общества.

Новый интервенционизм конца XIX в. распространяется государством, стремящимся посредством конституционализации политической публичной сферы вобрать в себя интересы буржуазного общества в качестве своих собственных. Интервенционизм как политика вмешательства публичной власти¹ в отношения частных лиц возникает вследствие переноса в область политического такого рода конфликтов интересов, которые уже не могут быть разрешены лишь внутри частной сферы. Таким образом, в долгосрочной перспективе государственному вмешательству в общественную сферу соответствует передача публичных функций частным корпорациям. К тому же с проникновением публичной власти в частные сферы связан встречный процесс замещения государственной власти общественной².

Именно эта диалектика одновременного все большего «огосударствления» общества и «обобществления» государства постепенно разрушает основание буржуазной публичной сферы – отделение государства от общества. Между обеими и в то же время «из»

¹ Публичная власть как власть государства, государство вмешивается в частную сферу, прежде всего в область экономических отношений, основывающихся на частной собственности и свободном обмене.

² Власть общественных (социальных) институтов, организаций и проч., в качестве которых выступают среди прочего предприниматели, пресса, партии, ассоциации, представляющие интересы определенных социальных слоев – *Прим. пер.*

обеих возникает, так сказать, реполитизированная социальная сфера, в отношении которой различие «публичного» и «частного» уже не применимо. Она также ведет к распаду той специфической части частной сферы, в которой собирающиеся вместе в качестве публики частные лица регулируют общие вопросы их взаимоотношений, а именно публичной сферы в ее либеральной форме. Распад публичной сферы, проявляющийся в трансформации ее политических функций, коренится в структурной трансформации отношений между публичной и частной сферами.

Вместе с великой депрессией, начавшейся в 1873 г., завершается и либеральная эпоха¹, характеризующаяся явным поворотом в сторону торговой политики. Постепенно все капиталистически развитые страны приносят в жертву новому протекционизму святыне принципы *free trade*², которым недвусмысленно следовала собственно лишь Англия. В равной мере на внутренних рынках, особенно в ключевых областях промышленности, усиливается тенденция к олигопольным слияниям. Движение на рынке капитала идет в том же направлении.

В последнюю треть XIX в. в международном масштабе устанавливаются ограничения конкуренции на рынке товаров. К этому ведет концентрация капитала и объединение в концерны крупных предприятий, встающих на олигопольные позиции, а также раздел рынка путем заключения соглашений на цены и объемы продукции. «Взаимодействие экспансивных и ограничительных тенденций, которое уже в ходе развития торгового и финансового капитала показало, что у либерализации рынка не будет реальных шансов, определяет и движения промышленного капитала, делая либеральную эпоху лишь эпизодом, вопреки явно искаженному представлению классической экономики (S. 227). То, что Сэй своим известным законом приписал *laissez-faire*³-капитализму как таковому, а именно автоматически устанавливающееся равновесие производства и потребления на уровне экономики в целом, фактически зависело не от системы как таковой, а от конкретных историче-

¹ Речь идет о том периоде времени, в течение которого формируется находящаяся в фокусе настоящего анализа идея буржуазной публичной сферы в ее либеральной форме, а именно XVIII – середина XIX в. Свое теоретическое обоснование либерализм находит, в частности, в работах Джона Стюарта Милля и Алексиса де Токвиля. – *Прим. пер.*

² *Free trade* (англ.) – свободная торговля. – *Прим. пер.*

³ *Laissez-faire* (фр.) – позвольте делать; часть известного выражения „laissez faire, laissez passer“, ставшего лозунгом свободы торговли и принципа невмешательства государства в экономику. – *Прим. пер.*

ских обстоятельств¹, все еще менявшихся на протяжении этого столетия, причем не без влияния заложенного в самом капиталистическом способе производства антагонизма (S. 227–228).

В ходе этого развития буржуазное общество вынуждено было оставить даже малейшую претензию на то, чтобы быть властно нейтральной сферой. Либеральная модель (по сути, модель мелко-го товарного хозяйства) предусматривала лишь горизонтальные отношения обмена между индивидуальными владельцами товара. Соответственно, в условиях свободной конкуренции и независимых цен ожидалось, что никто не может получить власть в таком объеме, чтобы она позволила ему полностью распоряжаться другими. Однако вопреки этим ожиданиям отныне, в условиях несовершенной конкуренции и зависимых цен, общественная власть концентрируется в частных руках². В сети вертикальных отношений между коллективными элементами (units) формируются отношения отчасти односторонней зависимости, отчасти взаимного давления. Процессы концентрации и кризисов срывают вуаль равноценного обмена с антагонистической структуры общества. Чем более прозрачным оно становится в качестве всего лишь принуждения, тем настоятельнее ощущается потребность в сильном государстве. Возражение, выдвинутое Францем Нойманом против либерального самопонимания «всего-лишь-как-ночного-сторожа»³, вполне правомерно: оно всегда было сильно настолько, насколько этого требовали интересы буржуазии в данной политической и социальной ситуации⁴. Тем не менее, пока государство было либеральным, именно в эти интересы входило, чтобы сфера товарообмена и общественного труда в общем и целом оставались сферами частной автономии (разве что в реализации всеобщего обязательного

¹ Dobb M. *Studies in the Development of Capitalism*. L.: Routledge, 1954. P. 257.

² Ср.: Bunzel T.H. *Liberal Theory and the Problem of Power* // *The Western Political Quarterly*. 1960. Bd. XIII. P. 374–188.

³ Данное выражение, принадлежащее Ласалю, постоянно связывается с известной работой Вильгельма фон Гумбольдта: *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen* // Flitner I. (ed.) *Werke*. Darmstadt, 1960. S. 56 ff. Humboldt W.V. *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen* // Flitner A., Giel K. (Hrsg.) *Wilhelm von Humboldt, Werke*. 5 Bde. Darmstadt: Wiss. Buchges, 1960–1981. S. 56 ff.

⁴ Neumann Fr. *Der Funktionswandel des Gesetzes im Recht der bürgerlichen Gesellschaft* // *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937. Bd. VI. Heft 3. S. 542 ff.; Neumann Fr. *Ökonomie und Politik* // *Zeitschrift für Politik*. 1955. Bd. II. S. 1 ff.

школьного обучения и воинской повинности можно было усмотреть, подобно Ахингеру¹, начало вмешательства в частную сферу). Та «централизация государственной власти», которая одновременно стала проблемой для Маркса и Токвиля, еще, строго говоря, не затрагивала конститутивное для буржуазного конституционного государства соотношение публичной и частной сфер. Даже тот интерес, который крупная промышленность в целях завоевания и сохранения привилегированных внешних рынков проявляет к расширению военного аппарата, усиливает поначалу лишь одну из уже существующих функций публичной власти. Только когда государство обретает *новые* функции, «барьер» между ним и обществом утрачивает свою незыблемость.

Сосредоточение власти в частной сфере товарообмена, с одной стороны, и учреждаемая в качестве государственного органа публичная сфера с ее институционализированным обещанием всеобщей доступности, с другой, усиливают стремление экономически более слабых участников к тому, чтобы с помощью политических средств выступить против тех, кто благодаря своей позиции на рынке занимает превосходящее положение. В Великобритании в 1867 и 1883 гг. это приводит к реформе избирательного права; во Франции Наполеон III вводит всеобщее право голоса; его плебисцитарно-консервативные последствия учитывает Бисмарк, когда включает в конституцию сначала Северо-Германского союза, затем новоучрежденной Германской империи всеобщее избирательное право. Основываясь на этой формально признанной возможности участия в политических делах, как пауперизированные слои, так и классы, которым они угрожали, стремились обрести влияние, которое бы политически компенсировало нарушенное равенство возможностей в экономической сфере, если последнее вообще существовало. Попытка освободить публичную сферу от вмешательства частных интересов потерпела неудачу, как только условия, при которых должна была произойти приватизация интересов, сами оказались втянуты в конфликт организованных интересов. Профсоюзы образуют организованный противовес не только на рынке труда; через социалистические партии они стремятся добиться влияния на само законодательство. Этому противостоят предприниматели, «государственно-охранительные силы» в целом, непосредственно обменивая свою частную общественную власть на политическую. Исключительный

¹ Achinger H. Sozialpolitik als Gesellschaftspolitik. Hamburg: Rowohlt, 1958. S. 155.

закон против социалистов Бисмарка – показательный случай; однако учреждаемое им одновременно с этим социальное страхование демонстрирует, в какой мере государственное вмешательство в частную сферу вынуждено было уступать давлению снизу. Вмешательства государства в частную сферу с конца XIX в. показывают, что широким массам, допущенным отныне к участию в управлении, удастся преобразовать экономические противоречия в политические конфликты. Отчасти эти вмешательства идут навстречу интересам более слабых экономических слоев, отчасти они служат их отвержению. Не всегда легко в отдельном случае четко установить, коллективные частные интересы какой стороны получали большую поддержку. Однако в целом государственные вмешательства даже там, где они были направлены против «господствующих» интересов, осуществлялись в интересах сохранения равновесия системы, которое уже невозможно было обеспечить посредством свободного рынка.

Этот механизм, проанализированный Гэлбрейтом¹ с точки зрения *countervailing power*², объясняет связь между тенденциями к концентрации капитала и ростом государственного интервенционизма. Отправной точкой для усиливающейся деятельности государства служат уже размеры государственных бюджетов. И все же этот количественный критерий оказывается недостаточным; лишь качественный анализ публичных вмешательств в частную сферу позволяет ясно осознать, что государство не только расширяет свою деятельность в рамках старых функций, но и приобретает ряд совершенно новых. Наряду с традиционными функциями поддержания порядка (которые государство взяло на себя еще в либеральную эпоху, внутри страны – средствами полиции и судебной системы, а также весьма осмотрительно проводимой налоговой политики, вовне – посредством своей внешней политики, опирающейся на вооруженные силы) оно берет на себя и функции формирования³. Их разграничение осуществляется, разумеется,

¹ Galbraith J.K. American Capitalism: The Concept of Countervailing Power. Boston: Houghton Mifflin, 1952. Критика содержится в превосходной статье Швайцера, см.: Schweizer A. A Critique of Countervailing Power // Social Research. 1954. Bd. XXI. P. 253 ff.

² *Countervailing power* (англ.) – встречное право. – Прим. пер.

³ Neumark F. Wirtschafts- und Finanzpolitik des Interventionsstaates, Tübingen: J. C. B. Mohr Verlag (Paul Siebeck), 1961; юридический аспект см.: Scheuner U. Die staatliche Intervention im Bereich der Wirtschaft, Veröffentlichung des Vereins deutscher Staatsrechtslehrer II. Berlin: de Gruyter, 1954. S. 1 ff.

тем легче, чем более в ходе XX в. дифференцируется круг социальных задач государства. К ним, в частности, относится задача защиты, компенсации и предоставления субсидий более слабым в экономическом отношении социальным группам, рабочим и служащим, арендаторам, потребителям и т. д. (в эту область входят, например, меры, направленные на перераспределение доходов). Иначе ставится задача, направленная либо на предотвращение, или, по меньшей мере, на уменьшение долгосрочных изменений в общественной структуре, либо на ее планомерное поддержание и даже регулирование (сюда входит, например, такой комплекс, как политика, отражающая интересы среднего класса). Чреватое последствиями влияние на частную инвестиционную деятельность и регулирование государственной инвестиционной деятельности относится уже к более широкому кругу задач контроля и сбалансирования общеэкономического оборота.

Наконец, помимо своих обычных административных функций, государство берет на себя задачу предоставления услуг, находившуюся до сих пор в частных руках: будь это передача частным лицам общественных задач, координация частно-экономической деятельности посредством всеобщего планирования¹ или когда государство само становится активным в качестве производителя и распределителя. Сектор государственных услуг неминуемо расширяется, «поскольку вместе с усиливающимся экономическим ростом становятся действенными факторы, которые преобразуют со-

¹ Переход от всего лишь регулирующих к формирующим функциям здесь плавлен, однако имеет четкую тенденцию. В правовом отношении этот процесс находит свое выражение в расширении и тем самым изменении старого полицейского права, ср.: Huber H. *Recht, Staat und Gesellschaft*. Bern: Herbert Lang, 1954. S. 32: «Полицейское право – это право, которое в целях поддержания общественного порядка защищает публику от опасностей. Оно носит негативный, оборонительный характер. До недавнего времени оно являлось областью публичного права, так сказать, тесно спаянной с частным правом. В настоящее время все более проявляется склонность к тому, чтобы замещать или дополнять предотвращение опасности формированием позитивного образа социальной жизни. Так, например, строительный кодекс должен был защищать от угроз здоровью, возникновения пожара, безопасности движения; законодательство об охране окружающей среды – от обезображивания городских и сельских ландшафтов. Сегодня городское, региональное и федеральное планирование уже не хочет бороться лишь с негативными факторами, а стремиться формировать нечто позитивное, а именно использование людьми пространства для заселения и производства».

отношение частных и социальных издержек»¹. Соразмерно растущей покупательной способности широких масс наряду с общественными затратами частного производства возникают общественные затраты частного потребления².

Формула «коллективной заботы о бытии» охватывает множество все возрастающих у социального государства функций³, а также многообразно пересекающиеся коллективно организованные частные интересы, лежащие в основе этого роста. Посредством закона и регулятивных мер государство серьезно вмешивается в сферу товарооборота и общественного труда, поскольку конкурирующие интересы общественных сил преобразуются в политическую динамику и, опосредуясь государственным интервенционизмом, оказывают обратное влияние на свою собственную сферу. При этом, рассматривая процесс государственного интервенционизма в целом, нельзя отрицать «демократического влияния» на экономический порядок. Посредством интервенций публичной власти в частную сферу, противодействующих тенденции концентрации капитала и образования олигопольных организаций, массы неимущих смогли добиться того, что на протяжении длительного времени их доля в национальном доходе не сокращалась; правда, вплоть до середины XX в., как кажется, не столь уж существенно и возрастала⁴.

¹ Littmann K. Zunehmende Staatstätigkeit und wirtschaftliche Entwicklung, Köln, Opladen: Westdeutscher Verl., 1957. S. 164. Затраты на вооружение здесь не учитываются, поскольку военная защита всегда являлась одной из классических функций государства.

² Поскольку капиталистическая система стремится к тому, чтобы в как можно меньшей степени сокращать сектор частно-экономического производства в пользу сектора государственных услуг, между обоими возникает дисбаланс, не так давно проанализированный Гэлбрейтом; ср. его исследование: Gesellschaft im Überfluß. München / Zürich: Drömer und Knauer, 1959; а также: Downs A. Why Government Budget is too small in a Democracy? // World Politics. 1960. Bd. XII. P. 541–563.

³ Forsthoff E. Die Verfassungsprobleme des Sozialstaats. München: Westf., Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1954; Фридман выделяет пять функций: «...они вытекают из деятельности государства: во-первых, как протектора; во-вторых, как распределителя социальных услуг; в-третьих, как промышленного менеджера; в-четвертых, как экономического инспектора; в-пятых, как третейского судьи» (Friedmann W. Law and Social Change in Contemporary Britain. L.: Stevens, 1951. P. 298).

⁴ Strachey J. Kapitalismus heute und morgen. Düsseldorf: Econ, 1957. S. 130–151.

Поскольку интервенционизм имеет своим истоком такого рода взаимосвязи, социальные области, в которые государство активно вмешивается, необходимо строго отделить от лишь регламентированной государством частной сферы. Частные организации сами в существенной мере принимают полупубличный характер. В центре публично-релевантной частной сферы гражданского общества формируется реполитизированная социальная сфера, в которой государственные и общественные институты сливаются в единую взаимосвязь функций, уже не дифференцируемую по критериям публичного и частного. Свое правовое выражение эта новая взаимозависимость до сих пор разделенных сфер находит в распаде классической системы частного права.

В индустриальном обществе, сформированном по типу государства социального обеспечения, множатся связи и отношения, которые не могут быть достаточным образом упорядочены ни с помощью институтов частного, ни с помощью институтов публичного права. Скорее они вынуждают к введению так называемых социально-правовых норм.

Социалистическая критика не более как формального характера буржуазного права постоянно подчеркивала, что гарантируемая частным правом автономия лишь в той мере может быть в равной мере предоставлена всем субъектам права, в какой равные шансы экономического успеха допускают реализацию юридически равных шансов устройства собственной жизни¹. В первую очередь отделение производителей от средств производства – классовые отношения, полностью формируемые промышленным капитализмом в XIX в., – преобразовало формально равные правовые отношения между капиталистами и наемными рабочими в реальные отношения подчинения; его выражение в терминах частного права вуалировало квазипубличное насилие. Карл Реннер² проанализировал с этой точки зрения центральный институт частного права, собственность на средства производства, и связанные с ним гарантии, свободу договора, ремесла и наследования, показав, что по своей реальной функции они должны быть составными частями публичного права: частное право гарантирует капиталисту осуществление «делегированной публичной командной власти». Между тем начиная с конца Первой мировой войны развитие права в определенной степени следует за развитием общества и порождает сложное смешение типов, пона-

¹ Cp.: Menger A. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen. 2. Aufl. Tübingen: Laupp, 1890.

² Renner K. Die Rechtsinstitute des Privatrechts und ihre Funktion. 2. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1929.

чалу охарактеризованное как «опубликование частного права»¹. Позднее данный процесс научились рассматривать и с обратной точки зрения – приватизации публичного права.

Права собственности ограничиваются не только уже упомянутыми интервенциями экономической политики, но и правовыми гарантиями, призванными материально восстанавливать формальное договорное равенство партнеров в типичных социальных ситуациях. Коллективные договоры, которые, как в случае трудового права, занимают место индивидуальных, обеспечивают гарантии более слабого партнера. Оговорки в интересах нанимателя превращают договор об аренде в отношении, ограничивающее арендодателя таким образом, как если бы речь шла об использовании публичного пространства. Подобно наемному работнику и нанимателю, потребители также пользуются особыми гарантиями. Сходные процессы намечаются и в области права, регулирующего отношения на предприятии, объекты заселения и семейные отношения. Соображения публичной безопасности связывали порой собственников предприятий, земельных участков, зданий настолько, что появилось выражение «опубликованная верховная собственность»². Либеральные специалисты по государственному праву с отвращением отвергали эту тенденцию к «выхолащиванию» прав собственности, указывая на то, что сегодня собственность хотя формально и оставлена за собственником, однако вместе с тем экспроприирована без какой-либо компенсации или предоставления юридической защиты, касающейся регулирования процедуры экспроприации (S. 235–236).

Одновременно с центральным институтом частного права – частной собственностью – затронутыми оказываются, естественно, и тесно связанные с ней гарантии, прежде всего свобода договора. Классическая модель договорных отношений предполагает полную независимость при определении условий договора. Между тем она была подчинена серьезным ограничениям. В той мере, в какой правовые отношения обретают социально-типическую гомогенность, сами договоры также схематизируются. Возрастающая стандартизация договорных отношений, как правило, урезает свободу экономически более слабого партнера, в то время как уже упоминавшийся инструмент коллективного договора призван был уста-

¹ Hedemann J.W. Einführung in die Rechtswissenschaft. 2. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1927. S. 229.

² Wieacker F. Das Sozialmodell der klassischen Privatrechtsgesetzbücher und die Entwicklung der modernen Gesellschaft // Juristische Studiengesellschaft Karlsruhe. Karlsruhe: C. F. Müller. 1953. Heft 3. S. 21 ff.

навливать именно равенство рыночных позиций. Коллективные договоры о тарифных ставках между объединениями предпринимателей и профсоюзами утрачивают свой в строгом смысле частноправовой характер. В действительности они принимают публичноправовой характер, поскольку набор установленных правил функционирует в качестве суррогата закона. В правовом отношении изначальное понятие частной автономии оказалось сведено к чему-то производному настолько, что в большинстве случаев она уже не рассматривалась в качестве необходимой для того, чтобы договор имел юридическую силу. Правовое действие реальных договорных отношений уподобляется классическим правовым отношениям¹.

Наконец, система частного права подрывается все возрастающим числом договоров между публичной властью и частными лицами. Государство заключает пакты с частными лицами на основе *do ut des*²; неравенство партнеров, зависимость одного от другого и здесь ликвидируют основание для строгих договорных отношений. С точки зрения классической модели речь скорее идет о псевдодоговорах. Если сегодня органы власти при выполнении своих социально-государственных функций в существенной мере заменяют законодательное нормирование таким инструментом как договор, то такого рода договоры, несмотря на их частноправовую форму, носят квазипубличный характер: «наша система права» основывается, собственно говоря, «на мысли, что частноправовые договоры в конечном счете находятся не на одном уровне с законом, а ниже его, а наше публичное право предоставляет место для договоров лишь там, где существуют отношения одного и того же уровня...»³.

Вместе с «бегством» государства из области публичного права, передачей задач публично-правового управления предприятиям, ведомствам, корпорациям, полуофициальным агентам частного права очерчивается и обратная сторона опубличивания частного права, а именно: приватизация публичного права. Если публично-правовое управление само использует предоставляемые частным правом средства в ходе выполнения своих задач распределения, обеспечения и поддержки, классические критерии публичного права становятся несостоятельными. Ибо публично-правовая организация не препятствует поставщику коммунальных услуг в том, чтобы он вступал со своим «клиентом» в частноправовые отноше-

¹ Spiros Simitis. Die faktischen Vertragsverhältnisse. Frankfurt/Main: Klostermann, 1957.

² *Do ut des* (лат.) – даю, чтобы и ты мне дал; формула римского права, устанавливающая правовые отношения между двумя лицами. – *Прим. пер.*

³ Huber H. Recht, Staat und Gesellschaft. Bern: Lang, 1954. S. 40.

ния, а всестороннее нормирование подобного рода правовых отношений не исключает их частноправового характера. Ни монопольная позиция и обязательное заключение договоров, ни обоснование правовых отношений административным актом не требуют подчинения публичному праву. Публичный элемент общественного интереса соединяется с частноправовым элементом формулирования договора в той мере, в какой вместе с концентрацией капитала и интервенционистской политикой вследствие процесса взаимного обобществления государства и огосударствления общества возникает новая сфера. Данная сфера еще не может рассматриваться ни как исключительно частная, ни как подлинно публичная и определенно соотносится с обеими – как сферой частного, так и сферой публичного права.

Поляризация социальной и интимной сфер

В той мере, в какой государство и общество взаимно проникают друг в друга, институт малой семьи освобождается от своей связи с процессами общественного воспроизводства: сфера интимных отношений, бывшая некогда центром частной сферы в целом, перемещается на ее периферию в той мере, в какой последняя сама деприватизируется. «Граждане либеральной эры живут своей частной жизнью прототипически в рамках профессии и семьи; область товарооборота и общественного труда была в той же мере частной сферой, как и освобожденный от прямых экономических функций „дом“» (S. 238). Обе эти сферы, в то время структурируемые согласованно, развиваются отныне в различных направлениях: «более того, можно сказать, что семья становится все более приватной, а мир работы и предприятия все более „публичным“»¹ (S. 238).

Термин «мир работы и предприятия», отмечает Хабермас, содержит в себе нечто от тенденции к объективации сферы, находившейся некогда под частным контролем – будь это сфера собственного владения, как в случае частного собственника, или будь это сфера чужого владения, как в случае наемного работника. Развитие крупного промышленного предприятия непосредственно, а бюрократического опосредованно зависит от уровня концентрации капитала. В обоих развиваются формы общественного труда, специфически отклоняющиеся от профессиональной деятельности частного типа. С точки зрения социологии труда формальная при-

¹ Schelsky H. (Hrsg.) Schule und Erziehung in der industriellen Gesellschaft. Würzburg: Werkbund-Verlag, 1957. S. 33.

надлежность предприятия частной, а государственного учреждения публичной сфере утратила свою дифференцирующую силу. В какой бы мере крупное предприятие ни находилось под контролем индивидуального собственника, крупного акционера или исполнительного директора, в том, что касается возможности частного управления, оно должно было объективировать себя настолько, чтобы «мир труда» учредился в качестве полноправной сферы в пространстве между частной и публичной областями – в сознании как служащих и рабочих, так и тех, кто обладал более широкими компетенциями. Разумеется, подчеркивает Хабермас, «данное развитие опирается также на материальную деприватизацию формально сохраняемой автономии собственников средств производства» (S. 239). Это многократно проанализировано (под знаком разделения прав собственности и распоряжения ею) на примере крупных капиталистических обществ, поскольку здесь ограничение непосредственной реализации прав собственности в пользу высшего руководства и некоторых крупных акционеров становится наиболее отчетливым. Благодаря самофинансированию такие предприятия часто приобретают независимость от рынка капитала; в равной мере они расширяют свою самостоятельность по отношению к массе собственников долей в уставном капитале. Каков бы ни был экономический эффект, социологический является показательным для процесса развития, лишаящего крупное предприятие в целом, независимо от конкретной формы его организации, того характера сферы индивидуальной частной автономии, который был типичен для коммерческого предприятия и цеха в либеральную эпоху. Хабермас ссылается на Ратенау, выразившего данный процесс в следующей формуле: крупные предприятия развиваются в «социальные институты». Юридический институционализм подхватил, по мнению автора, этот импульс и выработал собственную теорию норм обычного права¹. Хотя родственные уче-

¹ «Впоследствии, замечает Хабермас, она сыграла определенную роль как в реформистской идеологии профсоюзов, так и в фашистской практике так называемого рабочего фронта: в обоих случаях, несмотря на противоположность политических целей, изоляция институциональных моментов крупного предприятия от его экономических функций привела к положению (разумеется, иллюзорному), согласно которому предприятие – в той мере, в какой оно работает по капиталистическим законам максимизации прибыли – должно служить также и частным интересам и поэтому цель предприятия не может *eo ipso* совмещаться с интересами коллектива рабочих и служащих или даже общества в целом» (S. 240, прим. 35).

ния (представленные Джеймсом Бёрнхемом и Питером Дракером на примере американской ситуации), имевшие после войны большой публицистический успех, едва ли несли в себе менее идеологичные черты, однако они имели определенную описательную ценность: они точно диагностировали «исчезновение приватного» в сфере общественного труда.

Сначала крупное предприятие берет на себя определенные гарантии правового статуса своих служащих и рабочих, будь то путем разделения компетенций, предоставления социального страхования и услуг или путем усилий – как бы сомнительно это ни было в каждом отдельном случае – по интеграции рабочих на рабочем месте. Однако более разительными, нежели эти объективные изменения, были, по мнению автора, субъективные. «Собирательная статистическая категория „служащие“ („*Diensttuende*“) уже в самом названии указывает на новую установку к работе. Отчетливо обозначенное некогда (в том числе и на субъективном уровне) частной собственностью различие между теми, кто мог работать в своей собственной частной сфере, и теми, кто должен был работать в частной сфере других людей, стирается в пользу „служебного отношения“, которое, разумеется, заимствует у „государственной службы“ служащих не права (и обязанности), а скорее черты овеществленного отношения к работе, которое связывает рабочих скорее с институтом, нежели с другими личностями» (S. 240). Вместе с крупным предприятием господствующим типом организации общественного труда становится нейтральная с точки зрения разделения частной и публичной сфер общественная структура. Хабермас приводит следующее описание Бардта: «Промышленные предприятия строят квартиры или даже помогают наемным рабочим стать домовладельцами, они строят общественные парки, школы, церкви и библиотеки, устраивают концерты и театральные вечера, организуют курсы повышения квалификации, заботятся о стариках, вдовах и сиротах. Другими словами, ряд функций, которые первоначально выполняли публичные – не только в юридическом, но и в социологическом смысле – институты, берут на себя организации, деятельность которых не является публичной... *Oikos*¹ крупного предприятия пронизывает всю жизнь города и порождает то явление, которое правомерно обозначается как промышленный феодализм... То же *mutatis mutandis*² верно и в отношении крупных административных бюрократий мет-

¹ *Oikos* (греч.) – дом, жилище, место обитания. – Прим. пер.

² *Mutatis mutandis* (лат.) – с соответствующими поправками, внеся необходимые изменения. – Прим. пер.

рополий, утрачивающих свой публичный характер (в социологическом смысле) в той мере, в какой они превращаются в крупные предприятия»¹ (S. 240–241). Поэтому, говорит Хабермас, американские авторы могут исследовать социальную психологию так называемой организации *Man*² без учета того, идет ли речь о частной компании, полупубличной корпорации или публично-правовом управлении – «организация» подразумевает крупное предприятие как таковое.

В сравнении с типичным частным предприятием XIX в. профессиональная сфера обособляется отныне в качестве квазипубличной сферы, отделенной от частной сферы, редуцированной до семьи. Сегодня свободное от работы время обозначает именно резервуар частного, в то время как вместе с работой по специальности начинается «служба». Правда, как деприватизация профессиональной сферы этот процесс предстает лишь из исторической перспективы частных собственников. Напротив, для рабочих и служащих он выступает в виде приватизации, причем в той мере, в какой они подчиняются – исключительно и нерегулируемо – уже не патриархальной власти, а психологической организации, обеспечивающей климат на предприятии для создания псевдоприватного комфорта.

В той мере, в какой становится независимой сфера профессии, обособляется в самой себе и семья. Начиная с либеральной эпохи

¹ Bahrdt H.P. *Öffentlichkeit und Privatheit als Grundformen städtischer Sozierung*, 1956, Manuskript, S. 43 ff.

² *Man* (нем., существительное, образованное от неопределенно-личного местоимения *man*) – понятие М. Хайдеггера, введенное им в «Бытии и времени» (*Sein und Zeit*, 1927; русск. изд.: *Бытие и время* / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997) при анализе «неподлинного существования» человека. Состояние «неподлинности» Хайдеггер определяет как исходное состояние человека, существование которого в качестве культурного существа неизбежно определяется исторически сложившимися и переданными традицией культурными и общественными нормами и образцами поведения. Негативной стороной данного культурного опосредования, к которому и отсылает понятие *Man*, является неосознаваемое следование человека в своей повседневной жизни заданным способам мышления и действия, тому, как *принято* действовать и думать, т. е. как думают и действуют другие, находя, например, «возмутительным» то, что находят «возмутительным» другие. Мир *Man* безличен, анонимен и основан на практике отчуждения, подчиняющей человека власти других, где другие предстают не в качестве конкретных других, а в качестве «любого другого». Бытие в качестве *Man* растворяет человека в усредненности, лишая его ответственности и ориентируя на заботу о настоящем, наличном бытии, требующем непрерывного практического преобразования. – *Прим. пер.*

структурная трансформация семьи характеризуется, с точки зрения автора, не столько утратой производственных функций в пользу потребительских, сколько своим прогрессирующим выделением из функционального комплекса общественного труда в целом. Даже патриархальная малая семья буржуазного типа давно уже не являлась производственной единицей; тем не менее она в значительной степени основывалась на семейной собственности, функционировавшей капиталистически. Ее сохранение, умножение и наследование было задачей частного лица как владельца товара и главы семьи в одном лице: процессы обмена буржуазного общества оказывали глубокое воздействие на личностные отношения между членами буржуазной семьи. «С утратой своего базиса, со сменой фамильной собственности индивидуальными доходами семья помимо своих функций в производстве, которые она в значительной мере уже утратила, лишается и функций для производства» (S. 242). Типичная для сегодняшних отношений редукция семейной собственности к доходам ее членов как индивидуальных получателей заработной платы отнимает у семьи к тому же и возможность самосодержания в случае нужды и самообеспечения в старости.

От классических рисков, прежде всего безработицы, несчастного случая, болезни, старости и смерти, сегодня в существенной мере защищает государство посредством социальных гарантий, включая базовые выплаты, как правило, в форме денежных дотаций. В отношении так называемых *basic needs*¹, которые буржуазная семья некогда должна была нести в качестве частных рисков, сегодня отдельный член семьи застрахован публично. Фактически, пишет Хабермас, происходит не только расширение каталога «типичных рисков», выходящего за рамки классических ситуаций нужды и включающего различного рода поддерживающие меры (услуги по приобретению жилья и трудоустройству, консультации по профессиональным вопросам и вопросам воспитания детей, поддержания здоровья и т. д.); компенсации все больше дополняются предупредительными мерами, фактически тождественными вторжению в новые, до сих пор бывшие частными сферы. Вместе с функциями накопления капитала семья постепенно утрачивает и функции выращивания и воспитания, защиты, заботы и руководства, даже передачи элементарной традиции и формирования ориентации. Она утрачивает силу формирования образцов поведения в целом в сферах, которые в буржуазной семье являлись внут-

¹ *Basic needs* (англ.) – базовые потребности. – Прим. пер.

ренными двориками частного. Таким образом, в определенной мере даже семья, этот остаток частного, лишается вследствие общественных гарантий своего статуса частной сферы. С другой стороны, семья теперь все более превращается в потребителя доходов и свободного времени, получателя публично гарантированных компенсаций и поддержки. Частная автономия сохраняется не столько в функциях контроля, сколько в функциях потребления; сегодня она состоит не столько из права распоряжаться со стороны тех, кто владеет товаром, сколько из способности наслаждаться со стороны тех, кто наделен правом на получение услуг. Как следствие, возникает «иллюзия усиленной приватности в интимной сфере, сведенной к области мелкосемейного сообщества потребителей» (S. 243). Опять же ряд функций частного владения заменяется публичными гарантиями статуса. Но в узких рамках этих прав и обязанностей со стороны государства социального обеспечения эта первичная утрата частной власти контроля имеет вторичный эффект разгрузки, поскольку потребление доходов, пособий на жизнь и свободного времени получает возможность развиваться еще «более частным образом». Хабермас резюмирует: «В зафиксированной Шельским тенденции к поляризации насыщенных публичной субстанцией крупных организаций, с одной стороны, и групп, сужающихся до пространства интимного существования, с другой, и, следовательно, тенденции к „возрастающему расщеплению между частной и публичной жизнью“¹, находит свое выражение эта сложная история развития» (S. 243).

В дополнение к освобождению от своих экономических задач, продолжает автор, семья утрачивает и свою силу в качестве агента личностной интернализации. Диагностированное Шельским движение в сторону овеществления внутрисемейных отношений соответствует развитию, в ходе которого семья как первичный агент общества оказывается все менее востребованной. Упразднение отцовского авторитета, к которому столь часто призывали, наблюдаемая во всех развитых индустриальных странах тенденция к выравниванию структуры внутрисемейного авторитета являются частью той же конфигурации. Отныне социализация отдельных членов семьи в значительной степени осуществляется внесемейными инстанциями, непосредственно самим обществом². Достаточно упомянуть, говорит Хабермас, хотя бы те явно педагогические

¹ Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart. Dortmund: Ardey Verlag, 1953. S. 20.

² Ср.: Marcuse H. Trieblehre und Freiheit // Frevel in der Gegenwart. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1957. S. 401–424.

функции, которые буржуазная семья вынуждена была передать формально школе, неформально – анонимным силам за пределами дома. Таким образом, семья, все более освобождающаяся от своих непосредственных связей с воспроизводством общества, лишь видимым образом удерживает за собой внутреннее пространство усиливающейся приватности: в действительности, наряду со своими экономическими задачами она утрачивает и охранительные функции. Именно экономическим требованиям патриархальной малой семьи соответствовала извне институциональная сила, направленная на формирование сферы внутренней жизни, которая сегодня, предоставленная сама себе, под непосредственным давлением на индивида внесемейных инстанций начала растворяться в сфере иллюзорной приватности (S. 244).

Это скрытое выхолащивание интимной сферы семьи находит, по мнению автора, свое архитектурное выражение в планировке городов и домов. Замкнутость частного дома, извне ясно подчеркнутая передним двором и забором, внутри – разделением и многочисленным членением помещений, сегодня уже не является нормой, как и, наоборот, с исчезновением салона, комнат для приема гостей в целом, его открытость социальным контактам публичной сферы оказалась под угрозой. Утрата приватной сферы и гарантированного доступа к публичности характерна для современного образа жизни в городе, неважно, получили ли старые формы жизни в больших городах по умолчанию новые функции в результате технико-экономического развития или на основе этого опыта сформировались новые формы поселения в пригородах.

Хабермас обращается здесь к Уильяму Уайту, описывающему американскую модель такого рода пригородного мира. Под давлением единообразия, возникающего в результате взаимодействий с соседями и архитектурно сформированного уже на уровне закладки общих внутренних дворов для ряда домов, в социально гомогенной среде прототипического пригородного поселения развивается «гражданская версия гарнизонной жизни»¹. Интимная сфера растворяется перед взглядами «группы». Тонкие стены обеспечивают на худой конец свободу передвижения, защищенного от взгляда, но отнюдь не от звука: они тоже берут на себя функции социальной коммуникации, которая с трудом отличима от социального контроля. «Приватность, – констатирует автор, – не некая данная в качестве факта среда обитания в доме, а то, что в каждом

¹ Whyte W.H. *Herr und Opfer der Organisation*. Düsseldorf: Econ, 1958. S. 282.

случае еще должно быть создано: „Чтобы обрести приватность, необходимо кое-что предпринять. Житель двора, например, ставит свое кресло к фасаду дома, а не к стороне, обращенной во двор, чтобы показать, что он не хочет, чтобы ему мешали“»¹ (S. 245). В той мере, в какой частная жизнь публикуется, публичная сфера сама принимает формы интимности – в «соседстве» предбуржуазная большая семья обретает новый образ. Здесь аспекты частной и публичной сфер вновь утрачивают четкость своего разделения. Публичные рационально-критические дискуссии, отмечает Хабермас, также становятся жертвой этой рефеодализации. «Дискуссия как форма общения уступает место фетишу вовлеченности в сообщество как таковое: „Не в уединенном самолюбивом созерцании реализуют себя“ – приватное чтение всегда было предпосылкой рационально-критической дискуссии в кругу буржуазной публики, – „а благодаря тому, что делают определенные вещи вместе с другими людьми; даже совместный просмотр телепрограмм помогает стать настоящим человеком“»² (S. 246).

Однако не только там, где современная городская планировка следует данной тенденции, но и везде, где существующая архитектура оказывается захваченной ею, можно наблюдать подобное разрушение отношений между частной и публичной сферами. Бардт продемонстрировал это на примере «блочной застройки», которая раньше, с ее фасадами домов в направлении улицы, соответственно отгороженными садами и дворами перед домами, способствовала как практическому разделению жилища внутри, так и целесообразной компоновке города в целом. В результате обусловленного транспортно-техническими требованиями функционального изменения улиц и площадей такая планировка сегодня уже не используется. Она не обеспечивает пространственно защищенной приватной сферы и не создает свободное пространство для публичных контактов и коммуникации, которые могли бы объединить частных лиц в публику. Хабермас приводит следующую цитату из Бардта, в которой тот резюмирует свои наблюдения: «Процесс урбанизации можно описать как прогрессирующую поляризацию общественной жизни в аспектах „публичности“ или „приватности“». При этом следует учесть, что между публичностью и приватностью всегда существует взаимозависимость. Без обеспечивающей защиты и поддержку частной сферы индивид втягивается в струю публичности, которая сама разрушается именно вследствие данного

¹ Whyte W.H. Cit. op. S. 352.

² Ibid. S. 353.

процесса. Если отсутствует конститутивный для публичной сферы момент дистанции, если ее члены вступают в тесный контакт друг с другом, публичная сфера превращается в массу... Социальная проблематика современного большого города состоит в настоящий момент не столько в том, что жизнь в нем слишком урбанизирована, сколько в том, что она вновь утратила существенные черты городской жизни. Взаимосвязь публичной и частной сфер разрушена. Она разрушена не потому, что житель большого города *per se* – человек массы и поэтому лишен какой-либо чувствительности к культивированию частной сферы, а потому, что ему уже не удается обозреть все более усложняющуюся жизнь города в целом таким образом, чтобы она предстала перед ним в качестве публичной. Чем более город в целом превращается в с трудом просматриваемые джунгли, тем более индивид замыкается в своей частной сфере, все более расширяющейся, однако в конечном счете начинает ощущать, что городская публичная сфера разрушилась, не в последнюю очередь потому, что публичное пространство извратилось до плохо упорядоченной территории тиранического движения транспортного потока»¹ (S. 246–247).

Сжатие частной сферы до внутренних зон малой семьи, существенно освобожденной от своих функций и в значительной мере утратившей свой авторитет, – скромное счастье домашнего уголка – лишь видимым образом является верхом интимности, говорит Хабермас, поскольку в той мере, в какой частные лица уходят из своих социально контролируемых ролей в качестве собственников в чисто «персональные» роли своего ни к чему не обязывающего досуга, они попадают под непосредственное влияние полупубличных инстанций, вне всякой защиты институционально гарантированного внутреннего пространства семьи. Поведение в часы досуга дает ключ к прожектору приватности новой сферы, к овнешнению того, что декларируется в качестве внутренней жизни. То, что сегодня отделяется от обособившейся сферы профессии в качестве области досуга, стремится занять пространство той литературной публичности, с которой некогда соотносилась субъективность, сформированная в сфере интимных отношений буржуазной семьи².

¹ Bahrdt H.P. Von der romantischen Großstadtkritik zum urbanen Städtebau // Schweizer Monatshefte. Heft 8. Jahrgang 38. Zürich: Gesellschaft Schweizer Monatshefte, 1958. S. 644 f.

² Ср.: Plessner H. Das Problem der Öffentlichkeit und die Idee der Entfremdung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1960. S. 9.

От публики культуры обсуждения к публике культуры потребления

С точки зрения Хабермаса, социальная психология того типа ориентированной на публику приватности, который на протяжении XVIII в. формируется исходя из системы опыта, относящейся к сфере интимных отношений малой семьи, дает объяснение как расцвету литературной публичности, так и определенным условиям ее упадка: место литературной публичности занимает псевдопубличная или мнимоприватная область культурного потребления. «Если в то время частные лица осознавали свою двойную роль в качестве *bourgeois*¹ и *homme*² и одновременно утверждали идентичность собственников вместе с „человеком“ как таковым, то они обязаны этим самоосознанием тому факту, что публичная сфера развилась из центра самой частной сферы» (S. 248). Хотя с точки зрения своих функций, замечает Хабермас, она была лишь предварительной формой политической публичной сферы, тем не менее эта литературная публичность уже носила своего рода «политический» характер, благодаря которому она отстранилась от сферы общественного воспроизводства.

Буржуазная культура не была всего лишь идеологией. Поскольку рационально-критические дискуссии частных лиц в салонах, клубах и читательских сообществах не были непосредственно подчинены циркуляции производства и потребления, диктату жизненной нужды; поскольку даже в своей лишь литературной форме (самопонимание на основе нового опыта субъективности) они обладали «политическим» характером в греческом смысле эмансипации от жизненно-необходимого, здесь смогла сформироваться как таковая идея гуманности, сведенная затем к идеологии.

Отождествление собственника с естественной личностью, человеком как таковым предполагает именно внутри частной сферы разделение между, с одной стороны, делами, которые частные лица преследуют для себя в интересах индивидуального воспроизводства своей жизни, и, с другой стороны, тем взаимодействием, которое объединяет частных лиц в качестве публики. Однако «как только и в той мере, в какой литературная публичность вырастает в область потребления, эта граница нивелируется» (S. 248–249). Так называемое поведение на досуге, по мнению Хабермаса, аполитично уже потому, что оно, будучи включено в цикл производства и потребления, не в состоянии конституировать мир, освобож-

¹ *Bourgeois* (фр.) – буржуа, гражданин. – Прим. пер.

² *Homme* (фр.) – человек. – Прим. пер.

денный от жизненно необходимого. Если досуг остается в плену рабочего времени в качестве его дополнения, он оказывается не более как зоной для преследования частных дел, не трансформируемых в публичную коммуникацию частных лиц друг с другом. Единичное удовлетворение потребностей хотя и может осуществляться публично, а именно в обществе множества людей, однако это еще не порождает собственно публичность. Если законы рынка, правящие в сфере товарооборота и общественного труда, проникают и в сферу, зарезервированную для частных лиц как публики, рационально-критическая дискуссия проясляет тенденцию к тому, чтобы трансформироваться в потребление, а система публичной коммуникации распадается на акты единичного восприятия, однообразные по своей форме.

Именно вследствие этого приватность, имеющая своим референтом публику, превращается в собственную пародию. Те литературные образцы, которые некогда были выкроены из ее материала, курсируют сегодня в качестве открытой тайны производства запатентованной культурной индустрии, продукты которой, публично распространяясь с помощью массмедиа, и производят, в свою очередь, в сознании потребителей иллюзию буржуазной приватности. Это социально-психологическое изменение первоначального отношения между интимной сферой и литературной публичностью социологически связано со структурной трансформацией самой семьи.

С одной стороны, частные лица могут освободить себя от идеологической привязки к своей двойной роли в качестве *bourgeois* и *homme*; однако, с другой стороны, это отделение интимной сферы от основы капиталистически функционирующей собственности – которое, как кажется, делает возможным реализацию ее идей в публичной сфере эмансипированных частных лиц – породило новые отношения зависимости. «Автономия частных лиц, которая теперь уже не основывается на исконном распоряжении частной собственности, могла бы реализоваться как автономия, производная от публичных статусных гарантий приватности, лишь в том случае, если бы «люди» (уже не в качестве *bourgeois* как раньше, а (в качестве *citoyen*¹) сами получили контроль над этими условиями своего приватного существования благодаря политически функционирующей публичности» (S. 249). При данных обстоятельствах, отмечает автор, на это рассчитывать не приходится. Но если граждане в рамках своего семейного существования не могут извлечь

¹ *Citoyen* (фр.) – гражданин. – Прим. пер.

автономию ни из права распоряжаться частной собственностью, ни из участия в политической публичной сфере, ни то ни другое не имеет места: с одной стороны, нет более никакой институциональной поддержки для индивидуализации личности по модели «протестантской этики»; с другой стороны, отсутствуют социальные условия, которые могли бы заменить путь классической интериоризации образовательным путем «политической этики» и тем самым дать процессу индивидуализации новое основание¹ (S. 250). Буржуазный идеальный тип предполагал, что из базирующейся на прочных основаниях интимной сферы субъективности, имеющей своим референтом публику, сформируется литературная публичность. Вместо этого последняя становится сегодня каналом для социальных сил, внедряемых посредством массмедийной публичности культуры потребления во внутреннее пространство малой семьи. Лишенная приватности область интимных отношений выхолщивается посредством массмедиа, а утратившая свой литературный характер псевдопубличная сфера сужается до зоны доверительности своего рода сверхсемьи.

Начиная с середины XIX в. институты, которые до сих пор обеспечивали взаимосвязь публики как рационально-критически дискутирующей общности, оказались подорваны. Семья утрачивает функцию «зоны литературной пропаганды»; отныне уже «беседа» выступает идилической формой преобразования, в которой малая городская семья среднего класса впитывает и в целом лишь имитирует живую образовательную традицию культуры чтения большой буржуазной семьи предшествующих поколений. Поэтические альманахи и журналы, традиция которых в Германии утверждается вместе с Лейпцигским и Гёттингенским альманахами в 1770 г. и продолжается Шиллером, Шамиссо и Швабом в следующем столетии, около 1850 г. сменились тем типом литературного семейного журнала, который благодаря таким успешным издательским предпрятиям, как *Westermanns Monatshefte* или даже *Gartenlaube*, коммерчески стабилизировал почти уже ставшую идеологией культуру чтения. Однако даже он все еще имеет своей предпосылкой семью в качестве зоны резонанса. Последняя между тем разрушена. Программные литературные журналы, выступавшие с конца XIX в. в качестве полемической платформы для меняющегося вместе с модой авангарда, никогда не имели и даже не

¹ Ср.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: Изд-во «АСТ», 2002.

искали связи с тем слоем буржуазии, который проявлял интерес к культуре. В ходе структурной трансформации буржуазной семьи литературные журналы для семейного чтения вышли из употребления сами собой. Их место сегодня занимают популярные иллюстрированные журналы (финансируемые рекламодателями и распространяемые службами подписки) как свидетельства культуры, уже не доверяющей силе буквы, вопреки заявленной ими цели роста объема продаж книг.

Вместе с утратой семьей своих связей с литературой выходит из моды и буржуазный «салон», дополнявший и отчасти сменивший читательские общества XVIII в. В XX в. буржуазные формы общительности обрели свои субституты, для которых – при всем их региональном и национальном многообразии – характерна, пишет Хабермас, одна общая черта: воздержание от литературной и политической рационально-критической дискуссии. В новой модели дружеская дискуссия отдельных индивидов уступает место более или менее ни к чему не обязывающим формам групповой активности. Последние также обретают прочные формы неформальных встреч; однако им не достает той специфической силы института, которая некогда обеспечивала взаимосвязь дружеских контактов в качестве субстрата публичной коммуникации – вокруг *group activities* не образуется публики. Отношение, характерное для ориентированной на публику приватности, отсутствует и в совместном посещении кино, прослушивании радио или просмотре телепередач. Коммуникация публики, рационально-критически обсуждающей события культурной жизни, основывается на чтении литературы, которым занимаются в уединении домашней приватной сферы. Напротив, характерные для публики культуры потребления формы активности в свободное от работы время как таковые реализуются в социальной обстановке, не нуждаясь в том, чтобы иметь еще какое-либо продолжение в дискуссии. Вместе с приватной формой усвоения исчезает и публичная коммуникация по поводу того, что усваивается. Их диалектическое взаимоотношение беспрепятственно нивелируется в социальной структуре групповой активности (S. 251–252).

С другой стороны, сохраняется и тенденция к ведению публичной рационально-критической дискуссии. Конфессиональные академии, политические форумы, литературные организации обязаны своим существованием критическому обсуждению культуры, достойной дискуссии и нуждающейся в комментарии; радиостанции, издательства и ассоциации превратили дискуссии перед аудиторией в процветающий источник дополнительного дохода. Дис-

куссия, как кажется, тщательно культивируется и не имеет преград для своего распространения. Однако в своей основе она претерпела специфическую трансформацию: она сама принимает образ товара потребления. Хотя, отмечает Хабермас, некогда коммерциализация культурных благ выступала *предпосылкой* для рационально-критической дискуссии, последняя тем не менее в принципе была исключена из процессов рыночного обмена, оставаясь центром той сферы, в которой владельцы частной собственности стремились встретиться друг с другом в качестве «человеческих существ» и лишь в качестве таковых. Грубо говоря, нужно было заплатить за книги, театр, концерт и музей, но не за разговор о том, что было прочитано, прослушано и увидено и могло быть полностью усвоено лишь в процессе подобного рода разговора. Сегодня разговором как таковым еще и управляют. Профессиональные диалоги с подиума, дискуссии перед аудиторией, организуемые в форме ток-шоу круглые столы – рационально-критическое обсуждение становится программным номером звезды радио и телевидения, достаточно выгодным с точки зрения продажи в кассе входных билетов, оно обретает товарную форму даже на конференциях, где каждый может «принять участие». Включаясь в «бизнес», дискуссия формализуется; представление позиций и контрпозиций ограничено заранее заданными правилами игры; согласие относительно формы общения делает в значительной мере излишним согласие относительно предмета обсуждения. Постановка проблемы определяется как вопрос этикета; конфликты, разрешавшиеся некогда в пространстве публичной полемики, переводятся в плоскость межличностных разногласий. Организуемая подобным образом рационально-критическая дискуссия выполняет, несомненно, важные социально-психологические функции, прежде всего функцию успокоительного заместителя действия; ее публицистическая функция между тем все более утрачивается.

В расширенной форме рынка досуга рынок культурных благ получает новые функции. Хотя некогда непривычная для производителей литературы и искусства, философии и науки товарная форма и не была настолько внешней для них, чтобы не позволить им именно благодаря рынку конституироваться в качестве автономных продуктов культуры, освободившейся, как кажется, от практики, однако публика, для которой они тем самым стали доступны, относилась к ним как к предметам суждения и вкуса, свободного выбора и предпочтения. Именно благодаря коммерческому опосредованию возникли критические и эстетические отношения, конституировавшиеся как независимые от чистого по-

ребления. Однако именно по этой причине функция рынка ограничивалась распределением культурных благ и их изыманием из эксклюзивного пользования меценатами и возвышенными ценителями искусства. Меновая стоимость, отмечает автор, еще не оказывала влияния на качество самих товаров: до сегодняшнего дня бизнесу культурных благ была свойственна определенная несовместимость между данным рода продуктами и их товарной формой. Не случайно, конечно, что специфическое для той или иной отрасли сознание все так же продолжает сохраняться лишь внутри определенных резерваций; ведь законы рынка уже проникли в сущность самих произведений, стали имманентны им в качестве законов формирования. Уже не только распределение и отбор, презентация и оформление произведений, но и само их производство в разносторонних областях культуры потребления ориентируются на стратегию сбыта. Определенно, массовая культура получает свое сомнительное имя именно благодаря тому, что увеличивает свой товароборот в результате подгонки под потребности в расслаблении и развлечении определенных групп потребителей с относительно низким уровнем образования вместо того, чтобы, напротив, расширять свою публику, приобщая ее к культуре, сохраняющейся неприкосновенной в своей сущности (S. 253–254).

Именно таким старомодным способом, говорит Хабермас, в конце XVIII в. расширилась публика образованных сословий, включив в себя представителей мелкой буржуазии. Во множестве мест в то время мелкие торговцы, исключенные в большинстве случаев в качестве владельцев торговых лавок из буржуазных клубов, основывали свои собственные ассоциации; еще более распространенными были объединения ремесленников, всецело имевшие форму читательских обществ. Как правило, речь при этом шла об ответвлениях буржуазных читательских обществ: управление, а также отбор литературы для чтения осуществлялись знатно, стремившейся, вполне в духе просвещения, привнести образование в так называемые низшие сословия. Образован тот, кто владеет энциклопедией; этот стандарт постепенно перенимают и мелкие лавочники и ремесленники. Не культура опускается до уровня массы, а «народ» поднимается до ее уровня.

Соответственно, считает Хабермас, «необходимо строго различать функции рынка в зависимости от того, обеспечивает ли он публике доступ к культурным благам и затем, по мере снижения цены продуктов, *облегчает* ли он в экономическом отношении этот доступ для все более широкой публики; или же он приспособ-

ливает сущность культурных благ к своим собственным потребностям таким образом, что *облегчает в психологическом отношении доступ к ним широких слоев общества*» (S. 254). В той мере, в какой культура становится товаром не только по своей форме, но и по содержанию, она избавляется от таких аспектов, восприятие которых предполагает определенный уровень воспитания, где «умелое» усвоение, в свою очередь, повышает само умение. Реверсивное отношение между коммерциализацией культурных благ и степенью их комплексности устанавливает не стандартизация как таковая, а то специфическое препарирование продуктов, которое делает их готовыми к потреблению, а именно гарантирует, что они могут быть восприняты без строгих предпосылок и, разумеется, без ощутимых последствий. Отношение к культуре тренирует, в то время как потребление массовой культуры не оставляет никаких следов; оно опосредует тот тип опыта, который является регрессивным¹, а не кумулятивным.

Обе функции рынка культурных благ – облегчение доступа либо лишь в экономическом, либо лишь в психологическом плане – не обязательно идут рука об руку. Это демонстрирует, вплоть до сегодняшнего дня, существенный для рационально-критического обсуждения литературы сектор – книжный рынок, находящийся под влиянием двух взаимодополняющих феноменов. Благодаря реализуемым в больших тиражах сериям книг в мягкой обложке для относительно небольшого слоя образованных и готовых образовываться читателей (преимущественно школьников и студентов) становится доступной литература высокого качества, для приобретения которой – в стандартной твердой обложке – их покупательная способность оказалась бы недостаточной. Хотя привлекательный дизайн и хорошо продуманная организация сбыта этого типа книг (как никакого другого) придает им видимость товара, препарированного для легкого потребления и быстрого износа, рынок в данном случае демонстрирует эмансипирующую функцию исключительно экономического облегчения доступа к товару. Содержание книг в мягкой обложке остается в целом не затрагиваемым законами массового производства, которому они обязаны своим распространением.

Даже книжные общества, отмечает Хабермас, образовавшиеся после Первой мировой войны и контролируемые сегодня уже

¹ Cp.: Adorno Th.W. Über den Fetischcharakter in der Musik und die Regression des Hörens // Adorno Th.W. Dissonanzen. Musik in der verwalteten Welt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. S. 9 ff.

большую часть рынка, уменьшают издательские риски и снижают цену отдельного экземпляра. Стратегия распродаж и организация сбыта, обходящие розничную торговлю и сокращающие возможности выбора потребителей в той же мере, в какой они усиливают связь редактора с потребностями массового вкуса, облегчают, тем не менее, этим потребителям из преимущественно низших социальных слоев доступ к литературе не только экономически. Скорее, они психологически снижают «входные требования» таким образом, чтобы литература сама приспособлялась к удобству и легкости восприятия с меньшими требованиями. Этот пример ясно показывает, считает автор, насколько социально-психологический критерий культуры потребления, а именно критерий некумулятивного опыта, согласуется с социологическим критерием деструкции публичной сферы. Книжные общества лишают огромную массу беллетристики не только ассортимента, но и критики. Внутреннее средство рекламы иллюстрированных журналов современных обществ читателей – как единственная связь между издателями и читателями – производит короткое замыкание коммуникации. Книжные общества управляют своей клиентурой непосредственно из издательств – и по ту сторону литературной публичности. С другой стороны, с этим может быть связано и ослабление позиций самой критики, в рамках которой некогда институционализировалось профанное суждение частных лиц, проявляющих интерес к литературе (S. 256–257).

С точки зрения автора, тенденция литературной публичности к распаду становится очевидной в ее полном масштабе лишь в том случае, если сравнить увеличение читающей публики за счет включения в нее почти всех слоев населения с реальным распространением литературы для чтения. В Федеративной Республике Германия, пишет Хабермас, более трети всех потенциальных читателей вообще не читают книг, более двух пятых не покупают их; с этими данными сопоставимы и аналогичные показатели в англосаксонских странах и Франции. По этой причине смена читающей публики, рационально-критически дискутирующей по поводу культуры, массовой публикой потребителей культуры не отражается адекватным образом в масштабе книжного рынка. «Данный процесс задействует иные трансформаторы, нежели *par excellence* буржуазное образовательное средство – книгу» (S. 257).

Показательно, отмечает автор, что первой газетой с массовым тиражом более чем 50 000 экземпляров был орган чартистского движения – *Political Register* Коббета, выходящий с 1816 г. Экономическое положение, толкающее массы к участию в политиче-

ской публичной сфере, не дает им однако того уровня образования, который бы сделал для них возможным участие подобного рода и на том же уровне, что и для буржуазных читателей газет. Поэтому в скором времени пенни-пресса, достигшая в начале 1930-х гг. тиража в 100 000–200 000 экземпляров, и (в середине столетия) еще более распространенная воскресная пресса предоставляют средства «психологического облегчения», формирующие с тех пор лицо коммерческой массовой прессы. Параллельные процессы развития намечаются после Июльской революции в Париже с началом работы Эмиля Жирардена и в США вместе с запуском *New York Sun* Бенджамина Дэя. Это продолжается еще столетия, пока Пулитцер не приобретает *New York World*, а в Лондоне не начинает издаваться *Lloyd's Weekly Newspaper* тиражами, которые весьма скоро приблизились к миллионной отметке, и с помощью методов «желтого журнализма» действительно проникли в широкие массы. Свое имя *Yellow Journalism* сенсационная пресса 80-х гг. XIX в. получает из-за желтого цвета серии комиксов (репрезентативной фигурой которых выступает *Yellow Kid*¹). «Техники *cartoon*, *news picture* и *human interest story*² рождены, конечно, репертуаром воскресной прессы, которая еще до этого преподносила свои *news* и *fictional stories* столь же оптически эффективно, сколь и литературно невзыскательно» (S. 258). Примерно с конца XIX столетия «американская» форма массовой прессы утверждается и на континенте.

Массовая пресса основывается на коммерческом переопределении функций участия широких слоев в публичной сфере. Благодаря данному переопределению главным образом массы получают доступ к публичной сфере. Эта расширявшаяся публичная сфера утрачивает между тем свой политический характер в той мере, в какой средства «психологического облегчения» стали самоцелью коммерчески ориентированной потребительской позиции. Уже на примере ранней пенни-прессы можно наблюдать, как она за максимизацию объема своих продаж платит деполитизацией содержания.

¹ *Yellow Kid* (англ.) – *Желтый мальш*, серия комиксов, которые в 1896 г. начала печатать на своих страницах *New York World*; комиксы были черно-белыми, за исключением одеяния их главного героя, раскрашенного в желтый цвет, что сразу приковывало внимание. – *Прим. пер.*

² *Cartoon* (англ.) – карикатура; *news picture* (англ.) – иллюстрированные новости; *human interest story* (англ.) – увлекательные или необычные сообщения об обычных людях, интересные для широкой публики. – *Прим. пер.*

Журналистские принципы иллюстрированной газеты имеют почтенную традицию, пишет Хабермас. По сравнению с расширением читающей газеты публики пресса, поднимающая политические вопросы для рационально-критического обсуждения, утрачивает – если смотреть в долгосрочной перспективе – свое влияние. Напротив, примечательным образом начинает доминировать потребляющая культура публики, являющаяся наследницей скорее публичной сферы литературы, нежели политики.

Разумеется, потребление культуры в значительной степени освободилось от литературного опосредования. Невербальные сообщения или такие, которые если и не переведены всецело в образ и звук, то все же опираются на оптические и акустические средства, в большей или меньшей степени вытесняют классические формы литературного производства. Даже в ежедневной прессе, стоящей к ним ближе всех, можно наблюдать данный тренд. Яркий шрифт и пестрая верстка с многочисленными иллюстрациями поддерживают чтение, пространство спонтанности которого в целом ограничено предварительной формовкой материала. Редакторские оценки отстают перед информацией пресс-агентств и сообщениями корреспондентов; рационально-критическое обсуждение исчезает под вуалью внутренних решений относительно отбора и представления материала. Кроме того, изменяется доля политических или политически релевантных новостей: они не только вытесняются сообщениями о коррупционных скандалах, курьезных происшествиях, авариях, катастрофах, спортивных достижениях, социальных событиях и т. д., но и меньше и реже читаются. Наконец, новости принимают определенную форму облачения, уподобляясь, начиная от формата и заканчивая стилистическими деталями, рассказу (*news stories*); от строгого разделения между *fact* и *fiction* все чаще отказываются. Новости и сообщения, даже редакторские оценки экипируются аксессуарами развлекательной литературы, в то время как беллетристические сочинения строго «реалистически» ориентируются на удвоение и без того уже клишированной реальности и, в свою очередь, нивелируют границу между романом и репортажем (S. 259–260).

То, что таким образом в ежедневной прессе лишь намекает о себе, в новых массмедиа развивается дальше: интеграция некогда разделенных областей публицистики и литературы, а именно информации и рационально-критического обсуждения, с одной стороны, и беллетристики, с другой, осуществляет своеобразное смещение реальности, точнее смещение различных уровней реальности. «Под общим знаменателем так называемого *human interest*

возникает *mixtum compositum* приятного и одновременно приемлемого развлекательного материала, имеющего тенденцию к замещению должной оценки реальности готовностью к потреблению и скорее соблазняющего к безличному потреблению расслабляющих раздражителей, нежели к публичному употреблению разума» (S. 260). Радио, фильм и телевидение устраняют дистанцию, которую читатель должен был удерживать к печатным буквам, – дистанцию, требовавшую приватности усвоения в той же степени, в какой она собственно и делала возможной публичность рационально-критического обмена по поводу прочитанного. Вместе с новыми массмедиа изменяется и форма коммуникации как таковой; по этой причине они оказывают более пронизывающее (в строгом значении этого слова) воздействие, нежели на это способна была когда-либо пресса. «В сравнении с печатными сообщениями транслируемые новыми медиа передачи специфическим образом сокращают реакции своих адресатов. Они захватывают в свой плен глаза и уши публики и одновременно лишают ее дистанции „совершеннолетия“, т.е. возможности говорить и способности возражать. Рационально-критическая дискуссия читающей публики уступает „вкусу“ и „обмену пристрастиями“ потребителей, даже речь о потребленном, „проверка вкусов“, становится частью потребления» (S. 261).

С точки зрения Хабермаса, производимый массмедиа мир является лишь иллюзией публичной сферы. Однако и целостность частной сферы, которую они обещают своим потребителям, оказывается иллюзорной. На протяжении XVIII в. буржуазная читающая публика имела возможность культивировать в рамках обмена интимными письмами, а также чтения развившихся отсюда психологических романов и новелл субъективность, соотносящуюся с литературой и ориентированную на публичность. В рамках этой формы частные лица интерпретировали новые способы своего существования, основывавшиеся на либеральном отношении между публичной и частной сферами. Опыт приватности делал возможным литературный эксперимент с психологией всего-лишь-человеческого, с абстрактной индивидуальностью естественной личности. По мере того, как сегодня массмедиа очищают такого рода буржуазное самопонимание от его литературных оболочек и используют их в качестве пользующихся спросом форм публичных услуг потребительской культуры, первоначальный смысл меняется на противоположный. С одной стороны, социализированные образцы психологической литературы XVIII в. переносили иллюзию цельной частной сферы и ненарушенной частной автономии на отно-

шения, которые давно уже ликвидировали основание для обеих. С другой стороны, они были навязаны и политическим обстоятельствам в такой степени, что публичная сфера сама приватизировалась в сознании потребляющей публики. Действительно, публичная сфера становится сферой для опубликования частных биографий, будь это с целью предать публичности случайные судьбы так называемого маленького человека или планомерно выстраиваемый жизненный путь выдающихся личностей, будь это для того, чтобы облачить публично релевантные события и решения в костюм приватности и путем такого рода персонализации искazać их до неузнаваемости. Неизбежно вытекающие отсюда сентиментальность по отношению к личности и соответствующий цинизм по отношению к институтам, естественно, ограничивают субъективную способность к рационально-критическому суждению в отношении публичной власти даже там, где это еще было возможно объективно.

Некогда обеспечивавшее защиту пространство семейной сферы интимных отношений даже в слоях, которые раньше причислялись к «образованным», оказалось разрушено настолько, что приватное чтение романов и обмен письмами утратили свою силу в качестве предпосылок для участия в литературно опосредованной публичной сфере. Что касается поведения буржуазной читающей публики, можно считать несомненным тот факт, отмечает автор, что распространенность чтения книг среди широкой публики массмедиа стремительно снижается. В равной мере исчезает привычка обмениваться личными письмами. Во множестве случаев она заменяется участием в письменном диалоге, который ведут со своей аудиторией редакции газет и журналов, а также радио- и телестанции. В целом массмедиа предъявляют себя в качестве адресатов личных нужд и трудностей, в качестве авторитетных консультантов по жизненным проблемам: они щедро предоставляют возможность идентификации – своего рода регенерации частной сферы из доступного фонда публичных служб поддержки и консультации. «Первоначальное отношение интимной сферы к литературной публичности переворачивается: внутренняя жизнь, имеющая своим референтом публичность, подчиняется овеществлению, имеющему своим референтом интимные отношения» (S. 263). Проблематика частного существования в известной степени поглощается публичностью, получая под руководством публичных агентств если не разрешение, то хотя бы распространение. С другой стороны, именно благодаря такого рода опубличиванию, в ходе которого создаваемые массмедиа

сферы принимают черты вторичной интимности, усиливается осознание приватности¹.

Этому социально-психологическому диагнозу, пишет Хабермас, в социологическом плане не соответствует, вопреки распространенному мнению, допущение, согласно которому публика лишь на периферии «размывается» полуобразованными массами потребителей, сохраняя в центре (главным образом в высших слоях нового среднего класса) определенную непрерывность традиции с теми частными лицами XVIII и начала XIX в., которые вели литературные рационально-критические дискуссии. В противном случае следовало бы ожидать, что институты и образцы поведения новой культуры потребления скорее и быстрее будут распространяться в низших социальных слоях, чем в высших. Современная ситуация не отражает данного допущения. Скорее, указывает автор, регулярное чтение воскресных иллюстрированных журналов и бульварных газет, регулярное прослушивание и просмотр радио- и телепередач, а также регулярное посещение кино все более распространяются в группах с более высоким статусом и среди городского населения, чем в низших статусных группах и среди сельского населения. Практически без исключения такого рода потребление культуры растет вместе со статусом, измеряемым по критериям профессиональной позиции, дохода и формального образования, а также степени урбанизации. С одной стороны, не следует с легкостью проецировать назад пути расширения публики исходя из ее сегодняшнего состава таким образом, как если бы в круг буржуазно-городской читающей публики тех «образованных сословий» втягивались все новые пограничные слои. С другой стороны, фактическое положение дел исключает и противоположную версию, согласно которой публика массмедиа взорвала и вытеснила прежнюю публику «снизу», со стороны рабочих слоев, и «извне», со стороны сельского населения. Факты социальной истории скорее склоняют к тому, чтобы до определенной степени экстраполировать то расширение публики, которое можно наблюдать с началом распространения телевидения в США, на расширение и одновременное преобразование рационально-критически дискутирующей публики в потребляющую культуру публику, в том числе и на ранних стадиях. Было установлено, что в США среди групп, которые

¹ Таковую же взаимодополняемость тенденции, с одной стороны, к «деинтериоризации» и, с другой, к дифференциации и индивидуализации, реактивно производящих иллюзию приватности, анализирует Кнебель на примере группового туризма: Knebel H.J. *Soziologische Strukturwandlungen im modernen Tourismus*. Stuttgart: Enke-Verlag, 1960. S. 124 ff.

первыми решили приобрести телевизор, преобладали такие покупатели, уровень формального образования которых не соответствовал их величине дохода. Если позволить себе некоторое обобщение, пишет автор со ссылкой на Майерсона¹, то слои потребителей, в которые первыми проникли новые формы массовой культуры, не относятся ни к уже сформировавшемуся образованному слою населения, ни к нижним социальным слоям, а в большинстве случаев к таким находящимся на подъеме группам, статус которых еще нуждается в культурной легитимации. Внедряясь с помощью этих начальных групп, новый медиум распространяется сначала внутри высшего социального слоя, а оттуда постепенно и на низшие статусные группы (S. 263–265).

Исходя из подобного рода взаимосвязей можно объяснить, полагает автор, и отщепление «интеллигенции» от образованных слоев буржуазии. Последние вполне утвердили, вопреки своему идеологически консервируемому самопониманию, свою руководящую роль (сейчас, разумеется, уже не столь выдающуюся) даже среди новой публики потребителей культуры. Хабермас приводит в качестве показательного примера роман Самюэля Ричардсона «Памела», о котором можно было бы сказать, что он читался всей публикой, т.е. «всеми», кто вообще читал. Это интимное отношение художника и литератора к своей публике ослабевает начиная с эпохи натурализма. Современное искусство живет отныне под вуалью пропаганды. Признание художника и произведения в печати находится не более как в случайной связи с его признанием широкой публикой. Именно теперь возникает «интеллигенция», которая начинает все более изолироваться от публики образованной буржуазии. Свою изоляцию она объясняет как – иллюзорную – эмансипацию от социального местоположения в целом и интерпретирует себя в качестве «свободнопарящей интеллигенции». Хаузер, пишет Хабермас, также датирует ее зарождение примерно серединой XIX в.: «Лишь после своей победы над Революцией и низложения чартизма буржуазия почувствовала себя настолько уверенной в своей власти, что уже не терзала себя более внутренними конфликтами и угрызениями совести и полагала, что более не нуждается в критике. Тем самым образованная элита, особенно ее литературно продуктивная часть, утрачивает чувство, что она должна выполнять определенную общественную миссию. Она рас-

¹ См.: Meyersohn R. Social Research in Television // White D.M. and Rosenberg B. (eds.) Mass Culture: The Popular Arts in America. New York: The Free Press of Glencoe, 1957. P. 347.

смагивает себя отрезанной от того общественного класса, чьим выразителем она до сих пор была, и чувствует себя абсолютно изолированной между необразованными слоями и буржуазией, которая в ней больше не нуждается. Именно вместе с этим чувством и возникает из раннего, укорененного в буржуазии образованного слоя та социальная группа, которую мы называем „интеллигенцией“»¹ (S. 265–266). Правда, столетием позже, отмечает Хабермас, эта интеллигенция оказывается полностью социально интегрированной. Группа хорошо оплачиваемых работников культуры поднялась от люмпен-пролетарской богемы до осуществляющей управление бюрократической элиты.

В этом феномене вновь суммируется распад литературной публичности. Резонаторный экран образованного слоя, обученного публичному употреблению разума, дал трещины; публика расщепляется на образующих меньшинство специалистов, не употребляющих свой разум для публичного рационально-критического обсуждения, и огромную массу потребителей, занятых публичным восприятием. Как следствие, утрачивается в целом специфическая форма коммуникации публики.

Траектории распада буржуазной публичной сферы

С точки зрения Хабермаса, вместе с трансформацией публики – из рационально-критически дискутирующей по поводу культуры в потребляющую культуру публику – утрачивает свой специфический характер то, что некогда еще могло быть отделено в качестве литературной публичности от сферы политической. Распространяемая массмедиа «культура» является культурой интеграции. «Она не только интегрирует информацию и рационально-критическую дискуссию, публицистический формат с литературными формами психологической беллетристики в единую комбинацию определяемого *human interest* развлечения и „консультаций по жизненным вопросам“; она достаточно эластична, чтобы одновременно ассимилировать и элементы рекламы, даже самой служить в качестве своего рода суперслогана» (S. 267). Публичная сфера берет на себя функции рекламы. Чем более она используется в качестве средства политического и экономического влияния, тем более аполитичной в целом и псевдоприватной она становится.

¹ Hauser A. Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. 2 Bde. München: Beck, 1953. Bd. II. S. 379.

Модель буржуазной публичной сферы, напоминает Хабермас, предполагала строгое разделение публичной и частной сфер, причем публичная сфера, состоявшая из собиравшихся вместе в качестве публики частных лиц и выражавшая государство вместе с потребностями общества, сама рассматривалась как часть частной сферы. По мере скрещения публичной и частной сфер эта модель становится неприменимой. Возникает реполитизированная социальная сфера, не поддающаяся описанию в категориях публичности или приватности ни с социологической, ни с юридической точки зрения. В этой промежуточной сфере государственные сферы общества и обобщественные сферы государства проникают друг в друга без какого-либо опосредования политическими рационально-критическими дебатами между частными лицами. Публика в значительной степени освобождается от данной задачи благодаря иным институтам: с одной стороны, благодаря ассоциациям, в которых коллективно организованные частные интересы стремятся напрямую придать себе политическую форму; с другой стороны, благодаря партиям, которые, сросшись с органами публичной власти, утверждаются, так сказать, *над* публичной сферой, инструментами которой они некогда были. Процесс политически релевантного осуществления и уравнивания власти развертывается непосредственно между органами частного управления, ассоциациями, партиями и органами публичного управления. Публика как таковая вовлекается в этот круговорот власти лишь спорадически и даже в этих случаях лишь с целью аккламации. В той мере, в какой частные лица являются получателями зарплаты или жалованья и имеют право на получение пособий, они вынуждены перепоручать свои публично релевантные требования коллективному представительству. Однако и решения, принятие которых оставлено за ними самими как потребителями и избирателями, оказываются под влиянием экономических и политических инстанций в той мере, в какой им может быть приписана публичная релевантность. В той мере, в какой общественное воспроизводство еще зависит от потребительских решений, а осуществление политической власти – от избирательных решений частных лиц, имеется заинтересованность в том, чтобы оказывать на них влияние – в первом случае с целью увеличения продаж, во втором – с целью формального увеличения доли голосов той или иной партии либо неформального оказания большего противовеса давлению со стороны определенных организаций. Социальное пространство частных решений хотя и предопределено такими объективными факторами, как покупательная способность и групповая принадлежность, социоэкономи-

ческий статус в целом, однако внутри данного пространства эти решения тем скорее подпадают под влияние, чем более переворачивается первоначальное соотношение между интимной сферой и литературной публичностью и происходит публицистическое выхолащивание частной сферы. Таким образом потребление культуры также поступает на службу экономической и политической агитации. В то время как прежде отношение литературной публичности к политической являлось конститутивным для центральной идентификации собственника с «человеком» как таковым, без растворения обоих друг в друге, сегодня наблюдается тенденция к поглощению плебисцитной «политической» публичной сферы сферой, деполитизированной потреблением культуры (S. 268–269).

Маркс, пишет Хабермас, разделял перспективу неимущих и неграмотных масс, которые, не удовлетворяя условиям допуска в буржуазную публичную сферу, тем не менее проникли в нее, чтобы преобразовать экономические конфликты в единственно предвещающую успех форму – форму политического конфликта. Маркс считал, что они не будут использовать институционализированную в рамках правового государства платформу публичной сферы для ее разрушения, а сделают ее тем, чем она в соответствии со своим либеральным обликом и претендовала всегда быть. В действительности же, полагает Хабермас, оккупация политической публичной сферы массами неимущих привела к скрещению государства и общества, которое лишило публичную сферу ее старого основания, не дав взамен нового. Интеграции публичной и частной сфер соответствовала дезинтеграция публичной сферы, которая некогда опосредовала государство и общество. Данная функция опосредования переходит от публики к такого рода институтам, которые образовались либо из частной сферы, подобно ассоциациям, либо из публичной, подобно партиям, и занимались осуществлением и уравновешиванием власти в сотрудничестве с государственным аппаратом, рассматривая это в качестве своих внутренних дел. В то же время они стремились посредством массмедиа, в свою очередь, обретших автономию, добиться одобрения или по крайней мере терпимости со стороны медиатизированной публики. «Публичность (Publizität) разворачивается, так сказать, сверху, с тем чтобы обеспечить определенные позиции аурой *good will*¹. Первоначально публичность гарантировала связь публичной рационально-критической дискуссии как с законодательным обоснованием господства, так и с критическим контролем за его проявлением.

¹ *Good will* (англ.) – добрая воля, доброжелательность. – Прим. пер.

Между тем она делает возможной своеобразную амбивалентность господства, проявляемую в господстве непубличного мнения: она служит манипулированию публикой в той же мере, в какой и легитимации до нее. Критическая публичность вытесняется манипулятивной» (S. 270).

То, как вместе с принципом публичности (Publizität) изменяется одновременно и идея политически функционирующей публичной сферы (Öffentlichkeit) наряду с ее реальными функциями, проявляется в том, что взаимосвязь – на которую все еще претендует либерализм – публичной дискуссии и правовой нормы распадается и уже не востребуется. Либеральное понятие правовой нормы (к которой привязаны исполнительная и судебная власти в равной мере, если и не одинаковым образом) подразумевало элементы всеобщности и истинности: справедливость = правильность. Его структура отражает структуру буржуазной публичной сферы, поскольку, с одной стороны, всеобщность законов в строгом смысле гарантируется лишь до тех пор, пока ненарушаемая автономия общества в качестве частной сферы позволяет исключать частные интересы из законодательной материи и ограничивать нормирование общими условиями примирения интересов. С другой стороны, «истинность» законов гарантируется лишь до тех пор, пока публичная сфера, возведенная в парламенте в статус государственного органа, позволяет устанавливать посредством публичной дискуссии практически необходимое во всеобщем интересе. То обстоятельство, что при этом именно формальная природа всеобщности обеспечивала «истинность» в качестве правильности в материальном смысле буржуазного классового интереса, является частью вскоре обнаруженной диалектики данного понятия закона. Она основывается на диалектике самой буржуазной публичной сферы.

Поскольку, отмечает Хабермас, разделение государства и общества преодолено и государство – заботясь, распределяя и управляя – вмешивается в общество, всеобщность нормы уже не может сохраняться в качестве принципа. Нуждающиеся в нормировании факты являются теперь и социальными фактами в более узком смысле, а следовательно, конкретны, т.е. привязаны к определенным группам лиц и изменчивым ситуациям. Законы даже там, где они не объявляются однозначно в качестве мер, относящихся к особым или единичным случаям, в качестве не-всеобщих норм, нередко принимают при таких обстоятельствах характер точных административных предписаний. Различие между законом в общем и специфической регулятивной мерой становится нечетким. Частично законодательство вынуждено прибегать к конкретизации

ям, глубоко вмешивающимся в область административных полномочий; часто административные полномочия расширяются таким образом, что деятельность управления вряд ли уже может рассматриваться как простое исполнение закона. Хабермас апеллирует к Форстхофу, выделившему три типичных процесса, в которых устраняется классическое разделение и одновременно скрещение этих двух форм власти. Это происходит, когда законодатель, так сказать, сам начинает действовать и применять меры; он вмешивается в область компетенции управления (случай специфических регулятивных мер). Или когда законодатель передает свои функции управлению; последнее обретает полномочия по принятию дополнительных норм путем административных постановлений (случай закона о предоставлении полномочий). Или, наконец, когда законодатель ввиду вопросов, нуждающихся в регулировании, вообще воздерживается от нормирования и позволяет управлению идти своим собственным ходом¹ (S. 270–272).

В той же мере, в какой взаимопроникновение государства и общества ликвидирует частную сферу, независимость которой делала возможной всеобщность законов, оказывается подорванным и фундамент относительно гомогенной публики рационально-критически дискутирующих частных лиц. Конкуренция организованных частных интересов проникает в публичную сферу. Если прежде частные интересы, которые в качестве приватизированных интересов были нейтрализованы в общем знаменателе классового интереса, позволяли публичной дискуссии достигать определенной степени рациональности и эффективности, то сегодня ее место заняла демонстрация конкурирующих интересов. Устанавливаемый в ходе рационально-критической дискуссии консенсус сменяется компромиссом, вырабатываемым непублично или просто навязываемым. Законы, вступающие в действие таким образом, уже не могут более обосновываться с точки зрения «истинности», даже если во множестве случаев они и сохраняют за собой момент всеобщности; поскольку даже парламентская публичная сфера – место, где «истинность» должна была засвидетельствовать свои права – оказалась разрушена. Хабермас приводит слова Ляйбхольца: «...дискуссия утрачивает свой созидательный характер. Произносимые на пленарных заседаниях парламента речи уже не предназначены для того, чтобы переубедить инакомыслящего депутата, а обращены – во всяком случае в том, что касается основополагающих, определяю-

¹ См.: Forsthoft E. Lehrbuch des Verwaltungsrechts. München: Beck, 1955. Bd. I. S. 9 f.

щих политическую жизнь вопросов – напрямую к активным гражданам... Публичная сфера, некогда жившая процессами внутри парламентского собрания и придававшая ему особый блеск, приобретает таким образом плебисцитарный характер»¹ (S. 273).

Отражая эти реальные изменения, даже само понятие правовой нормы, замечает Хабермас, позитивистски оставляет черты всеобщности и истинности. Начиная с 60-х гг. XIX в. в Германии распространяется учение о двойном понятии закона. Закон в материальном смысле означает с тех пор любое предписанное в качестве обязательного правовое положение, независимо от того, идет ли речь об общих правилах или частных регулятивных мерах. Напротив, закон в формальном смысле отсылает ко всем тем законам, которые – все равно какого содержания – принимаются посредством парламентской процедуры. Первоначальная, столь ясно сформулированная Кантом взаимосвязь политически функционирующей публичной сферы и господства законов не фиксируется ни одним из этих понятий закона. Изменившаяся структура закона обнаруживает тот факт, что принципу публичности уже не может быть предписана задача рационализации политического господства. «Медиатизированная публика, – резюмирует Хабермас, – хотя и несравнимо разнообразнее внутри невероятно расширившейся публичной сферы и чаще задействуется в целях публичного одобрения, однако одновременно с этим она настолько далека от процессов осуществления и уравнивания власти, что вряд ли можно требовать их рационализации посредством принципа публичности, не говоря уже о том, чтобы гарантировать ее» (S. 273–274).

Реферативный перевод с нем. Т. Тягуновой

¹ Leibholz G. Strukturwandel der modernen Demokratie // Leibholz G. Strukturprobleme der Demokratie. Karlsruhe: Müller, 1958. S. 94 f.

Трансформация политической функции публичной сферы

От журналистики частных литераторов к публичным потребительским услугам массмедиа: публичная сфера как платформа для рекламы

Юрген Хабермас

С точки зрения Хабермаса, в основе функционального изменения принципа публичности лежит изменение функции публичной сферы как особой области. По мнению автора, это изменение наиболее отчетливо отражает трансформация ведущего института публичной сферы — прессы. «С одной стороны, по мере коммерциализации прессы стирается водораздел между оборотом товаров и коммуникативными обменов между членами публики; внутри частной области размывается граница, отделяющая публичную сферу от частной. Однако с другой стороны, в той мере, в какой лишь определенные политические гарантии могут обеспечить сохранение независимости ее институтов, публичная сфера перестает быть исключительно частью частной сферы» (S. 275).

Возникнув из системы частной корреспонденции и еще долгое время оставаясь в ее тени, газетный бизнес сначала организовыв-

Реферативный перевод выполнен по изданию: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 275–342 (Kapitel VI. Politischer Funktionswandel der Öffentlichkeit).

вался, отмечает автор, в форме мелкого ремесленного производства. В этой начальной фазе его калькуляция осуществлялась в соответствии с принципами скромной, находящейся в традиционных для раннего капитализма границах максимизации прибыли; интерес издателя к своему предприятию был чисто деловым. Его активность ограничивалась главным образом организацией новостного потока и подбором самих новостей. Этот экономический аспект дополняется, между тем, новым, в широком смысле политическим аспектом, как только новости развиваются в прессу, выражающую убеждения и взгляды, а сбор и написание новостей сталкивается с конкуренцией со стороны литературной журналистики. Хабермас приводит следующую характеристику, которую дает данному ходу развития Бюхер: «Из простых учреждений для публикации новостей газеты превратились в носителей и лидеров общественного мнения, а также в инструменты в арсенале борьбы политических партий. Для внутренней организации газетного предприятия это имело следствием то, что между сбором новостей и их публикацией возникло новое звено: редакционная функция. Но для издателя газеты это означало, что он из продавца новостей превратился в торгового агента общественного мнения» (S. 275–276)¹.

Конечно, говорит Хабермас, решающий поворот не произошел лишь с обособлением редакционной деятельности. Он начался вместе с появлением «ученых газет» на континенте, еженедельников и политических журналов в Англии, как только отдельные писатели стали пользоваться новым инструментом периодической прессы, чтобы придать своим рационально-критическим суждениям, осуществляемым с педагогической целью, публицистическое действие. Эта вторая фаза, отмечает Хабермас со ссылкой на Баумерта, была охарактеризована как «литературный журнализм»². Коммерческая цель такого рода предприятий отходит теперь на задний план. Действительно, они нарушают все правила рентабельности, часто с самого начала являясь убыточными. Педагогический, а позднее усилившийся политический импульс финансировался благодаря, так сказать, несостоятельности. В Англии газеты и журналы такого рода нередко были «любимым коньком финансовой аристократии», на континенте они чаще возникали по инициативе отдельных ученых и писателей.

¹ Bücher K. Die Anfänge des Zeitungswesens // Bücher K Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vorträge und Aufsätze. Erste Sammlung, Bd. I, 10. Aufl. Tübingen: Laupp, 1917. S. 257.

² См.: Baumert D.P. Die Entstehung des deutschen Journalismus. München/Leipzig: Duncker & Humblot, 1921.

Последние, пишет автор, поначалу сами несли экономические риски. Они по собственному усмотрению подбирали материал, платили своим работникам и являлись владельцами журналов, номера которых выступали для издателей непрерывной серией отдельных проектов. Лишь постепенно редакторы передавали свои предпринимательские функции издателям. Этот процесс развития объясняет исключительную позицию редактора, который оставался «редактором» и «автором» в одном лице. Отношение между издателем и редактором в то время, на рубеже XIX–XX вв., не было лишь отношением работодателя к служащему, нередко последний участвовал в прибылях. Правда, вплоть до XIX в. продолжал существовать традиционный тип газетного предпринимателя, особенно в ежедневных газетах старого стиля, которые держались в стороне от литературных и политических рационально-критических дискуссий. Еще Маркус Дюмон, отмечает Хабермас, был автором, редактором, издателем и типографом в одном лице, когда в 1805 г. стал владельцем газеты *Kölnische Zeitung*. Однако конкурирующая журнальная пресса занимающихся публицистикой писателей привела — там, где подобного рода предприятия консолидировались, — к учреждению специализированных, независимых редакций. В Германии первым был Котта. Он назначил Поссельта редактором, ответственным за *Neueste Weltkunde*; публицистические и экономические функции были отныне разделены между «редактором» и издателем. В тесной связи с этой автономией редакторской деятельности находится, по мнению автора, внедрение в первой половине XIX в. института передовой статьи даже в ежедневной прессе. Опять же пример Котта — чья *Allgemeine Zeitung*, несмотря на ее значительное влияние, на протяжении десятилетий оставалась субсидируемым предприятием — показывает, сколь незначительным было обретенное вместе с новой формой редакционного журнализма доминирование рентабельности предприятия над его публицистической направленностью и в сколь малой степени деловой интерес перевешивал взгляды и убеждения. «В той фазе, когда публичная сфера утверждает свою политическую функцию, даже газетные предприятия, консолидированные в руках издателей, сохраняют за своими редакциями тот тип свободы, который был характерен для коммуникации частных лиц как публики» (S. 277).

Издатели обеспечивали прессе коммерческую основу, не коммерциализируя ее как таковую. Пресса, развившаяся из рационально-критической дискуссии публики и являвшаяся не более как расширением последней, оставалась всецело институтом самой

публики: она действовала в качестве своего рода передатчика и усилителя, уже не просто в качестве органа передачи информации, но еще и не в качестве средства культуры потребления. Примеры этого типа прессы, отмечает Хабермас, можно наблюдать в периоды революций, когда газеты мелких политических объединений и союзов вырастают словно грибы — в Париже 1789-го г. любой сколь-либо выдающийся политик образует собственный клуб, а каждый второй — собственный журнал. «До тех пор, пока само существование прессы, ведущей рационально-критическое обсуждение политических вопросов, оставалось проблематичным, она вынуждена была заниматься непрерывной самотематизацией: до прочной легализации политической функционирующей публичной сферы появление политической газеты и ее утверждение были равнозначны вовлечению в борьбу за свободное пространство для общественного мнения, за публичную сферу как принцип» (S. 278). Разумеется, пишет автор, даже газеты старого стиля подвергались строгой цензуре; однако пока газета служила исключительно передаче новостей, сопротивление этим ограничениям не могло вестись в рамках ее собственных колонок. Регулирование со стороны авторитарного государства низводило прессу до простого ремесла, подобно тому как все остальные ремесла подчинялись полицейским инструкциям и запретам. Напротив, пресса, выражающая взгляды и убеждения, как институт дискутирующей публики направлена прежде всего на то, чтобы утверждать критическую функцию последней; таким образом, оборотный капитал если и инвестируется, то лишь вторичным образом, ради рентабельности.

Лишь с учреждением буржуазного правового государства и легализацией политически функционирующей публичной сферы, полагает автор, пресса как площадка рационально-критической дискуссии освобождается от идеологического давления. Теперь она может оставить свою полемическую позицию и сконцентрироваться на возможностях получения прибыли коммерческого предприятия. В Англии, Франции и США этот процесс развития от идеологической прессы к коммерческой начинается примерно в одно время, в 30-е гг. XIX в. Рекламный бизнес предоставляет финансовой калькуляции новую основу: существенно снизившиеся цены и возросшее число покупателей позволяют издателю соответственно увеличившуюся часть пространства своей газеты продавать для размещения рекламных объявлений. Именно к этой третьей фазе развития, пишет Хабермас, относится известное определение Бюхера, согласно которому «газета принимает характер коммерческого предприятия, производящего пространство рекламных объ-

явлений в качестве товара, который находит сбыт благодаря текстовому блоку» (S. 278). Эти первые попытки современной коммерческой прессы, говорит автор, возвращают газете однозначный характер частного коммерческого предприятия, разумеется, теперь — в противоположность ремесленному производству старых «издателей» — на новом уровне крупного предприятия эпохи развитого капитализма. Уже в середине столетия ряд газетных предприятий организуется в форме акционерных обществ.

Если вначале, пишет Хабермас, внутри ежедневной прессы, исходно мотивированной политически, реорганизация отдельных предприятий исключительно на коммерческой основе и представляла собой не более как возможность прибыльного инвестирования, то вскоре она стала для всех издателей необходимостью. Расширение и усовершенствование технического и организационного аппарата требовало увеличения базы капитала, повышения коммерческих рисков и с неизбежностью подчинения политики предприятия экономическим соображениям. Уже в 1814 г., отмечает автор, *Times* печатается на новом высокоскоростном печатном станке, сменившем через четыре с половиной столетия деревянный станок Гутенберга. Поколением позже изобретение телеграфа революционизирует организацию всей сети связи. Но не только, считает автор, частноэкономические интересы собственного предприятия обретают вес, газета также включается в отношения, в рамках которых она развивается в капиталистическое предприятие, она включается в поле не относящихся к производству интересов, которые пытаются оказать на нее влияние. История крупных ежедневных газет во второй половине XIX в. показывает, пишет Хабермас, что, по мере того, как пресса коммерциализируется, она сама становится манипулируемой. «С тех пор как продажа текстового блока газеты оказывается взаимосвязанной с ее рекламным блоком, пресса, до этого являвшаяся институтом частных лиц как публики, становится институтом определенных участников публичной сферы в их статусе частных лиц, она становится воротами для входа привилегированных частных интересов в публичную сферу» (S. 280).

Соответствующим образом, отмечает автор, изменяются и отношения между издателем и редактором. Под давлением технического совершенствования процесса передачи новостей редакторская деятельность так или иначе специализируется из некогда литературной деятельности она становится журналистской. Подбор материала обретает большую важность, чем передовая статья; обработка и оценка новостей, их проверка и организация становятся

актуальнее, чем следование единой «линии» письма. Особенно, указывает Хабермас, начиная с 70-х гг. обозначается тенденция к тому, что уже не выдающиеся публицисты, а прежде всего талантливые издатели создают репутацию и имя газете. Издательство приглашает редакторов в надежде на то, что они будут работать в частных интересах ориентированного на прибыль предприятия.

Между тем публицистическая автономия редактора ощутимо ограничивается даже в том типе прессы, который не подчиняется законам рынка, а служит прежде всего политическим целям, оставаясь в этом родственном литературному журнализму журналов, культивирующим рационально-критическую дискуссию. Политическая пресса, пишет автор, какое-то время еще сохраняла свой индивидуалистический стиль, даже после того, как — сначала в Англии и Франции — сформировались парламентские фракции и партии. Еще в середине XIX в. господствовал тот тип партийной прессы, который после Июльской революции вышел на сцену вместе с *Deutsche Tribune* Вирта в Германии. Эти публицисты не зависели от какой-либо партии или фракции, а скорее сами являлись политиками, собиравшими вокруг своей газеты парламентских сторонников. Тем не менее, отмечает Хабермас, возникновение партийной прессы, контролируемой политическими организациями, уходит своими корнями в первую половину XIX в., по крайней мере в Англии и Франции. В Германии она развивается в 60-е гг. — сначала в консервативных, затем в социал-демократических кругах. Редактор подчиняется наблюдательной комиссии, а не директору издательства, и в том и другом случае являясь служащим, следующим директивам.

Разумеется, говорит Хабермас, «аспекты структурной трансформации прессы, относящиеся к социологии производства, не отделимы от общих тенденций к концентрации и централизации, которые доминируют и здесь» (S. 281). В первой четверти XIX в. образуются крупные газетные концерны. Это движение продолжается — разумеется, не систематически — и на протяжении XX в. Техническое развитие средств связи (вслед за телеграфом и телефоном беспроводная телеграфия и телефония, радио) отчасти ускорило, отчасти вообще сделало возможным организационную унификацию и экономическое взаимопереплетение прессы. За гомогенизацией службы связи вследствие монополистически организованных пресс-агентств вскоре последовала редакционная гомогенизация более мелких газет. В большинстве случаев эта технологическая унификация идет рука об руку с организационной унификацией в рамках газетных концернов.

Тем не менее, отмечает автор, степень экономической концентрации и технологически-организационной координации в газетном производстве кажется незначительной в сравнении с новыми медиа XX в. — радио, звуковым кино и телевидением. Действительно, пишет Хабермас, «их потребность в капитале казалась столь огромной, а публицистическая власть столь опасной, что в некоторых странах учреждение этих медиа, как известно, с самого начала было взято под государственный контроль» (S. 282). Ничто не характеризует, полагает автор, развитие прессы и новых медиа лучше, чем эти меры: частные институты публики частных лиц они превращают в публичные учреждения. Эта реакция государства на пронизывание властью публичной сферы, оказавшейся под влиянием общественных сил, может быть проанализирована уже на примере истории первых телеграфных бюро. Правительства ставили агентства в зависимое положение и наделяли их официозным статусом, не устраняя их коммерческий характер, а используя его в своих целях. Хотя газетная и киноиндустрия в значительной мере оставались под частным контролем, однако тенденция прессы к концентрации давала достаточно поводов к тому, чтобы блокировать развитие «естественных монополий» радио и телевидения в форме частных предприятий, как это, тем не менее, произошло в США. В Англии, Франции и Германии эти новые медиа организовывались в виде публичных и полупубличных корпораций, поскольку иначе нельзя было в полной мере предохранить их публицистическую функцию от частнокапиталистической.

Таким образом, считает автор, «исходный базис институтов публицистики, по крайней мере в их прогрессивных областях, оказывается перевернутым на прямо противоположный» (S. 283). В соответствии с либеральной моделью публичности учреждения публики, ведущей рационально-критические дискуссии, были защищены от посягательств публичной власти благодаря тому, что они находились в руках частных лиц. Однако, полагает Хабермас, по мере их коммерциализации и экономической, технологической и организационной концентрации они превратились за последние сто лет в комплексы общественной власти, так что именно пребывание в частных руках стало угрожать критическим функциям публицистики. В сравнении с прессой либеральной эпохи массмедиа, с одной стороны, добились несравнимо большего радиуса действия и эффективности — вместе с ними расширилась сама публичная сфера. С другой стороны, они выходили все дальше за пределы этой сферы, пока не вернулись в некогда бывшую частной сферу товарооборота. Чем более эффективными, пишет автор, они стано-

вились в публицистическом плане, тем больше они подпадали под давление определенных частных интересов, индивидуальных или коллективных. Если раньше пресса могла лишь опосредовать и усиливать рационально-критические дискуссии между частными лицами, собирающимися в публику, отныне такого рода дискуссии, напротив, формируются именно массмедиа. «На пути от литературного журнализма частных лиц к сервису публичных услуг массмедиа сфера публичности изменяется в результате проникновения частных интересов, получающих в ней привилегированное положение, хотя они отнюдь *eo ipso* не репрезентируют интересы частных лиц как публики. Разделение публичной и частной сфер предполагало, что конкуренция частных интересов в принципе может быть предоставлена рынку как регулирующей силе и удержана в стороне от публичного конфликта мнений. Однако в той мере, в какой публичная сфера становится полем коммерческой рекламы, частные лица в качестве частных собственников начинают оказывать непосредственное влияние на частных лиц как публику» (S. 284). При этом коммерциализация прессы способствует, отмечает Хабермас, превращению публичной сферы в средство рекламы. И напротив, развитие прессы форсируется потребностями коммерческой рекламы, проистекающими непосредственно из экономического контекста.

Наводнение публичной сферы рекламными публикациями не объясняется, по мнению Хабермаса, либерализацией рынка, хотя коммерческая реклама старого стиля и появилась практически одновременно с ней. Несравнимо большие усилия со стороны руководствующегося научными принципами маркетинга потребовались лишь по мере возрастания олигопольных ограничений рынка. Крупное промышленное предприятие, отмечает автор, характеризуется прежде всего тем, что в нем возникает конфликт между техническим и финансовым оптимумом, который усиливает тенденцию к так называемой монополистической конкуренции. В той мере, в какой технические агрегаты перестраиваются на массовое производство, производственный процесс утрачивает эластичность. Становится необходимой долгосрочная стратегия сбыта продукции, обеспечивающая относительно стабильные рынки и доли рынка. Непосредственная ценовая конкуренция все более уступает место опосредованной конкуренции за счет создания рынков с клиентурой, ориентированной на специальные фирмы. Исчезающая прозрачность рынка, обычно рассматриваемая в качестве причины увеличения рекламы, в значительной мере является, считает Хабермас, наоборот, ее следствием. «Конкуренция за счет рек-

ламы, сменяющая ценовую конкуренцию, создает поистине необозримое многообразие контролируемых отдельными предприятиями рынков с фирменными товарами, тем сложнее поддающимся сравнению по критерию экономической рациональности, чем больше их меновая стоимость соопределяется осуществляемой рекламой психологической манипуляцией. Между тенденцией к крупному капиталистическому предприятию и олигопольным ограничением рынка, с одной стороны, и, с другой стороны, общеизвестными *soap operas*, т.е. рекламой, пронизывающей всю ориентированную на интеграцию масс-медийную культуру, существует очевидная взаимосвязь» (S. 285).

Коммерческая реклама, отмечает автор, ставшая для нас сегодня настолько само собой разумеющимся и самоочевидным компонентом рыночной экономики, — явление развитого капитализма. Лишь вместе с процессами концентрации, характеризующими промышленный капитализм второй половины XIX в., она достигает значимых объемов. В середине XIX в. на основе коммерческой рекламы возникают рекламные агентства. Тесное взаимодействие с прессой, указывает Хабермас, нередко вело к тому, что крупные рекламные агентства скупали пространство для объявлений по абонементу, взяв таким образом под свой контроль существенную часть прессы вообще. Деятельность современных рекламных агентств по-прежнему ограничивается (разумеется, существенно расширившейся благодаря новым медиа) практикой составления и размещения рекламных объявлений, прежде всего в газетах и иллюстрированных журналах. Конечно, отмечает автор, телевизионная реклама приобрела господствующее влияние по мере распространения этого средства коммуникации в целом и в отношении способа структурной организации. В то время как в целом влияние массмедиа быстрее распространяется на привилегированные социальные слои, чем на нижние, здесь, пишет Хабермас, соотношение переворачивается: рекламные объявления и передачи по радио и телевидению гораздо интенсивнее воздействуют на низшие статусные группы, чем на высшие. «Социализация товаров, ранее предназначенных для высших социальных слоев, вызывает интерес среди таких слоев, которые посредством своего стиля потребления пытались обрести более высокую статусную позицию, хотя бы символически» (S. 287).

Реклама, отмечает автор, не только использует уже существующие публицистические органы, но и создает свои собственные газеты, журналы и буклеты, число и объем тиражей которых неуклонно растет относительно общего объема развлекательных жур-

налов. Кроме того, сам тип этого развлечения — опосредуемый не только журналами — а также программы массмедиа даже в своей некоммерческой составляющей стимулируют потребительское поведение и формируют определенные поведенческие образцы. Хабермас солидаризуется здесь с Дэвидом Рисманом, усматривающим сущность средств массового развлечения именно в воспитании потребителей, начинающимся уже в детстве и непрерывно сопровождающим взрослых: «сегодня будущая профессия любого ребенка — это профессия квалифицированного потребителя»¹ (S. 288). Массово распространяющаяся культура интеграции, пишет Хабермас, побуждает свою публику *per se* к обмену мнениями относительно потребительских товаров и подчиняет ее мягкому давлению постоянного тренинга потребления.

Конечно, говорит Хабермас, ставшее уже экономически необходимым вторжение рекламных статей в сферу публичности само по себе не привело бы к ее трансформации. Подобно тому, аргументирует автор, как начиная со второй трети XIX в. ежедневные газеты начали разделять редакционный и рекламный отделы, так и разграничение публицистических функций на публичную рационально-критическую дискуссию частных лиц как публики и публичное представление индивидуальных или коллективных частных интересов могло бы оставить публичную сферу по существу нетронутой. Однако формирования подобного рода экономической публичной сферы, отделенной от политической — публичной сферы рекламы как автономной области — не произошло. Публицистическое представление привилегированных частных интересов, констатирует автор, скорее с самого начала было тесно переплетено с политическими интересами. «Поскольку к тому времени, когда благодаря рекламе в публичную сферу проникла горизонтальная конкуренция интересов владельцев товара, основание капиталистической конкуренции как таковое уже было втянуто в конфликт конкурирующих сторон, вертикальная конкуренция классовых интересов уже вышла на арену публичной сферы. В середине XIX в. — фазе более или менее неприкрытого классового антагонизма — публичная сфера сама была разорвана противоречиями между *two nations* — так что публичное представление частных интересов *eo ipso* приобретает политическую значимость» (S. 288). В рамках такого рода публичной сферы, пишет автор, крупномасштабная коммерческая реклама почти всегда принимает характер

¹ Riesman D. Die einsame Masse. Berlin-Darmstadt: Luchterhand, 1956. S. 136.

более чем просто коммерческой рекламы — уже по той причине, что она *per se* представляет собой важнейший фактор финансовых калькуляций газет и журналов, а также новых медиа, в той мере в какой они работают на коммерческих основаниях. Правда, свой политический характер, с точки зрения Хабермаса, экономическая реклама начинает осознавать лишь в рамках *практики public relations*.

Как сама практика, так и ее имя зарождаются в США в первой половине XX в., получая широкое распространение, в том числе и в Европе, лишь после окончания Второй мировой войны. В развитых странах Запада новые технологии получают власть над публичной сферой в 60-е гг. XX в. В ее диагнозе они стали ключевым феноменом. «Забота о мнении»¹, отмечает автор, отличается от рекламы тем, что недвусмысленно претендует на публичную сферу как играющую определенную роль в области политики. «Частная реклама обращается к частным лицам в той мере, в какой они выступают в качестве потребителей; адресатом *public relations* является „общественное мнение“, частные лица как публика, а не непосредственно потребители. Отправитель маскирует свои деловые намерения в роли заинтересованного в общественном благе. Свои коннотации влияние на потребителей заимствует у классической фигуры рационально-критически дискутирующей публики частных лиц и использует их легитимацию в своих целях: перенятые у публичной сферы функции включаются в конкуренцию организованных частных интересов» (S. 289–290).

Реклама, пишет Хабермас, в общем и целом ограничивается средствами объявлений. Забота о мнении, напротив, «посредством *promotion* и *exploitation* выходит за рамки рекламы, она вторгается в процесс формирования „общественного мнения“, систематически создавая новинки или используя события, вызывающие внимание. При этом она строго придерживается психологии и технологией *feature-* и *pictorial-publicity*, связанных с массмедиа и с их многократно опробованными темами *human interest* (любовные романы, религия, деньги, дети, здоровье, животные). С помощью драматической презентации фактов и намеренных стереотипизаций она стремится к переориентации общественного мнения посредством формирования новых авторитетов или символов, которые получают признание» (S. 290). Перед менеджерами *public relations*, пишет Хабермас, стоит задача либо включить соответствующий материал непосредственно в каналы коммуникации, либо организовать

¹ См.: Gross H. *Moderne Meinungspflege*. 2. Aufl. Düsseldorf: Droste, 1952.

внутри публичной сферы специфические события, которые предсказываемым образом приведут в движение коммуникативные механизмы.

Если учесть многообразие информации и инструкций, которые преподносятся *public relations*-агентствами в качестве солидной «документации» для важнейших «распределительных центров», то, отмечает автор, констатации, придерживающиеся старого разделения новостей и рекламных объявлений, окажутся просто старомодными. «*Public relations* скорее соединяют и то и другое: реклама больше не должна распознаваться как самопрезентация частного интереса. Она наделяет свой объект авторитетом объекта публичного интереса, в отношении которого — как это должно казаться — публика рационально-критически дискутирующих частных лиц свободно формирует свое мнение» (S. 291). «Инженерия согласия»¹ выступает центральной задачей, поскольку лишь в атмосфере подобного рода консенсуса удастся активизировать публику, побудить или убедить ее признать некую личность, продукт, организацию или идею. С точки зрения Хабермаса, пробуждаемая таким образом готовность потребителей опосредована ложным сознанием того, что они как рационально-критически дискутирующие частные лица ответственно участвуют в формировании общественного мнения.

С другой стороны, отмечает автор, консенсус относительно поведения, требуемого, как кажется, в рамках публичного интереса, действительно имеет нечто общее с инсценированным «общественным мнением». «Хотя *public relations* должны содействовать сбыту определенных товаров, их действие всегда выходит за эти рамки. Поскольку публичность для специфических продуктов производится окольным путем фиктивного общего интереса, она не только создает и поддерживает профиль рынка и клиентуру потребителей, скорее она одновременно с этим мобилизует для фирмы, отрасли или всей системы квазиполитический кредит, почитание того рода, которое оказывают публичным авторитетам» (S. 291).

Устанавливаемый таким образом консенсус, указывает Хабермас, разумеется, имеет мало общего с общественным мнением, с окончательным единогласием длительного процесса взаимного прояснения, поскольку «общий интерес», на основе которого только и возможно рациональное согласование публично конкурирующих мнений без какого-либо принуждения, исчезает в той ме-

¹ См.: Bernays E.L. (ed.) *The Engineering of Consent*. Norman: University of Oklahoma Press, 1955.

ре, в какой публицистические самопрезентации привилегированных частных интересов утверждают его для самих себя. Вместе с двумя предпосылками — ограничением публики частными лицами как членами гражданского общества и ограничением их рационально-критической дискуссии основаниями гражданского общества как сферой частного контроля — старый базис для схождения мнений оказывается разрушен. Новый же не создается лишь вследствие того, что проникающие в публичную сферу частные интересы придерживаются его фикции. «Консенсусу, производимому с помощью утонченного *opinion-molding services* под знаком фиктивного *public interest*, не достает критериев рациональности в целом. Разумная критика публично обсуждаемых положений дел уступает место руководствующейся настроением конформности по отношению к публично представляемым личностям или персонализациям; *согласие* совмещается с *доброй волей*, вызываемой *publicity*. Публичность некогда означала разоблачение политического господства средствами рационально-критической дискуссии; *publicity* суммирует реакции ни к чему не обязывающей благосклонности. По мере своего формирования через *public relations* публичная сфера вновь принимает феодальные черты» (S. 292).

О рефеодализации публичной сферы следует говорить, по мнению Хабермаса, и в еще одном, более точном смысле слова. Та интеграция массового развлечения и рекламы, которая в форме *public relations* уже принимает «политический» характер, подчиняет своему кодексу даже само государство. Поскольку частные предприятия формируют у своих клиентов сознание того, что в своих потребительских решениях они действуют как граждане государства, государство должно «обращаться» к своим гражданам как к потребителям. Таким образом, говорит Хабермас, и публичная власть домогается *publicity*.

Функциональное преобразование принципа публичности

Симптоматичным, с точки зрения Хабермаса, для трансформации политической функции публичной сферы феноменом выступает «журналистская активизация» административных учреждений, партий и организаций. Конструируемое Бринкманом¹, пи-

¹ Brinkmann C. Presse und öffentliche Meinung // Verhandlungen des 7. Deutschen Soziologentages, Schriften der Deutschen Gesellschaft für Soziologie, Bd. VII. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1931. S. 27 ff.

шет автор, противопоставление «свободной прессы» и «официальной публицистики» как публичных, так и частных органов управления является несостоятельным по той причине, что выходящая далеко за рамки публикаций классического формата политика *public relations*, практикуемая органами административного управления, использует существующие массмедиа и укрепляет их позицию. Тем не менее сама фиксация, отмечает Хабермас, верна: наряду с крупными институтами публицистики и во взаимосвязи с ними, учредился другой аппарат, идущий навстречу новой публицистике, востребуемой государством и представляющими интересы определенных групп ассоциациями¹. Формы целенаправленного управления мнением, на которые указывает Бринкман, это формы, «сознательно отклоняющиеся от либерального идеала публичности» (S. 293). Государственная бюрократия заимствует их у практики, которая уже была пущена в ход крупными частными предприятиями и ассоциациями; именно во взаимодействии с последними органы публичного управления обретают свой «публицистический характер».

С точки зрения Хабермаса, обретение органами административного управления большей власти в рамках социального государства — не только по отношению к законодателю, но и по отношению к высшей исполнительной власти — делает очевидным аспект их «обособления», хотя даже в либеральную эпоху они никогда не функционировали как исключительно органы исполнения власти. Другой аспект — обратный процесс передачи власти от государства общественным группам — по его мнению, не столь очевиден. «Во вновь обретенном пространстве „действующего по собственному усмотрению структурирования“, в котором административный орган сам становится производителем и распространителем, исполнительная власть оказывается вынужденной действовать так, чтобы административная власть дополнялась и даже частично замещалась согласованиями с „публичностью“» (S. 294). Частично это ведет к неофициальному участию представляющих интересы определенных групп ассоциаций, частично — к рутинной передаче административных задач в их компетенцию. Однако даже там, отмечает автор, где государство утверждает или расширяет свое административное верховенство, оно вынуждено «приспособливаться» к напряженной динамике поля организованных интере-

¹ Brinkmann C. Presse und öffentliche Meinung // Verhandlungen des 7. Deutschen Soziologentages, Schriften der Deutschen Gesellschaft für Soziologie, Bd. VII. Tübingen, 1931. S. 30.

сов. Хотя достижение договоренностей осуществляется здесь внепарламентским способом, т.е. в обход институционализированной на государственном уровне публичной сферы, обе стороны, однако, шумно участвуют в их подготовке и сопровождении в рамках так называемой работы с общественностью. По мере взаимного проникновения государства и общества публичная сфера, а вместе с ней и парламент как учрежденная в качестве государственного органа публичность, утрачивает свои посреднические функции. Непрерывный процесс интеграции обеспечивается другими способами. Ослаблению позиций парламента соответствует усиление трансформаторов, посредством которых государство проникает в общество (органы административного управления) и, наоборот, общество в государство (представляющие интересы определенных групп ассоциации и политические партии). Между тем, указывает Хабермас, затраты на публичность, тщательно управляемое разворачивание *public relations*, показывают, что существенно лишенная своих первоначальных функций публичная сфера отныне, под патронажем органов административного управления, ассоциаций и партий, иным образом втягивается в процесс интеграции государства и общества.

Разрешение конфликтов на основе относительно гомогенных интересов и относительно разумных форм обсуждения внутри политически функционирующей публичной сферы, фиксация урегулированных парламентским способом конфликтов в системе абстрактных и общих законов, претендующих на рациональность и постоянство, возможны, говорит Хабермас, лишь постольку, поскольку многочисленные реальные решения внутри нейтрализованного в качестве частной сферы общества опосредуются рыночным механизмом и в принципе принимаются неполитическим путем. Разумеется, подчеркивает автор, лишь в рамках общего для частных лиц как частных собственников интереса политическая публичность была освобождена от конкуренции индивидуальных частных интересов настолько, что решения, принимаемые в рамках политического компромисса, могли опосредоваться рационально-критической дискуссией. Однако как только коллективно организованные частные интересы принимают политическую форму, публичная сфера с необходимостью становится ареной, на которую выносятся конфликты, кардинально изменяющие структуру политического компромисса. Публичная сфера обременяется задачами примирения интересов, не согласующегося с классическими формами парламентского единства и согласия; своим истоком оно имеет сферу рынка. Примирение должно в буквальном смысле

«выторговываться», производится посредством оказания давления и противодействия и непосредственно поддерживаться лишь с помощью неустойчивого равновесия констелляции власти государственного аппарата и интересов определенных групп. Политические решения принимаются в новой форме *bargaining*, торгов, устанавливающейся наряду со старыми формами исполнения власти: иерархией и демократией. С одной стороны, это расширяет область компетенции публичной сферы. Однако поскольку, с другой стороны, примирение интересов в существенной мере подчиняется либеральной претензии со стороны этой публичной сферы — легитимировать себя в терминах всеобщего блага, не будучи в состоянии удовлетворить ее или вообще уклониться, торг по поводу компромисса смещается во внепарламентские области. Это может происходить посредством формального делегирования круга полномочий от государственных органов к общественным организациям или неформальным образом, посредством фактического смещения полномочий, свободного от норм или противоречащего им (S. 295–296).

Там, где — как в случае ключевого для развитого капиталистического общества конфликта — нельзя надеяться на относительно долговременное примирение, а тем более на «нейтрализацию» интересов работодателей и наемных рабочих (вместо производимого смещением норм компромисса), устранение принудительных мер урегулирования конфликта со стороны государства может способствовать созданию автономной области для квазиполитического исполнения власти конфликтующими социальными группами. В этом случае, отмечает Хабермас, с одной стороны, обе стороны, вовлеченные в коллективные переговоры, действуют уже не в рамках реализации частной автономии, а в рамках политической публичной сферы и, следовательно, официально подчиняются демократическому требованию публичности. С другой стороны, создание норм, регулирующих отношения договаривающихся сторон, столь сильно подрывает прежние (основывающиеся на ведении рационально-критической дискуссии) формы публичной сферы, а лежащий в основе антагонизм интересов предлагает столь ограниченные объективные возможности правового регулирования в соответствии с либеральными критериями, что эти компромиссы стоят в стороне от процедуры парламентской законодательной власти и тем самым зоны компетенции институционализированной на государственном уровне публичной сферы вообще.

С точки зрения Хабермаса, подобного рода официальному в значительной степени соответствует реальное смещение компетен-

ций в достижении политического компромисса от законодателя к органам административного управления, ассоциациям и партиям. Возрастающая интеграция государства и общества, которое уже не является политическим обществом как таковым, требует решений в форме временных компромиссов между группами, т.е. непосредственного обмена благосклонностью и компенсациями напрямую через институционализованные процедуры политической публичной сферы. По этой причине, пишет автор, представляющие интересы определенных групп ассоциации и политические партии в принципе остаются частными объединениями; некоторые из них даже не организуются в форме правоспособных союзов и, тем не менее, занимают общественные позиции. Они также выполняют функции политической публичной сферы и претендуют на то, чтобы обеспечить легитимность общественному давлению, оказываемому на государственную власть, выходя при этом за рамки всего лишь властных отношений. Таким образом, отмечает Хабермас, представляющие интересы определенных групп ассоциации фактически стерли границы, установленные буржуазными правовыми нормами, регулирующими их деятельность; «декларируемая ими цель — это превращение множества отдельных частных интересов в общий публичный интерес, правдоподобная репрезентация и демонстрация частного интереса ассоциации в качестве всеобщего» (S. 297). При этом, считает автор, не вопреки, а именно благодаря своему частному характеру ассоциации обладают обширной политической властью; прежде всего они могут манипулировать «общественным мнением», не позволяя ему контролировать себя. Это ни что иное как результат двойного принуждения к осуществлению социальной власти, с одной стороны, и оправданию фактически разрушенной публичной сферы перед лицом традиционных стандартов, с другой.

Работа с общественностью, подчеркивает Хабермас, «ориентирована на повышение престижа собственной личности, без того чтобы делать темой *публичной дискуссии* сущность самого компромисса: организации и функционеры демонстрируют *репрезентацию*, они заинтересованы, как отмечает Рюдигер Альтман, в „*репрезентации своего членства в публичной сфере*“»¹ (S. 299). Репрезентация, естественно, является не столько элементом внутренней структуры ассоциаций, сколько «выражением их претензии на публич-

¹ Altmann R. Zur Rechtsstellung der öffentlichen Verbände // Zeitschrift für Politik, N. F. Bd. II. Heft 3. Berlin, Zürich, Wien: Carl Heymanns Verlag, 1955. S. 214.

ность»¹. Конечно, отмечает автор, тем самым не восстанавливается репрезентативная публичность старого типа, однако рефеодализованная публичность заимствует у нее определенные черты, которые, согласно Шельскому, характеризуются тем, что как государственные, так и негосударственные крупные руководители «управляют манифестацией своих позиций»². «Аура персонально репрезентированного авторитета возвращается в качестве элемента публичности; в этом отношении современная *publicity* действительно родственна феодальной *publicity*. *Public relations* соотносятся, собственно говоря, не с *public opinion*, а с *opinion* в смысле *reputation*. Публичная сфера становится двором, *перед* которым публика демонстрирует свой престиж, а не критикой в нем» (S. 299).

Прежде публичность должна была утверждаться в оппозиции к тайной политике монархов: она стремилась подчинить личность или проблему принципам рационально-критической дискуссии, делая политические решения доступными для пересмотра перед лицом общественного мнения. Сегодня, по мнению Хабермаса, публичность, напротив, утверждается с помощью тайной политики заинтересованных групп: она обеспечивает публичный престиж личности или проблеме, делая их доступными для выражения одобрения в атмосфере непубличного мнения. Уже само выражение «работа с общественностью» (*Öffentlichkeitsarbeit*), подчеркивает автор, указывает на то, что публичная сфера, которая прежде была представлена вместе с позицией представителя и целостность которой гарантировалась прочной традиционной символикой, должна специально и от случая к случаю производиться. Сегодня поводы для идентификации должны создаваться — публичная сфера должна «делаться», она больше не является «данной». Хабермас отсылает к Альтману, удачно охарактеризовавшему, с его точки зрения, данный процесс как акт «коммуникации»³. «Непосредственный эффект публичности не исчерпывается тем деконмерциализированным рекламным воздействием *aura of good will*, которая производит готовность к согласию. Помимо влияния на решения потребителей данная публичность оказывается пригодной и для осуществления политического давления, поскольку мобилизует потенциал неартикулируемой готовности к согласию, который в случае необходимости может быть преобразован в пле-

¹ Altmann R. Cit. op. S. 226.

² Schelsky H. Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart. Dortmund: Ardey, 1953. S. 357.

³ См.: Altmann R. Das Problem der Öffentlichkeit und seine Bedeutung für die Demokratie, Dissertation. Marburg, 1954. S. 72.

бисцитно определенную аккламацию» (S. 300). Новая публичность, по мнению автора, еще соотносится с укорененной в гражданском обществе публичностью в той мере, в какой ее институциональные формы легитимации продолжают оставаться в силе; даже демонстративная публичность (*demonstrative Publizität*) проявляет свою политическую эффективность лишь в той мере, в какой ей удастся достаточным образом обосновать или действительно выполнить решения потенциальных избирателей.

Трансформация функций, отмечает Хабермас, затрагивает всю функционирующую политически публичную сферу в целом, включая даже центральное отношение между публичной, партиями и парламентом. С его точки зрения, на политическую публичную сферу либеральной эпохи наложила свой отпечаток партия знати, как ее описал Макс Вебер¹. Под руководством священнослужителей и профессоров, адвокатов, врачей, учителей и фармацевтов, фабрикантов и землевладельцев образованные и имущие круги основали локальные политические клубы, сначала случайные ассоциации, объединения избирателей, которые удерживались вместе лишь благодаря делегатам. Число тех, для кого политика являлась основной профессией, было незначительным, их функции сначала были подчиненными; политика оставалась деятельностью на общественных началах. В распоряжении неформального предприятия, единство которого поддерживалось (не только в крупных городах) благодаря собственным объединениям, проводившим периодические собрания с целью заслушивания отчетов делегатов, пресса была единственным постоянным институтом. Локальные дискуссионные центры и парламентские сессии были связаны потоком непрерывной коммуникации. Именно не имевшее жесткой организационной структуры объединение *Fraktionspartei* (существовавшее практически лишь внутри парламента), включавшее круги знати и избирателей по всей стране, соответствовало, полагает автор, ненасильственному потоку коммуникации внутри единой публики. Паритет образованных людей еще в принципе не был поставлен под вопрос разделением компетенций. Даже партии рассматривали себя в рамках этой буржуазной публичной сферы в качестве «формаций мнений» (S. 300–301).

Между тем, пишет Хабермас, начинается структурная трансформация буржуазной публичной сферы. Институты дружеских социальных обменов, которые обеспечивали связь рационально-

¹ См.: Weber M. Parteiwesen und Parteiorganisation // Staatssoziologie. Berlin: Duncker & Humblot, 1956. S. 550 ff.

критически дискутирующей публики, утрачивают свою силу или совсем распадаются; развитие в сторону коммерческой массовой прессы соответствует реорганизации партий знати на массовой основе. Введение принципа равных гражданских прав меняет структуру партий. Начиная с середины XIX в. свободные объединения избирателей постепенно уступают место партиям в собственном смысле, организованным надлокально, с бюрократическим аппаратом, ориентированным на идеологическую интеграцию и политическую мобилизацию широких слоев избирателей. С созданием аппарата профессиональных политиков, организованного более или менее сходно с предприятием и управляемого централизованно, локальные комитеты утрачивают свое значение. Отныне, отмечает автор, перед партиями стоит задача с помощью новых методов «интегрировать» массы граждан — которые собственно уже не являлись «буржуа» — в целях голосования. Собрание избирателей для заслушивания отчета локального делегата вынуждено уступить место систематической пропаганде. Только теперь и возникает, полагает Хабермас, «нечто подобное современной пропаганде, с самого начала обладающее двойным ликом Януса — просвещения и управления, информации и рекламы, педагогики и манипуляции» (S. 302).

Взаимозависимость политически релевантных событий, пишет далее Хабермас, возросла. Вместе со своим коммунальным основанием публичная сфера утратила и свое место. Она утратила свое четкое разграничение, с одной стороны, с частной сферой, с другой стороны, с «мировой общественностью»; она утратила свою прозрачность и обзорность¹. В качестве альтернативы классовой партии возникает «партия интеграции», форма которой в большинстве случаев, по мнению автора, не достаточно четко отличима от первой. «Она „захватывает“ избирателей лишь на время и побуждает их к аккламации, не затрагивая их политическое несовершенство» (S. 303). Партии оказываются инструментами формирования воли, однако в руках не публики, а тех, кто контролирует партийный аппарат.

С точки зрения Хабермаса, взаимосвязь публики разрушается в той мере, в какой партии, ставшие представителями системы общественных ассоциаций, всякий раз опосредуют и представляют интересы различных организаций, публичный статус которых имеет своим истоком частную сферу. Как правило, отмечает он, сегодня они не являются ни классовыми партиями, ни основанными на

¹ См.: Plessner H. Das Problem der Öffentlichkeit und die Idee der Entfremdung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1960. S. 8.

общности определенных интересов союзами. «Скорее именно соединение организованных интересов и их официальный перенос в политическую машинерию обеспечивают партиям первостепенную позицию, ввиду которой парламент низводится до статуса фракционной комиссии, а сам парламентарий — до организационно-технического звена внутри партии, которой он всецело подчиняется в случае возникновения конфликта» (S. 304).

Сам парламент, отмечает Хабермас, превратился из диспутирующего органа в демонстративный, поскольку парламентская ратификация вырабатываемых за закрытыми дверями решений не только подчиняется формальному предписанию, но и служит демонстрации согласия сторон вовне. Если прежде публичность обсуждений должна была обеспечивать (и какое-то время действительно обеспечивала) продолжение допарламентской дискуссии в парламентской, единство публичной сферы и формирующегося внутри нее общественного мнения, одним словом, дискутирующий парламент как центр и одновременно составную часть публики в целом, то сегодня, по мнению Хабермаса, она не делает ничего в этом роде. Она и не может этого делать, отмечает автор, поскольку сама публичность, как внутри, так и вне парламента, претерпела структурную трансформацию. «Публичность утрачивает свою критическую функцию в пользу демонстративной; даже аргументы превращаются в символы, на которые опять же отвечают не аргументацией, а не более как идентификацией» (S. 307).

Трансформация функции парламента делает, по мнению Хабермаса, очевидной сомнительность публичности как организационного принципа государственного порядка. Из принципа критики (осуществляемой публикой) публичность трансформировалась в принцип управляемой интеграции (осуществляемой представительными инстанциями — органами административного управления и представляющими интересы определенных групп объединениями, прежде всего партиями). Плебисцитному искажению парламентской публичности соответствует привносимое культурой потребления искажение публичности в юридической сфере. Ибо, отмечает автор, уголовные процессы, вызывающие достаточный интерес для того, чтобы документироваться и распространяться массмедиа, извращают критический принцип публичности сходным образом. Вместо контроля за практикой судопроизводства со стороны собирающихся вместе граждан публичность все чаще служит препарированию процессов судебного разбирательства для массовой культуры собирающихся вместе потребителей.

Силу подобного рода тенденций, по мнению Хабермаса, можно оценить по ревизионистским устремлениям, появление которых они вызвали. Сегодня, отмечает он, очевидны стремления предохранить обсуждения в парламенте и судебные процессы от плебисцитной публичности. Примером такого рода предохранительных мер могут служить, с точки зрения Хабермаса, попытки запретить ведение прямых трансляций пленарных заседаний в парламенте; или требования криминалистов полного использования всех юридических средств либо, если их оказывается не достаточно, изменить порядка судебного разбирательства с целью воспрепятствовать ведению радио- и телерепортажей из зала суда. В обоих случаях, отмечает автор, принцип публичности должен быть сведен к обеспечению «непосредственной публичности». Разумеется, пишет Хабермас, впредь к заседаниям должен быть разрешен свободный доступ, однако при этом необходимо избежать превращения парламентской документации внутренне вырабатываемых решений в партийный массовый митинг, а уголовного процесса в показательный судебный процесс для развлечения в принципе безучастных потребителей. Данная аргументация направлена против плебисцитных отклонений от либеральной модели и основывается на различии между публичностью (*Öffentlichkeit*) и публицити (*Publicity*) (S. 308).

Даже сегодня, подчеркивает Хабермас, конституция социального государства как широкой демократии обязывает государственные органы действовать публично, с тем чтобы непрерывный процесс формирования мнения и воли мог функционировать по меньшей мере в качестве гарантирующего свободу корректива осуществления власти и господства. Хабермас отсылает к Хельмуту Ридеру: «жизненно необходимые для свободной демократии манифестации данного процесса, состоящие в производстве „общественного мнения“, ориентированного на деятельность государства во всех ее сегментах, вполне правомерно могут заключаться в проявлении несанкционированной законом „власти“..., при условии, что и они абсолютно „публичны“, публично соотносятся с государственной властью, в свою очередь обязанной действовать принципиально публично»¹ (S. 309). Публичная сфера, экспроприированная общественными организациями и втянутая под давлением коллективных частных интересов в сферу действия власти, способ-

¹ Ridder H. Zur verfassungsrechtlichen Stellung der Gewerkschaften im Sozialstaat nach dem Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Fischer, 1960. S. 27.

на, по мнению Хабермаса, выполнять функции политической критики и контроля лишь в той мере, в какой она сама безоговорочно подчиняется условиям публичности, т.е. вновь становится публичной сферой в строгом смысле слова. В изменившихся обстоятельствах, продолжает Хабермас свою аргументацию, интенция классических требований публичности может быть предохранена от превращения в реакционное образование, если публичность, будучи дополнена неортодоксальными требованиями публичности, распространится и на институты, которые до сих пор скорее жили за счет публичности других институтов, нежели сами функционировали в соответствии с ее принципами: прежде всего на партии, но также политически влиятельные массмедиа и общественные союзы. Все они, отмечает Хабермас, являются институтами общественных сил, ориентированных в своей деятельности на государство, — частными организациями общества, выполняющими публичные функции в рамках политического порядка.

Чтобы соответствовать этим функциям в смысле демократического формирования мнения и воли, их внутренняя структура, по мнению Хабермаса, должна быть организована в соответствии с принципом публичности и институционально содействовать внутрипартийной (или внутрисоюзной) демократии — допускать беспрепятственную коммуникацию и публичную рационально-критическую дискуссию. Кроме того, отмечает далее автор, должна быть обеспечена связь такого рода организационной публичности с публичностью собирающейся вместе публики посредством публичности происходящих внутри партий или общественных союзов событий. Наконец, деятельность самих организаций, оказываемое ими давление на государственный аппарат, использование ими власти в отношении друг друга и различного рода отношения зависимости и экономические связи также требуют широкого публичного освещения. Это включает, в частности, требование к организациям предоставлять публике информацию об источниках и использовании финансовых средств (S. 310). Даже политическая пресса должна, подобно любому институту, оказывающему посредством демонстрации или манипуляции привилегированное влияние, в свою очередь, подчиняться демократическому требованию публичности. Как бы ни обстояло с этим дело в юридическом плане, пишет Хабермас, с социологической точки зрения такого рода требования делают темой обсуждения важное измерение демократизации общественных организаций, соотносящихся в своей деятельности с государством. Требованиям публичности связаны уже не только государственные органы, но и все учреждения, обла-

дающие публицистическим влиянием в политической публичной сфере, поскольку процесс преобразования общественной власти в политическую в такой же мере подлежит критике и контролю, как и легитимное осуществление политической власти над обществом. «Идея публичности (прежде: рационализация господства средствами публичной рационально-критической дискуссии частных лиц), институционализированная в рамках массовой демократии социального государства таким же образом, как и в рамках буржуазного правового государства, сегодня может быть реализована лишь как — ограниченная, разумеется, плюрализмом организованных частных интересов — рационализация осуществления социальной и политической власти под взаимным контролем соперничающих организаций, связанных с требованием публичности как внутри своей собственной структуры, так и в отношениях с государством и друг другом» (S. 311).

По мнению Хабермаса, лишь по мере достижения такого рода рационализации может вновь, как в свое время в образе буржуазной публичности частных лиц, сформироваться политическая публичная сфера. Естественно, говорит он, политической публичной сфере в рамках массовой демократии социального государства предстоит еще многое сделать в этом направлении. Сколь мало она вообще продвинулась здесь, может показать, с его точки зрения, анализ публичной подготовки выборов и их проведения. Временно создаваемая и мобилизуемая для этой цели публичная сфера наделяет властью тот тип публичности связей с общественностью (*Publicität der public relations*), который тем успешнее разворачивается организациями, чем более последние уклоняются от демократического требования публичности. Процесс публичной коммуникации, разворачиваемый партиями и организациями, отмечает Хабермас, в обратном отношении к демонстративной и манипулятивной эффективности публичности, которая ориентируется на заразительную готовность к аккламации широких слоев населения, прежде всего его политически наиболее индифферентной части.

Производство публичности и не-публичное мнение: поведение населения во время выборов

Отношение граждан как получателей услуг к государству характеризуется, указывает Хабермас, не политическим участием, а прежде всего всеобщей установкой, несущей в себе требование и ожидание обеспечения, без стремления добиваться осуществления

необходимых решений. Их контакт с государством происходит, по его мнению, главным образом в приемной органов государственного управления; он аполитичен, будучи при этом полон требований и равнодушия. В социальном государстве, занятым прежде всего управлением, распределением и обеспечением, «политические» интересы граждан, категоризируемые в терминах управленческих актов, редуцируются к требованиям, специфицируемым по профессиональным отраслям. Эффективное представление этих интересов поручено крупным организациям. То, что предоставляется инициативе, как кажется, собственного решения, экспроприруется партиями для организуемых в форме голосования выборов. Степень разрушения политической публичной сферы как сферы непрерывного участия в рационально-критических дебатах относительно публичной власти можно измерить, полагает автор, по тому, в какой мере она становится неотъемлемой публицистической задачей партий — периодически производить нечто подобное публичности. Предвыборные кампании уже не являются результатом борьбы мнений, ведущейся *per se* в рамках институционально установленной публичной сферы (S. 312–313).

Тем не менее, пишет Хабермас, демократическая организация парламентских выборов по-прежнему считается с либеральными фикциями публичной сферы гражданского общества. Поведенческие ожидания, еще и сегодня нормативно определяющие роль граждан в ходе выборов, являются социально-психологическим отражением тех отношений, в рамках которых публика рационально-критически дискутирующих частных лиц некогда взяла на себя критические и законодательные функции. Ожидалось, отмечает автор, что избиратель с определенной степенью критического суждения и знаний способен заинтересованно участвовать в публичных дискуссиях, чтобы, в рациональной форме и ориентируясь на всеобщие интересы, способствовать нахождению того, что может служить в качестве стандартов истинного и правильного политического действия. С точки зрения Хабермаса, социологические компоненты политической публичной сферы были преобразованы в психологические характеристики (такие как интерес к публичным вопросам, владение информацией и знанием, твердые политические принципы или моральные стандарты, вовлеченность в коммуникацию и дискуссию, рациональное поведение и т. д.). Если между тем, сегодня, пишет он, массы населения, имеющего право голоса, столь мало соответствуют образцу демократического поведения, как свидетельствуют многочисленные эмпирические исследования, то подобное расхождение может быть понято лишь со-

циологически в контексте структурной и функциональной трансформации самой публичной сферы.

На первый взгляд кажется, отмечает Хабермас, что между публикой избирателей в рамках массовой демократии социального государства, с одной стороны, и публикой частных лиц в буржуазном правовом государстве XIX в., с другой, существует отдаленная взаимосвязь. По своей идее голосование было лишь заключительным актом непрерывной полемики, ведущейся публично с помощью аргументов и контраргументов; право голоса имел тот, кто уже был допущен к участию в публичной сфере: частные лица, а именно главы семей преимущественно из городских буржуазных слоев, имевших собственность и хорошее образование. Этот социальный состав публики тех, кто вообще обладал в то время правом голоса, находит сегодня свой отзвук, указывает автор, в составе той активной части имеющего право голоса населения, которая использует свое право голоса: мужчины голосуют, как правило, чаще, чем женщины, семейные чаще, чем не состоящие в браке, принадлежащие к высшим статусным группам чаще, чем принадлежащие к низшим социальным слоям. Примечательно также то, отмечает Хабермас, что представители деловых кругов относительно активнее участвуют в выборах. Даже участие в публичных рационально-критических дебатах, продолжает он, являвшееся в свое время предпосылкой для участия в выборах, находит, как кажется, сегодня свое соответствие в том, что члены частных ассоциаций в существенно большем объеме пользуются своим правом голоса, нежели не состоящие в какой-либо организации граждане. Такого рода характеристики либеральной публичной сферы, фиксированные в поведении населения в ходе выборов, могут быть обнаружены, по мнению Хабермаса, и в процессе политической коммуникации. Те, кто обладает авторитетом в публичных вопросах, обычно состоятельнее и образованнее, имеют более высокое общественное положение, чем группы, на которые они оказывают влияние. С другой стороны, отмечает автор, можно зафиксировать, что эти политически активные и информированные ключевые слои публики меньше всего склонны к тому, чтобы делать свои взгляды предметом серьезной дискуссии (S. 314–315).

Тот факт, говорит Хабермас, что те, кто (будучи относительно хорошо осведомлен) чаще всего вовлекается в дискуссии, склонны к тому, чтобы лишь взаимно подтверждать свои представления и в лучшем случае оказывать влияние на колеблющихся и менее вовлеченных участников, также показывает, сколь незначителен их вклад в процесс формирования *общественного* мнения. Кроме то-

го, отмечает автор, политические дискуссии ограничиваются в большинстве случаев небольшими группами «своих», семьей, кругом друзей и соседей, которые в любом случае создают относительно гомогенную среду мнений. С другой стороны, избиратели, курсирующие от одной партии к другой, рекрутируются преимущественно из обширного резервуара менее заинтересованных, менее информированных и апатичных граждан, в той мере в какой они вообще не ведут себя индифферентно и не игнорируют выборы. Таким образом, заключает автор, как правило, именно те, кто решительнее всего в силу своей предрасположенности избегает общественного мнения, формируемого в ходе дискуссии, более всего и оказываются подвержены влиянию в своих взглядах со стороны публичной сферы, демонстративно или манипулятивно производимой организаторами выборов.

Распад целостности публики избирателей как публики выражается в своеобразной иммобилизации преобладающей части корпуса избирателей. Конечно, пишет Хабермас, основной состав избирателей той или иной партии образуют две совершенно различные группы. На одной стороне находится небольшое меньшинство тех, кто еще правомерно может быть назван «активным» гражданином, будь то члены партий или общественных организаций, будь то не состоящие в какой-либо организации, но хорошо осведомленные и активно участвующие избиратели, в большинстве случаев обладающие также влиянием в качестве неформальных лидеров. На другой стороне располагается противостоящее им большинство также определившихся в своих решениях граждан, сквозь которое струится, словно песок, поток ежедневных политических споров, не оставляя, как кажется, и следа. Данная фиксация проистекает из отчасти оправданного, однако стереотипного восприятия групповых интересов, отчасти из слоя культурных само собой разумеющихся допущений, глубоко укоренившихся позиций и предрассудков, как правило, исторически связанных с уходящим далеко в прошлое и переданным через поколения опытом. Различные возрастные группы руководствуются специфическим для своего поколения опытом, различные профессиональные и этнические группы — свойственным им опытом. Как следствие, отмечает Хабермас, в формально одинаковые избирательные решения входят совершенно разнородные по своей сути и нередко конкурирующие волевые импульсы, легко суммирующиеся в иллюзорный консенсус до тех пор, пока недискутируемые предпосылки последнего уклоняются от публичной коммуникации. Между иммобилизованными группами располагают-

ся или «плавают» неопределившиеся группы избирателей, которые, согласно классификации Яновитца, состоят частично из соглашателей, частично из нейтральных, амбивалентных и апатичных лиц; в зависимости от того, насколько строго заданы критерии, данная группа составляет от четверти до половины всех имеющих право голоса. К их числу принадлежат избиратели, не явившиеся на выборы, и так называемые избиратели-маргиналы, голосующие то за одну, то за другую партию, а порой и вообще не поддающиеся мобилизации: неголосующие и меняющие предпочтения. Характеристика неголосующих как относительно хуже информированных и демократически относительно ненадежных групп верна, с определенными оговорками, и для носителей «плавающего» голоса. Однако эти менее квалифицированные для участия в процессе формирования общественного мнения лица с правом голоса являются целевой группой для менеджеров избирательных кампаний: каждая партия стремится исчерпать резервуар «нерешившихся» настолько, насколько это возможно, но не путем просвещения, а через приспособление к аполитичной потребительской позиции, которая особенно широко распространена в этой прослойке общества. Яновитц с полным основанием, по мнению Хабермаса, спрашивает о том, «не представляют ли собой эти усилия, столь сильно опирающиеся на массмедиа и другие механизмы продвижения, злоупотребления ограниченными ресурсами» (S. 318)¹. В любом случае, отмечает автор, избирательная кампания отражается и на других группах избирателей. Так, связь между участием в выборах и ориентацией на программные цели намного слабее, чем между участием в выборах и эффективно создаваемым имиджем ведущих кандидатов.

Периодически осуществляемое вместе с выборами инсценирование политической публичной сферы соответствует, по мнению Хабермаса, именно тому образу, в котором воплощается разрушение буржуазной публичности. Создаваемая и распространяемая массмедиа культура интеграции, будучи аполитичной по своей сути, представляет собой политическую идеологию; политическая программа, любое презентуемое высказывание вообще должны стремиться к согласию с ней, а не вступать в конкуренцию. С точки зрения Хабермаса, диагностированное Мангеймом разрушение политической идеологии является лишь другой стороной того процесса, в связи с которым Раймон Арон говорит о конце эпохи идео-

¹ См.: Eulau H., Eldersveld S.J., Janowitz M. (eds.) *Political Behaviour*. Glencoe, Illinois: Free Press, 1956. P. 280.

логии¹. С другой стороны, отмечает он, устанавливается идеология в форме так называемой культуры потребления, выполняющая на более глубоком уровне сознания свои старые функции, а именно принуждение к согласию с существующими обстоятельствами. В отличие от политической идеологии XIX в. это ложное сознание состоит уже из системы не внутренне согласованных представлений, а способов поведения. Как система управляемых извне потребительских привычек она принимает практическую форму. На долю сознания остается псевдореалистическое отражение существующего положения дел, как оно представлено на поверхности.

По мнению Хабермаса, реклама — другая функция, которую взяла на себя публичная сфера, подчиненная влиянию массмедиа. Партии и оказывающие им помощь организации стремятся с помощью печати повлиять на решения избирателей, подобно тому, как реклама пытается воздействовать на решения потребителей. Возникает индустрия политического маркетинга. Партийные агитаторы и пропагандисты старого стиля уступают место специалистам по рекламе, нейтральным по отношению к партийной политике и нанимаемым для того, чтобы продать политику аполитичным образом. Хотя данная тенденция, указывает Хабермас, наметилась уже давно, она начинает доминировать лишь после Второй мировой войны, вместе с научным развитием эмпирических технологий исследования рынка и общественного мнения. Сопротивление данной тенденции, сломленное внутри некоторых партий лишь после многократных поражений на выборах, показывает, что режиссеры выборов должны не только учитывать исчезновение собственно политической публичной сферы, но и вполне сознательно содействовать этому. «Создаваемая лишь на время политическая публичная сфера воспроизводит, хотя и для других целей, сферу, законы функционирования которой предписывает культура интеграции; даже область политики интегрируется в социально-психологическом плане в область потребления» (S. 319). Адресатом такого рода публичной сферы выступает, с точки зрения Хабермаса, тот тип политического потребителя, которому Рисман дал имя «новый равнодушный»².

Дезинтеграция электората как публики становится, по мнению Хабермаса, очевидной благодаря тому факту, что пресса и радио, «используемые привычным образом», практически не оказывают никакого эффекта; в рамках производимой публичной сферы

¹ См.: Aron R. *Fin de L'Age Ideologique?* // Addorno T.W., Dirks W. (eds.) *Sociologica*. Frankfurt/Main: Europaische Verlaganstalt, 1955. S. 219–233.

² См.: Riesman D. *Die einsame Masse*. Berlin-Darmstadt-Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1956. S. 354 f.

массмедиа используются лишь в качестве средств рекламы. Партии, пишет Хабермас, обращаются непосредственно к «народу», фактически к тому меньшинству, в отношении которого социологи, изучающие общественное мнение, зафиксировали средний словарный запас в 500 слов. Вместе с прессой, по мнению автора, свое значение утрачивает и второй классический инструмент формирования мнения: партийное собрание. Между тем, отмечает он, известно, что, «используемое привычным образом», оно может служить в лучшем случае для выдачи лозунгов небольшому кругу и без того преданных сторонников. Отныне, говорит Хабермас, собрания также используются лишь в качестве агитационных мероприятий, на которых присутствующие могут поучаствовать в качестве бесчисленных статистов в телевизионной передаче.

В манипулируемой публичной сфере, отмечает автор, вместо общественного мнения привычным становится готовое к аккламации согласие, атмосфера мнения. «Манипулятивна прежде всего социально-психологическая калькуляция предложений, адресуемых неосознаваемым склонностям и вызывающих предсказуемые реакции, не связывая при этом какими-либо обязательствами тех, кто таким образом обеспечивает себе плебисцитную поддержку» (S. 321). Призывы, контролируемые в соответствии с тщательно исследованными и экспериментально проверенными «психологическими параметрами», тем в большей степени утрачивают связь с программными политическими предложениями, чем более эффективными они оказываются в качестве символов идентификации. Их смысл, пишет Хабермас, исчерпывается пробуждением к жизни такого рода популярности, которая «замещает сегодня в массовом обществе непосредственное отношение индивида к политике»¹ (S. 321). Поэтому, заключает автор, центральную роль играет презентация руководителя или команды руководителей; они также нуждаются в оформлении и упаковке в соответствии с требованиями рынка. Для правительства индекс популярности служит критерием того, в какой мере оно контролирует необщественное мнение населения или сколько еще преобразуемой в популярность публичности оно должно придать своей команде руководителей. Популярность как таковая не тождественна публичности, но без последней, отмечает Хабермас, она не может поддерживаться длительное время. Настроение, которое она характеризует, является зависимой переменной лишь на время производимой публичности,

¹ См.: Kirchheimer O. Majoritäten und Minoritäten in westeuropäischen Regierungen // Die Neue Gesellschaft. Bonn-Bad Godesberg: Verlag Neue Gesellschaft. 6. Jahrgang, 1959. S. 256–270.

хотя отнюдь и не зависящей всецело от последней. Правящие партии не без оснований создают, с целью удержать свои позиции в ходе избирательной кампании, объективные поводы, поводы для публичности в форме настоящих уступок ожиданиям населения, например, посредством понижения потребительских налогов на алкоголь или сигареты — весьма эффективная с точки зрения рекламы мера, замечает Хабермас. Чтобы — как всегда манипулятивно — соответствовать выявленным с помощью методов научного анализа мотивам избирателей, в качестве точек кристаллизации желаемой публичности порой необходимы также меры, которые удовлетворяют реальные потребности. В этом отношении манипуляции даже наиболее изобретательных менеджеров избирательной кампании имеют свои естественные пределы. Из этого, однако, не следует, по мнению Хабермаса, обратный вывод, согласно которому «чем лучше известны мотивы избирателей, тем длительнее „народ“ „манипулирует“ „правительством“»¹ (S. 321–322).

Разумеется, пишет далее автор, публицистическая «эксплуатация» данных мотивов должна также соответствовать им; причем в зависимости от обстоятельств может оказаться необходимым создание поводов для публичности в форме обязательств, удовлетворяющих реальные потребности избирателей. Чем уже «естественные» границы манипуляции, тем сильнее принуждение к тому, чтобы не только использовать выявленные мотивы, но и удовлетворять их. Составить однозначное представление об этом, считает Хабермас, на данный момент невозможно. Но даже, продолжает он, если мы гипотетически предположим, что в ситуации, задающей достаточно узкие границы для манипуляции, процедура акламации в рамках лишь на время производимой публичной сферы гарантировала бы достаточную готовность правительства следовать необщественному мнению, то даже в этом случае не были бы выполнены условия демократического формирования мнения и воли. Ибо, полагает автор, выдвигаемые для агитационно-психологических целей предложения, насколько бы объективно целесообразными они ни были, не опосредуются в данном случае волей и сознанием субъектов. Этот способ формирования воли, по мнению Хабермаса, годился бы скорее для просвещенного абсолютизма авторитарного режима социального государства, нежели для социального и демократического правового государства. Все для народа, но ни при его участии — не случайно, пишет Хабермас, данная фраза зародилась в Пруссии Фридриха II. Строго говоря,

¹ См.: Schmidtchen G. Die befragte Nation. Über den Einfluß der Meinungsforschung auf die Politik. Freiburg: Rombach, 1959. S. 166.

рассуждает далее автор, данная процедура даже не гарантировала бы «благосостояния». Ибо необщественному мнению, воздействующему косвенным образом, помимо автономии, недостает также и рациональности. Удовлетворение достоверно выявленных мотивов самых широких слоев населения отнюдь не дает, по мнению Хабермаса, гарантии того, что оно соответствует их интересам. В соответствии со своей идеей, отмечает он, «публичность была принципом демократии не потому, что в ней принципиально каждый с равными шансами мог заявить о своих симпатиях, желаниях и взглядах — *opinions*; она могла быть реализована лишь в той мере, в какой эти личные мнения могли сформироваться в общественное мнение в ходе рационально-критических дебатов публики — *opinion publique*» (S. 323). Гарантия всеобщей доступности рассматривалась лишь в качестве предпосылки, которая гарантировала истинность следующего законом логики диалога.

Политическая публичная сфера и трансформация либерального правового государства в государство социального обеспечения

Хабермас считает, что характерное расхождение между теми функциями, которые политическая публичная сфера сегодня реально осуществляет, и теми, осуществления которых в контексте изменения отношений между публичной и частной сферами можно было бы ожидать от нее исходя из объективных потребностей демократически организованного общества, становится ощутимым там, где трансформация либерального правового государства в так называемое государство социального обеспечения регулируется явно нормативным образом и предугадывается в своей интенции как в букве, так и в духе конституционных институтов (S. 326).

В первых современных конституциях разделы каталога основных прав являлись, пишет автор, отражением либеральной модели буржуазной публичной сферы. Они гарантировали общество как сферу частной автономии. Ей противостояла ограниченная несколькими функциями публичная власть, а между ними располагалась область, в которой частные лица собирались вместе в качестве публики и в качестве граждан связывали государство с потребностями буржуазного общества, с тем чтобы (в соответствии с идеей) в рамках публичной рационально-критической дискуссии рационализировать власть как таковую. В условиях общества свободного товарооборота, отмечает Хабермас (с его внутренне присутствующим рыночному механизму и эквивалентному обмену правом равных шансов при приобретении собственности, а значит, незави-

симости и возможности участия в принятии политических решений), публичный дискурс, в рамках которого политическая власть должна была легитимировать себя, казалось, был бы гарантирован в том случае, если бы взаимодействия частных лиц на рынке и в публичной сфере получили независимость от политической власти. В качестве свободной от политической власти сферы все властные отношения автоматически оказались бы нейтрализованы внутри общества торговцев мелкими товарами.

Негативный характер либеральных основных прав, пишет Хабермас, вполне согласуется с данными представлениями: они защищают от государственных вмешательств и злоупотреблений властью в сферах, которые в принципе должны быть сохранены за частными лицами, действующими в соответствии с общими правилами правовых отношений. С точки зрения своей общественной функции основные права, отмечает он, отнюдь не имели лишь исключающего действия, «поскольку исходя из своего основания (на которое ориентировались в то время при проектировании этого политического порядка) они должны были действовать в качестве позитивных гарантий равного участия в процессе производства как общественного благосостояния, так и общественного мнения» (S. 327). В рамках общества свободного товарооборота предоставление равных шансов получения компенсаций (через рынок) и участия в деятельности политических институтов (в публичной сфере) могло быть обеспечено, указывает Хабермас, лишь косвенным образом через гарантии свобод и защиты от сконцентрированной в государстве власти. Позитивный эффект мог быть достигнут лишь благодаря запретительному действию основных прав. В противоположность распространенному среди юристов взгляду, с социологической точки зрения, пишет автор, следует заключить, что конституция либерального правового государства с самого начала стремилась регулировать не только государство как таковое и его отношения с обществом, но и систему общественных жизненных взаимосвязей в целом. Конституционно закрепленный общественный порядок включал в себя, таким образом, порядок, регулировавший частное право. Как следствие, привычное разделение либеральных гарантий свободы и демократических гарантий участия предстает, по мнению Хабермаса, в другом свете. Разумеется, пишет он, *status negativus* и *status activus* были так же ясно разграничены, как и позиции и функции *bourgeois* и *citoyen*, частного лица и гражданина вообще. Но если, рассуждает Хабермас, к обоим видам основных прав подойти социологически, исходя из первоначального отношения между публичной и частной сферами, можно

обнаружить непосредственную связь между ними. Статус как в публичной, так и в частной сфере (буржуазного общества и семьи) гарантируется в негативной форме на основе уверенности в том, что публичная сфера и рынок функционируют ожидаемым образом, до тех пор пока в обеих сферах сохраняется автономия частных лиц. Даже конституционализация публичной сферы в парламенте в качестве государственного органа не скрывает, отмечает автор, факта ее происхождения из области частных и автономных взаимоотношений публики. Избирательное право, непосредственно формулируемое как право участия, также является автоматическим следствием обеспечения (посредством обособления) частных взаимоотношений в публичной сфере. Подобно порядку, регулирующему частные права, конституционно закрепленному общественному порядку в целом, либеральные права человека и демократические права гражданина расходятся в теории и практике буржуазного конституционного права только тогда, полагает Хабермас, когда начинает осознаваться фиктивный характер гипотетически положенного в их основу общественного порядка и постепенно утверждающая свое господство буржуазия обнаруживает свою собственную амбивалентность.

Трансформация либерального правового государства в государство социального обеспечения может быть понята, с точки зрения Хабермаса, исходя из этого первоначального положения, для которого характерна скорее непрерывность, чем разрыв с либеральными традициями. Социальное правовое государство отличается от либерального не тем, как на то указывает Ридер, «что *государственная* конституция выступает с имеющим обязательную юридическую силу требованием, конституцию *общественных* организаций также закрепить в рамках определенных базовых принципов»¹ (S. 328), скорее, полагает Хабермас, имеет место обратное. Социальное государство вынуждено было создавать социальные условия для продолжения правовой традиции либерального государства, поскольку оно также стремилось обеспечить общий правовой порядок, включавший государство и общество. Как только, отмечает автор, государство начинает выдвигать себя в качестве носителя общественного порядка, оно оказывается вынуждено выйти за границы негативных определений либеральных основных прав и сформулировать позитивные предписания. Конституционное

¹ Ridder H. Zur verfassungsrechtlichen Stellung der Gewerkschaften im Sozialstaat nach dem Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Fischer, 1960. S. 16 f.

понятие закона либерального государства в своих обоих элементах — гарантирующей равенство всеобщности и справедливости (в смысле гарантирующей законность истинности) — было настолько выхолощено, что соблюдения его формальных критериев уже было недостаточно для адекватного нормативного регулирования новой материи. Место формальных должны были занять скорее материальные гарантии, подчиняющие компромиссы между интересами программным правилам *justitia distributiva*. Так, например, пишет Хабермас, распределение валового национального продукта отходит к компетенции политических инстанций. Общественные объединения борются с законодательной и исполнительной властью за план, в соответствии с которым осуществляется данное распределение. Таким образом, отмечает автор, государство, обремененное социальными обязательствами, должно следить за тем, чтобы устанавливаемое выравнивание интересов происходило в рамках всеобщего интереса.

В соответствии с понятием закона, присущего правовому государству, гарантии основных прав основываются, пишет Хабермас, на ограждении частной и политической публичной сфер от прямых вмешательств публичной власти; институциональные гарантии частной собственности и семьи также служат этой цели. Они дополняются основными социальными правами только по той причине, что «позитивные следствия запретительного действия уже не наступают „автоматически“, поскольку отделение свободных от вмешательств государства областей благодаря „предупредительности“ имманентных общественных механизмов уже не вознаграждается пусть даже видимо равными возможностями участия в распределении социальных компенсаций и деятельности политических институтов» (S. 331). Отныне, указывает автор, они недвусмысленно гарантируются государством. С его точки зрения, только таким образом политический порядок может сегодня, в рамках структурно преобразованной публичной сферы, оставаться верным той некогда инвестированной в институты буржуазного правового государства идее политической публичной сферы. Эта диалектика лучше всего может быть продемонстрирована, полагает он, на примере либеральных основных прав, которые — даже если они и сохранили свою первоначальную формулировку в действующих сегодня конституциях — вынуждены изменять свой нормативный смысл, чтобы остаться верными своей собственной интенции.

Прежде всего, отмечает Хабермас, та группа основных прав, которые (как, например, свобода слова и выражения мнений, свобода собраний и образования объединений, свобода прессы и т. д.)

гарантируют политическое функционирование публичной сферы, предоставляет доказательства того, что применительно к фактическому состоянию структурно трансформированной публичной сферы они уже не могут интерпретироваться лишь негативно. Напротив, они должны рассматриваться позитивно, как гарантии участия. С тех пор, пишет он, как институты публицистики сами стали общественной силой, используемой как для предоставления привилегированного статуса (или бойкотирования) устремляющихся в публичную сферу частных интересов, так и для опосредования любых не более как индивидуальных мнений, эффективное формирование в строгом смысле публичного мнения уже не обеспечивается благодаря тому, что любой может свободно выразить свое мнение или основать газету. Публика уже не представляет собой единство формально и материально равноправных личностей. Хабермас вновь отсылает к Ридеру¹, который, последовательно интерпретируя общественную функцию свободы выражения частных мнений, приходит в итоге к формулировке «свободы выражения публичных мнений» (собственно и предоставляющей гражданам равные шансы участия в процессе публичной коммуникации) и, соответственно, дополняет классическую свободу прессы частных лиц институциональным обязательством публицистических органов по отношению к конституционному порядку демократического и социального правового государства (S. 332). Свободное выражение мнений в прессе уже не может рассматриваться как часть традиционного выражения мнений индивидами как частными лицами. Ибо равный доступ к публичной сфере обеспечивается всем частным лицам лишь благодаря гарантии активного вмешательства государства; простой гарантии того, что государство воздержится от вмешательства, для этого уже не достаточно.

Аналогичным образом, продолжает далее Хабермас, изменяют свой характер и свободы собраний и образования объединений. Как крупные бюрократические организации партии и общественные союзы обладают олигополией на публицистически эффективные и политически релевантные образования объединений и собраний. Свобода собраний и образования объединений и здесь, отмечает автор, нуждается в гарантии активной поддержки, которая обеспечивает гражданам участие в деятельности политических организаций, налагая на последних обязательство выполнения опре-

¹ См.: Ridder H. Meinungsfreiheit // Neumann Fr., Nipperdey H.-C., Scheuner U. (Hrsg.). Die Grundrechte. Bd. II. Berlin: Duncker und Humblot, 1954. S. 342 ff.

деленных задач и соответствующего структурирования своего внутреннего порядка. Этому обязательству, пишет он, соответствует гарантирование определенных притязаний, находящихся свое выражение в так называемых партийных привилегиях.

Другая группа основных прав, удостоверяющих вместе с институциональными гарантиями частной собственности в качестве своего ядра основные свободы частного права, а также гарантирующих свободу выбора профессии, рабочего места и учебного заведения, уже не может, указывает Хабермас, рассматриваться в качестве гарантий частной сферы, базирующейся на капитализме свободной конкуренции. Отчасти эти права принимают характер прав участия — в той мере, в какой они уже рассматриваются (в связи с принципом равенства, понимаемого в материальном смысле) как гарантии социальных требований, например рабочего места или учебного заведения и т. д. Отчасти они ограничиваются другими гарантиями социального государства, утрачивая тем самым характер области, принципиально защищенной от вмешательства. Так, например, отмечает Хабермас, свободное распоряжение частной собственностью обнаруживает свои пределы не только в социальном ограничении, предписывающем совместимость с интересами общества в целом, или в социалистическом ограничении, предусматривающем ее возможную передачу, от имени всеобщего интереса, в коллективную собственность; социальные гарантии, прежде всего право на труд, найм или строительство жилья, непосредственно ограничивают либеральную гарантию частной собственности.

Как отмечает Хабермас, даже те основные права, которые гарантируют неприкосновенность интимной сферы семьи и статус личной свободы (жизнь, свобода и жилье), утрачивают — в связи с интерпретируемым в материальном смысле правом на свободное развитие личности — тот негативный характер, для которого они как раз и служили прототипом при переходе от старых сословных к гражданским правовым свободам. Ибо, аргументирует автор, «в условиях индустриального государства, конституируемого как государство социального обеспечения, защита этих правовых благ не может быть обеспечена путем оборонительных и оградительных мер или скорее может быть обеспечена лишь в том случае, если они, в свою очередь, будут опираться на права участия, на гарантируемые притязания на исполнение обязательств» (S. 334). Проявление личной свободы в частной сфере, фактически редуцированной к семейному кругу и досугу, само нуждается, полагает Хабермас, в статусе, публично гарантированном демократическим уча-

стием, вместо некогда защищенного либеральным иммунитетом основания частной собственности.

Разумеется, подчеркивает Хабермас, в этом случае личная автономия возможна лишь как нечто производное; социальные права безопасности, компенсации и свободного развития, переистолкованные в рамках государства социального обеспечения, также уже не основываются на конституционности, имеющей точкой опоры интересы, преследуемые в рамках буржуазных торговых отношений. Скорее, отмечает он, они основываются на интеграции интересов всех организаций, связанных в своей деятельности с государством, интеграции, осуществляемой согласно стандартам социального государства демократическим путем. Хабермас апеллирует к Абендроту, с точки зрения которого, реальная альтернатива здесь состоит *не* в том, «хотят ли установить полную свободу каждого индивида в принятии экономических и социальных решений или его подчинение всё планирующей власти государства, демократически репрезентирующего общество, а в том, стремятся ли подчинить широкие массы общества формально частной (и следовательно, ориентирующейся на частные интересы, а не на общее благо) власти тех членов общества, которые занимают ключевые экономические позиции в обществе, или же устраняют из необходимого и неизбежного для общественного производства и социальной жизни планирования случайности частных диспозиций малых групп и подчиняют его совместному контролю со стороны всех участвующих в общем процессе производства членов общества, высшей, принимающей решения единицей которого выступает государство. В обоих случаях предсказуемость правовых решений относительно следствий частных диспозиций членов общества ограничивается. Но если в случае планирующих мер демократического и социального государства всеобщего благоденствия эта предсказуемость сохраняется, пусть и не в конкретных деталях, но все же в рамках общей линии, и может принять вполне приемлемую форму благодаря регулирующим процедурам и предоставлению компенсаций, то в случае пронизанной олигополиями и монополиями организации общества... она, напротив, полностью подчиняется случайной (с точки зрения конкретного индивида) смене декораций в силу частных решений... Поэтому социальные позиции экономически более слабых членов общества оказываются здесь подвержены постоянным изменениям, не предусматривающим никаких компенсаций. Таким образом, в действительности, правовое влияние не ослабевает, а усиливается, если пространство публично контролируемой сферы расширяется до тех зон, ко-

торые раньше были в ведении лишь частного права»¹ (S. 335).

В той мере, в какой государство и общество взаимно проникают друг в друга (и порождают промежуточную сферу полуприватных, полупубличных отношений, регулируемых только что возникшим социальным правом), конституционное закрепление предшествующей государству частной сферы и связывающей общество с государством политической публичной сферы, изменяется, отмечает Хабермас, в своем социологическом значении и актуальной конституционной функции под влиянием конкурирующего набора конституционно-правовых норм. Ибо, говорит он, то, что уже не может быть обеспечено косвенным путем исключения, нуждается в позитивных гарантиях: участие в распределении социальных выплат и деятельности институтов политической публичной сферы. В то же время зона действия данного участия (если оно должно быть эффективным) нуждается в расширении. По этой причине, указывает Хабермас, в политической публичной сфере начинают действовать общественные организации, соотносящиеся в своей деятельности с государством, — будь то опосредованно, через партии; будь то непосредственно, во взаимодействии с публичными органами управления. Отчасти речь идет об экономических ассоциациях в узком смысле, придающих отныне коллективную форму некогда бывшим индивидуальным интересам собственников, действующих исходя из частной автономии в ее первоначальном смысле; отчасти речь идет о массовых организациях, приобретающих и утверждающих посредством коллективного представления своих интересов в публичной сфере гарантированный в социально-правовом отношении частный статус. Другими словами, пишет Хабермас, они приобретают и утверждают частную автономию посредством политической. Вместе с влиятельными в политическом отношении представителями культурных и религиозных сил, отмечает он далее, эта конкуренция организованных частных интересов вопреки «неомеркантилизму» интервенционистского управления ведет к «рефеодализации» общества в той мере, в какой вместе с взаимопроникновением публичной и частной сфер не только политические инстанции берут на себя определенные функции в области товарооборота и общественного труда, но и, наоборот, общественные силы берут на себя политические функции.

¹ Abendroth W. Zum Begriff des demokratischen und sozialen Rechtsstaats im Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland // Sultan H. und Abendroth W. Bürokratischer Verwaltungsstaat und soziale Demokratie. Hannover, Frankfurt: Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. S. 97 f.

Таким образом, пишет Хабермас, данная «рефеодализация» также охватывает и политическую публичную сферу. В ее рамках организации стремятся достичь с государством и друг с другом политических компромиссов по возможности при закрытых дверях, однако должны при этом обеспечивать «себе плебисцитное одобрение посредством развития демонстративной и манипулируемой публичности у медиатизированной публики» (S. 337). Этой тенденции к ослаблению публичной сферы как принципа противостоит, по мнению Хабермаса, трансформация функций основных прав в рамках социального государства, в целом трансформация либеральности правового государства в социальное: требование публичности распространяется с государственных органов на все организации, соотносящиеся в своей деятельности с государством. По мере реализации данного процесса уже утратившая свою целостность публика индивидуально взаимодействующих частных лиц должна будет, полагает Хабермас, уступить место публике организованных частных лиц. «Лишь последние могли бы в сегодняшних обстоятельствах через каналы внутривнутрипартийной публичности и на основе публичности, утвержденной для связывания организаций с государством и друг с другом, эффективно участвовать в процессе публичной коммуникации. В его рамках могла бы происходить легитимация формирования политических компромиссов» (S. 337).

Политическая публичная сфера социального государства отмечена, на взгляд Хабермаса, двумя конкурирующими тенденциями. В той мере, в какой она репрезентирует разрушение буржуазной публичной сферы, она освобождает место *демонстративной и манипулируемой* публичности. С другой стороны, отмечает он, в той мере, в какой социальное государство сохраняет неразрывность с либеральным правовым государством, оно придерживается требования политической публичной сферы, в соответствии с которыми опосредуемая организациями публика должна запустить (с помощью самих организаций) *критический* процесс публичной коммуникации. В конституционной реальности социального государства, пишет Хабермас, данная форма критической публичности находится в конфликте с публичностью, служащей лишь манипулятивным целям. Та степень, в которой она утверждается, характеризует «уровень демократизации индустриального общества, конституируемого в качестве социального государства, а именно *рационализацию осуществления социальной и политической власти*» (S. 338). Социальное государство, замечает автор, отказывается от фикции либерального правового государства, как если бы

политическая публичная сфера действительно воплотилась вместе со своим утверждением в качестве государственного органа. С точки зрения Хабермаса, с самого начала парламенту было присуще противоречие института, который, будучи направлен против политической власти в целом, был, однако, сам учрежден как институт «власти». В противоположность этому публичность, функционирующая в условиях социального государства, вынуждена рассматривать себя в качестве процесса самоучреждения: она вынуждена постепенно учреждать себя, конкурируя с той тенденцией, которая в рамках все более расширяющейся публичной сферы обращает принцип публичности против самого себя и тем самым ограничивает его критическую силу.

Разумеется, отмечает Хабермас, вопрос о том, в какой степени действующие в политической публичной сфере силы могут быть подчинены демократическому требованию публичности, а следовательно, насколько вообще возможна рационализация политического господства и социальной власти, на которую претендует социальное государство, — ведет в конечном счете назад к проблематике, которая изначально была присуща идее буржуазной публичной сферы. Понимание общества как амбивалентной либеральной концепции сделало очевидным, пишет он, то обстоятельство, что данная идея допускала объективную возможность сведения к минимуму структурных конфликтов интересов и бюрократических решений. С точки зрения Хабермаса, одна из проблем является технической, другая может быть сведена к экономической. От разрешения обеих зависит, на его взгляд, сегодня то, в какой мере возможно воплощение политической публичной сферы в соответствии с ее критической интенцией.

В рамках возрастающей бюрократизации государственного управления и общества, полагает Хабермас, компетентность высокоспециализированных профессионалов с необходимостью все более будет уклоняться от контроля рационально-критически дискутирующих объединений. Макс Вебер, замечает Хабермас, проанализировал, как известно, данную тенденцию на примере отношений между парламентом и исполнительной властью¹. В противоположность этому, считает Хабермас, следовало бы учесть то обстоятельство, что внутри самого управления сформировался тем временем равноценный ему партнер: «Контроль государственно-

¹ Ср. прежде всего: Weber M. *Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland* // Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1958. S. 294 ff.

политической бюрократии возможен сегодня лишь благодаря общественно-политической бюрократии партий и союзов»¹ (S. 339). Конечно, говорит Хабермас, последние сами должны подчиняться контролю в рамках своей внутриорганизационной публичной сферы. В той мере, в какой речь идет о технической стороне дела, исходя из структурных оснований вполне возможно, по его мнению, установить в рамках одной и той же организации приемлемое соотношение между бюрократическими решениями и квазипарламентским обсуждением с помощью процесса публичной коммуникации.

Конечно, отмечает Хабермас, сегодня эта проблема не является преимущественно технической. Исчезновение публичности внутри крупных организаций, как государственных, так и общественных, и тем более их бегство от публичности во взаимоотношениях друг с другом являются, на его взгляд, «результатом неустрашимого плюрализма конкурирующих интересов, и без того делающего сомнительной возможность формирования внутри него общего интереса, к которому бы публичное мнение могло отсылать как к своему критерию» (S. 340). Структурно неразрешимый антагонизм интересов, полагает автор, способен серьезно ограничить публичную сферу, реорганизованную социальным государством в выполнении ею своих критических функций. Нейтрализация социальной власти и рационализация политического господства посредством публичной дискуссии по-прежнему имеют своей предпосылкой возможный консенсус, т.е. возможность объективного согласования конкурирующих интересов в соответствии со всеобщими и обязательными критериями. В противном случае, отмечает Хабермас, публично осуществляемые властные отношения давления и противодействия породят в лучшем случае поддерживаемый временными констелляциями власти неустойчивый баланс интересов, в принципе лишенный рациональности в соответствии со стандартом всеобщего интереса.

Тем не менее, полагает Хабермас, сегодня отчетливо выделяются две тенденции, способные придать данной проблеме иное направление. Благодаря высокому и все более возрастающему уровню производительных сил индустриально развитые государства достигли увеличения общественного благосостояния, ввиду которого отнюдь не является нереалистичным предположить, что

¹ См.: Sultan H. Bürokratie und politische Machtbildung // Sultan H. und Abendroth W. Bürokratischer Verwaltungsstaat und soziale Demokratie. Hannover, Frankfurt: Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. S. 32.

продолжающийся, если не возрастающий плюрализм интересов может утратить антагонистическую остроту конкурирующих потребностей по мере их удовлетворения в будущем. Всеобщий интерес состоит, соответственно, в том, чтобы ускоренными темпами достичь условий «общества изобилия», при которых диктуемое нехваткой средств выравнивание интересов станет излишним. С другой стороны, замечает автор, вместе с техническими средствами удовлетворения потребностей возрастают и средства разрушения. Используемый в военных целях потенциал самоуничтожения глобального масштаба провоцирует риски, тотальность которых без труда релятивизирует расходящиеся интересы. Все еще не преодоленное естественное состояние в международных отношениях приняло такой масштаб всеобщей угрозы, что его специфическое отрицание артикулирует всеобщий интерес с наибольшей четкостью.

Как бы то ни было, пишет Хабермас, обе предпосылки политической публичной сферы — объективно возможная минимизация бюрократических решений и релятивизация структурных конфликтов интересов в соответствии со всеобщим интересом — уже нельзя сегодня дисквалифицировать как лишь утопические. Степень демократизации индустриальных обществ, конституированных в качестве социальных государств, не ограничивается (будь то теоретически очевидными или эмпирически обнаружимыми) непроницаемостью и неразрешимостью иррациональных отношений социальной власти и политического господства. Исход борьбы «критической публичности с публичностью, учреждаемой лишь для манипулятивных целей, остается открытым; установление влияния регулируемой социальным государством публичности осуществления и уравновешения политической власти над публичностью, организуемой лишь в целях аккламации, отнюдь не несомненно» (S. 342). Однако, заключает Хабермас, в отличие от идеи буржуазной публичной сферы в период ее либерального развития она не может быть объявлена идеологией: она кладет конец диалектике идеи, сведенной к идеологии.

Реферативный перевод с нем. Т. Тягуновой

Теория и политика дихотомии публичное/приватное

Джеф Вайнтрауб

В своей работе «Теория и политика дихотомии публичное/приватное» Джеф Вайнтрауб определяет деление на «публичное» и «приватное» как одну из великих дихотомий западной мысли, как бинарную оппозицию, которой «пользуются, чтобы категоризировать широкий диапазон других важных различий, и при помощи которой также пытаются (более или менее успешно) разделить социальный универсум на две части всесторонним и четко определенным способом» [Weintraub, 1997. P. 1]. Эта дихотомия, являясь мощным аналитическим инструментом западной мысли со времен античности, позволяла теоретикам ставить и решать многие важные вопросы социального и политического анализа, задавала ориентиры моральных и политических дебатов, позволяла осмыслять и систематизировать различные аспекты повседневности.

Однако, несмотря на кажущуюся универсальность и исчерпывающий характер этого концептуального разделения, использование

Реферативный перевод Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Jeff Weintraub, Kumar Krishan (eds.) Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1997. P. 1–42. Перевод осуществлен с любезного разрешения правообладателя University of Chicago Press.

понятий публичное/приватное часто «создает столь же значительную путаницу, как и помогает что-либо прояснить, и не в последнюю очередь потому что разные люди, использующие эти понятия, под ними подразумевают совершенно разные вещи, иногда совершенно не осознавая этого или имея в виду одновременно несколько значений сразу» [Weintraub, 1997. P. 1–2]. Например, неоклассическая экономика, рассматривающая «общественные блага» (public goods), анализирует совершенно другой предмет, нежели исследования «публичной сферы» (public sphere) Юргена Хабермаса или Ханны Арендт, говоря уже, например, о Филиппе Арьесе или Ричарде Сеннете, использующих такое понятие, как «общественная жизнь» (public life). Какое, например, отношение имеют современные дебаты вокруг «приватизации» и передачи функций правительства частным корпорациям к миру частной жизни — семье, сексуальности, интимности, которому посвящена работа Арьеса и Даби «История частной жизни» [Aries, Duby et al., 1987–1991]?

Вайнтрауб, анализируя различные интеллектуальные контексты использования рассматриваемой концептуальной дихотомии, указывает на то, «что деление на публичное/приватное, является не единичным, а многомерным. Оно включает не одну единственную пару оппозиций, а целую сложную семью этих оппозиций, которые не являются ни полностью сводимыми друг к другу, ни совершенно не связанными друг с другом. Эти различные способы словоупотребления не просто указывают на различные явления, но они часто используют разные базовые образы социального мира, описывают разные проблемы и поднимают очень разные вопросы» [Weintraub, 1997. P. 2]. В связи с этим Вайнтрауб ставит перед собой задачу: провести четкое различие между этими многочисленными подходами к пониманию «публичного/приватного», исходя из того, что за каждым из них стоит мощная интеллектуальная традиция, использующая не только различный концептуальный аппарат, но совершенно различное видение социальной реальности.

В начале своего исследования он обращает внимание на то, что любое упоминание термина «публичное» или «приватное» имеет смысл как элемент парной оппозиции. Поэтому, чтобы понять смысл одного из этих терминов, необходимо определить основание для такого деления. Вайнтрауб выделяет два фундаментальных и аналитически различных основания:

«1. То, что скрыто или недоступно в противоположность тому, что открыто, показано или доступно.

2. То, что является индивидуальным или принадлежит только одному индивиду в противоположность тому, что является коллек-

тивным или затрагивает интересы совокупности индивидов» [Weintraub, 1997. P. 5].

Другими словами, основными критериями деления выступают «видимость» и «коллективность». Например, если индивида описывают как преследующего свои собственные эгоистические (т.е. частные, а не общественные) интересы, совершенно не обязательно, что он делает это тайно. Требование к государству выражать общие или общественные интересы совершенно никак логически не связано с идеей видимости, хотя довольно часто от государства также требуют действовать «открыто», или наоборот хранить «государственные тайны». Голосование на выборах не перестает быть «общественным» действием, даже если оно происходит «приватно» путем тайного голосования. Критерии «видимости» и «коллективности» могут сочетаться и противопоставляться в разных версиях деления на публичное/приватное самыми разнообразными способами. При этом «публичное» или «общественное» не всегда связано с «политическим», а в некоторых случаях индивидуальные действия или высказывания анализируются как публичные, для того чтобы подчеркнуть их интересосубъективный характер [Geertz, 1973. P. 45].

Рассматривая многообразие существующих в социальной мысли способов рассмотрения понятий «публичное» и «приватное», Вайнтрауб на основе представленных ранее критериев предлагает выделить четыре основных подхода к пониманию сущности данных понятий, отмечая, однако, что представленный им список подходов не является исчерпывающим. Он формулирует четыре основных подхода следующим образом:

«I. Либерально-экономическая модель, доминирующая в большинстве работ по анализу „публичной политики“ (public policy), а также в большинстве повседневных юридических и политических дебатов, которые видят деление на публичное/приватное, прежде всего, в терминах различия между государственной администрацией и рыночной экономикой.

II. Подход республиканской добродетели (или классический подход), который рассматривает „публичную“ сферу в терминах политического сообщества и гражданства, аналитически отличного как от рынка, так и от административного государства.

III. Подход, описанный, например, в работах Арьеса (и других представителей социальной истории и антропологии), понимающий „публичное“ как сферу текучего и полиморфного общения (sociability), а также анализирующий культурные и драматические конвенции, благодаря которым оно существует. (Этот подход

можно было бы назвать драматургическим, если бы этот термин не был таким многозначным.)

IV. Тенденция, которая важна для многих направлений феминистского анализа, представляющая разделение на „публичное“ и „приватное“ в терминах различия между семьей и более широким экономическим и политическим порядком, где рыночная экономика часто рассматривается как парадигматическое публичное пространство» [Weintraub, 1997. P. 7].

Далее рассмотрим более подробно каждый из четырех концептуальных подходов к делению публичное/приватное: либеральный, республиканско-добродетельный, социально-исторический и феминистский.

I. Либерализм: рынок и государство

Эта аналитическая рамка задана такими антонимами, как «общественный сектор» (public sector) и «частный сектор» (private sector). Ее можно обнаружить практически во всех дебатах вокруг «публичной политики» (public policy). Данный способ деления на публичное/приватное укоренен в неоклассической экономике. Он подразумевает специфический образ социальной реальности: в обществе действуют только индивиды, более или менее эффективно и рационально преследующие свои личные интересы. Руководствуясь этими интересами, индивиды вступают в добровольные договорные отношения друг с другом и государством. «Таким образом, на практике различие между публичным и приватным — между „общественным“ (public) и „частным“ (private) сектором — обычно означает различие между „правительственным“ и „неправительственным“, подразумевая при этом, что данное деление должно быть настолько ясно и четко дихотомично, насколько это возможно» [Weintraub, 1997. P. 8]. К «неправительственному» сектору относится, как правило, рынок, а к «правительственному» — государство.

В рамках этого подхода наиболее значимой является проблема баланса между индивидами и созданными ими организациями, с одной стороны, и государством, с другой. Данная проблема формулируется довольно часто следующим образом: должно ли государство вмешиваться в деятельность рынка или жизнь общества и в какой степени? Один вариант ответа на этот вопрос дают работы Джона Локка и Адама Смита, второй вариант предоставляют работы Томаса Гоббса и Иеремии Бентама. Первый вариант ответа (Локк и Смит) указывает на возможность «естественной» гармонии

зации эгоистических интересов индивидов, что делает вмешательство государства излишним. Второй вариант (Гоббс и Бентам) настаивает «на необходимости принуждающего агента, стоящего выше общества (воплощенного Гоббсом в Левиафане), который поддерживает порядок, управляя структурой наград и наказаний, в рамках которого люди преследуют свои „рациональные“ интересы» [Weintraub, 1997. P. 9].

Данная трактовка дихотомии публичное/приватное является чрезвычайно влиятельной в современных социальных науках. Вайнтрауб относит к этому подходу довольно обширное множество работ от «Экономической теории демократии» Энтона Даунса [Downs, 1957] до работ Гэри Бекера (Gary Becker) [Becker, 1976] и «теории обмена» Питера Блау [Blau, 1964]. Этот подход также можно обнаружить в социальных науках в виде моды на то, что сегодня называют «теорией рационального выбора». Например, в работе «Логика коллективного действия» М. Олсон утверждает, что рациональные акторы никогда не будут участвовать в коллективном действии из-за проблемы «безбилетника», если они не будут подвергнуты внешнему принуждению (аналогично в «Левиафане» Гоббса индивиды подчиняются принуждению суверена) [Olson, 1971]. Другими словами, подход, делающий акцент на рациональном и эгоистическом действии индивида, не позволяет объяснить причины и механизмы самоорганизации коллективного действия. Совершенно иначе решает аналогичные задачи второй подход к пониманию сущности дихотомии публичное/приватное.

II. Гражданство: от полиса к «публичной сфере»

В этом подходе «публичное» представляет собой «царство политического сообщества, основанного на гражданстве: в основе „общественной“ (public) жизни лежит процесс активного участия в коллективном принятии решений, осуществляемого в рамках фундаментальной солидарности и равенства» [Weintraub, 1997. P. 11]. Ключевой момент данного подхода состоит в том, что процесс коллективного принятия решений представляет собой целую сферу человеческой деятельности. Иначе говоря, основная проблематика подхода II является, по сути, невидимой в рамках первой перспективы.

«Публичное» в подходе II, как и в подходе I, означает «политическое», однако смысл политического в каждом из них сильно отличен. В рамках перспективы I политическое приравнивается к административному государству. В рамках перспективы II «политическое» означает мир обсуждений, дебатов, дискуссий, процесс кол-

лективного принятия решений и организации коллективного действия. Такое понимание политического можно обнаружить в концепции «публичного пространства» (public space) или «публичной сферы» (public realm) Ханны Арендт (Hannah Arendt). Арендт полагает, что политическое как отдельная область деятельности может возникнуть везде, где люди действуют совместно или общаются [Arendt, 1957]. Вайнтрауб проясняет различие подходов I и II к пониманию «публичного» и «политического» путем обнаружения их «исторических корней и социальных контекстов, в которых они возникли» [Weintraub, 1997. P. 11]. Он показывает, что слова «публичный» и «приватный» изначально являются латинскими. Двойной регистр их использования объясняется тем обстоятельством, что Римская империя заимствовала многие понятия политического языка (в том числе такие понятия, как «публичный» и «гражданин») из Римской республики, но придала им несколько иное значение. Таким образом, концептуальный словарь западной социальной и политической мысли был заимствован из этих двух связанных, но отличных друг от друга традиций: традиции античного республиканизма и традиции Римской империи. «Итак, есть две основные модели „публичной“ сферы, берущие свое начало из мира античности:

1. Самоуправляющийся полис или республика (res publica, буквально „общая вещь“, public thing), от которых мы унаследовали понятие политики как гражданства, где индивиды как граждане по мере своих способностей участвуют в процессе сознательного коллективного самоопределения.

2. Римская империя, откуда мы получили понятие суверена централизованного, единого и всемогущего аппарата правил, который находится выше общества и управляет им при помощи принятия и администрирования законов. „Публичная“ власть суверена правит над и от имени общества „частных“ (private) и политически пассивных индивидов, имеющих права, предоставленные и гарантированные им сувереном» [Weintraub, 1997. P. 11].

Для подхода II, рассматривающего дихотомию публичное/приватное в терминах сообщества и политического участия чрезвычайно важной оказывается категория гражданства. Гражданство здесь связано с активным участием в принятии совместных решений в сообществе. Простое членство в каком-либо сообществе не означает гражданства, т.к. гражданство предполагает активное членство в сообществе специфического типа, которое Вайнтрауб называет «добровольным сообществом» [Weintraub, 1997. P. 13]. Такое сообщество характеризуется равен-

ством членов, а также сознательным коллективным обсуждением и решением общих проблем.

Наиболее значимыми попытками теоретизации публичной сферы как специфического вида человеческой деятельности, с точки зрения Вайнтрауба, являются концепция «политического сообщества» Алексиса де Токвиля, концепция «публичного пространства» (public realm) Ханны Арендт и концепция «публичной сферы» (public sphere) Юргена Хабермаса. Общей чертой этих теорий является представление о том, что политика и публичная сфера не сводятся к государству, а социальная сфера вне государства не может быть просто идентифицирована как приватная.

Таким образом, выделенные ранее два способа понимания «публичного» в рамках подходов I и II представляют, с точки зрения Вайнтрауба, две версии разделения на публичное/приватное, каждая из которых использует кардинально различные образы политики и общества. Однако оба этих подхода, помещая в центр своего внимания проблематику «публичного», избегают теоретизирования по поводу «приватного», а также рассмотрения специфики границ между публичным и приватным. Например, они обходят огромное тематическое поле, исследуемое с различных позиций культурной антропологией и социологией Ирвинга Гофмана, а именно символическое разграничение пространства социального взаимодействия. Кроме того, ни один из этих двух подходов не предлагает альтернативного видения общественной жизни, которая не связана ни с государством, ни с гражданством, но представляет собой пространство повседневного человеческого общения.

III. «Публичная» жизнь как общение

Для того чтобы прояснить специфику третьего подхода к дихотомии публичное/приватное, Вайнтрауб приводит цитаты из двух известных текстов Жан-Жака Руссо и Джейн Джекобс, в которых по-разному концептуализируется понятие публичного:

Чем лучше устроено Государство, тем больше в умах граждан заботы общественные дают ему перевес над заботами личными... В хорошо управляемой Гражданской общине каждый летит на собрания; при дурном Правлении никому не хочется и шагу сделать, чтобы туда отправиться, так как никого не интересует то, что там делается, ибо заранее известно, что общая воля в них не возобладает, и еще потому, наконец, что домашние заботы поглощают все [Руссо, 1969. С. 221].

Толерантность, спокойное допущение огромных различий между соседями (различий зачастую куда более глубоких, чем в цвете кожи), возможное и нормальное в кипучей городской среде, но столь чуждое пригородам и псевдопригородам, возможно и нормально лишь когда улицы крупного города оснащены для того, чтобы незнакомые люди могли мирно сосуществовать на основе цивилизованности и наряду с ней сдержанного уважения к достоинству. На первый взгляд непритязательные, случайные, не устремленные ни к чему важному, тротуарные контакты — та разменная монета, на которой может вырасти богатство городской публичной жизни [Джекобс, 2011. С. 85].

Эти отрывки представляют два широко известных, но совершенно не соизмеримых друг с другом образа общественной жизни и публичного пространства, в котором она происходит. Руссо связывает «общественную жизнь» (public life) с практикой гражданства: граждане «летят» в публичное пространство, чтобы участвовать в коллективном действии, дискуссиях и принятии решений относительно общих, т. е. «публичных» дел. Джекобс предлагает иную картину публичного пространства. «Перед нами сфера незапланированных, случайных столкновений незнакомцев, сфера текучей социальности или общения. «Богатство „публичной жизни“ лежит не в самоопределении или коллективном действии, а в сложно организованной живости и спонтанности, возникающих в результате постоянного общения разных индивидов и групп, которые могут поддерживать цивилизованное сосуществование» [Weintraub, 1997. P. 17]. Функция публичного здесь не в том, чтобы выражать или производить солидарность, а в том, чтобы делать разнообразие приятным или, по крайней мере, управляемым.

Такое определение публичного оказывается очень близко подходу Арьеса, когда он пишет об обществе старого режима, что в нем «жизнь... проживалась публично», т. е. еще не произошла «приватизация» семьи, интимных отношений, с четким отделением их от имперсональных «публичных» отношений. В этом значении «публичное» не имеет ничего общего с коллективным принятием решений или государством. Ключ к пониманию публичного здесь предоставляет общение.

Для того чтобы сделать более понятными специфику понимания публичного в этом подходе и свою трактовку границ между публичным и приватным, Вайнтрауб подробно останавливается на работах Арьеса, посвященных истории семьи в Европе. Появление

семьи в ее современном смысле рассматривается Арьесом в контексте изменений отношений между семьей и более широкой сетью взаимоотношений внутри сообщества. Результатом данных трансформаций становится изменение границ между «публичной» и «приватной» сферами, а также изменение содержания каждой из них. «Приватное» начинает служить прибежищем личной и домашней жизни. При этом «приватность» или семья не является сферой изолированных, отдельных индивидов или индивидуализма. Напротив, семья представляет собой (в большей или меньшей степени) коллективное образование, поддерживаемое отношениями личной привязанности и взаимных обязательств. В этом смысле современная семья является своеобразным укрытием от индивидуализма и имперсональных отношений гражданского общества, рынка, бюрократического государства и формальных институтов. Арьес полагает, таким образом, что в результате появления современности «восторжествовал не индивидуализм, а семья» [Aries, 1962. P. 146]. Вайнтрауб относит к данному аналитическому подходу использования дихотомии публичное/приватное также множество работ других известных авторов. В частности, работы Мишеля Фуко, Норберта Элиаса и историков школы «Анналов» могут быть представлены как попытки описать один и тот же процесс разными способами: «триумф приватности и дисциплины на современном западе» или «усиливающаяся поляризация социальной жизни между все более имперсональной „публичной“ сферой (рынка, современного государства и бюрократической организации) и „приватной“ сферой все более интенсивной интимности и эмоциональности (современная семья, романтическая любовь и т.п.)» [Weintraub, 1997. P. 20].

Понятие «публичной» сферы, таким образом, рассматривается в подходе III как пространство общения, возникающего благодаря конвенциям, которые позволяют поддерживать разнообразие и социальную дистанцию, несмотря на физически малую дистанцию между индивидами. Это пространство характеризуется имперсональностью отношений, инструментальностью и отчужденностью. Используя терминологию Тенниса, это пространство „Gesellschaft“. «Публичному» пространству противостоит пространство «приватное», пространство личных „Gemeinschaft“. Исторически обе эти сферы формировались параллельно и были составными частями одного и того же процесса возникновения современности.

Данный подход также поднимает серьезную проблему современного общества: индивид, сталкивающийся с абстрактными, безличными институтами и отношениями публичной

сферы, испытывает все большую фрустрацию и неудовлетворенность. В ответ современное общество создает приватность, для того чтобы компенсировать эти негативные чувства. То есть эмоциональная «перегруженность» сферы интимных отношений развивается в тандеме со все увеличивающейся эмоциональной пустотой и отчужденностью недружелюбной «публичной» сферы. Весьма вероятно, что современный индивид не захотел бы отказаться от удовлетворенности интимной жизнью или от имперсональных институтов — они являются преимуществами современности. Однако жесткая граница между ними и их взаимоисключающий характер являются источником фрустрации. Может ли существовать выход из данного дихотомического устройства социальной реальности?

По мнению Вайнтрауба, таким выходом является общение или «богатство публичной жизни» как одно из выдающихся достижений больших городов, описанное Джекобс. Джекобс обращает внимание на то, что социальная жизнь происходит «прежде всего, в публичном пространстве улицы, парка, торгового центра, а также микрорайона, бара или кафе. Характеристики и возможности социальной жизни зависят от конфигурации физического пространства, которое не препятствует или, наоборот, блокирует течение повседневного движения и деятельности» [Weintraub, 1997. P. 23]. Другие исследователи обращают внимание на то, что физических характеристик организации пространства не достаточно для появления публичной жизни улиц. Например, исследователи, изучавшие городские этнические кварталы, показывают, что такие атрибуты публичной жизни, как доверие, безопасность, предсказуемость, чувство разделяемости конвенций, возникают не только из пространственной близости, но и из близости культурной [Whyte, 1993; Gans, 1962].

Безусловно, и этот подход не может избежать критики. Основной контраргумент связан с тем соображением, что общения и личной коммуникации может быть не достаточно для того, чтобы «связать город воедино, создать отношения между разными группами и интересами, а также заставить их работать» [Weintraub, 1997. P. 24]. Общение может поддерживаться внутри небольших соседств и микрорайонов, но оно не может создать солидарность на более обширных территориях. Для этого нужно государство или политическое сообщество. Тем не менее представители третьего подхода предлагают выход из жесткого разграничения публичной и приватной жизни, где приватность не может удовлетворить все эмоциональные ожидания индивида. Этот выход

связан с оживлением публичного мира и такой тонкой материей, как общение.

Два города

Вайнтрауб помещает проблематику общения и социоисторических трансформаций в более широкий теоретический контекст, подробно рассматривая основные концептуальные различия в понимании дихотомии публичное/приватное в подходе III и II. Эти подходы различаются взглядами на то, что представляет собой «публичное пространство». В подходе III оно выступает «пространством гетерогенного сосуществования, а не всеохватывающей солидарности или коллективного действия» и ни в коем случае «не пространством (используя формулировку Хабермаса) дискурсивного стремления достичь рационального консенсуса посредством коммуникативных средств по общезначимым вопросам» [Weintraub, 1997. P. 25–26].

Город может являться объектом теоретического анализа и одновременно метафорой основных подходов в западной социальной и политической теории. Если рассмотреть понятие «публичного» в работах Арендт и Арьеса, то можно обнаружить, что за каждым из них стоит вполне определенный, но чрезвычайно отличный образ города. Город у Арендт — это прежде всего полис, «это самоуправляющееся политическое сообщество, общие проблемы которого находятся в руках его граждан» [Weintraub, 1997. P. 26]. Второй образ города — это Вавилон, большой город, ключевой характеристикой которого является то, что его ни в коем случае нельзя назвать политическим сообществом. Это не полис, это мегаполис. Такой город очаровывает своей открытостью, толерантностью, «уличной жизнью», но он не предполагает активного гражданства. Вопрос о том, могут ли современные общества совмещать преимущества полиса и мегаполиса является открытым и ответ на него должен лежать в подробном изучении специфики «публичного пространства», с точки зрения того, как оно понимается каждым из подходов.

IV. Феминизм: приватное/публичное как семья / гражданское общество

Четвертый подход к пониманию дихотомии публичное/приватное совсем иначе формулирует данную исследовательскую проблематику. Вайнтрауб останавливается на некоторых специфических терминах и концепциях, которые привносят его

представители в дискуссию о «публичном» и «приватном». «Откровенно говоря, отличительной тенденцией большинства направлений феминистских исследований является рассмотрение семьи как парадигматической „приватной“ сферы, т.е. их формулировка „домашнего/публичного“ (domestic/public) часто используется как почти полностью идентичная „приватному/публичному“» [Weintraub, 1997. P. 27]. «Приватная» сфера, таким образом, здесь обычно рассматривается как семья (или интимность), что делает данный способ видения дихотомии публичное/приватное сходным с подходом III. Вместе с тем феминистский подход содержательно отличается от подходов I и II. «Если для подходов I и II фокусом концептуального интереса является определение „публичного“ и его границ, в то время как „приватное“ часто остается до некоторой степени ризидуальной категорией. Здесь же концептуальной отправной точкой выступает „приватная“ сфера, понимаемая как семья, а „публичная“ сфера является остаточной категорией. В этом смысле перспектива III является промежуточной между перспективами I и II с одной стороны, и феминистским подходом — с другой» [Weintraub, 1997. P. 28].

Отправную точку анализа дихотомии публичное/приватное в рамках подхода IV, по мысли Вайнтрауба, задают феминистская антропология и марксистский феминизм. Наиболее заметными здесь являются работы антрополога Мишель Ц. Розалдо. Для нее центральным моментом для понимания сущности дихотомии публичное/приватное выступает тот факт, что во всех известных обществах деление на публичное/приватное является (в той или иной степени) гендерно асимметричным, при этом «домашняя сфера» всегда оказывается сферой женской.

Вайнтрауб выделяет основные направления феминистской критики «традиционных» подходов к дихотомии публичное/приватное. Во-первых, социальная и политическая теории игнорируют домашнюю сферу или полагают ее слишком тривиальной для внимательного анализа. Во-вторых, само разделение на публичное/приватное часто глубоко гендерно маркировано. Оно встроено в идеологии, которые относят мужчин и женщин к разным сферам социальной жизни на основе их «естественных» характеристик и таким образом помещают женщин в подчиненное положение. В-третьих, определение института семьи как «приватного» используется в качестве ширмы для маскировки его подчиненного положения по отношению к доминирующим публичным институтам политики или законодательства.

Феминистские исследователи рассматривают деление на публичное/приватное как ключ к пониманию причин угнетения женщин, однако, по мнению Вайнтрауба, такой подход требует критического переосмысления. В частности, некоторые феминистские работы, появившиеся после 1980-го г., рассматривают эту дихотомию критически. Некоторые из них настаивают на том, что однозначное отнесение женщин к приватному вносит вклад в воспроизводство идеологии мужского доминирования, другие обращают внимание на то, что сама дихотомия публичное/приватное является чрезвычайно сложной и не может трактоваться настолько однозначно.

Тем не менее одним из основных достижений феминистской мысли в анализе приватного/публичного является идея связи «приватного» с семьей в большей степени, чем с рынком или изолированными индивидами. Хотя некоторые аналогичные идеи могут быть обнаружены и в истории западной социальной и политической мысли. У Аристотеля, например, различие между «приватным» и «публичным» базируется на разграничении домохозяйства (сферы персональных связей и «естественного» неравенства) и политического сообщества (сферы гражданства и равенства участия). Мужчины как главы семейств могут свободно перемещаться между двумя этими сферами, в то время как женщины (так же как и дети, и рабы), естественным образом принадлежат приватной жизни.

Вайнтрауб обращает внимание на то, что феминистский подход к рассмотрению приватного/публичного, в отличие от перечисленных ранее подходов, не оставляет места для гражданского общества. Иначе говоря, если за точку отсчета мы возьмем семью, и будем смотреть на окружающий мир, в этом случае довольно сложно будет отнести гражданское общество к «приватной сфере». В качестве попытки решения этой проблемы Вайнтрауб приводит работы Кэрол Пэйтеман [Pateman, 1989a; Pateman, 1989b]. С точки зрения Пэйтеман, несмотря на то, что сфера гражданского общества конституируется личными и персональными отношениями, типичными для приватного, она оказывается внешней по отношению к семье и домохозяйству, а кроме того, в ней доминируют мужчины. Разделение между «публичным» и «приватным» устанавливает разделение внутри гражданского общества как такового. В этом смысле неоднозначно и само понятие «приватного», хотя оно и рассматривается как женский мир, эта сфера является миром мужской власти и женского подчинения. «Разрушение очевидной связи между „гражданским обществом“ и „приватной“ частью дихото-

мии публичное/приватное (безусловно, законодательство и идеология современных обществ содержат „двойное разграничение приватного и публичного“, а не одну единственную дихотомию) — это ключевое требование для феминистского критического анализа широкого диапазона социальных и политических теорий» [Weintraub, 1997. P. 31].

Анализируя феминистский подход к дихотомии публичное/приватное, Вайнтрауб пытается ответить на вопрос о том, каким образом феминистки понимают «публичное». На этот вопрос не существует единого ответа в рамках самого подхода, более того, «публичная» сторона дихотомии часто остается слабо концептуально проработанной. Один из вариантов ответа дает марксистский феминизм, разграничивая «способ производства» и «способ воспроизводства». В современном обществе капиталистическое товарное производство усиливает институциональную сегрегацию между «работой» и домом. «Только производство меновой стоимости (осуществляемое в основном мужчинами) в рыночной экономике рассматривается как настоящая „работа“, которая противопоставляется производству потребительной стоимости и эмоциональному менеджменту (осуществляемому в основном женщинами) в доме» [Weintraub, 1997. P. 32]. В результате домашняя сфера феминизируется и одновременно маргинализируется. «Публичное» для марксистского феминизма ассоциируется прежде всего с рыночной экономикой. Типичным примером здесь могут быть названы работы Карен Сакс (Karen Sacks), которая (вслед за Энгельсом) проводит разграничение между «женской приватной домашней работой» и «публичной или оплачиваемой работой» [Sacks, 1975]. Таким образом, по сравнению с либерально-экономической формулировкой дихотомии публичное/приватное в этом подходе рыночная экономика «переезжает» из «приватной» сферы в «публичную». Феминистский подход спасает от теоретического забвения семью, противопоставляя ей «публичный» рынок, но он совершенно не замечает сферу «публичных» гражданских отношений. Вайнтрауб обращает наше внимание на очевидную проблему, которая имеет отношение не к самому марксистскому феминизму или феминизму как таковому. Эта проблема возникает во всех подходах, которые пытаются поместить сложно организованную социальную реальность в рамки одной бинарной оппозиции. Такие попытки всегда представляют собой определенное упрощение, не учитывающее сложность современных обществ.

Великое разделение и его границы

Чтобы суммировать основные аргументы представленной дискуссии о публичном/приватном, Вайнтрауб предлагает наглядную таблицу, в которую помещает наиболее значимые для нее имена [Weintraub, 1997. P. 35].

Таблица

Подходы/ авторы	Приватное	Публичное	Социоистори- ческие точки референций
Аристотель	Домохозяйство (oikos)	Политическое сообщество	Полис
Арьес	Дом	Общение	Старый режим
Марксистский феминизм	Семья	Рыночная экономика	Капитализм
Экономика	Рыночная экономика	Правительство (администрати- вное государство)	Капитализм

Вайнтрауб подытоживает представленную им дискуссию, обращая внимание также и на то, что все подходы к определению публичного/приватного можно разделить на два основных типа. Во-первых, подходы, которые рассматривают дихотомию публичное/приватное как синоним дихотомии политическое/неполитическое. При этом в подходах этого типа превалирующим способом понимания неполитического выступает «приватная» сфера, к которой относятся рынок или гражданское общество, основанное на рынке.

„Приватная“ сфера таким образом характеризуется центральностью эксплицитных соглашений, рациональным обменом, имперсональностью, инструментальным расчетом индивидуальных выгод и т. п. Как я показал ранее, характер „политического“ крайне неоднозначен в этих дискуссиях. Если политическое понимается в терминах административного государства, то „публичная“ сфера характеризуется использованием легитимного насилия и властным управлением общими делами как противоположность формально добровольным соглашениям и спонтанному порядку, возникающим из рыноч-

ного обмена. Или в некоторых более „гражданских“ перспективах, отличительной чертой „публичной“ сферы в большей степени является солидарность, „общественный дух“, участие в процессе активного гражданства и коллективного самоопределения и прочее. Но в обоих случаях „публичная“ сфера определяется сходным образом, прежде всего, через оппозицию „приватной“ сфере рынка и гражданского общества [Weintraub, 1997. P. 36].

Другое дискурсивное поле составляют подходы, концентрирующие свое внимание на «пространстве приватной жизни», под которым понимается мир личных отношений, прежде всего тех, которые связаны с интимностью, домашней жизнью, «приватностью».

„Публичное“ пространство, которое ограничивает приватное, это пространство общения или — что наиболее актуально в контексте современности — широкомасштабного порядка или Gesellschaft, основанного на имперсональных, формальных институтах, инструментальных отношениях и так далее [Weintraub, 1997. P. 37].

Приватная сфера здесь характеризуется специфическими отношениями, которые в большей степени определяются через оппозицию «публичной» сферы безличных отношений и институтов, и она ценится именно за это. Основной задачей такого понимания дихотомии публичное/приватное является объяснение того, почему мир «персонального» стал настолько приватным. В рамках данного способа понимания дихотомии публичное/приватное рынок относится к сфере публичного.

Представленное сравнение обнажает некоторые ограничения анализируемого деления на публичное/приватное. Во-первых, каждый из подходов демонстрирует поляризованный мир, в то время как промежуточные социальные формы между двумя полюсами не рассматриваются. Например, как было показано выше, не всегда деление социального мира на два полюса является достаточным, т.к. оставляет без внимания обширные сферы социальной жизни и социального взаимодействия. Во-вторых, разные подходы предполагают чрезвычайно разные способы деления на публичное/приватное, которые не могут быть сплавлены в одну единую дихотомию. Данная проблема не решается количественным способом, например путем размещения разных подходов на шкале степени «публичности» или «приватности», поскольку каждый из них

предлагает чрезвычайно разные, иногда взаимоисключающие критерии для выделения публичного и приватного. Например, кажется, что мы могли бы описать рыночную экономику как более «публичную», чем семью, при этом государство будет выступать еще более «публичным». Однако основание такой шкалы является не очевидным. Вместе с тем, несмотря на то, что деление на публичное/приватное оказывается проблематичным и часто опасным, вводящим в заблуждение, оно также является мощным инструментом социального анализа и моральной рефлексии, если подходить к нему с достаточной осторожностью и пониманием тех методологических сложностей, которые оно порождает.

Список источников

Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов: пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2011.

Руссо Жан-Жак. Трактаты. М.: Наука, 1969.

Arendt H. The Human Conditions. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

Aries Ph. Centuries of Childhood: a Social History of Family Life. New York: Vintage, 1962.

Aries Ph., DUBY G. et al. (eds.) A History of Private Life: 5 vols. Cambridge: Harvard University Press, 1987–1991.

Blau P. Exchange and Power in Social Life. John Wiley & Sons, Inc., 1964.

Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row, 1957.

Gans H. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. Glencoe: Free Press, 1962.

Geertz C. The Impact of the Concept of Culture on the Concept of Man // Geertz C. Interpretations of cultures. New York: Basic Book, 1973. P. 33–54.

Olson M. The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1971.

Pateman C. Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy // Pateman C. The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Radical Theory. Stanford: Stanford University Press, 1989a. P. 118–140.

Pateman C. Patriarchial Welfare State // Pateman C. The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Radical Theory. Stanford: Stanford University Press, 1989b. P. 179–209.

Rosaldo M.Z. Woman, Culture and Society: a Theoretical Overview // Rosaldo and Lemphere (eds.) Woman, Culture and Society. Stanford: Stanford University Press, 1974. P. 17–42.

Вайнтрауб

Saks K. Engels Revisited: Women, the Organization of Production and Private Property // Reiter Rayne R. (ed.) *Toward an Anthropology of Women*. New York: Monthly Review Press, 1975. P. 211–234.

Whyte W.F. *Street Corner Society: the Social Structure of an Italian Slam*. Chicago: University of Chicago Press, 1993 [1943].

Weintraub J. *The Theory and Politics of the Public/Private Distinction* // Weintraub Jeff, Kumar Krishan (eds.) *Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1997. P. 1–42.

Реферативный перевод с англ. Л.Л. Шпаковской

V. ПРИЛОЖЕНИЕ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Программа дисциплины «Социология публичной сферы»
для направления 040100.68 «Социология» подготовки магистра

Правительство Российской Федерации

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"»**

**Программа дисциплины
Факультет социологии
Социология публичной сферы**

для направления подготовки

040100.68 «Социология»
Уровень подготовки:
магистр

Автор программы:
доктор социологических наук,
PhD, профессор
Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна
elena.iarskaia@socpolicy.ru, eiarskaia@hse.ru

Одобрена на заседании кафедры общей социологии
«___» _____ 20 г.
Зав. кафедрой Н.Е. Покровский

Рекомендована секцией УМС "Социология" «___» _____ 20 г.
Председатель В.Г. Ледяев

Утверждена УС факультета социологии «___» _____ 20 г.
Ученый секретарь Е.В. Надеждина

Москва, 2013

Настоящая программа не может быть использована другими подразделениями университета и другими вузами без разрешения кафедры-разработчика программы.

1. Область применения и нормативные ссылки

Настоящая программа учебной дисциплины устанавливает минимальные требования к знаниям и умениям студента и определяет содержание и виды учебных занятий и отчетности.

Программа предназначена для преподавателей, ведущих данную дисциплину, учебных ассистентов и студентов направления подготовки/специальности 040100.68, обучающихся по магистерской программе «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» и изучающих дисциплину «Социология публичной сферы».

Программа разработана в соответствии с:

- оригинальным образовательным стандартом НИУ ВШЭ по социологии;
- образовательной программой 040100.68 «Социология»;
- рабочим учебным планом университета по направлению подготовки/специальности «Социология», утвержденным в 2011 г.

2. Цели освоения дисциплины

Курс имеет основной целью развить основу теоретических знаний о публичной сфере и гражданском обществе для применения их во время полевой практики исследований, работы в общественных организациях, с группами и сообществами, средствами массовой информации. Курс предназначен для формирования профессиональных компетенций студентов магистратуры, специализирующихся в области социологии публичной сферы.

Учебные задачи курса:

1. Познакомить с новой отраслью социологии – социологией публичной сферы.
2. Сформировать общее понятие публичной сферы, публики, общества, общественности, прояснить специфику основных подходов к определению публичной сферы, дать представления о трансформации границ публичного/приватного, основах гендерного анализа публичной сферы.
3. Рассмотреть публичную сферу как коммуникативное пространство в контексте гражданского общества, глобализации.
4. Установить прикладные задачи современной социологии публичной сферы, отработать навыки систематизации данных и презентации результатов исследования, конструктивной коллективной дискуссии.

Курс охватывает 1-й, 2-й и 3-й модули. Он рассчитан на 288 часов занятий, из них 52 часа аудиторных занятий (26 ч. – лекции, 26 ч. – семинары). Студенты пишут реферат (эссе) по теме курса, согласованной с преподавателем, а также выполняют творческий медийный проект. Курс завершается экзаменом.

Требования к письменным работам (реферат/эссе):

1. Самостоятельность, новизна, оригинальность работы, связь эссе с задачами образовательной программы, темой курсовой работы.

2. Релевантность источников (классиков и современных авторов по данному курсу), умелое их использование в связи с выбранной темой, навыки самостоятельного поиска литературы.

3. Релевантность эмпирической базы задачам эссе, грамотность применения методологии и корректность формулировок основных элементов программы исследования.

4. Стиль изложения (соблюдайте баланс между академическим и публицистическим стилем, пишите интересно, понятно, но не голословно, эссе должно быть не столько описательным, сколько аналитическим, но интересным – представьте, что вы сможете его быстро доделать для презентации в публичной сфере, например, опубликовать в СМИ), логика, продуманность структуры, ясность мысли, общая грамотность.

5. Корректное оформление академического текста (цитаты, ссылки на источники, библиографическое описание источников), соблюдение объема, сроков сдачи.

3. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины

В результате освоения дисциплины студент должен:

- Знать основные трактовки объяснения «публично-го/приватного», такие ключевые понятия и категории, как «публика», «публичная сфера», «публичная социология», «гражданское общество», «общественность».

- Уметь выстраивать связи между этими понятиями, критически оценивать и интерпретировать выводы коллег, применять различные социологические подходы для интерпретации эмпирических кейсов и построения программы социологического исследования, фокусируясь на проблематике публичной сферы.

- Иметь навыки (приобрести опыт) критической дискуссии по теоретическим основаниям исследований в области публичной сферы, проведения самостоятельных исследований и интерпретации их результатов, быть способным к самоопределению в рамках исследовательского контекста, вносить собственный оригинальный вклад в развитие данной дисциплины, демонстрировать оригинальность и творчество при осуществлении деятельности в конкретной области.

В результате освоения дисциплины студент осваивает следующие компетенции:

Компетенция	Код по ФГОС/ НИУ	Дескрипторы – основные признаки освоения (показатели достижения результата)	Формы и методы обучения, способствующие формированию и развитию компетенции
Способен рефлексировать (оценивать и перерабатывать) освоенные научные методы <i>(формируется частично)</i>	СК-М1	<ul style="list-style-type: none"> – дает концептуальное определения ключевых понятий, применяемых для объяснения проблематики публичной сферы – интерпретирует изучаемые явления с позиций различных теоретических перспектив – дает оценку потенциалу и ограничениям теоретических подходов 	Лекции, подготовка письменных заданий, критический разбор текстов на семинаре, подготовка доклада и оппонирование на семинаре, подготовка мини-исследования и реферата
Способен предлагать концепции, модели <i>(формируется частично)</i>	СК-М2	<ul style="list-style-type: none"> – дает определение понятиям публичного и приватного, публичной сферы, гражданского общества – использует концепции из социологии публичной сферы, публичной социологии, гражданского общества для интерпретации явлений и процессов 	Лекции, подготовка письменных заданий, критический разбор текстов на семинаре, проведение мини-исследования, написание реферата, выступление с докладом и оппонирование
Способен анализировать, верифицировать, оценивать полноту информации в ходе профессиональной деятельности, при необходимости восполнять и синтезировать недостающую информацию и работать в условиях неопределенности <i>(формируется частично)</i>	СК-М6	<ul style="list-style-type: none"> – представляет связи между категориями и концепциями при анализе существующих подходов и построении собственной исследовательской программы – обосновывает выбор научного подхода для исследования публичной сферы 	Лекции, письменные задания, написание реферата, подготовка доклада и оппонирование на семинаре, критический разбор текстов на семинаре, участие в общегрупповом проекте
Способен самостоятельно формулировать цели, ставить конкретные задачи научных исследований в фундаментальных и прикладных	ИК-3	<ul style="list-style-type: none"> – дает операциональное определение ключевых понятий собственной темы, формулирует цель и задачи исследования в русле публичной сферы – использует методы вир- 	Лекции, письменные задания, мини-исследование, презентация и оппонирование на семинаре, работа в малых группах, критический разбор

Компетенция	Код по ФГОС/ НИУ	Дескрипторы – основные признаки освоения (показатели достижения результата)	Формы и методы обучения, способствующие формированию и развитию компетенции
<p>областях социологии и решать их с помощью современных исследовательских методов с использованием новейшего отечественного и зарубежного опыта и с применением современной аппаратуры, оборудования, информационных технологий <i>(формируется частично)</i></p>		<p>туальной академической коммуникации в учебных и научных целях – критически оценивает и интерпретирует приемы теоретизирования и проведения эмпирического исследования, а также выводы коллег,</p>	<p>работ коллег, участие в общегрупповом проекте в одной из социальных сетей</p>
<p>Способен свободно общаться на иностранных языках для целей профессионального и научного общения <i>(формируется частично)</i></p>	ИК-9	<p>– демонстрирует готовность к ведению профессиональной дискуссии на английском языке по основным проблемам публичной сферы – владеет профессиональной терминологией на английском языке, достаточной для чтения научной литературы по теме, в том числе первоисточников</p>	<p>Подготовка к семинарским занятиям (самостоятельная работа) – чтение литературы из списка основной и дополнительной на английском языке с последующим разбором на семинарских занятиях, использование литературы на английском языке для подготовки докладов и реферата</p>
<p>Способен оформлять и представлять результаты деятельности с использованием методов, методик и приемов презентации результатов <i>(формируется частично)</i></p>	ИК-10	<p>– демонстрирует результаты систематизации теоретической литературы с использованием презентационного оборудования – использует приемы конструктивного диалога и критической дискуссии по теоретическим основаниям исследований в области публичной сферы на коллоквиумах – различает и применяет релевантные методы пуб-</p>	<p>Работа в малых группах, выступления с презентациями на семинарах, академических публичных площадках, в т.ч. в рамках общегруппового проекта в одной из социальных сетей</p>

Компетенция	Код по ФГОС/ НИУ	Дескрипторы – основные признаки освоения (показатели достижения результата)	Формы и методы обучения, способствующие формированию и развитию компетенции
Способен собирать, обрабатывать и интерпретировать с использованием современных информационных технологий данные, необходимые для формирования суждений по соответствующим социальным, научным и этическим проблемам <i>(формируется частично)</i>	ИК-12	<p>личной презентации результатов исследований специалистам и неспециалистам</p> <ul style="list-style-type: none"> – применяет навыки проведения самостоятельных исследований и интерпретации их результатов – распознает этические коллизии и демонстрирует навыки самоопределения в рамках исследовательского контекста – владеет навыками использования современных информационных технологий для ведения дискуссии, представления данных и презентации результатов своей научной и практической деятельности по социальным проблемам 	<p>Письменные задания, мини-исследование, презентация и оппонирование на семинаре, работа в малых группах, критический разбор работ коллег, ведение информационно-дискуссионной площадки в Интернете, выступления с презентациями на семинарах, академических и неакадемических публичных площадках</p>
Способен описывать проблемы и ситуации профессиональной деятельности, используя язык и аппарат основ философии и социально-гуманитарных наук для решения проблем на стыке наук, в смежных профессиональных областях <i>(формируется частично)</i>	ИК-13	<ul style="list-style-type: none"> – дает определение публичной роли интеллектуала в смежных профессиональных областях – демонстрирует умение выстроить междисциплинарные связи в работе с публикой – интерпретирует различные социальные теории, выходя за рамки дисциплинарных ограничений – применяет междисциплинарный аппарат гендерного анализа и визуального анализа к исследованию проблематики публичной сферы 	<p>Лекции, написание реферата, подготовка доклада и оппонирование на семинаре, критический разбор текстов на семинаре</p>

<p>Способен использовать концептуальные основы философии социальных наук, современной социологической теории, методологии и методов социальных наук применительно к задачам исследования социальных общностей, институтов и процессов, общественного мнения (<i>формируется частично</i>)</p>	<p>ИК-15</p>	<ul style="list-style-type: none"> – применяет известные ему (ей) категории и теоретические подходы для анализа конкретных примеров, явлений актуальной действительности, – применяет различные социологические подходы для интерпретации эмпирических кейсов и построения программы социологического исследования, фокусируясь на проблематике публичной сферы – интерпретирует и оценивает эмпирические данные исследований в терминах современной социологической теории и научных подходов к изучению публичной сферы, в том числе с использованием гендерного анализа 	<p>Лекции, написание реферата, подготовка доклада и оппонирование на семинаре, критический разбор текстов на семинаре</p>
<p>Способен строить профессиональную деятельность и делать выбор, руководствуясь принципами социальной ответственности (<i>формируется частично</i>)</p>	<p>СЛК-7</p>	<ul style="list-style-type: none"> – рефлексирует этические дилеммы в социологической профессии – распознает коллизии социальной ответственности интеллектуала – владеет умениями в области обучения, позволяющими продолжать обучение в значительной мере самостоятельно и автономно, с опорой на принципы социальной ответственности 	<p>Лекции, письменные задания, проведение интервью и написание реферата по публичной роли социологии, подготовка собственной исследовательской программы, обсуждение этических аспектов социологического труда в докладе и выступлении оппонента</p>
<p>Способен порождать принципиально новые идеи и продукты, обладает креативностью, инициативностью (<i>формируется частично</i>)</p>	<p>СЛК-8</p>	<ul style="list-style-type: none"> – владеет способом составления структурированной и корректно оформленной библиографии для разработки исследовательской темы, – определяет для себя круг чтения социологической литературы, необходимый для систематиза- 	<p>Лекции, проведение мини-исследования, написание реферата, подготовка доклада и оппонирование на семинаре, критический разбор текстов на семинаре</p>

ции подходов к выбранному предмету дискуссии – после окончания курса применяет полученные знания и навыки при написании курсовой работы или магистерской диссертации, вносит собственный оригинальный вклад в развитие дисциплины «Социология публичной сферы», применяет творческие приемы диссеминации результатов исследования в публичной сфере

4. Место дисциплины в структуре образовательной программы

Для магистерской программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» настоящая дисциплина является обязательной дисциплиной цикла дисциплин программы (Базовая часть).

Изучение данной дисциплины базируется на следующих дисциплинах:

- «Социологическая теория» («Общая социология», «История социологии» и «Современные социологические теории»)
- «Методы сбора и анализа социологической информации»
- «Социология СМИ»
- «Социология гражданского общества»

Для освоения учебной дисциплины студенты должны владеть следующими знаниями и компетенциями:

- Владеть основными навыками работы с компьютером как средством управления информацией;
- Знать специфику наук об обществе;
- Обладать общегуманитарными знаниями на уровне научных дисциплин бакалавриата и специалитета.

Основные положения дисциплины должны быть использованы в дальнейшем при изучении следующих дисциплин:

- «Научно-исследовательский семинар»
- курсы по выбору

5. Тематический план учебной дисциплины

№ п/п	Название раздела	Всего часов	Аудиторные часы			Самостоятельная работа
			Лекции	Семинары	Практические занятия	
1.	Введение: основные понятия. Публика. Публичное пространство и публичная сфера. Публичное/приватное: основные подходы	42	8	4	–	30
2.	Публичное/приватное в гендерном анализе	28	4	4	–	20
3.	Публичная сфера и гражданское общество	24	4	4	–	20
4.	Социология и публичная сфера. Понятие публичной социологии	32	4	4	–	26
5.	Виртуализация публичной сферы	24	2	2	–	20
6.	Социологические исследования публичной сферы. Публичная политика. Публичная сфера как проект. Приемы исследования. Презентации эссе	58	4	8	–	50
	Экзамен					20
	Всего	288	26	26	–	236

6. Формы контроля знаний студентов

Тип контроля	Форма контроля	1 год				Параметры
		1	2	3	4	
Текущий (неделя)	Реферат (эссе)			1		2–3 тыс. слов
	Участие в общегрупповом проекте		1			300–500 слов (заметки, анонсы, пресс-релизы, аннотации, участие в дискуссиях)
	Домашнее задание	3	2			300–500 слов (ответы на вопросы по источникам)
Итоговый	Экзамен			1		Тест

6.1 Критерии оценки знаний, навыков

Оценки по всем формам текущего контроля выставляются по 10-балльной шкале.

Отчетность: 1-й и 2-й модули – оценки за промежуточные домашние задания, активность на занятиях, и участие в общегрупповом проекте, 3-й модуль – промежуточные задания, работа на семинарах, реферат (эссе), экзамен.

Домашние задания оцениваются, исходя из следующих критериев:

1. Соблюдение сроков сдачи работы, соответствие объема заданным рамкам, корректное оформление работы
2. Творчески составлены вопросы к прочитанному тексту
3. На каждый вопрос дан развернутый ответ, включающий цитату из источника и комментарии студента, корректное использование дополнительной литературы
4. В ответах приводятся примеры из актуальной российской действительности
5. Стиль изложения ясный, грамотный, аргументированный
6. Оригинальность и самостоятельность идей автора

Оценка за семинары складывается из следующих видов работ:

1. Работа в малых группах с обсуждением текста и выступление по ее итогам
2. Индивидуальные выступления по прочитанным источникам
3. Мини-самостоятельные (по ключевым словам / один общий вопрос по теме прошедшей лекции)
4. Вопрос от каждого студента к предыдущей теме (либо по текущей, но уже изученной на лекции) и ответ на вопрос однокурсника

Критерии оценивания эссе (реферата)

1. Самостоятельность, отсутствие избыточного цитирования (авторский текст должен превышать цитируемый минимум вдвое, каждая цитата должна предваряться и сопровождаться авторским комментарием), новизна, оригинальность работы, содержание и качество аргументации (поскольку это самостоятельная работа, ваша позиция не обязательно совпадет с научными взглядами преподавателя, однако он вправе оценить глубину и качество ваших аргументов, а также степень вашей информированности относительно основных социологических концепций, терминов и фактов, имеющих отношение к изучаемой области).

2. Релевантность источников (классиков и современных авторов по данному курсу), умелое их использование в связи с выбранной темой, навыки самостоятельного поиска литературы, знакомство с литературой по курсу или разделу курса, материалами лекций или практических занятий.

3. Релевантность эмпирической базы задачам эссе, грамотность применения методологии и корректность формулировок основных элементов программы исследования.

4. Стиль изложения (соблюдайте баланс между академическим и публицистическим стилем, пишите интересно, понятно, но не голословно, эссе должно быть не столько описательным, сколько аналитическим, но интересным – представьте, что вы сможете его быстро до-

делать для презентации в публичной сфере, например, опубликовать в СМИ), логика, продуманность структуры, ясность мысли, общая грамотность.

5. Корректное оформление академического текста (цитаты, ссылки на источники, библиографическое описание источников).

6. Связь эссе с задачами образовательной программы, темой курсовой работы.

7. Соблюдение объема, сроков сдачи.

Оценивание творческого медийного проекта

В 2013/2014 учебном году студенты разрабатывают площадку в Facebook как демоверсию публичной сферы. Оценивание вклада осуществляется по критериям интенсивности и периодичности участия, содержательных и коммуникативных сторон участия, уместности и релевантности предоставляемой информации с точки зрения целей программы и индивидуальных учебно-научных задач участников.

7. Рекомендации к подготовке финального эссе

Объем: 1500 слов (не считая ссылок, списка источников).

Структура эссе: титульный лист, оглавление (электронное), введение, основная часть (название основной части должно быть содержательным), которую следует разбить на подразделы (их названия тоже должны быть содержательными), заключение, список использованных источников.

Цитаты – не более 20 слов, заключаются в кавычки, сноски постраничные с полным библиографическим описанием. Привлечение идей без дословного цитирования тоже оформляется ссылкой на источник. Плагиат (дословные заимствования без кавычек со ссылками или без ссылок) санкционируется неудовлетворительной оценкой. **Источники:** всего не менее 10, в том числе не менее 6 классиков и/или современных зарубежных социологов, в т.ч. те, которые использовались в курсе «Публичная сфера», не менее 6 современных отечественных или зарубежных социологов, не менее 4 информационных сообщений в СМИ. **Оформление источников:** см. Ярская-Смирнова Е.Р. Создание академического текста. М.: ООО «Вариант», 2013.

Задачи эссе: рассмотреть тему своей курсовой работы в контексте теоретических понятий публичной сферы в современном российском обществе. Для этого необходимо изучить по выбранной теме научные и публицистические источники, сообщения в СМИ.

Рекомендуемые источники

Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77-91.

Волков В. Общественность: российский вариант концепции гражданского общества // Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст // Здравомыслова Е., Хейккинен К. (ред.) Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 18–19 января 1996). СПб.: ЦНСИ, 1996. Труды. Вып. 3.

Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. науч. статей. СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996.

Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–323.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 171–182.

Иванова Е.Н. Профессионализация интернет-журналистики в блогосфере: диссертация кандидата социологических наук : 22.00.04 / Иванова Елена Николаевна; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики»] М., 2011. 188 с.: 61 11-22/319.

Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5–29.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: ООО «Вариант», 2013.

Буравой М. За публичную социологию // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественная роль социологии. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

Сальменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 439–464.

8. Содержание дисциплины

Тема 1. Введение: основные понятия. Публика, публичное пространство и публичная сфера. Публичное/приватное: основные подходы

Основные категории: публика, публичное пространство, публичная сфера, общественный интерес, общественная жизнь, общественное мнение, гражданское общество. Public domain. Основные значения категории «публичное». Коллективное, визуальное и публичное. Публичность как главное средство против безнравственной политики у И. Канта. Четыре подхода к употреблению дихотомии публич-

ное/приватное по Дж. Вайнтраубу: либерально-экономическая модель, концепции гражданского общества и коллективного действия, идея публичности как сферы коммуникации и социализации, структуралистские объяснения дихотомии приватное-публичное в экономической истории и гендерном анализе. Традиция изучения «публичного» как правил и конвенций общения (И. Гофман, Н. Элиас, Ф. Арьес).

Категория «публика». Обществознание: социально-исторический анализ (В. Волков). Гражданское общество «между царем и народом». Прогрессивная публика. Профессионализация литературно-критической деятельности, формирование институтов общественного мнения, появление новой публики. Советская общественность.

Введение в концепции «публичного пространства» Х. Арендт и «публичности» Ю. Хабермаса. Структурная трансформация публичной сферы. Система и жизненный мир публичной сферы. Упадок публичной сферы (Р. Сеннет). Манипулятивная публичная сфера. Колонизация публичной сферы системами власти, гражданские практики против власти. Пересмотр идей Хабермаса.

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 38–41.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 290–322.

Тема 2. Публичное/приватное в гендерном анализе

Структуралистские объяснения и критика дихотомии приватное-публичное в гендерном анализе. Постулат о базовой биологической дихотомии между мужчиной и женщиной – биологический детерминизм. Андроцентризм социальных наук. Феминистская критика представлений о половых различиях в социологии и социальной/культурной антропологии. Структуралистские объяснения гендерного неравенства (Ш. Ортнер). Пол, разделение труда и стратификация: публичное и приватное (Джоан Хубер).

Гендерная стратификация (социологические концепции). Пересмотр универсальности субординации женщин, дихотомий «публичное/приватное», «тело/разум», «женщина/мужчина». Социальное конструирование гендера. Антиструктурализм и критика проблемы власти. Подход «снизу вверх», понятие «голос замалчиваемых». «Личное как политическое». Деконструкция. Глобализация. Постколониальные исследования. Анализ репрезентаций, визуальные репрезентации. Граница между интимностью и публичностью. «Публичность приватного». Защита приватного. Гендерная система в СССР: публичное и приватное (Е. Здравомыслова, В. Воронков, А. Роткирх). Специфика советского гендерного контракта. Квазипубличная сфера. Женский активизм. Эссенциалистские мотивы женского участия в публичной сфере.

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 258–265.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 617–661.

Тема 3. Публичная сфера и гражданское общество

Конститутивные элементы или институты гражданского общества – свободные ассоциации граждан (горожан), рынок и публичная сфера. Формальные структуры гражданского общества. Проблема поиска аналогов структур гражданского общества в СССР (Р. Алапура). Частные интересы и коллективное действие. Квазитрадиционные общины и ассоциации. Понятие good governance. Риторика гражданского общества и кризиса welfare state, подъема неолиберализма, сокращения роли государства. Гражданское общество как третий сектор, предлагающий новый способ производства благосостояния и empowerment, этос самопомощи и предпринимательства. Легитимация устранения государства от обязательств благосостояния. Проблема дезинтеграции социального капитала и кризис гражданского общества (Х. Патнэм). Постсоциализм и гражданское общество: дискурсы спасения и колонизации. Гражданское общество в контексте престижного потребления и вертикальной мобильности. Гендер, класс и другие аспекты неравенства в контексте гражданского общества. Критика западных теорий гражданского общества в постсоциалистическом контексте (К. Ханн). Пространственная и функциональная концептуализация гражданского общества. Три подхода к пониманию постсоциалистического гражданского общества: оценочный (Хендерсон), исторический (Волков, Хархордин) и сравнительный (Ховард). «Дискурс отсутствия» в оценочном подходе. Емические понятия в историческом подходе. Эмпирический анализ «участия» в сравнительном подходе. Гражданское общество как дискурс – достоинства и ловушки подхода. Локальные смыслы гражданского общества (примеры исследований).

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 60–116.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 290–322, 617–712.

Тема 4. Социология и публичная сфера. Общественная роль социологии. Понятие публичной социологии

Проблема общественной миссии интеллектуала – постановка вопроса (А. Грамши, Ч.Р. Миллс, М. Фуко, Ю. Хабермас). Понятие публичной социологии: основные идеи программы М. Буравого. Разделение социологического труда: четыре типа знаний – профессиональное, критическое, прикладное и публичное. Связи между наукой и сообще-

ством, вклад социологии в защиту гражданского общества. Институциональная основа публичной социологии. Задачи, многообразие, статус публичной социологии. Социология как поле власти. Внешние силы и дилеммы. Публичная социология в эпоху глобализации. Публичная социология и постсоциализм.

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 290–322, 403–442.

Тема 5. Виртуализация публичной сферы

Принцип публичности в демократическом контроле за деятельностью государства. Формирование общественного мнения в публичной сфере. Манипулятивные технологии массмедиа и «необщественное мнение» (Ю. Хабермас). Виртуализация публичной сферы. Перспективы и ограничения развития публичной сферы посредством Интернет: сетевое общество (М. Кастельс). Альтернативный дискурс интернет-сообществ как традиция противостояния системе. Приватизация публичной медиасферы. Концепции гражданской/общественной журналистики. Партиципаторные медиа: пользователь как провайдер содержания.

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 23–100, 238.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 661–753.

Тема 6. Социологические исследования публичной сферы. Публичная политика. Публичная сфера как проект. Приемы исследования. Презентации эссе

Понятие публичной политики. Публичная сфера в условиях бюрократической стабилизации. «Новая публичность» и политическая компетентность. Навыки ведения переговоров, профессионализм в коллективном действии. Проблема общественно-политической автономии гражданского общества в условиях усиления корпоративизма. Новые вызовы публичной сферы: экспертиза и консалтинг в сфере публичной политики.

Визуальные методы в исследованиях публичной сферы, гражданского общества и в публичной социологии. Публичное пространство города и «публичные места». Феномен публичного искусства. Примеры креативных проектов публичной социологии. Art-Social-Science. Концепция *verbatim* и проекты театр.doc. Социологические, социально-антропологические фотовыставки.

Примеры исследовательских проектов. Обсуждение эссе по курсу в связи с аспектами публичной сферы: от исследования к публичной практике.

Основная литература

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 124–151, 172–188.
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011. С. 753–792.

9. Образовательные технологии

Занятия проводятся в форме интерактивных лекций и групповых дискуссий.

10. Оценочные средства для текущего контроля и аттестации студента

1) Тематика заданий текущего контроля

Темы домашних заданий и обсуждений на семинарских занятиях
(Даны примерные темы. Тема может быть согласована индивидуально.)

Тема 1. Введение

1. Опишите, в чем состоят тенденции к взаимопроникновению публичной и частной сфер.

2. Как вы понимаете идею о поляризации общественной и интимной сфер?

3. Прокомментируйте утверждение: «политика вмешательства публичной власти в отношении частных лиц возникает вследствие переноса в область политического такого рода конфликтов интересов, которые уже не могут быть разрешены лишь внутри частной сферы».

4. Как вы понимаете суждение «вследствие общественных гарантий семья лишается своего статуса частной сферы»?

5. Какие именно институты, обеспечивающие взаимосвязь публички как рационально-критически дискутирующей общности, уже не могут выполнять эти свои функции в результате трансформации публичной сферы?

Тема 2. Публичное/приватное в гендерном анализе

1. Объясните механизмы производства советского гендерного порядка, используя категории публичной и приватной сферы. Как вы понимаете выражение «Именно женщины создают границу семьи и социалистической публичной сферы»?

2. Объясните гендерный порядок в структурных элементах дискурса власти в официальной публичной сфере: нормативные и нормализующие суждения, а также в дискурсе повседневности на материале советского фильма (например, «Наша мама – герой» или «Мамин праздник»).

3. Рассмотрите характеристики гендерного порядка постсоветского периода, используя категории публичного и частного.

Тема 3. Публичная сфера и гражданское общество

1. Почему публичность является неотъемлемым признаком гражданского общества? Как гражданское общество связано с понятиями публичности и общности?

2. Можно ли рассматривать теневые экономические связи и неформальные сети граждан советского периода как элементы российского гражданского общества? Что такое дух общности? Как в гражданском обществе соотносятся личные и общественные интересы?

3. Как связаны реформы публичной политики и рост гражданского общества? Что такое «хорошее правление» и какая дилемма содержится в росте ответственности граждан за свое благополучие? Приведите пример из российского контекста. Свяжите эти мысли с рассуждениями о советском гендерном порядке.

4. В чем состоят критические аргументы в адрес переноса западной модели гражданского общества в постсоциалистические страны? Приведите пример из российского контекста. Свяжите эти идеи с подходом к изучению общности.

5. В чем заключается исследовательский потенциал и ограничения пространственного, функционального, оценочного и исторически-контекстуального подходов к изучению гражданского общества? Свяжите эти подходы с категориями «публичное/частное».

6. Проанализируйте различия в объяснении гражданского общества в «линии Локка» и «линии Монтескье». Раскройте идеи Антонио Грамши в отношении гражданского общества. Какую линию проводит О. Хархордин и в чем состоят ее преимущества и ограничения? Дополните аргументацию связями с категориями публичного/частного и идеями гендерного порядка.

7. Как можно применять дискурсивный подход к исследованиям гражданского общества и публичной сферы?

Тема 4. Социология и публичная сфера

1. Как вы понимаете различия в типах интеллектуалов: органический и традиционный, конкретный и универсальный, инсайдер и аутсайдер, легитиматор и интерпретатор? «Социология как знание – для кого и для чего?» Прокомментируйте эти вопросы в отношении разделения социологического труда. Прокомментируйте выражение «Оправданная точка социологии – это гражданское общество и защита общественного».

2. Прокомментируйте: «Стремление к публичной социологии усиливается, а ее воплощение затрудняется, когда социология поворачивается влево, в то время как мир сдвигается вправо». Поясните смысл понятий «инструментальное» и «рефлексивное» знание. Поясните, каким образом сочетание инструментального и рефлексивного

знания представляет потенциал публичной и прикладной интервенции. Каковы возможные формы этой интервенции?

3. Как вы понимаете проблему патологизации видов социологического знания (профессиональная, прикладная, критическая и публичная социология)?

4. Что представляет собой социология как поле власти? Какие факторы влияют на расстановку сил (т.е. факторы доминирования того или иного знания, направленности на аудиторию) в социологическом сообществе?

Тема 5. Публичная сфера как социальная коммуникация

1. Тождественны ли понятия «СМИ» и «публичная сфера»? Прокомментируйте: «Аудитории СМИ – потребители или граждане?»

2. Каковы механизмы формирования общественного мнения и какова роль в этом средств массовой информации?

3. Предоставляют ли современные российские СМИ равные условия для участия в обсуждении актуальных проблем общества для представителей всех слоев населения?

4. Каковы задачи и ресурсы, дилеммы, противоречия социальной, или гражданской, журналистики? Какие аргументы можно выдвинуть в поддержку идеи общественного телевидения?

5. Раскройте проблемы виртуализации публичной сферы.

2) Вопросы для оценки качества освоения дисциплины

1. Понятия публичной сферы, публичного пространства, публики
2. Возможно ли и как провести границу между понятиями «публичное» и «приватное»?

3. Смыслы дихотомии «публичное/приватное», основные авторы и традиции интерпретации публичности.

4. Особенности формирования публичной сферы в различных исторических контекстах.

5. Основные идеи работы Хабермаса «Трансформация публичной сферы».

6. Границы понятий публичной политики и публичной социологии.

7. Понятия жизненного мира и коммуникации, их взаимосвязь с публичной сферой.

8. Как связаны политика, идеология и социология?

9. Различные объяснения гендерного неравенства в дискурсе приватного/публичного.

10. Аспекты публичного и приватного в гендерной политике.

11. Определение публичной сферы по Хабермасу.

12. Что препятствует и способствует развитию публичной сферы. Проблемы упадка или факторы деформации публичной сферы.

13. Традиция определения гражданского общества и ее основатели (А. Монтескье, Б. Грамши, В. Локк).

14. Отличия функционального и пространственного подхода к определению гражданского общества.

15. Специфика антропологической трактовки гражданского общества.

16. Виды публик, их особенности согласно Хабермасу.

17. Феминистский пересмотр концепции публичной сферы.

18. Цифровая, виртуальная публичная сфера. Основные идеи интернет-коммуникации в социологии.

11. Порядок формирования оценок по дисциплине

В конце 3-го модуля выставляется итоговая оценка, которая складывается с учетом следующих весов: накопительная оценка по трем модулям (80%) + экзамен (20%).

Накопительная оценка:

Результаты текущего контроля 1-го модуля = 30%

Результаты текущего контроля 2-го модуля = 30%

Результаты текущего контроля 3-го модуля = 40%

Текущий контроль 1-го модуля:

Активность на семинарах = 40%

Подготовка письменных домашних заданий = 60%

Текущий контроль 2-го модуля:

Активность на семинарах = 30%

Подготовка письменных домашних заданий = 40%

Участие в ролевой игре «Редакция публичных социологов» = 30%

Текущий контроль 3-го модуля:

Активность на семинарах = 30%

Подготовка индивидуальных выступлений, пресс-релизов, докладов, обзоров = 10%

Эссе = 60%

Активность на семинарах:

За каждое занятие выставляется оценка по 10-балльной шкале, по сумме набранных студентами единиц за разные виды активности:

Оценка «0»: отсутствие на занятии

Оценка «1»: присутствие на 1 паре, без активности

Оценка «2»: присутствие на 2 парах, без активности

Оценка «5»: 5 ед.

Оценка «6»: 5,5 – 6 ед.

Оценка «7»: 6,5 – 7 ед.

Оценка «8»: 7,5 – 8 ед.

Оценка «9»: 8,5 – 10 ед.
Оценка «10»: 10,5 и больше ед.
Весы оцениваемой активности на семинарах:
присутствие на занятии – 1 – 2 ед.
выступление от группы – 2 ед.
вопрос – 1 ед.
ответ – 1 ед.
комментарий/содержательная реплика – 1 ед.

В текущем рейтинге «активность на семинарах» считается как отношение суммы оценок за каждое занятие к количеству прошедших семинаров в модуле (среднее).

На передаче студенту не предоставляется возможности получить дополнительный балл для компенсации оценки за текущий контроль, за исключением случая написания нового реферата.

12. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

1) Базовый учебник

1. Фомичева И.Д. Социология СМИ. М.: Аспект Пресс, 2012 // http://yanko.lib.ru/books/smi/fomicheva-soc_smi-2007-ann.htm
2. Йоас Х. Социальная теория. СПб.: Алетейя, 2011.
3. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издат. дом «Стратегия», 1998.

2) Основная литература

Тема 1

1. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издат. дом «Стратегия», 1998. Гл. «Абстрактный эмпиризм».
2. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Весна. С. 123–137.
3. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы. Гл. 5, 6 // Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (ред.) Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013.
4. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91 // http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_05.htm
5. Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedia Article // New German Critique. 1974. N 3. (Autumn). P. 49–55 // <http://links.jstor.org/sici?sici=0094-033X%28197423%290%3A3%3C49%3ATPSAEA%3E2.o.CO%3B2-Z>

Тема 2

6. Гапова Е. Феминистский проект в антропологии // Гендерные исследования. 2001. № 5 // <http://www.countries.ru/library/antropology/gender/femanthro.htm>

7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3/4. С. 299–323.

Тема 3

8. Засурский Я.Н., Варганова Е.Л., Засурский И.И. и др. Средства массовой информации постсоветской России: учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 2002. Разд. «Современная медиаструктура».

9. Салменниemi С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

Тема 4

10. Буравой М. За публичную социологию // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественная роль социологии. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

11. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издат. дом «Стратегия», 1998. Гл. «Типы практицизма», «Разум и свобода», «О политике».

Тема 5

12. Засурский Я.Н., Варганова Е.Л., Засурский И.И. и др. Средства массовой информации постсоветской России: учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 2002. Разд. «Журналистика и общество: балансируя между государством, бизнесом и общественной сферой».

13. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996. Гл. 1. Гипотеза спирали молчания.

14. Трахтенберг А.Д. Рунет как «публичная сфера»: хабермасианский идеал и реальность // Политэкс. 2006. № 2 // <http://www.politex.info/content/view/232/30/>

Тема 6

15. Здравомыслова Е. Кафе «Сайгон» как общественное место // http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf

16. Воронкова Л. «Социологические выставки»: визуальные презентации в социальных науках // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Визуальная антропология: настройка оптики. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

17. Шматко Н. Феномен публичной политики // «Социологические исследования». 2001. № 7. С. 106–112 // http://sociologos.net/textes/chmatko/politique_publique.htm

3) Дополнительная литература

Тема 1

1. Абельс Х. Ирвинг Гофман: Техники презентации // Головин Н.А. (сост.) Социологическая теория: классические тексты и современные дискуссии. Русско-немецкая хрестоматия. 2001 // [http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/abels/r_abels1\(hoffmann\).html](http://www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/abels/r_abels1(hoffmann).html)
2. Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
3. Арендт Х. Ситуация человека. Разд. 24–26 главы V // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 131–141.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру: пер. с англ. М.: Логос, 2003.
5. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс Ц, 2000.
8. Ленуар Р. Социальная власть публичного выступления // S/Л'98. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 167–192 // <http://sociologos.net/textes/lenoir.htm>
9. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос, 2002.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.; СПб.: Медиум-Ювента, 1997.
12. Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere / transl. by Peter Labanyi, Jamie Owen Daniel, and Assenka Oksiloff. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1993. Ch. On the Dialectic between the Bourgeois and the Proletarian Public Sphere. P. 54–94.

Тема 2

13. Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сб. науч. статей. СПб.: ЦНСИ. 1996. С. 3–96.
14. Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст // <http://www.cisr.ru/wp3.html>
15. Здравомыслова Е. Политика идентичности правозащитной организации «Солдаты матери Санкт-Петербурга» // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

16. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // <http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik4/vveden4.htm>

17. Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера: пер. с англ. // Кледин А. (ред.) Гендерные тетради. СПб.: Труды СПбФ ИС РАН, 1997. Вып. 1. С. 94-124.

18. Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956–1986). Случай Ленинграда // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: сборник науч. статей. Центр независимых социальных исследований. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 61–81 // <http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik4/sonja4.htm>

20. Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. New York: Morrow, 1935.

Тема 3

21. Белокурова Е.В. Концепция гражданского общества в российском прочтении. Обзор публикаций последних лет // Михалева Г.М., Руженков С.Л. (ред.) Граждане и власть: проблемы и подходы. СПб.: Летний сад, 2001. С. 30–47.

22. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4 // http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_05.htm

23. Петренко Е.С. (ред.) Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008.

24. Гражданское общество на Европейском Севере: понятие и контекст // <http://www.cisr.ru/wp3.html>

25. Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 88–94.

26. Леденева А. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4 // <http://uisrussia.msu.ru/redirect.asp?class=ArticleAppendix&id=55641&lang=r>

27. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

28. ООН и гражданское общество // <http://www.un.org/russian/partners/index.html>

29. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Московская школа политических исследований: Ad Marginem, 1996 // <http://pubs.msps.ru/map.html>

30. Умланд А. Концепция «негражданского общества» и постсоветская Россия // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Обществен-

ные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 137–163.

31. Яницкий О. Фазы развития российского экологического движения и его публичной активности // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 11–28.

Тема 4

32. Бек У. Как не превратиться в музейный экспонат // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 113–122.

33. Буравой М. Выковывание глобальной социологии снизу // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

34. Буравой М. Публичная социология versus рынок // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

35. Буравой М. Публичная социология прав человека // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. X. № 4. С. 27–44.

36. Вон Д. О релевантности этнографии для производства публичной социологии и практических действий // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 123–129.

37. Закирова М. Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга) // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 180–206.

38. Здравомыслова О. Переосмысливая опыт: российские гендерные исследования на пути к публичной социологии // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 164–180.

39. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008.

40. Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. М.: Практика, 2002.

41. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 3. С. 5–13.

42. Этциони А. Заметки для публичных социологов // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Общественная роль социологии*. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2008. С. 130–136.

43. Touraine A. *Public Sociology and the End of Society* // Clawson D., Zussman R. et al. (eds.) *Public Sociology. Fifteen Eminent Sociologists Debate Politics and the Profession in the Twenty-first Century*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2007. P. 67–78.

44. Wallerstein I. The Sociologist and the Public Sphere // Clawson D., Zussman R. et al. (eds.) Public Sociology. Fifteen Eminent Sociologists Debate Politics and the Profession in the Twenty-first Century. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2007. P. 169–175.

45. Jeffries V. Redefining the Nature and Future of Sociology: Toward a Holistic Sociology // Jeffries V. (ed.) Handbook of Public Sociology. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. P. 1–26.

Тема 5

46. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. № 3-4. С. 193–226.

47. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

48. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Ин-т экспериментальной социологии, 2002.

49. Галумов Э.А. Инфоколониализм. М.: Известия, 2007.

50. Дзялошинский И. Масс-медиа: репрессивная система коммуникации // Альманах «Лаборатория рекламы». 2003. № 6 // <http://www.24text.info/?open=sSWis>

51. Иванов Д. Виртуализация общества: Version 2.0. СПб.: Петербург. Востоковедение, 2002.

52. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-фактория, 2004.

53. Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

54. Костинский А. «Живой журнал» Интернета // Радио «Свобода». 2004. 17 мая // <http://www.svoboda.org/programs/sc/2004/sc.051704.asp>

55. Протасов П. П@утина. Вып. 55 // Русский журнал. 2006. 23 янв. // http://www.russ.ru/columns/net/108552674?user_session=025cfac6a8ebe15a10741922f19ea125

56. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос 2005.

57. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125 // <http://www.socjournal.ru/article/175>

58. Маркузе Г. Одномерный человек. Киев: Port-Royal, 1994.

59. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Михайлов, 2002.

60. Трахтенберг А.Д. СМИ как мифопорождающая система: «Миф о величии электричества» в американской культурной традиции // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 4. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2003.

61. Эко У. О прессе // Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 1998.

Тема 6

62. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009. С. 7–14.

63. Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) Визуальная антропология: настройка оптики. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

64. Глазычев В. Поэтика городской среды // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986 // http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1986_poetika.htm

65. Живая площадь // http://www.cisr.ru/files/news/Exhibition%20Square/Rus_Whole_exhibit_concept.doc

66. Закирова М. Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга) // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Общественные движения в России – точки роста, камни преткновения. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

67. Инвалиды в большом городе // Радио Свобода. 10.07.2009 // <http://www.svobodanews.ru/content/article/1768798.html>

68. Панях Э. Петербургские кафе – география неформального общения// Вагин В.В. (ред.) Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: МОНФ, 2000 // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/303773/panyah.pdf>

70. Данилова Н.Ю., Гурова О.Ю., Жидкова Н.Г. (ред.) Публичная политика: от теории к практике. СПб: Алетейя, 2008.

71. Социологические прогулки. Город ногами социолога // <http://www.urban-club.ru/>

4) Справочники, словари, энциклопедии

A Dictionary of Sociology

<http://library.hse.ru/e-resources/e-resources.htm>

в онлайн ресурсах библиотеки – Oxford Reference online

Ritzer G. (ed.) **The Blackwell Encyclopedia of Sociology**. Wiley-Blackwell, Oxford, 2007.

5) Дистанционная поддержка дисциплины

Электронный ридер по курсу, содержащий программу курса, основные и дополнительные тексты, примерные темы эссе вопросы к экзамену: в системе LMS, а также на общедоступном ресурсе www.publicsphere.narod.ru/

13. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Для проведения всех лекционных и семинарских занятий требуется медиапроектор.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вербилевич Ольга Евгеньевна – магистр социологии, аспирант факультета социологии; сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Иванова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент отделения культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Иконникова Наталия Кирилловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Маркина Валерия Михайловна – магистр социологии, аспирант кафедры общей социологии; сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Присяжнюк Дарья Игоревна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романов Павел Васильевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; директор Центра социальной политики и гендерных исследований, Саратов; главный редактор Журнала исследований социальной политики, Москва, Россия

Семенов Андрей Владимирович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой Новой истории и международных отношений Института истории и политических наук, Тюменский государственный университет, Россия

Трубина Елена Германовна – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-политических наук, Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Тягунова Татьяна Васильевна – докторант, Университет им. М. Лютера Халле-Виттенберг, Германия

Усманова Альмира – кандидат философских наук, профессор департамента медиа, Европейский гуманитарный университет, Вильнюс, Литва

Хартблей Кассандра – докторант, преподаватель кафедры антропологии, Университет Северной Каролиной в Чапел Хилле, США

Шпаковская Лариса Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна – доктор социологических наук, PhD, профессор кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований, Саратов, Россия

Ясавеев Искэндэр Габдрахманович – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Магистратура «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций»

Факультет социологии НИУ ВШЭ с 2009 года осуществляет подготовку высококлассных специалистов-социологов в рамках магистерской программы «**Социология публичной сферы и социальных коммуникаций**». Преподавание ведут известные российские и зарубежные ученые-социологи, а также представители российской политики и журналистики – В. Ядов, Н.Покровский, А. Гофман, Л. Дробужева, Дж. Урри, Дж. Александер, М. Буравой, Г. Явлинский, Л. Млечин, С. Сорокина.

На занятиях магистранты получают теоретические и методологические знания по социально-экономическим дисциплинам, овладевают практическими навыками проведения социологических исследований в области социальной рекламы, PR, GR, социального маркетинга и социального менеджмента и презентации результатов разным аудиториям.

Обучение ведется на русском и английском языках, магистранты сами могут формировать свои учебные планы и выбирать курсы из широкого пула элективных дисциплин, предлагаемых факультетами НИУ ВШЭ. Учебные программы НИУ ВШЭ признаны десятками ведущих зарубежных университетов, что позволяет реализовывать программы двойных дипломов и «перекрестного образования». Участие в исследовательских проектах, возможности подготовки публикаций, выступления на российских и международных конференциях и других публичных площадках позволяют студентам уже во время обучения интегрироваться в профессиональное сообщество.

В ходе обучения студенты становятся профессионалами, способными выполнять публичные функции социологов – быть исследователями и медиаторами, обладающими навыками работы с представителями органов власти, СМИ, бизнес-структур и гражданского общества по наиболее актуальным вопросам. Выпускники магистерской программы работают в крупных международных компаниях, фондах, правительственных и неправительственных организациях, научных центрах в России и за рубежом.

НИУ ВШЭ приглашает выпускников из всех регионов России и стран СНГ продолжить свое образование в одном из лучших вузов страны и предоставляет для этого лучшие условия: бюджетные места; общежитие всем иногородним и иностранным студентам; стипендии, возможность получения исследовательских грантов и дополнительных стипендий; гибкая система скидок при обучении на коммерческой основе.

Контакты:

Тел.: 8 (499) 152 02 31 E-mail: officesociolog@ya.ru

WWW: <http://soc.hse.ru/gsoc/> VK: <http://vk.com/public26703079>

http://vk.com/public_sphere

FB: <http://www.facebook.com/pages/Sociology-of-public-sphere-and-social-communications/290816787604165>

Ярская-Смирнова Е.

Создание академического текста:

учеб. пособие
для студентов
и преподавателей вузов

М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ,
2013. 156 с.

ISBN 978-5-903360-86-4

Сегодня в России формирование навыков специализированной письменной речи все чаще становится отдельной педагогической задачей в различных образовательных программах университетов, колледжей и школ, все больше преподавателей понимают важность развития в учебном процессе умений, необходимых для создания академического текста. Учебное пособие основано на многолетнем авторском опыте и представляет собой систему методических разработок различного уровня сложности, которую можно использовать целиком как основу спецкурса или по частям – для решения отдельных задач в преподавании разных дисциплин. Несмотря на то, что книга адресована прежде всего студентам, изучающим социологию и социальную работу, а также преподавателям соответствующих факультетов, она может быть полезна и участникам иных образовательных программ.

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

07(8452)526638 admin@socpolicy.ru www.socpolicy.ru

ПРОФЕССИИ
социального государства

Профессии социального государства

Под ред. П.В. Романова
и Е.Р. Ярской-Смирновой

М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ,
2013. 360 с.

ISBN 978-5-903360-76-5

В книге обсуждаются изменения ценностных систем различных профессиональных групп, а также противоречия и конфликты идеологий, вовлеченных в поддержание государства всеобщего благосостояния. Профессионализм трактуется здесь как система ценностей и идеология в контексте социальной политики. Авторы рассматривают, как меняется характер власти профессионалов в современном обществе, степень их независимости от государства и рынка, основания для консолидации специалистов и модусы их взаимодействия с потребителями услуг, проблемы ответственности профессионалов перед обществом, мотивации к действиям в интересах общества. В книге представлены исследования классических профессий (врачи, учителя), новых видов занятости (фандрайзеры, школьные театральные педагоги, социальные рекламисты) и маргинальных квазипрофессиональных групп (попрошайки). Издание продолжает серию книг по антропологии профессий и социальной политике, оно адресовано социологам, культурологам, социальным антропологам, историкам и философам, исследователям культуры и управления, – всем тем, кого интересуют вопросы производства знания, труда и работы, определения профессионализма, особенности жизненного мира и социального статуса разнообразных видов занятий в контексте развития социального государства в современной России.

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

07(8452)526638 admin@socpolicy.ru www.socpolicy.ru

Научное издание

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, КЕЙС СТАДИ
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
*Елены Ярской-Смирновой,
Павла Романова*

Редактор:
Надежда Рычкова

Дизайн обложки:
Наталья Феоктистова

Макет:
Андрей Шиманский

ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19
E-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать: 26.03.2013.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печ. листов 22,5. Тираж 1000 экз.
Заказ №175.

Отпечатано в ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.